РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт археологии

И.Л. Кызласов

РУНИЧЕСКИЕ ПИСЬМЕННОСТИ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
1994

ББК 63.2
К97

Ответственный редактор
Э.Р. Тенишев

Редактор издательства
Л.С. Ефимова

Издание
Хакасской археологической экспедиции

Кызласов И.Л.

К97 Рунические письменности евразийских степей. – Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. – 327 с.: ил.
ISBN 5-02-017741-5

Автор исследует самобытные письменные культуры в раннесредневековых государствах тюркоязычных народов. На основании палеографического анализа всего массива известных рунических надписей выявлена множественность применявшихся в них алфавитов, объединяемых в две группы: евроазиатскую (донской, кубанский, ачикташский, исфаринский и южноенисейский алфавиты) и азиатскую (орхонский, енисейский и таласский алфавиты). Автор показывает, что каждый алфавит являлся культурно-политическим, государственным признаком. Определение древнего построения орхонского алфавита изменяет представления о числе его знаков, природе, истории и происхождении рунического письма.

К $\frac{0504000000-080}{013(02)-94}$ 24-94 ББК 63.2

ISBN 5-02-017741-5

© И.Л. Кызласов, 1994

Эту книгу автор посвящает светлой памяти своего деда Романа Афанасьевича Кызласова (1896-1938 гг.), благородству и мужеству всех борцов за культурную революцию и возрождение коренных народов Сибири

ПРЕДИСЛОВИЕ

Актуальность проблемы изучения степных рунических письменностей определяется сохраняющейся в исторической и филологической науках неравномерностью аналитического освоения различных письменных источников древности и средневековья. Среди многообразных письменных памятников, имеющих прямое отношение к истории нашей многонациональной страны, именно рунические надписи изучены менее остальных. Между тем эти материалы имеют первостепенное научное значение в силу целого ряда только им присущих особенностей. Во-первых, они принадлежат тем средневековым обществам, сообщения о которых в иных письменных источниках весьма скудны или полностью отсутствуют. Во-вторых, относясь к эпохе становления и развития феодальных государств раннего средневековья — эпохе, столь существенной в этно- и культурогенезе современных народов, — они объединяют огромные пространства Европы и Азии. В-третьих, они являются древнейшими известными памятниками, фиксирующими тюркоязычную речь.

Положение осложняется тем обстоятельством, что тюркология — молодая отрасль языкознания и в значительной мере уступает в разработке основных и вспомогательных направлений исследования историческому и филологическому изучению письменных памятников и народов индоевропейской, семито-хамитской или китайско-тибетской языковых семей. Кроме того, в самом тюркологическом руноведении существует явная и вполне понятная неравномерность изучения памятников письменности. И лингвистов, и историков прежде всего влекут многострочные тексты орхонских памятников, содержащие достаточно обильный филологический и исторический материал. Относительно пространные енисейские эпитафии привлекают уже заметно меньшее внимание. Весьма незначительное место в изысканиях занимают краткие и довольно редкие надписи Средней Азии и Восточной Европы. Между тем именно в сфере изучения истории живых тюркских языков этих областей ныне наблюдаются наиболее активные поиски.

Осуществлению как частных, так и общих работ по степной рунологии серьезно препятствует неразработанность палеографии надписей. Это задерживает не только историко-культурное, но и чисто филологическое изучение материалов. Многочисленные и чрезвычайно разнообразные по характеру попытки прочтения восточноевропейских и многих азиатских рунических надписей оказались неудачными. Причина заключается в произвольности предлагавшихся для буквенных знаков фонетических соответствий. Осознание ситуации привело к тому, что исследователи начали отказываться от попыток их прочтения.

Таким образом, острейшей необходимостью тюркологической рунологии является анализ основ древней письменности, и прежде всего — установление применявшихся в ней алфавитных систем. Это будет способствовать дальнейшему продвижению исследовательского поиска в области исторической и филологической науки.

Цель работы, предлагаемой вниманию читателей, состоит в выработке новых источниковедческих подходов к памятникам рунической письменности степной зоны Евразии, позволяющих понять их как самостоятельное явление в истории письменности и как совокупность проявлений конкретных историко-культурных процессов вполне определенных средневековых обществ. Ради этого необходимо было решить задачи двоякого рода.

Первый круг задач, непосредственно связанный с исследованием письменных памятников, заключал в себе:

— палеографическую систематизацию надписей;

— выявление наборов составляющих их знаков;

— сопоставление выделенных алфавитов между собою и с теми письменностями, которые традиционно соотносятся с руническими надписями, для определения родственных алфавитов и их групп;

— определение правомерности предлагаемых в литературе фонетических соответствий письменным знакам, составляющим вновь выделяемые алфавиты;

— установление пути оправданных поисков таких соответствий;

— выявление ареалов каждой рунической письменности;

— выделение следов взаимовлияния различных рунических азбук, одновременно существовавших на общей террритории;

— разработку основных этапов истории каждой рунической письменности;

— создание начальной характеристики материалов и инструментов для письма и начертательных особенностей надписей каждого алфавита.

Второй круг задач общего историко-культурного плана требовал:

— определить время бытования каждого письма;

— соотнести письменные памятники с археологическими культурами;

— установить связи каждого алфавита с известными раннесредневековыми государствами и определить носителей письма;

— определить статус каждой письменности и сферы ее применения в том или ином государстве;

— выявить отражение государственных письменных норм в памятниках официального содержания.

Сбор и анализ источников исследования потребовали проведения полевых раскопочных и маршрутных работ, архивных, музейных и кабинетных изысканий. Необходимо было также отработать приемы изучения оригиналов надписей и методы их точного копирования.

Как представляется, публикуемые ныне результаты проделанной работы позволяют наметить новое для тюркологической рунологии источниковедческое направление, базирующееся на двух взаимосвязанных концепциях — положении о множественности степных рунических алфавитов и признании соответствия каждому из них конкретного государственного образования. Производным является заключение о сосуществовании рунических письменностей с различным статусом — государственным и неофициальным, создающее новые возможности для исторического и лингвистического анализа памятников. Формируемое направление закладывает основу для изучения письменности на разном источниковедческом уровне — общем грамматологическом и конкретно-палеографическом. Открываются новые, ранее не существовавшие возможности как перед историко-культурными исследованиями, так и перед филологическими изысканиями самого широкого профиля — от познания закономерностей отражения на письме звуковых особенностей речи до характеристики ранних форм литературных языков населения вполне определенных тюркоязычных государственных образований средневековья.

Применение словосочетания «рунические письменности» требует определенных пояснений. Термин «рунический» здесь весьма условен. В современной литературе он обозначает не только германские руны, но и древнетюркские письменности, и венгерское секельское письмо. Распространившись из-за первоначального ошибочного понимания истории этих письменностей и кажущейся их внешней связи с собственно германскими рунами, название ныне применяется и к целому ряду древних и средневековых письмен Европы и Азии, чья языковая принадлежность и исторические связи не всегда ясны. В отношении негерманских надписей замена определения «рунический» на «руноподобный» была бы справедливой. Однако думается, что она не может изменить ситуацию, понятие «рунический» все более приобретает значение, характеризующее не конкретный алфавит или группу близких алфавитов, а тип письменности, стадиально предшествующий скорописному (курсивному) написанию и внешне отличный от известных греческих или латинских производных (подробнее об этом см. гл. IV). Сказанное не избавляет от необходимости терминологически обозначить исследуемые здесь письменные системы. Именовать их «тюркскими рунами», по-видимому, неверно, так как вполне вероятна иная языковая принадлежность хотя бы

части подобных надписей и Европы, и Средней Азии. Особенно очевидна, пожалуй, несмотря на то что твердые доказательства ныне не могут быть представлены, заведомая нетюркоязычность тех письмен, которые послужили предтечей самобытных средневековых тюркоязычных алфавитов. Чтобы отличать их от скандинавских рун, предлагаем для наших памятников географическое определение, проистекающее из их распространения в степном поясе Евразии, — «степные рунические письменности», или «степные руны».

В литературном языке слово «письменность» почти никогда не употребляется во множественном числе. Оно принадлежит к группе слов, так называемых singularia tantum, от которых, однако, при необходимости эта форма грамматически может быть образована и обозначает разные виды, сорта, варианты соответствующего объекта[1]. Употребление слова «письменность» во множественном числе встречается в специальной языковедческой литературе для обобщенного наименования различных графических систем или групп письменных памятников. Для примера укажем на труды такого авторитетного лингвиста-тюрколога, как С.Е. Малов, а за пределами тюркологии — на книгу И.М. Оранского[2]. Выдвинутая в настоящей работе гипотеза о множественности рунических алфавитов и соответствующих им самостоятельных групп письменных памятников объективно отрицает былые представления о некой единой древнетюркской письменности. Поэтому употребление слова «письменность» в форме единственного числа не только не способствует правильному отражению анализируемой историко-культурной ситуации, но и дает возможность для неверного ее понимания. Поскольку форма множественного числа лишена таких недостатков и отвечает требованиям ясного изложения и восприятия материалов исследования, автор этой книги позволил себе ее использовать.

Автор глубоко признателен коллегам, щедро предоставившим для изучения полученные при полевых изысканиях письменные памятники или указавшим местонахождения наскальных надписей, до этого нередко еще не опубликованных: С.А. Плетневой, Г.Е. Афанасьеву, В.Е. Нахапетян, Е.И. Беспалому, Л.С. Ильюкову, Л.М. Левиной, В.Ф. Капелько, Э.А. Севастьяновой, Н.В. Леонтьеву, Л.Р. Кызласову.

Исследование музейных собраний не было бы возможным без доброжелательного, высоко ценимого автором содействия М.П. Завитухиной, З.А. Львовой, А.И. Семенова, Б.И. Маршака, Г.Л. Семенова, Н.В. Дьяконовой, Е.И. Лубо-Лесниченко, Н.В. Леонтьева.

Автор особо благодарен за весьма плодотворные для работы над этой книгой обсуждения затронутых в ней проблем Э.Р. Тенишеву, А.М. Щербаку, И.В. Стеблевой, И.В. Кормушину, Б.Я. Ставискому, Г.А. Кошеленко, В.Л. Егорову, А.А. Медынцевой. И более всего автор обязан Светлане Александровне Плетневой, коей с начала и до конца вдохновлялась и неустанно поддерживалась эта работа.

Самой возможностью донести результаты своего труда до заинтересованного читателя автор обязан Совету Министров Республики Хакасия, взявшему на себя все расходы по изданию этой книги. Разработка проблемы гл. III осуществлена при поддержке фонда «Международная инициатива».

Высокопрофессиональные усилия сотрудников издательства «Восточная литература» позволяют ныне отметить выходом этого тома юбилей 100-летия дешифровки древнетюркской рунической письменности.

[1] См.: *Зализняк А.А.* Русское именное словоизменение. М., 1967, с. 57, 58, § 2, 12.

[2] *Малов С.Е.* Таласские эпиграфические памятники. — Материалы Узкомстариса. М.—Л., 1936, вып. 6, 7, с. 37; *он же.* Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, с. 126; *он же.* Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, с. 6; *он же.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, с. 67; *Оранский И.М.* Введение в иранскую филологию. М., 1960 (второе издание — М., 1989).

ВВЕДЕНИЕ

«К сожалению, очень мало внимания уделяется у нас древним алфавитам. Между тем и здесь можно обнаружить хотя бы в предварительном плане интереснейшие явления». Эти слова более сорока лет назад написал на завершающей странице своего эпохального сибиреведческого труда С.В. Киселев[1]. Выраженные в них сожаление и надежда могут быть в полной мере адресованы и современной науке.

Еще на заре отечественной тюркологии исследователи систематизировали письменные памятники в соответствии с употребленными при их создании алфавитами. Ныне известны тюркоязычные тексты, написанные на рунических, уйгурском, арабском, манихейском, брахми, латинском, греческом, кириллическом, армянском, согдийском, сирийском, тибетском алфавитах и начертанные китайскими иероглифами[2].

Значительны успехи востоковедения в изучении наиболее древней тюркоязычной письменной системы — так называемой рунической. Однако источниковедческие позиции исследователей были весьма различны. С самого начала на стадии дешифровки тогда неведомой системы письма активно преобладал широкий сравнительно-типологический подход к палеографическому материалу. В результате было многое сделано для того, чтобы выявить различия внутри этой системы. В.В. Радлову принадлежит мысль о существовании двух самостоятельных алфавитов — енисейского и орхонского[3]. Подобный подход к оценке письменных систем проявился при открытии следующей новой группы рунических памятников в Семиречье. При первом же прочтении этих надписей С.Е. Малов ясно высказался за существование третьего алфавита — таласского[4].

Однако в целом в тюркологии возобладал иной подход, при котором енисейские, орхонские и таласские письмена воспринимались как локальные особенности единой письменности, называемой орхоно-енисейской. Основаниями для такого излишне обобщающего взгляда были, надо полагать, с одной стороны, действительная близость основного буквенного состава этих трех алфавитов, с другой — значительное сходство языка выполненных ими надписей[5].

Следствием подобной источниковедческой установки стали явления двух порядков.

В языкознании численно возобладали попытки прочтения практически любых руноподобных надписей степной Азии и Европы на основе фонетических соответствий, установленных для орхоно-енисейских знаков. Исследователей подчас не останавливает не только явное палеографическое несходство текстов, отсутствие связующих звеньев между сопоставляемыми находками, подчас разделенными тысячами километров, но и тысячелетние хронологические несоответствия сближаемых памятников. Следует признать, что работы такого типа представляют прямую опасность для авторитета тюркологической науки.

Нечто подобное произошло и со взглядами на характер рунических памятников Европы. Со времени изучения надписей надьсентмиклошского клада В. Томсеном появилось мнение о несходстве звукового значения составляющих их знаков с орхоно-енисейскими, конкретизированное в работах Ю. Немета. Несмотря на проводимое исследователем, вслед за А.М. Щербаком[6], расчленение буквенного состава этого письма («печенежского») и других начертаний Южной Европы («хазарского» и «венгерского»), были сделаны попытки применить фонетические определения надьсентмиклошских начертаний для прочтения отдельных надписей Восточной Европы[7]. Предложено и прочтение всех рунических надписей степной зоны Европы в качестве вариаций единого «западнотюркского алфавита»[8], фактически перенесшее на этот материал излишне обобщенный источниковедческий подход, сформировавшийся у тюркологов, изучавших рунические памятники Азии. Вместе с тем развивалась и другая тенденция: постижение палеографических расхождений различных памятников привело к отказу от их прочтения на основании известных источников[9].

В палеографии сложилась иная ситуация. Содержание ставших весьма редкими сравнительно-палеографических экскурсов было, пожалуй, направлено на показ незначительности расхождения таласских, енисейских и орхонских памятников. Гипотеза, объясняющая основные палеографические различия орхонских и енисейских надписей эволюцией единого рунического алфавита, была наиболее полно и аргументированно представлена в специальной работе И.В. Кормушина в 1975 г.[10]. Из этого положения исходит и исследование Д.Д. Васильева, обобщающее известные формы рунических знаков Азии и сводящее их различия лишь к существованию местных письменных школ[11]. Рунические памятники Европы до сих пор не получили специального палеографического исследования. Намеченное А.М. Щербаком и Ю. Неметом алфавитное членение[12] не получило развернутой аргументации в работах последователей[13]. Единственное монографическое исследование этих материалов С.Я. Байчоровым направлено на то, чтобы, несмотря на признание самостоятельности развития графики письма по регионам, обосновать (подобно взгляду на орхонские, енисейские и таласские надписи), что «до нас дошли памятники разных школ, но одного и того же письма»[14].

Объективно такой источниковедческий подход не только не способствует развитию палеографических исследований, но, напротив, умаляет их значение. Закономерным проявлением этого явилось утверждение в руноведении локального принципа в сводных изданиях памятников. Так, в первом выпуске «Корпуса тюркских рунических надписей», осуществленном Комитетом советских тюркологов, палеографическое понятие «енисейские надписи» подменено понятием «надписи бассейна Енисея», совершенно независимым от алфавитной принадлежности конкретного письменного материала[15]. Несмотря на внешнюю глубокую традиционность подобного локального подхода, впервые примененного экспедициями И.Р. Аспелина, А.О. Хайкеля и В.В. Радлова[16], нельзя упускать из виду, что при современном состоянии руноведения географический подход к формированию томов не может быть научно аргументирован. Отсутствие в них палеографической систематизации материала не способствует даже ареальным исследованиям.

Следует признать, что тюркология все еще не вступила на путь, намеченный С.Е. Маловым в 1952 г. Исследователь включил в обобщающий труд «Енисейская письменность тюрков» тексты, выполненные енисейским руническим письмом, независимо от их географического положения (из Хакасии, Тувы, Монголии), т. е. руководствовался строгими палеографическими критериями при отборе изучаемых памятников. Исследовав тексты одного средневекового енисейского государства, С.Е. Малов удачно совместил палеографический и историко-политический подход к вычленению письменных памятников[17]. Пишущий эти строки убежден, что наиболее плодотворным для тюрколога-историка и для тюрколога-языковеда является прежде всего изучение письменных памятников в рамках той или иной алфавитной системы — енисейской, орхонской, таласской или иной — в единственно тех географических рамках, которые совпадают с ее реальным ареалом. Решению этой задачи и должны способствовать сводные издания памятников.

Возможности сравнительно-палеографического метода исследования рунических памятников степной зоны Евразии далеко не исчерпаны. Конкретно-источниковедческий подход обязывает начать изучение этого материала с установления его письменных основ — определения тех алфавитов, которыми выполнены надписи. В настоящей работе изложены основания для выделения ряда степных рунических алфавитов, до сих пор не вычленявшихся востоковедами. Эти алфавиты обнаруживаются как среди рунических памятников Европы и Средней Азии (регионов, все еще не получивших достаточно широких руноведческих исследований), так и среди давно изучающихся и, казалось бы, хорошо знакомых подобных материалов Южной Сибири, Центральной Азии и Семиречья.

Сопоставление и классификация выделяемых алфавитов способствовали их объединению в две самостоятельные группы. Это

дало возможность по-новому представить основы происхождения и ранней истории древних тюркоязычных письменных систем (в отношении азиатских рунических письменностей эти процессы удалось значительно конкретизировать при рассмотрении строя орхонского алфавита, выявленного по сохранившимся его записям). Имеющийся материал позволил произвести начальное палеографическое исследование памятников каждого из степных алфавитов Евразии. Предложено и историческое осмысление многообразной картины раннесредневековой письменной культуры.

В книге выдвигаются две взаимосвязанные концепции. Первая состоит в признании множественности рунических письменностей степной зоны Евразии. Вторая — в признании того, что за каждым из алфавитов стоит определенное раннесредневековое государство. Обе источниковедческие посылки открывают новые возможности как для многообразного исторического, так и филологического изучения степных рунических памятников.

В данной работе не предлагается специальный историографический обзор. Это обусловлено спецификой применяемого анализа источников. Излагаемые положения в большинстве своем противоречат традиционным оценкам. Аргументы предшественников разбираются в каждом разделе книги. Вместе с тем здесь во многом реализуются давние источниковедческие посылки, заложенные трудами тюркологов, не располагавших известными ныне источниками, прежде всего В.В. Радлова, С.Е. Малова, Ю. Немета, А.М. Щербака.

Сводных изданий надписей, изучение которых дало бы возможность выделить новые алфавиты, не существует, поэтому книга пополнена описанием истории изучения каждого отдельного письменного памятника (см. Приложение). Малоизвестность или неизданность ряда надписей определяет необходимость их описания в том же Приложении.

Выделение новых алфавитов потребовало представить свод характеризующих каждый из них письменных памятников. Такая, по возможности полная палеографическая систематизация эпиграфических материалов представлена в Приложении. Даны краткие сведения о надписях[18], воспроизведение каждой из них и относящаяся к ним основная библиография. Подобную работу предстоит выполнить и для трех рунических письменностей — орхонской, енисейской и таласской, — составляющих азиатскую группу степных письмен. Созданию такой классификации ныне препятствует неполная публикация памятников, прежде всего найденных на территории Монголии, Восточного Туркестана, Алтая, как и практически полная неизученность восточносибирских — ленских и прибайкальских — надписей.

[1] *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. — МИА. 1949, т. 9, с. 362; *он же.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 638.

[2] *Кононов А.Н.* П.М. Мелиоранский и отечественная тюркология. — СТ. 1970, № 1, с. 20, 21.

[3] *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Lief. 3. St.-Pbg., 1895, с. 301.

[4] *Малов С.Е.* Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна р. Талас. — ИАН, отд. гуманитарных наук, 1929, с. 80; *он же.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, с. 57.

[5] *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, с. 6.

[6] *Thomsen V.* Une inscription de la trouvaille d'or de Nagy-Szent-Miklós. — Samlede Afhandlinger. København, 1922, т. 3; *Németh J.* Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklós (Bibliotheca Orientalis Hungarica. II). Budapest—Leipzig, 1932; *он же.* The Runiform Inscriptions from Nagy-Szent-Miklós and the Runiform Scripts from Eastern Europe. — Acta Linguistica. Budapest, 1971, т. 21, fasc. 1—2; *Щербак А.М.* Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. — СА. 1954, 19, с. 269—271, 278.

[7] *Кляшторный С.Г.* Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки. — СА. 1979, № 1.

[8] *Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники Европы. Отношение северокавказского ареала древнетюркской рунической письменности к волго-донскому и дунайскому ареалам. Ставрополь, 1989.

[9] *Németh J.* The Runiform Inscriptions, с. 43, 45, 47, 50; *Щербак А.М.* О рунической письменности в Юго-Восточной Европе. — СТ. 1971, № 4, с. 77, 78; *Kljaštornyi S.G., Vásáry I.A.* Runic Inscription on a Bull-Skull from Volga Region. — Between the Danube and the Caucasus. Budapest, 1987, с. 173.

[10] *Кормушин И.В.* К основным понятиям тюркской рунической палеографии. — СТ. 1975, № 2.

[11] *Васильев Д.Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. М., 1983.

[12] *Щербак А.М.* Несколько слов, с. 277, 278; *Németh J.* The Runiform Inscriptions, с. 37—50.

[13] См., например, последнюю по времени работу С.Г. Кляшторного и И. Вашари (см.примеч. 9).

[14] *Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники, с. 281.

[15] *Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. М., 1983.

[16] Inscriptions de l'Iénisseï recueillies et publiées par la Société Finlandaise d'Archéologie. Helsingfors, 1889; Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'Expédition finnoise 1890 et publiées par la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors, 1892; *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Lief. 1—3, St.-Pbg., 1894—1895.

[17] *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков, с. 7.

[18] В Приложении изображения надписей размещены под их индексами, поэтому в тексте работы дополнительных ссылок на эти воспроизведения не делается.

Глава I

ЕВРОАЗИАТСКАЯ ГРУППА РУНИЧЕСКИХ АЛФАВИТОВ

Из рунических надписей, найденных в Восточной Европе, первыми привлекли внимание тюркологов строки, некогда начертанные на ручке серебряного сосуда, обнаруженного на р. Чепце близ починка Седьярского. В 1896 г. их прорисовку в качестве образца письма, близкого к орхоно-енисейскому, опубликовал О. Доннер. В 1902 г. П.М. Мелиоранский, предлагая прочтение надписи на основе енисейского алфавита, отметил, однако, в ней «несколько знаков (или, по крайней мере, вариантов), доныне в орхоно-енисейской письменности неизвестных»[1]. 12 января 1927 г. С.Е. Малов, давая заключение о тексте, начертанном на глиняной фляге, найденной в 1896 г. при сооружении железной дороги Сальск—Царицын, подчеркивал, что буквы надписи лишь на первый взгляд сходны с известным ему руническим алфавитом[2]. Позднее в большинстве тюркологических работ возобладало менее осторожное отношение к палеографическому определению восточноевропейских рунических надписей. Все они читались «от известного»: то ли на основе алфавита надьсентмиклошского клада, то ли орхоно-енисейской руники[3]. Понимание самобытности письма этих памятников нарастало, пожалуй, не только в направлении отделения их от классических орхоно-енисейских текстов, но и сближения с надьсентмиклошскими[4]. Последнее наиболее часто выражалось в подборе аналогий отдельным восточноевропейским знакам.

Вместе с тем сформировалось и иное направление. Вслед за А.М. Щербаком различия надьсентмиклошских («печенежских») и восточноевропейских (донских или «хазарских») рун были признаны и обосновывались Ю. Неметом[5]. В последнее время с новой палеографической оценкой европейских надписей выступили С.Г. Кляшторный и И. Вашари. Разделяя памятники по письму на две группы, они одну объединяют с письменностью, представленной надьсентмиклошскими начертаниями, другую — с резами ачикташской палочки[6].

Ради получения аргументированных выводов палеографическому определению рунических надписей Восточной Европы следует

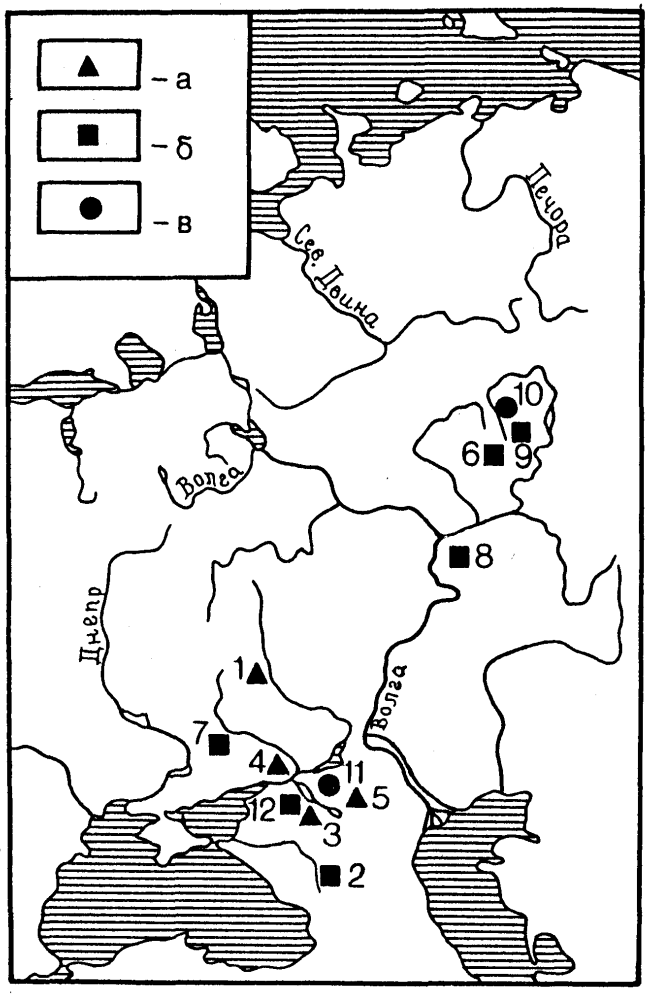

Рис. 1. Размещение памятников степной рунической письменности на территории Восточной Европы: а – донское, б – кубанское, в – доно-кубанское письмо

1 – Маяцкое городище, *2* – Хумаринское и Каракентское городища, катакомбные погребения, *3* – Сальск (условно, Сальск–Царицын), *4* – Новочеркасск (условно, ст. Кривянская), *5* – Кермен-Толга, *6* – Седьяр, *7* – Маяки, *8* – Биляр, *9* – Оношат, *10* – Афанасьево, *11* – Кировский могильник, *12* – Житковский могильник

предпослать анализ облика использованных в них письменных знаков. Проделав такое исследование с привлечением вновь полученных данных для 38 известных надписей, приходим к заключению об их принадлежности к двум самобытным руническим алфавитам[7].

1. ДОНСКОЙ И КУБАНСКИЙ АЛФАВИТЫ

Основой для воссоздания алфавита послужила серия из 18 рунических надписей Маяцкого городища (Приложение; рис. 1, *1*), полученных раскопками Д.М. Струкова (Д 1, 1899 г.), Н.Е. Макаренко (Д 2 — Д 6, 1909 г.) и особенно С.А. Плетневой (Д 12 — Д 21, 1978—1982 гг.), а также сохранившихся в архивных данных С.Н. Замятнина конца 1920-х годов (Д 10, Д 11)[8]. По расположению археологического памятника, давшего столь значительное количество надписей, в бассейне р. Дон алфавит, которым они выполнены, предлагаем именовать донским.

Сопоставление знаков всех маяцких надписей произведено в табл. I. При учете только тех рун, которые целиком сохранились, можно восстановить облик 31 письменного знака. Это значительное количество позволяет обоснованно выявить памятники подобного письма за пределами Маяцкого комплекса, сопоставляя надписи Юго-Восточной Европы не с обособленными строками и начертаниями, а с определенной, хотя, конечно же, еще не полной алфавитной системой.

Благоприятные возможности для палеографических сравнений донского алфавита дают письменные памятники Хумаринского городища, расположенного в верховьях Кубани (Приложение; рис. 1, *2*; табл. II). Во-первых, крепость сооружена носителями той же салтово-маяцкой культуры, что и Маяцкое укрепление. Построена она по тем же строительным канонам и относится, по мнению С.А. Плетневой (устное сообщение), к тому же времени — второй половине IX — началу X в. Надписи здесь также были вырезаны на каменных блоках стен (вероятно, до их возведения)[9]. Во-вторых, количество найденных на Хумаринском городище надписей значительно. Некоторые тексты двухстрочные и трехстрочные.

Доступные материалы позволили учесть шесть хумаринских надписей (табл. II), что привело к выделению 25 рунических знаков (табл. III). С определенной условностью выделены лишь знаки № 17, 24 и 25, отмеченные в прорисовке не дошедшего до специалистов памятника К 7. Многие знаки употреблены неоднократно, некоторые — в единичных случаях.

Сравнение полученной основы хумаринского алфавита с алфавитом маяцких надписей (табл. IV) приводит к неожиданным результатам. Несмотря на культурную, хронологическую и типологическую близость памятников, не подлежит сомнению, что хумаринские тексты выполнены не донским руническим письмом. Из 36 сопоставляемых знаков 11 маяцких не встречены среди хумаринских. Возможно, часть из них не найдена в текстах кубанской крепости из-за редкой употребляемости (например, № 5—10). Однако показательно, что в ряду этих букв оказались весьма употребительные донские руны (№ 1—4; ср. табл. I). Не меньшего внимания заслуживает существование пяти хумаринских знаков, неизвестных на Маяцком городище. Среди них есть не только редкие (№ 34—36), но и часто встречающиеся (№ 32, 33) (ср. табл. III).

Таблица I

Знаки надписей Маяцкого городища

(Здесь и далее цифра близ знака указывает число его употреблений в надписи)

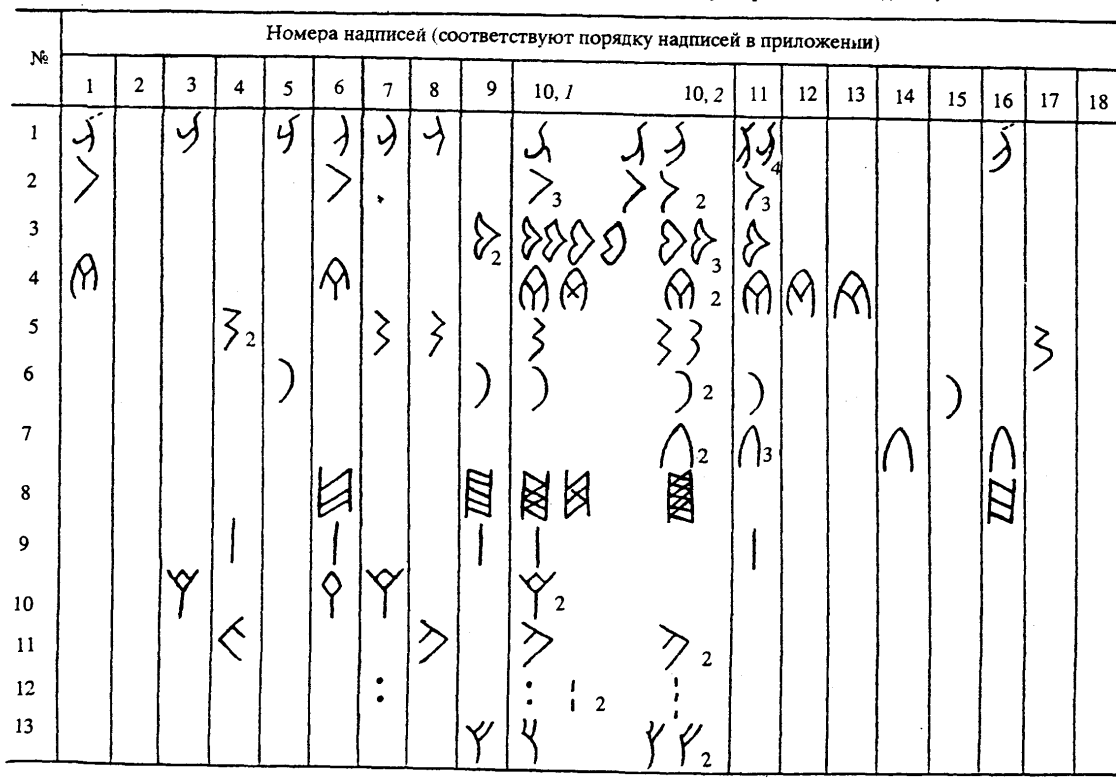

Таблица I
(продолжение)

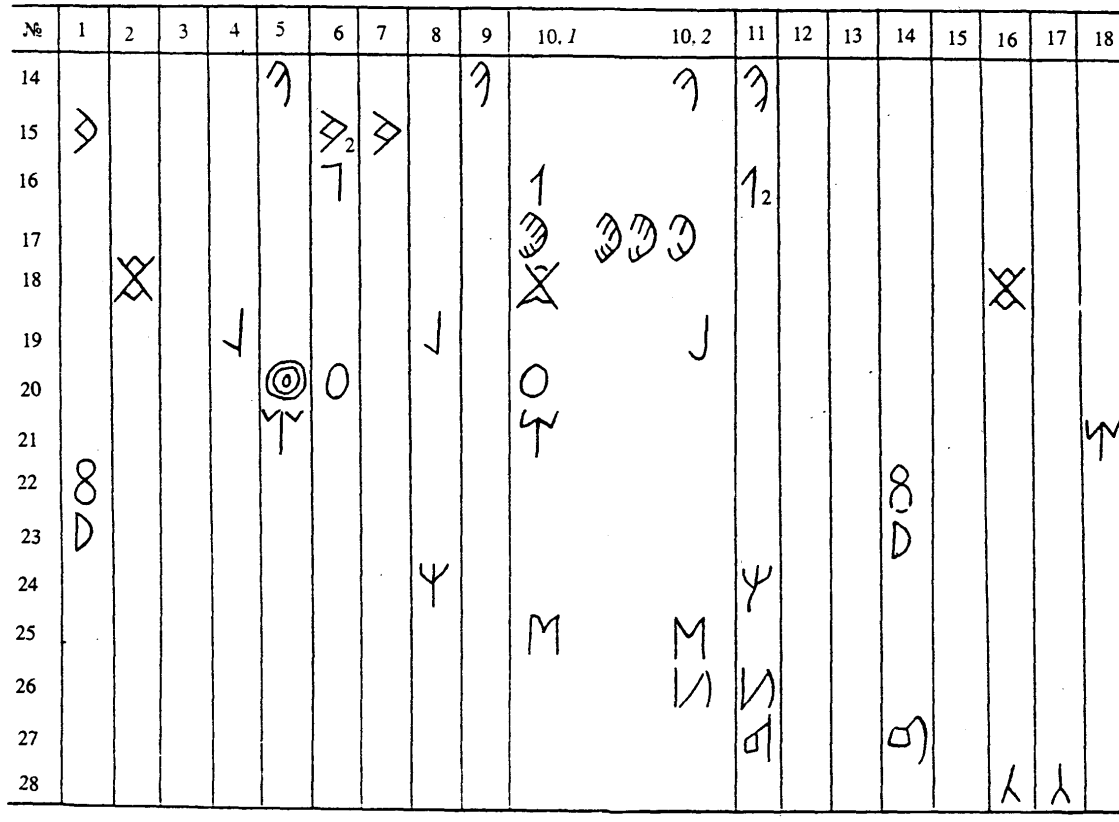

Таблица I
(окончание)

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10, *1*	10, *2*	11	12	13	14	15	16	17	18
29																			
30																			
31																			

Истолкования неясных знаков (в скобке — одного начертания)

32																			
33														
34														
35														
36																			
37																			
38																			

Таблица II
Надписи Хумаринского городища

(Здесь и далее вопросительный знак близ буквы указывает на сомнительность ее облика, вместо буквы – на невозможность ее распознавания)

Индекс надписи	Поряд ковые номера знаков																Индекс памят-ника	№ рис. по В.А. Кузне-цову
	16	15	14	13	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1		
K3																	X1	1, *1*
K4																	X3/X2	1, 2, *3*
K3																	X4	1, *4*
K3																	X5	3, *2*
K5, *1*																	X6, *1*	2, *1*
K5, *2*																	X6, *2*	2, *1*
K5, *3*																	X6, *3*	2, *1*
K6																	X7	2, *2*
K7, *1*																	X8, *1*	3, *1*
K7, *2*																	X8, *2*	3, *1*
K10																	X9	—
K8																	X10	—

Таблица III

Знаки надписей Хумаринского городища

(Здесь и далее в графе «встречаемость» в числителе дроби указано общее количество употреблений знака, в знаменателе – количество надписей, в которых он используется)

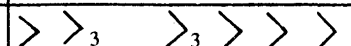
№	Номер текста							Встречаемость	Итог
	1	2/3	5	6	7	8	10		
1								10/6	
2								5/3	
3								4/3	
4								4/2	
5								3/3	
6								3/3	
7								3/3	
8								3/3	
9								3/2	
10								3/1	
11								2/2	
12								2/2	
13								2/2	
14								2/2	
15								2/2	
16								2/1	
17								2/1	
18								2/1	
19								1/1	

Таблица III
(окончание)

№	Номер текста							Встречаемость	Итог
	1	2/3	5	6	7	8	10		
20								1/1	
21								1/1	
22								1/1	
23								1/1	
24								1/1	
25								1/1	
26								Истолкования неясных знаков	
27									
28									
29									
30									
31									

Таблица IV

Сравнение знаков маяцких (М) и хумаринских (Х) надписей

№	Встречаемость	М	Х	Встречаемость
1	9/6			
2	5/5			
3	5/4			
4	5/2			
5	3/3			
6	3/3			
7	3/3			
8	2/2			
9	2/2			
10	2/2			
11	4/4			
12	15/9			3/3
13	11/3			3/2
14	10/4			10/6
15	8/5			4/2
16	7/5			2/1
17	7/4			3/3
18	6/4			1/1

№	Встречаемость	М	Х	Встречаемость
19	5/4			2/2
20	5/2			1/1
21	4/3			2/2
22	4/3			1/1
23	4/1			2/1
24	3/3			4/3
25	2/2			1/1
26	2/2			1/1
27	2/2			2/1
28	2/2			3/3
29	2/1			1/1
30	2/1			1/1
31	1/1			1/1
32				5/3
33				3/1
34				3/3
35				2/2
36				2/1

Сказанное позволяет считать, что перед нами два различных, самостоятельных рунических алфавита. Назвав один из них донским, второй следует именовать кубанским[10].

Сравнительно-палеографический взгляд на известные рунические надписи Восточной Европы не только позволяет прояснить, что практически все они выполнены тем или другим из этих алфавитов, но и пополнить буквенный состав тех основ обеих письменностей, которые получены при анализе городищенских надписей.

Начнем сопоставление письменных памятников с донским и кубанским алфавитами с надписей на двух флягах Новочеркасского музея (Д 7, Д 8; Приложение), содержащих 18 и 30 рунических знаков (табл. V). О принадлежности их к донскому письму свидетельствует, во-первых, количество знаков, подобных маяцким (у сальского сосуда — все 11 форм, у кривянского 13 из 17), из которых шесть форм не встречены в кубанском алфавите (№ 1—6), и, во-вторых, характерные особенности облика некоторых рун (№ 7, 15). Определенная близость изучаемых надписей и кубанской письменности (на сальском сосуде сопоставим знак № 14, на кривянском — № 35, 36) объясняется тем, что донское письмо имело большее число знаков, чем выявлено на маяцком материале. Сегодняшнее состояние источников не позволяет уверенно дополнить вновь выделяемый алфавит не имеющими подобия кривянскими знаками № 37 и 38, каждый из которых встречен лишь однажды.

Следующим образцом донского письма является многострочная надпись на костях бычьего черепа из кургана Кермен-Толга (Д 9; Приложение). Представленная серией обломков надпись позволяет учесть 68 письменных знаков двадцати рунических форм, из которых 19 находят аналогии в донском алфавите (табл. VI, № 6—24). Здесь есть и такие специфические формы, как № 6—13, 22. Знаком № 34 следует дополнить донской алфавит, что внесет в него еще одну черту сходства с кубанской рунической азбукой. Отметим, что № 9 на фрагменте «д» может быть частью знака № 32. При сравнении с маяцкими надписями можно выделить две палеографические особенности керментолгинских письмен. Во-первых, это форма руны № 18 в третьей строке на основной части черепа, имеющая облик, подобный знакам на надписях Д 12 и Д 13. Во-вторых, правый поворот знака № 15, отмеченный во всех четырех случаях его употребления, схож с таким же в надписи Д 4. Специфичен вид знака № 6, как и дважды повторенного знака № 34 в виде неправильного ромба.

Известные нам аналогии маяцким надписям ограничиваются тремя описанными памятниками. Некоторые публикации не привлекаются, так как не позволяют составить ясного представления о материалах[11]. Таким образом, донской рунический алфавит ныне представлен 21 письменным памятником (Приложение; рис. 1), позволяющим выделить присущие этому письму 34 знака. Они расположены в табл. VII в зависимости от частоты встречаемости в текстах. Надо полагать, что и в этом виде алфавит неполон.

Таблица V

Сравнение знаков на баклажках из Сальска (С) и Кривянской (КР) с маяцкими (донскими: Д) и хумаринскими (кубанскими: К)

№	Д	С	Кр	К
1				
2				
3				
4				
5				
6				
7				
8				
9				
10				
11				
12				
13				
14				
15				
16				
17				
18				
19				

№	Д	С	Кр	К
20				
21				
22				
23				
24				
25				
26				
27				
28				
29				
30				
31				
32				
33				
34				
35				
36				
37				
38				

Таблица VI

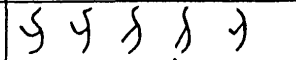
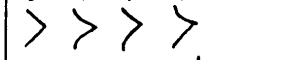
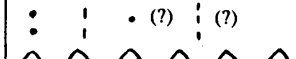
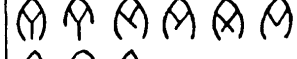
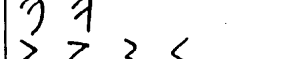
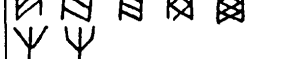
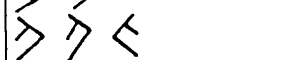
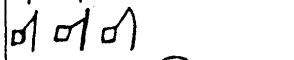
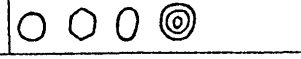
Сравнение знаков надписи Кермен-Толга (КТ) с маяцкими (донскими: Д) и хумаринскими (кубанскими: К)

№	Д	КТ	К
1			
2			
3			
4			
5			
6			
7			
8			
9			
10			
11			
12			
13			
14			
15			
16			
17			
18			

№	Д	КТ	К
19			
20			
21			
22			
23			
24			
25			
26			
27			
28			
29			
30			
31			
32			
33			
34			
35			
36			

Таблица VII

Знаки донского алфавита

№	Формы знаков	Встречаемость
1		28/12
2		19/7
3	 (?) (?)	14/4
4		13/8
5		13/7
6		12/7
7		12/6
8		12/4
9		11/6
10		11/6
11		11/5
12		10/4
13		9/6
14		9/5
15		8/3
16		7/4
17		6/5

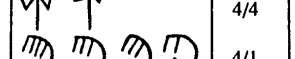
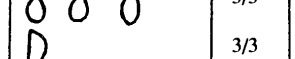
№	Формы знаков	Встречаемость
18		5/5
19		5/4
20		5/4
21		4/4
22		4/4
23		4/4
24		4/1
25		4/1
26		3/3
27		3/3
28		3/3
29		2/2
30		2/1
31		2/1
32		2/1
33		1/1
34		1/1

Таблица отражает данные имеющихся источников. Существование большинства знаков подтверждается несколькими надежными случаями их употребления. Лишь руны № 33 и 34 отмечены по одному разу и требуют подтверждения новыми материалами. Разновидности знака № 3, показанные справа от основной формы, включены в сводную таблицу с определенной долей неуверенности. Одиночные точки отмечаются лишь в сальской надписи Д 7, поверхность которой в целом имеет многие точечные повреждения, не относящиеся к тексту. Трехточечный знак, однажды встреченный во второй строке Д 13, возможно, образован случайным совмещением обычного знака — «двоеточия» с подобным же повреждением. Вместе с тем следует помнить, что в других алфавитах евроазиатской группы — южноенисейском и исфаринском — отмечается употребление подобных форм словоразделительных знаков (см. разделы 3 и 4).

Несходство форм одного и того же знака, отмечаемое в табл. VII, может объясняться различием почерков писавших (№ 2, 6—8, 12 и, возможно, 16, 17, 20—23), особенностями вырезания знаков на твердом материале (№ 4, 7, 8, 11, 13—15, 17, 25), другими индивидуальными отличиями письма (№ 7, 14), неполной сохранностью некоторых букв надписей (отдельные случаи в № 4). Однако следует признать, что есть и объективные расхождения некоторых начертаний в деталях (№ 1, 10, 24), нередко встречаемые в одной и той же надписи, иногда — в разных текстах (№ 10). Сегодня строгих объяснений этому явлению дать не удастся. Возможно, для писавшего основное значение имело не точное воспроизведение деталей той или иной многочастной буквы, а ее общая узнаваемость. Особого внимания при дальнейшей палеографической работе, как представляется, заслуживают две разновидности знака № 1, отличающиеся формой левого отводка. Они встречаются в разных текстах.

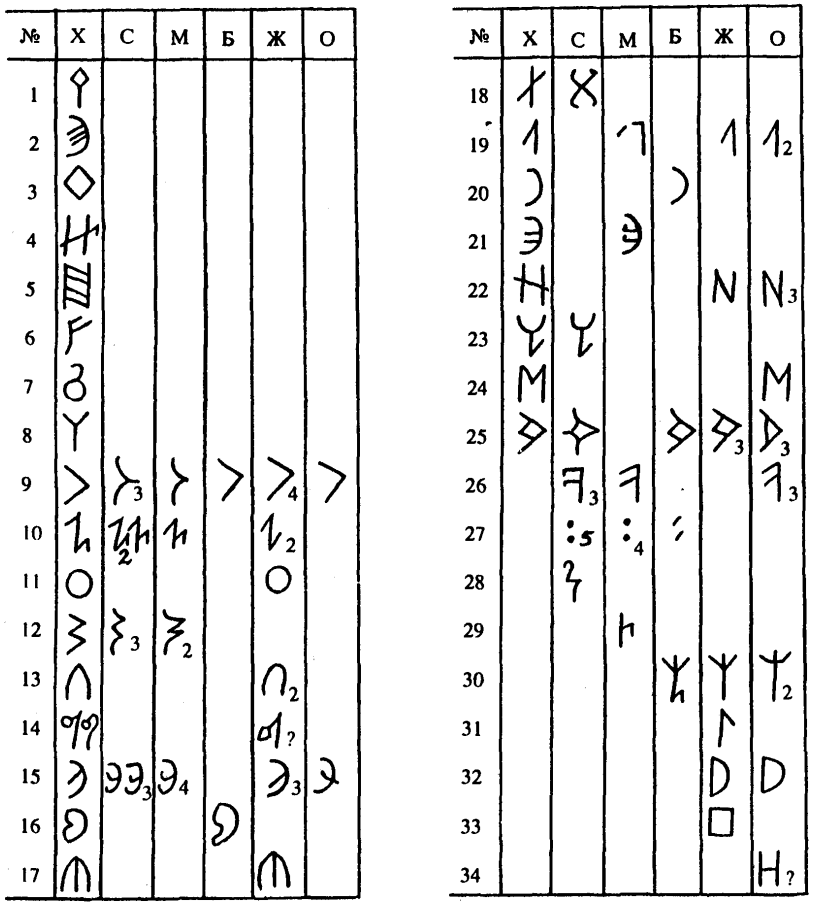
Почти все иные известные автору рунические надписи Восточной Европы принадлежат ко вновь выделяемому кубанскому письму. Его алфавитную основу представляют надписи Хумаринского городища (табл. III). Кроме них этот алфавит был использован при нанесении надписей на три сосуда, костяную накладку и, вероятно, на одно блюдо (табл. VIII).

Буквы седьярского сосуда (К 1; Приложение) выполнены в особой, изящной манере, но из десяти видов примененных здесь знаков в кубанских рунах находят аналогию семь (№ 9, 10, 12, 15, 18, 23, 25), один знак самобытен (№ 28), а два других (№ 26, 27) сходны со знаками донского алфавита. Строго говоря, некоторые другие знаки (№ 9, 12, 18, 25) сопоставимы с донскими — они входят в общий фонд обоих алфавитов. Относить седьярскую надпись к кубанскому письму позволяют три специфических знака: № 10, 15, 23.

Сопоставляя использованные в надписи на черепке с городища Маяки (К 9; Приложение) руны с кубанским алфавитом (табл. VIII), не учитываем два начертания: первый, частично сохранившийся в виде дуги знак и шестую фигуру, вероятно, не

Таблица VIII

Сравнение хумаринских знаков (Х) с письменами на накладке лука (Житков: Ж) и сосудах: Седьяр (С), Маяки (М), Биляр (Б), Оношат (О)

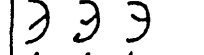
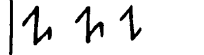
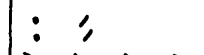
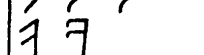
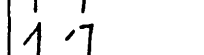
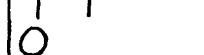
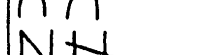
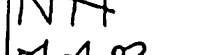
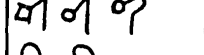
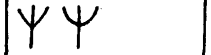
являющуюся, по правдоподобному предположению С.Г. Кляшторного, буквой[12]. Из девяти разновидностей знаков, обнаруженных на черепке амфоры, только три не известны той основе кубанской азбуки, которая была получена по хумаринским материалам. Другие знаки, начертанные в изящной манере, что встречалась уже на седьярском сосуде, аналогичны известным кубанским рунам. Особенностям почерка, возможно, следует приписывать и своеобразную форму знака № 19. Отнесение надписи к кубанскому письму произведено по трем формам характерных знаков (№ 10, 15, 21).

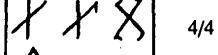
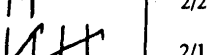
Три буквы из пяти, составляющих вместе с отметкой — «двоеточием» надпись на обломке билярского сосуда (К 11; Приложение), хорошо знакомы по общему составу донских и кубанских рун (табл. VIII, № 9, 20, 25). На отнесение надписи к текстам кубанской письменности повлияла форма одного из знаков, который представляется недостаточно ясно прописанным — № 16. Пятая руническая буква надписи (№ 30) сопоставима со знаком, известным в донском алфавите, однако здесь у нее есть дополнительные начертания. Последний, шестой знак текста имеет вид вертикально расположенных косых черточек. Его размещение находит аналогию в завершающем знаке текста К 9. Хронологический разрыв между салтово-маяцкой культурой и материалами Волжской Болгарии предмонгольского времени можно расценивать как препятствие к безусловному отнесению билярского текста к памятникам кубанской письменности[13]. К тому же неизвестные до сих пор палеографические особенности отличают и один из знаков надписи (№ 30). Однако вряд ли могут быть сомнения в очевидной связи этой надписи с кубанским вариантом рунического письма, хотя саму связь, возможно, следует рассматривать как генетическую. Поэтому, восстанавливая состав кубанского алфавита по совокупности известных материалов, воздержимся от учета специфических особенностей билярской надписи, включив ее общие данные в подсчет встречаемости знаков (табл. IX).

В надписи на накладке лука из могильника Житков II (К 12; Приложение) встречается 14 видов букв (табл. VIII), из которых не вполне ясен облик № 14 (в тексте пятый справа). Возможно также, что № 22 (в тексте четвертый) является запрокинутой буквой типа № 10. Определить надпись как кубанскую позволяют знаки № 15, 17 и, пожалуй, № 10. Два знака до сих пор не встречались ни в донских, ни в кубанских надписях. Если знак № 33 (в тексте шестой) можно сравнить с одной из букв текста Кермен-Толга (табл. VI, № 34), то руне № 31 (пятнадцатый знак в тексте) аналогий не обнаружено. Ее нельзя трактовать как зеркальный вариант № 19, ибо эта буква употреблена в этой же надписи в нормальном виде. Весьма показательна палеографическая близость надписи к хумаринским. Ныне только в этих письменных памятниках встречены характерные формы знаков № 15 и № 17. Отличие состоит в облике руны № 10.

Таблица IX

Знаки кубанского алфавита

№	Формы знаков	Встречаемость
1		20/11
2		15/7
3		11/6
4		10/3
5		10/6
6		9/4
7		8/4
8		6/4
9		5/4
10		5/4
11		5/3
12		4/4
13		4/3
14		4/3
15		4/3
16		4/2

№	Формы знаков	Встречаемость
17		4/4
18		3/3
19		3/3
20		3/2
21		2/3
22		2/2
23		2/2
24		2/2
25		2/1
26		1/1
27		1/1
28		1/1
29		1/1
30		1/1
31		1/1
32		1/1

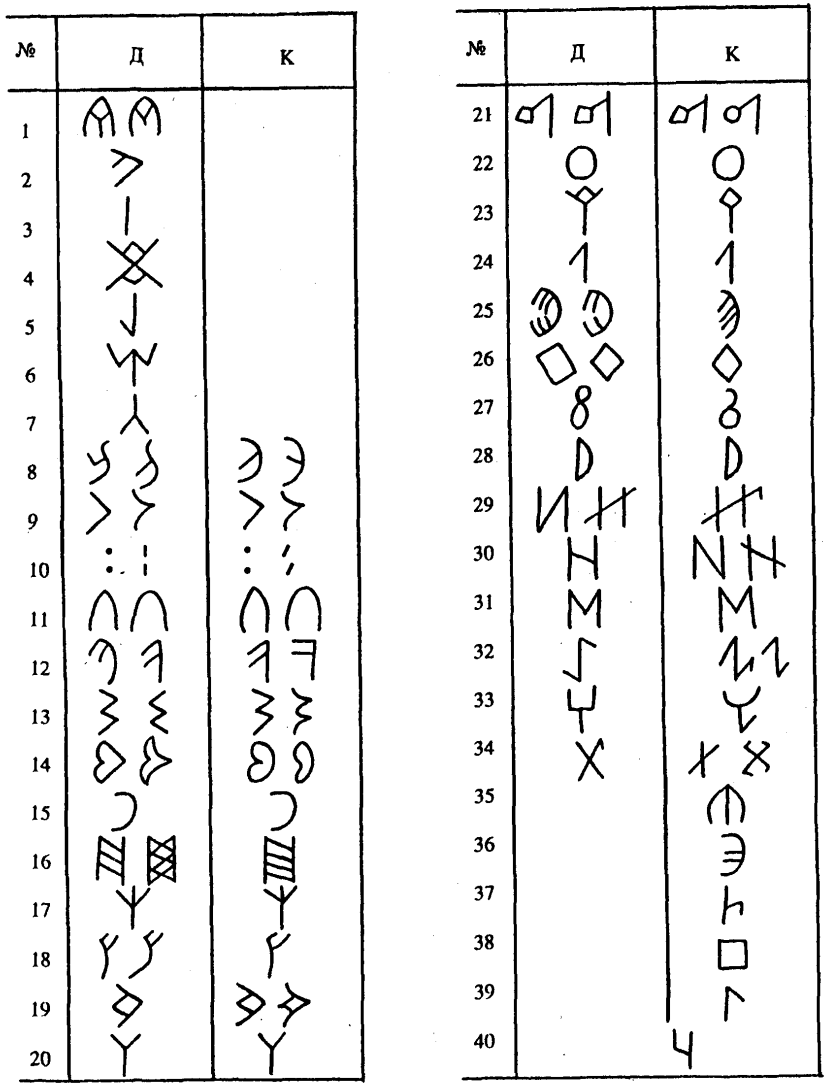
Начертания на оношатском блюде (К 2/1—4; Приложение) относятся нами к образцам кубанского алфавита с определенными колебаниями. На этой стадии изучения материала исключим из сравнительной табл. VIII две разновидности знаков, начинающих и заканчивающих надписи 1 и 4 оношатского блюда (К 2). Их буквенная принадлежность вызывает сомнение, и назначение при надписях пока неясно. Из девяти форм букв, уверенно выделяемых среди 18 рун, нанесенных на блюдо, определяющей является лишь одна (№ 15), которая имеет подобие в надписи К 1. Остальные относятся к рунам, равно употребимым и в донском, и в кубанском алфавитах (№ 9, 19, 22, 24—26). Оговорка необходима лишь для знака № 25, облик которого, вероятно, объясняется упрощением начертательной схемы и, следовательно, отмечает относительно поздний этап развития кубанского письма. Отличен от известных и оношатский знак № 22, несомненно представляющий устойчивую форму.

Таким образом, сегодня к кубанскому руническому письму можно отнести 13 надписей (табл. II, III, VIII; рис. 1; Приложение), представляющих 32 знака этого алфавита. В сводную табл. IX включены буквы К 10, для которых были найдены проясняющие их облик аналогии, но не включен одиннадцатый знак К 1 (табл. VIII, № 28), так как его линейный облик не распознан нами из-за манеры передачи в надписи, а также один знак К 2 (табл. VIII, № 34) — из осторожности. Не до конца понятен и знак № 26. Возможно также, что под одним номером следовало объединить в табл. IX № 18 и 31. Совершенно ясно, что представленный состав кубанского алфавита не является полным — почти пятая часть знаков известна по одиночным случаям употребления (№ 26—32), четвертая часть встречена лишь в единственной надписи (№ 25—32). Расхождения в облике одних и тех же знаков в кубанских надписях бывают двух типов. Во-первых, здесь фиксируются два вида письменных манер: прямолинейные резы и плавнолинейные буквы, перенесенные на металл и керамику из области письма по пергамену или бумаге. Во-вторых, отмечаются расхождения внутри каждой из этих групп. Среди резов особенно примечательны различия среди букв № 5, 11, 12. Возможно, они имеют определенный палеографический смысл, скорее всего, локально-хронологическое содержание, однако аргументированно выявить его на имеющемся материале невозможно.

Сопоставление донского и кубанского алфавитов произведено в табл. X. Прежде всего отметим, что палеографический анализ 34 средневековых надписей подтвердил существование в Восточной Европе двух руни́ческих алфавитов, намеченное сравнением настенных текстов маяцкого и хумаринского городищ (табл. IV). Семь разновидностей донских знаков (табл. X, № 1—7) и пять видов кубанских рун (табл. X, № 35—39) не встречались в надписях другой буквенной системы. В обеих этих группах есть не только редко встречающиеся формы, отсутствие которых в одном из алфавитов можно объяснить малочисленностью источников (№ 7,

Таблица X

Сравнение донского (Д) и кубанского (К) алфавитов

37—39), но и часто употребляемые знаки (№ 1—6, 35, 36). Вместе с тем весьма существенно значительное сходство основных знаков двух алфавитов. Из 39 сопоставляемых форм таких 27 букв (три четверти донских и четыре пятых кубанских).

Перед нами очень высокая степень близости двух алфавитов, несомненно свидетельствующая об их историческом родстве. Сходная палеографическая ситуация наблюдается в рунических письменностях Азии — орхонской, енисейской и таласской, — отличных лишь по некоторым знакам самобытной формы. Нет сомнений в том, что у донского и кубанского алфавитов основа была единой. Размышляя о природе родства двух этих алфавитов, можно заметить, что среди тех 27 знаков, которые отмечены в табл. X как сходные, не все абсолютно совпадают по облику в донских и кубанских надписях. Таких рун только 17 (№ 9—13, 15—22, 24, 26, 28, 31). Может сложиться впечатление, что отличия пяти пар (№ 8, 14, 23, 25, 27) подчиняются определенной логике. В этих случаях облик кубанских знаков графически проще донских: или их форма легче для изображения (№ 8, 14), или отсутствуют некоторые элементы (№ 23, 25, 27). Первоначально эти особенности привели нас к мысли, что данные кубанские формы — производные от донских[14]. Однако различия знаков № 29, 30, 32—34 ныне склоняют к заключению, что донское и кубанское письмо являются двумя разными изводами одной алфавитной основы и лишены непосредственных преемственных связей друг с другом. Это истолкование их облика включает расхождения всех отмеченных десяти пар знаков (№ 8, 14, 23, 25, 27, 29, 30, 32—34). Остается отметить, что облик донских рун представляется более архаичным в формах № 1, 4, 8, 14, 23, 25, 27, а кубанских — в № 32—34. Среди форм № 29, 30 архаичными выглядят разновидности, помещенные в таблице справа. Нельзя исключать возможность восхождения рун № 1 и № 35 к одному исходному знаку (ср. подобные изменения в начертании сходной по облику греческой альфы).

Итак, донская и кубанская письменности, видимо, являются двумя изводами единой алфавитной основы, в разной степени сохранившими отдельные ее черты. Полагаем, что состояние источников не позволяет сегодня отличать тексты донского и кубанского письма ни по количеству составляющих алфавиты знаков, ни только по тем рунам, которые не имеют аналогий в одном из алфавитов и употребляются редко. Основное опознавательное значение имеют различия сходных знаков обеих письменных систем (прежде всего № 8, 14, 23, 25, 27, 32). По-видимому, они отражают изменения, происшедшие в облике рун алфавита-основы в результате формирования двух самостоятельных письменностей. Очевидно, второстепенное определяющее значение имеют знаки № 1—6.

Остается указать три надписи, выполненные знаками, отнесение которых к одному из двух изучаемых алфавитов затруднительно и которые в силу этого следует обобщенно называть доно-кубанскими (Приложение; рис. 1). Первая выцарапана на дне блюда из собрания

П.Д. Солтыкова и состоит из шести рун (ДК 1). Первая буква подобна знаку, условно выделенному в К 2 (табл. VIII, № 34). Этот знак введен в табл. X под № 40. Второй и шестой знаки аналогичны знакам в К 12 (табл. VIII, № 31), третий можно сближать с № 18 табл. X, три последующие формы — с № 30, 12 и 15. Их облик близок соответствующим знакам К 2 (табл. VIII, № 22, 26). Приведенные аналогии, возможно, позволяют относить этот текст к кубанской письменности.

Пятизначная надпись на дне второго сосуда — серебряной кружки Афанасьевского клада — известна лишь в прорисовке, не позволяющей уверенно отождествлять с доно-кубанскими рунами две левые буквы (ДК 2). Первый и третий справа знаки близки рассматриваемым алфавитам (табл. X, № 12 и 9), второй — сопоставим с характерными буквами К 2 (табл. VIII, № 25).

Первому из четырех знаков, вырезанных на роговой накладке из IV Кировского могильника (ДК 3), нельзя указать подобия. Он несколько отстоит от остальных и, по-видимому, не является буквой. Три последующие руны, несомненно, тождественны буквам доно-кубанской письменности (табл. X, № 12, 30, 28). Облик двух правых знаков подобен знакам в надписях на серебряных блюдах и житковской накладке (К 12) (табл. VIII, № 26, 22).

Из Восточной Европы происходит еще одна руноподобная надпись — это шестизначная приписка под так называемым «Киевским письмом», рукописью на пергамене, хранящейся в библиотеке Кембриджского университета (шифр T — S (Glass) 12, 122). Выполненная кистью и черными чернилами, эта надпись датируется издателями первой половиной X в., а ее знаки определяются О. Прицаком как руны орхонского типа. Предложенное им прочтение («HW^{1}R^{1}W^{2}M — я прочитал (это)») получено при помощи ряда существенных натяжек и является произвольным. Ознакомление с опубликованной фотографией текста[15] позволяет предложить следующую прорисовку надписи (рис. 2). Ясно, что она не может быть отнесена к орхонской письменности, как полагает О. Прицак, но и уверенно причислить ее к какому-либо из известных алфавитов ныне невозможно. Этому мешают специфические по облику первый, четвертый и пятый справа знаки. Сохранность надписи не способствует определению ее графики.

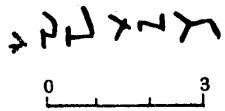

Рис. 2. Руноподобная надпись на пергамене «Киевского письма». Прорисовка автора по фотографии Н. Голба и О. Прицака

Подведем итоги. Палеографический анализ письменных памятников юга и востока Европейской части нашей страны приводит к выводу о существовании у носителей одной археологической салтово-маяцкой культуры VIII—X вв. двух различных рунических алфавитов — донского и кубанского. Имеющиеся данные позволяют полагать, что по крайней мере одна из этих буквенных систем применялась позднее существования салтово-маяцкой культуры и на иных землях. В целом, известные рунические памятники (рис. 1) палеографически подразделяются на 21 надпись донской, 13 надписей кубанской письменности, 3 надписи единого доно-кубанского облика (Приложение) и одну надпись неопределенной графики.

Следует определить место донского и кубанского алфавитов среди рунических письмен Евразии.

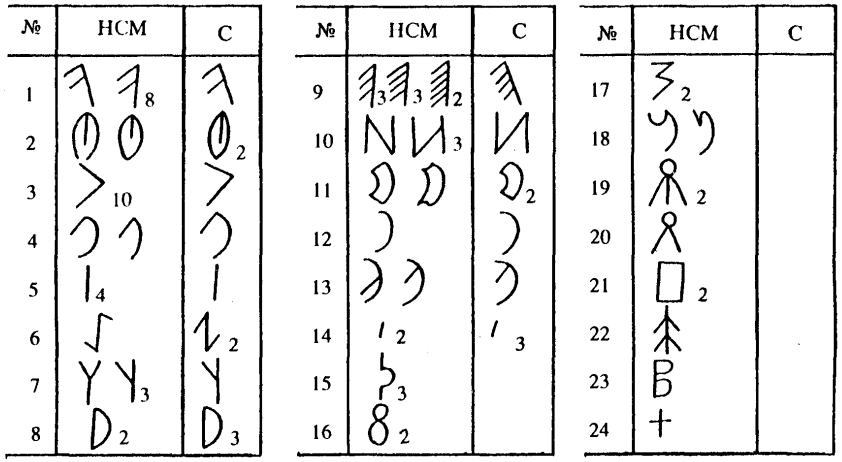
2. ДОНО-КУБАНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ И РУНОПОДОБНЫЕ АЛФАВИТЫ ЮЖНОЙ ЕВРОПЫ И СЕВЕРНОЙ АЗИИ

В литературе преобладает представление о тюркоязычности доно-кубанских надписей. Думается, что оно основывается скорее на исторических, нежели на лингвистических соображениях. Во-первых, надписи найдены на археологических памятниках государств, возглавлявшихся тюркоязычными хазарами или болгарами и имевших многочисленное тюркоязычное население (но в то же время бывших полиэтничными). Тюркская речь преобладала на этих землях и позднее. Во-вторых, тексты выполнены руническими знаками, а именно руническое письмо было самобытным для многих тюркоязычных народов Азии и получило наибольшее распространение после распада I Тюркского каганата (см. аргументацию А.М. Щербака)[16]. В-третьих, ко времени обнаружения основных доно-кубанских письменных памятников в Европе уже были известны рунические надписи клада из Надь-Сент-Миклоша, оцененные как тюркоязычные тексты крупными авторитетами — В. Томсеном и Ю. Неметом. С этими двумя письменными системами — так называемой орхоно-енисейской письменностью и надьсентмиклошскими знаками — обычно и сближали исследователи тот или иной восточноевропейский текст, подчас привлекая для объяснения одного памятника сразу и азиатские, и венгерские рунические знаки. Оставляя до последующих страниц вопрос о правомерности получаемых в этих случаях фонетических соответствий доно-кубанским буквам, рассмотрим здесь проблему алфавитного соответствия наших надписей руническим памятникам Южной Европы и Центральной Азии. Для подобного исследования ныне создана качественно иная ситуация: впервые сравнению можно подвергнуть не обособленные надписи, а цельные алфавитные системы.

Находка 1983 г. из Сарваша подтверждает не только былую распространенность, но и такую особенность надьсентмиклошского письма, как разделение слов вертикальной черточкой. Доступные

Таблица XI

Знаки надьсентмиклошских (НСМ) и сарвашской (С) надписей

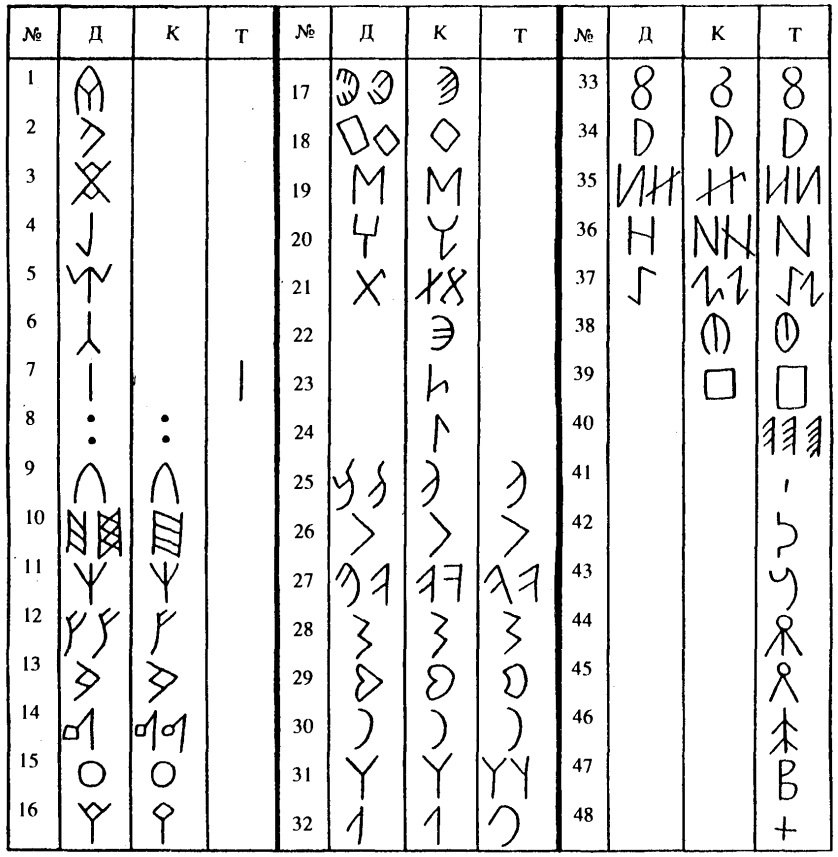

нам материалы, пожалуй, свидетельствуют о незавершенности палеографического анализа этого интересного письменного памятника первой половины VIII в.[17]. Можно определенно заключить, что не менее 14 типов знаков Сарваша аналогичны рунам знаменитого клада IX—X вв.[18] (табл. XI — в левой колонке число встречаемости не учитывает однотипные надписи, в правой — минимально возможное). Вероятно, и здесь настала пора говорить не о надписях на сосудах одного собрания, а об особой рунической письменности VIII—X вв. А. Рона-Таш в докладе о сарвашской надписи, прочитанном на IV Всесоюзной тюркологической конференции в Ашхабаде (сентябрь 1985 г.), не связывает эту письменность с печенегами и предлагает назвать дунайской. Исходя из того, что такое название не отчленяет рунических текстов Румынии и Болгарии, выполненных знаками иных типов, предлагаем именовать рунический алфавит Венгрии тисским — по названию р. Тисы, в бассейне которой найдены надписи.

Сравнивая эти материалы с доно-кубанской письменностью, мы можем располагать 48 формами знаков (табл. XII). Из 24—25 надежно выделяемых рун тисской письменности с доно-кубанскими буквами сравнимы 16 знаков (табл. XII, № 7, 25—39), 9 не имеют подобия (№ 40—48). Отметим, что сходство распространяется скорее не на донское, а на кубанское письмо. К нему близок облик знаков 25 и 39, а тисские руны 29 и 38 можно рассматривать как аналогии, пожалуй, лишь признавая их производными от соответствующих кубанских форм. (Особенно близок к кубанским знак 29 в надписи на ритоне 17 из Надь-Сент-Миклоша. Кроме известных работ[19] автор этих строк знакомился с чеканенными надписями клада по гальванокопиям сосудов.) С этой позиции видоизмененными выглядят и знаки № 32 и 39. Неполное сходство алфавитов

Таблица XII

Сравнение донского (Д), кубанского (К) и тисского (Т) алфавитов

наблюдается и в отношении знаков № 31, 35, 36. Вместе с тем формы № 7, 33, 37 подобны лишь донским знакам и ныне не находят соответствий среди известных кубанских. Как видим, и среди 16 сопоставимых знаков сходство трех алфавитов не абсолютное. Если и признавать генетическую связь тисских рун с алфавитами Восточной Европы, то оговаривая сильные видоизменения в составе знаков, наступившие, вероятно, под воздействием неких местных письменных систем. Выявление такого влияния — задача будущих работ. Ныне достаточно ясно, что тисская письменность представляет самостоятельный алфавит, отличный от тех, коими выполнены известные надписи Юго-Восточной Европы. Вспомним вывод Ю. Немета: «Печенежское письмо сокровища из Надь-Сент-Миклош — как и хазарское руноподобное письмо — стоит обособленно среди восточно-европейских руноподобных письмен»[20]. В данных условиях,

полагаем, не приходится надеяться на безусловные фонетические соответствия даже сходных по облику знаков надьсентмиклошских надписей и доно-кубанских рун.

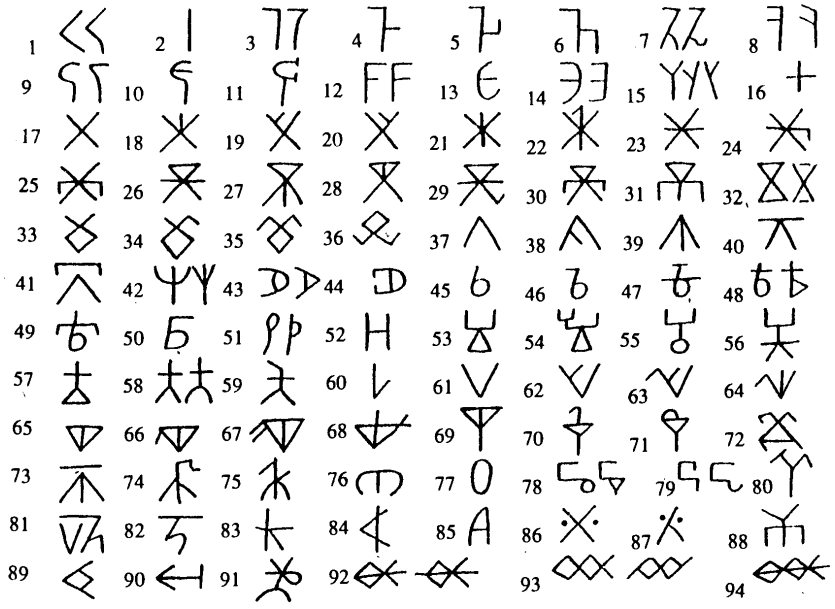
Заметим, что, несмотря на распространенное мнение о принадлежности начертаний, обнаруженных в Плиске, Преславе и других раннесредневековых городах и монастырях (например, Шудиковском) Западного Причерноморья, к тюркоязычной рунической письменности, реальных подтверждений этому нет. Трудоемкая работа по сбору этого материала, произведенная Л. Дончевой-Петковой, сопоставления Э. Трыярского, анализ Т.И. Макаровой и С.А. Плетневой размещения знаков на стенах Плиски, окончательно доказали тамгообразный характер основной массы подобных начертаний[21]. Несмотря на некоторое сходство части их с рунами[22], к тому же часто понимаемыми как нечто единое и привлекаемыми со всей территории распространения этой формы тюркоязычной письменности, ни одиночные тамги, ни их сочетания не являются руническими текстами. (Не исключение и известные начертания на мраморной колонне из с. Карали[23].) Облик тамг, несомненно, является одним из показателей того или иного культурного круга, в который входило или с которым активно общалось оставившее эти тамги население. Так, упомянутый анализ протоболгарских тамг, произведенный Э. Трыярским, показал близость геральдических знаков к подобным отметкам средневековых тюркоязычных обществ. Однако очень распространенное мнение, что внешнее сходство традиционных тамг того или иного современного или средневекового народа со знаками древнетюркской рунической письменности является доказательством былого его знакомства с таким письмом[24], необоснованно. Если и могут быть приведены умозрительные соображения в пользу того, что тамги сыграли определенную роль в становлении рунической письменности, повлияв на облик некоторых ее знаков, то нет никаких основательных материалов для предположения, что руны сыграли какую-либо роль в становлении одновременных или более поздних тамг. Напротив, отсутствие такой связи явно следует из анализа тамгового материала районов несомненного былого распространения орхоно-енисейской письменности (прежде всего, Южной Сибири и Центральной Азии).

Среди средневековых надписей Восточной Европы значительную группу составляют надписи из Мурфатлара (Басараби), выполненные особым письмом[25]. Составленная из разнородных знаков[26], имеющих и греческие, и кириллические, и тамговые особенности, самобытные формы и лигатуры, эта письменность, несмотря на ряд ее руноподобных знаков, не похожа ни на один из известных алфавитов тюркоязычных народов (табл. XIII). Ее не следует ни относить к руническим, ни называть таковой. Попытки сближения части мурфатларских знаков с любым известным древнетюркским письмом не обеспечены необходимой аргументацией, а облик кириллических и греческих букв не убеждает в том, что эти тексты писались справа налево. Некоторые

знаки, видимо, являются не буквами, а тамгами (см. размещение знаков в табл. XIII). Кроме того, предложенные прочтения надписей[27] не позволяют увязывать их с тюркской речью. Ничем не похожи надписи из Мурфатлара и на доно-кубанскую письменность.

Таблица XIII

Мурфатларские знаки. По В.Бешевлиеву и Э.Трыярскому

Значительный эпиграфический интерес представляют руноподобные надписи конца IX — начала X в., обнаруженные на стенах монастыря близ с. Равна К. Попконстантиновым. Изданные материалы[28] не позволяют сближать их ни с одним известным автору руническим алфавитом. Несомненна значительная степень курсивности в облике ряда знаков равненских надписей. Нет необходимости перечислять далее начертания, происходящие из Европы, связываемые в литературе с тюркскими рунами и палеографически не схожие со знаками донского и кубанского письма.

Попытки отыскать фонетические значения рун Восточной Европы среди рунических алфавитов Азии предпринимались давно. Все они основывались на стремлении понять отдельные письменные памятники. В условиях того времени такие исследования были, несомненно, оправданны. Ныне следует сопоставить алфавиты. Для получения ясной картины не учитываем нетипичные (одиночные и редкие) для азиатских алфавитов формы знаков. Из 60 форм знаков

Таблица XIV

Сравнение степных рунических алфавитов:

донского (Д), кубанского (К), енисейского (Е), орхонского (О) и таласского (Т)

№	Д	К	Е	О	Т	№	Д	К	Е	О	Т
1						20					
2						21					
3						22					
4						23					
5						24					
6						25					
7						26					
8						27					
9						28					
10						29					
11						30					
12						31					
13						32					
14						33					
15						34					
16						35					
17						36					
18						37					
19						38					

Таблица XIV
(окончание)

№	Д	К	Е	О	Т	№	Д	К	Е	О	Т
39						54					
40						55					
41						56					
42						57					
43						58					
44						59					
45						60					
46						61					
47						62					
48						63					
49						64					
50						65					
51						66					
52						67					
53						68					

при сравнении донского, кубанского и орхонского алфавитов сравнимы 21 (табл. XIV). Это число составляет половину от знакомых нам рун востока Европы. Сопоставление с енисейским алфавитом увеличивает сравнимые пары до 24 (из 58 форм), подобное соотношение с талласским алфавитом составляет 23 к 51 (табл. XIV). Однако ко всем сопоставимым формам (№ 7, 15—40) следует присмотреться внимательнее. Талласские знаки № 15 и 16 на деле являются разновидностью № 25 и 45, и их рассмотрение как самостоятельных рун сугубо формально. Квадратный знак № 17 встречен лишь в одной кубанской надписи, в енисейских текстах это также очень редкий знак, к тому же отличающийся «отростками». Поверхностное сходство и у № 18 — в европейских алфавитах это «скоба», в енисейском — всегда «угол». Ромб (№ 19) не встречается в сибирских надписях без центральной точки, специфичен облик № 19 в талласских текстах. Отличаются существенными деталями и № 20, 32, 34, 39. Знак № 28 в доно-кубанских рунах всегда имеет отростки, опущенные вниз; в орхонском, енисейском и талласском алфавитах они направлены кверху. Противоположная картина — с № 31. Не убедит нас возможное сравнение доно-кубанского № 28 с азиатским знаком № 31, как и европейского № 31 с азиатским № 28, так как они разнонаправленны. Подобным образом оценивается и известное в литературе сопоставление № 10, 14 с азиатским № 31. Своеобразен кубанский знак № 38. Кроме расхождений в облике знаков есть разница и другого порядка. Среди совершенно подобных форм редко употребляемые европейские руны иногда соседствуют с обычными в использовании азиатскими буквами (№ 23—25, 39, 40). Остается отметить наличие в донской, енисейской, орхонской и талласской письменностях 12 тождественных по облику знаков (№ 21—23, 26, 27, 29, 30, 33, 35—38). Кубанский алфавит связывает с азиатскими рунами только десять во всем подобных знаков (№ 24—27, 29, 30, 33, 35—37). На наш взгляд, этого явно недостаточно для убедительного сравнения фонетических возможностей знаков Азии и Европы. Отмеченные расхождения между доно-кубанской и орхоно-енисейско-талласской письменностями столь существенны, что их вряд ли можно было бы объяснить палеографическими изменениями, наступившими при движении какого-либо известного рунического письма в пространстве или во времени[29]. Вместе с тем сравнительно-типологические изыскания позволяют обнаружить в Азии те алфавиты, с которыми были связаны в историко-культурном отношении донская и кубанская письменности Восточной Европы.

3. ЮЖНОЕНИСЕЙСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ И АЛФАВИТЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В бассейне Верхнего и Среднего Енисея в средние века употреблялась не только та руническая письменность, которую называют енисейской. Бытовал там и другой рунический алфавит,

но существование его до сих пор не было замечено востоковедением. Дабы отличать его от известной енисейской письменности и сохраняя традицию наименования рунических алфавитов по бассейнам крупных рек, предлагаем называть это новое руническое письмо Сибири южноенисейским[30]. Отдельные выполненные им надписи сравнивались исследователями с памятниками рунической письменности Европы. Состояние источников принуждало ученых относить такие находки к случайностям, нарушающим намечавшиеся ареалы разных вариантов рунического письма[31].

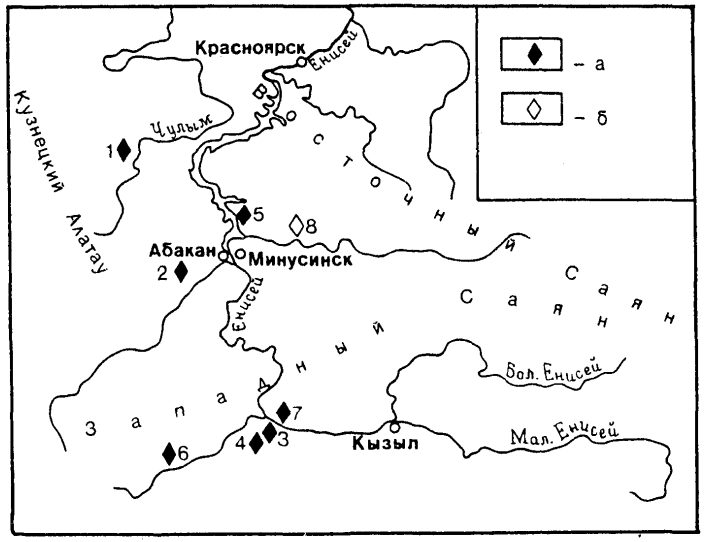

Рис. 3. Размещение надписей южноенисейского письма
1 – Сулек и гора Озерная, *2* – Уйбат, *3* – Саргол, *4* – Аймырлыг, *5* – Туран, *6* – Эдегей, *7* – Чинге, *8* – Шалаболинская писаница; а – надпись, б – писаница

Ныне известно 17 южноенисейских надписей (Приложение; рис. 3), в которых представлено 43 формы письменных знаков (табл. XV)[32]. По-видимому, не все из них имеют самостоятельное значение. Номера 10, 19, 30, очевидно, представляют варианты словоразделительных отметок. Часть редких знаков, возможно, является разновидностью более употребительных букв (№ 36/29, 38/13, 42/32). Вызывает сомнение форма № 33. Вероятно, в тексте Ю 5/1, по которому она выделена, соответствующий знак можно соотнести и с № 35. По аналогии с № 7 допустимо объединение № 11 и 20 или 20 и 23. Сказанное позволяет далее учитывать меньшее число форм знаков южноенисейской рунической письменности. В итоговой колонке табл. XV не учитывается зеркальность вариантов из текстов Ю 13, Ю 16 и Ю 17 в связи со спецификой этих надписей. Соответственно № 35 представлен в

Таблица XV
Знаки южноенисейских надписей

№	Номера надписей																		Алфавит	Встречаемость
	1	2	3	4	5/1	5/2	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17		
1																					14/10
2																				13/9
3																				13/7
4																					12/7
5																				11/9
6																				10/6
7																				9/7
8																				9/7
9																			8/7
10																			8/5
11																				8/4
12																				8/4
13																				7/6

Таблица XV
(продолжение)

№	Номера надписей																		Алфавит	Встречаемость
	1	2	3	4	5/1	5/2	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17		
14																					7/6
15																				6/6
16																				6/6
17																			6/6
18																				6/4
19																					6/3
20																				6/3
21																				5/5
22																				4/4
23																			4/4
24																					4/3
25																				4/3
26																				4/3

Таблица XV
(продолжение)

№	Номера надписей																	Алфавит	Встречаемость
	1	2	3	4	5/1	5/2	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	
27																				4/2
28																			3/3
29																			3/2
30																			3/2
31																			2/2
32																			2/2
33																			2/2
34																			2/1
35																			2/1
36																			1/1
37																			1/1
38																			1/1
39																			1/1

Таблица XV
(окончание)

№	Номера надписей																	Алфавит	Встречаемость
	1	2	3	4	5/1	5/2	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	
40																			1/1
41																			1/1
42																			1/1
43																			1/1

Истолкование неясных знаков (в скобке —одного начертания)

44																		
45																		
46																		
47																		
48																		

другом повороте, чем в тексте. Окончательное определение верха и низа двух последних текстов, пожалуй, возможно лишь после получения фонетических значений письменных знаков и прочтения. Иное, чем предложено, восприятие Ю 16 и Ю 17 может сказаться лишь на числе, отражающем степень встречаемости знаков, и дополнить алфавит буквой, подобной одной из енисейских рун (табл. XVI, № 24).

Палеографической особенностью южноенисейских надписей является некоторая неупорядоченность форм одних и тех же букв. Разной сложности может быть знак № 2. В надписи Ю 7 встречена неизвестная в других памятниках форма знака № 9. По-разному бывают повернуты вокруг вертикальной оси знаки № 2, 4, 6, 15. Варианты знаков № 7, 11, 20 отличаются соединением косых линий с серединой или концами вертикальных черт. Две разновидности отмечены и для знаков № 8, 9, 12, 22, 24, 31. Значительно разнообразие словоразделительных знаков (№ 10, 19, 30). Отмечая все эти расхождения, можно предположить, что южноенисейские надписи не составляют полного палеографического единства, а принадлежат к нескольким изводам одного алфавита. Показательно, например, что знаки типов № 12 и 18 в восточноевропейском материале, как мы видели, принадлежат к двум родственным письменностям. Однако состояние южносибирских источников не позволяет сегодня аргументированно решить этот вопрос. По мере появления новых материалов представления будут развиваться. Называя здесь южноенисейскую письменность алфавитом, автор осознает оговоренную условность такого обозначения.

Южноенисейские надписи встречены на скалах, каменных стелах и бытовых предметах, обнаруженных как в Хакасско-Минусинской, так и в Тувинской котловинах (рис. 3). До сих пор на этих землях специалистами отмечалась только одна хорошо известная науке енисейская руническая письменность, бытовавшая в конце I — начале II тысячелетия. С нею и следует сопоставить выделяемое ныне южноенисейское письмо ради выявления его самобытности (табл. XVI). Из 56 сравниваемых форм 32 не имеют сходства (№ 1—16, 41—56). Среди сопоставимых рун в ряде случаев следует отметить лишь формальное подобие. Знаки № 17—26 вовсе не тождественны енисейским. Таким образом, полное совпадение двух сибирских рунических алфавитов наблюдается лишь по 14 знакам (№ 27—40), причем сходство словоразделительных знаков наблюдается лишь по одной южноенисейской форме (№ 34), две другие — специфика этого алфавита (№ 13). Учитывая, что известный ныне ареал находок южноенисейских надписей полностью лежит в зоне распространения енисейского письма, нельзя исключить возможность его влияния на южноенисейский алфавит. Поэтому современное состояние изученности источников требует осторожного отношения к сходству с енисейскими таких редких и неспецифичных знаков выделяемой письменности, как № 23, 38—40. Сказанное убеждает, что близость двух рунических алфавитов Южной Сибири очень невелика и ограничивается лишь

11—12 знаками. Эта величина, на наш взгляд, не может свидетельствовать об их историческом родстве. Своеобразной является и манера отмечать конец надписи словоразделительным знаком, отмеченная в четырех южноенисейских надписях (Ю 6, Ю 10, Ю 14, Ю 17).

Таблица XVI
Сравнение южноенисейского (Ю) и енисейского (Е) алфавитов

№	Ю	Е	№	Ю	Е	№	Ю	Е	№	Ю	Е
1			15			29			43		
2			16			30			44		
3			17			31			45		
4			18			32			46		
5			19			33			47		
6			20			34			48		
7			21			35			49		
8			22			36			50		
9			23			37			51		
10			24			38			52		
11			25			39			53		
12			26			40			54		
13			27			41			55		
14			28			42			56		

Говоря о возможных влияниях на знаковый состав южноенисейских надписей иных местных письменностей Южной Сибири, остается отметить знак № 1, который, как увидим, характерен для самобытного алфавита коренного раннесредневекового населения Тувы. Этот алфавит предлагаем называть верхнеенисейским (см. гл. II, разд. 2).

Однако все историко-культурные вопросы не могут быть убедительно поставлены и разрешены без хронологических определений. Размещение южноенисейских надписей на скалах и стелах, имеющих средневековые писаницы (Сулек, Саргол, Эдегей), несомненно указывают на эпоху распространения алфавита. Более

точные даты представляют погребальные комплексы. Уйбатский сосудик с надписью Ю 6 происходит из кургана культуры чаатас. С ним найдена штампованная наременная бляха с набивным золотым листком сверху (рис. 4), восемь обломков толстостенной «кыргызской» вазы с характерным узором, нанесенным мелкозубчатым штампом, и черепок близкого к вазе по тексту гладкостенного лощеного сосуда (ГЭ, инв. № 4899/1—4). Эти находки позволяют отнести погребение к концу VIII — первой половине IX в.[33]. Роговые накладки лука с надписями Ю 8 и Ю 9 происходят из погребения, среди инвентаря которого находились железные поясные накладки[34], следовательно, комплекс не мог появиться раньше IX—X вв.

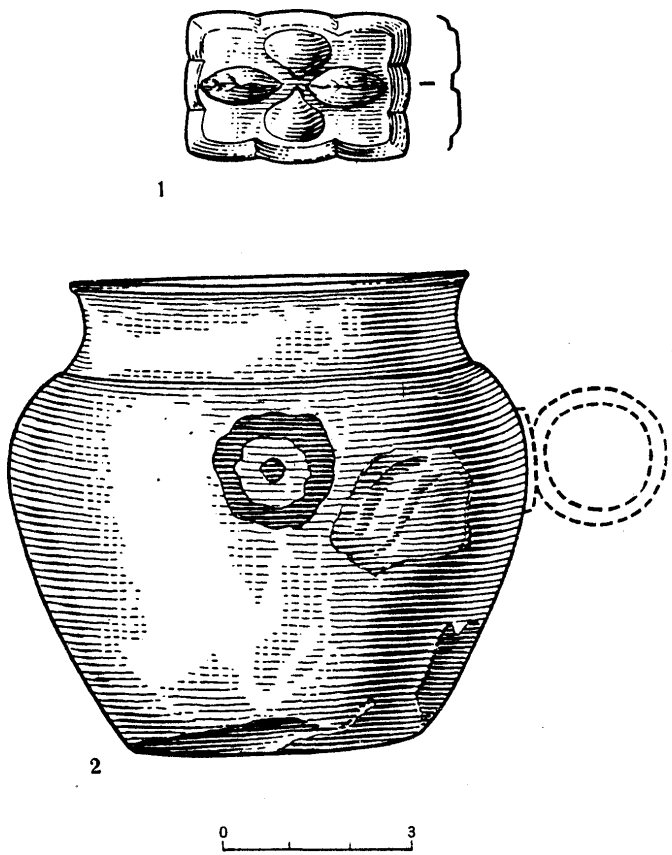

Рис. 4. Уйбатский чаатас. Находки С.А. Теплоухова в могиле 19
1 – бронзовая бляха с золотым листком, *2* – серебряный сосуд с надписью Ю 6 на донце.

Есть и косвенные возможности для определения времени существования южноенисейского письма. Надписи Эдегея связаны с тюркскими поминальными оградками, сопровождающимися стелами, изваяниями и балбалами[35]. Однако надписи были нанесены, возможно, позднее сооружения самих оград и связанного с ними поминального комплекса. В пользу этого может свидетельствовать наличие на каменной бабе, стоящей перед оградкой с надписями, трудноразличимых тонких гравированных рисунков (ясно изображение части бородатой человеческой фигуры). На первом балбале уходящей от изваяния цепочки сходным образом вырезана голова маралухи. Эти детали, пожалуй, указывают на вторичное использование поминального комплекса тюрок-тугю, так как, судя по другим многочисленным памятникам, рисунки и надписи не являются необходимыми его компонентами. Особенно ясно об этом свидетельствует сцена облавной охоты, выполненная в той же стилистической манере, что и упомянутые изображения. О композиционном единстве ее с южноенисейской надписью Эдегей III (Ю 13) говорит разграничительная линия. Поминальные оградки тюрок-тугю в Туве относятся к узкому хронологическому периоду: VI — первой половине VIII в., уже в IX—X вв. некоторые из них были вновь использованы местным населением[36]. Весьма показательно, что то же самое происходило и на Алтае[37] уже в IX—X вв.[38]. Если южноенисейские надписи Эдегея были созданы при более позднем использовании стел тюркских поминальников создателями резных рисунков, то они должны принадлежать ко времени позднее середины VIII в.

Таким образом, южноенисейские надписи относятся к периоду VIII—X вв. (возможно, лишь ко второй его половине), т.е. они создавались одновременно с применением на Саяно-Алтайском нагорье енисейской письменности. Это предположение подтверждается существованием палеографически смешанного текста Эдегей I (рис. 5). Он написан енисейским письмом (см. гл. V, разд. 3), однако 15, 18 и 30-й знаки текста принадлежат южноенисейскому алфавиту (табл. XV, № 16, 18). Для него характерно и словоразделительное вертикальное троеточие (знак 28; табл. XV, № 30). Названные палеографические особенности, равно как и нахождение самого письменного памятника на одном поминальном поле со стелами, имеющими южноенисейские надписи Эдегей II—VI (Ю 12, Ю 13, Ю 15 — Ю 17), выбитые на нем тамги, аналогичные тексту Эдегей III (рис. 5, *1*), и манера размещения текста на узкой вертикальной плите у квадратной оградки, — все это позволяет полагать, что интересующую нас надпись сделал носитель южноенисейского письма, знавший и енисейский алфавит. Знакомство писавшего с древнехакасской грамотой подтверждает и размещение им тамги перед текстом внизу стелы — важная композиционная особенность древнехакасских енисейских эпитафий[39] (подробнее об этом см. гл. VI, разд. 3).

Отмечая возможное влияние енисейского письма на южноенисейское, заметим, что теоретически возможно и обратное

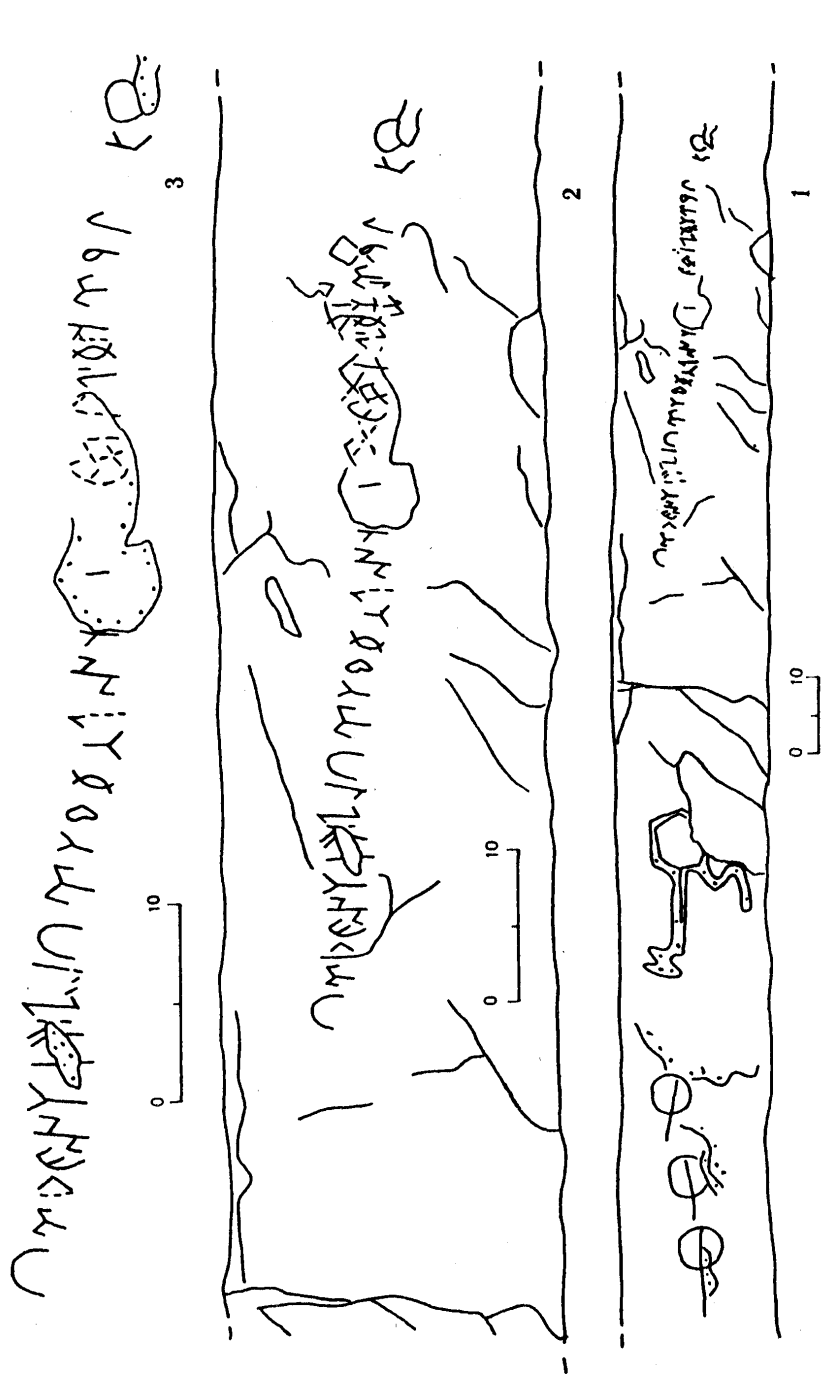

Рис. 5. Памятник Эдегей I
1 – общий вид грани камня, *2* – вид надписи с более ранними резами, *3* – текст. Прорисовки автора

воздействие. Если на дне уйбатского сосудика действительно имеется южноенисейская надпись, то следует учесть, что найден он в погребении средневекового хакаса, одного из носителей енисейского рунического письма. Между тем обращение к енисейским надписям и попытка по-иному взглянуть на употребление в них редких, нехарактерных для алфавита в целом знаков практически ничего не дали. Заметны лишь две формы букв, находящие аналогии в южноенисейских надписях. Знак № 1 (табл. XVI) встречен лишь в девяти енисейских памятниках, но все они входят в самостоятельную палеографическую группу, содержащую следы верхнеенисейского письма (см. гл. II, разд. 2 и гл. III, разд. 3; табл. XXVI, *2*; XXXI, *9*). Таким образом, этот случай скорее может истолковываться как результат внешнего воздействия на само южноенисейское письмо, в текстах которого знак встречен только один раз (табл. XV, № 43). Более обыденная южноенисейская буква в виде квадрата (табл. XV, № 8) должна быть сопоставлена с редким для енисейских надписей знаком такого же облика. Он встречен лишь дважды (Е 16, Е 56), но вновь среди памятников той же палеографической группы (табл. XXVI, *8*; XXXI, *1*). По-видимому, можно предполагать наличие определенных связей между южноенисейским и верхнеенисейским письмом[40].

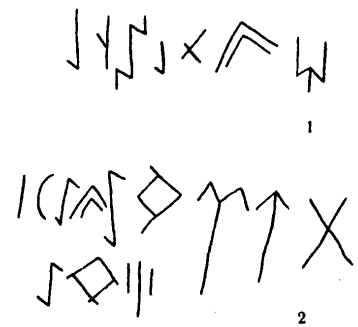

Рис. 6. Горноалтайские рунические надписи.
Калбак-Таш V(1) и IV(2). По В.М.Наделяеву

Хакасско-Минусинская и Тувинская котловины, по-видимому, не представляют полного ареала южноенисейского письма. Существуют косвенные данные о вхождении в него и Горного Алтая. Известные здесь рунические надписи выполнены или енисейской письменностью (Чарышская, Кошагачская, Талдуайринская, Ининская и др.), или поздним вариантом орхонского алфавита, испытавшим сильное воздействие енисейского (Мендур-Соккон I, Бичикту-Боом I и II, Жалгыс-Тюбе I и др.). В некоторых текстах ныне можно отметить употребление отдельных знаков, характерных для южноенисейской письменности. Так, в тексте из Кош-Агача (Ак-Кообы) наравне с обычным словоразделителем-двоеточием

трижды применена одиночная точка (табл. XXIV, КА, № 43), в надписи Жалгыз-Тюбе I — вертикальное троеточие (табл. XXIV, ЖТ I, № 48). Наиболее ярким примером является памятник Калбак-Таш V (КЛТ V), начинающийся со знака № 51. Южноенисейская форма № 50 употреблена в надписи Калбак-Таш IV (рис. 6), знак № 49 встречен в строке Бичикту-Боом III. По-видимому, создатели этих пяти камнеписных текстов знали южноенисейское письмо (ср. соответственно знаки № 10, 30, 27, 16, 2 в табл. XV), и обнаружение его памятников на Горном Алтае — лишь дело времени[41].

Сравнение вновь выделенного рунического письма Сибири с надписями Восточной Европы позволяет с несомненностью отметить большую близость южноенисейского и доно-кубанского алфавитов. На табл. XVII произведено сравнение знаков, известных сегодня. Даже при дробном рассмотрении доно-кубанских рун, из их 41 различной формы лишь 11 не находят соответствия в южноенисейском алфавите (№ 1—11). Для донского и кубанского алфавитов, взятых порознь, это соответствие еще ниже: 9 из 34 и 9 из 33. Из 30 сопоставимых знаков (№ 12—41; вероятно, следует сопоставить и левые разновидности № 9 и № 39) лишь № 25 и 34 содержат формальные расхождения. Отличаются и варианты № 12, 16, 27, 28, возможно, № 32. В свою очередь, своеобразие южноенисейского алфавита в сравнении с доно-кубанским письмом выражается близкой пропорцией. Из 40 форм лишь 10 знаков не имеют аналогий в восточноевропейских рунах (№ 42—51). Вероятно, здесь не следует учитывать знаки, которые могут отражать воздействие енисейского письма на южноенисейский алфавит (№ 50, 51), а также форму № 49 — возможный вариант буквы № 46.

Некоторые южноенисейские знаки имеют подобия лишь в донском алфавите (№ 12—17, 30), другие (№ 18, 37—41) — в кубанском. Это может быть связано с намечающейся внутренней неоднородностью южноенисейского письма, малочисленность образцов которого не позволяет провести уверенного палеографического членения. Если выделить южносибирские надписи донского облика (прежде всего, по рунам № 15, 17, 30), то ими окажутся Ю 1 — Ю 5/1, Ю 8, Ю 10 и Ю 14 (табл. XV); кубанский вид (№ 18, 37) отличает знаки в Ю 5/2, Ю 11 — Ю 13, Ю 15 — Ю 17. Однако в сибирском материале буквы разных для Европы алфавитов встречаются в одной надписи (руны № 12 и 37 в Ю 13; 30 и 37 — в Ю 8; 15, 17 и 18 — в Ю 14 и т.п.). Следует помнить (особенно при работе с буквами № 13, 14, 16, 38—41), что ныне нам известен все еще неполный состав анализируемых алфавитов. В этих условиях, подчеркивая своеобразие трех рунических письменностей, следует учитывать лишь многократно встреченные в надписях формы знаков. Для восточноевропейского письма таким отличием являются прежде всего руны № 1, 5—8, использовавшиеся многократно (ср. табл. VII, IX), затем № 2, 9, а также специфичные варианты № 17, 18, 25, 27. Отличительными знаками южноенисейского письма являются часто употреблявшиеся

руны № 42, 45, характерные формы № 17, 27 (ср. табл. XV), а также № 43, 44. Весьма важно, что ряд этих знаков (№ 42, 27) объединяет южносибирские надписи, имеющие как донские, так и кубанские палеографические черты.

Таблица XVII

Сравнение донского (Д), кубанского (К) и южноенисейского (Ю) алфавитов

№	Д	К	Ю	№	Д	К	Ю	№	Д	К	Ю
1				18				35			
2				19				36			
3				20				37			
4				21				38			
5				22				39			
6				23				40			
7				24				41			
8				25				42			
9				26				43			
10				27				44			
11				28				45			
12				29				46			
13				30				47			
14				31				48			
15				32				49			
16				33				50			
17				34				51			

Представленный материал не оставляет сомнений, что среди известных рунических письмен раннего средневековья донской и кубанский алфавиты наиболее близки южноенисейскому. Важна и редкая орфографическая особенность, объединяющая южноенисейские (Ю 6, Ю 10, Ю 14, Ю 17) и кубанские надписи (К 9, К 11), — обозначение словоразделительным знаком абсолютного конца текста. Остается отметить, что письменные памятники обеих

систем принадлежат к одному хронологическому периоду — концу VIII—X в.

Своеобразные черты трех алфавитов свидетельствуют об их определенном изолированном развитии. Встает вопрос об их происхождении и предтече. Несколько южнее, между Восточной Европой и Южной Сибирью лежат пространства Средней Азии, без привлечения письменных памятников которых нельзя понять выявленную проблему.

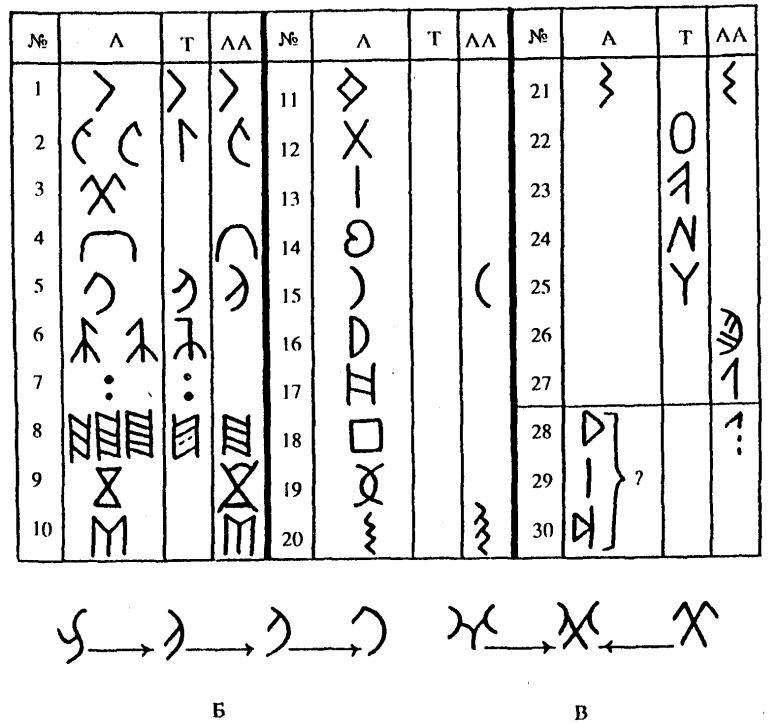
4. АЧИКТАШСКИЙ АЛФАВИТ И ИСФАРИНСКИЕ НАДПИСИ

Вполне понятно, что в производимом поиске наибольшее внимание должно быть обращено не на такие палеографически единые и относительно многочисленные письменные памятники, как таласские надписи на валунах, а на эпиграфически обособленные, редкие надписи, как строки ачикташской (таласской) палочки. Своеобразие знаковых форм, вырезанных на ее гранях, отмечали все исследователи (см. Приложение). Однако это не помешало большинству из них предложить им орхоно-енисейские соответствия. Только С.Е. Малов «долго колебался признать надпись на палочке за тюркские руны» и, даже предлагая свой вариант прочтения текста, продолжал сомневаться. Им было многократно повторено: «При первом же взгляде на буквы этой палочки видна их своеобразность в сравнении с буквами орхонской, енисейской и восточнотуркестанской рунических письменностей... Некоторые буквы не имеют себе аналогий в других тюркских рунических памятниках... Здесь встречаются новые буквы с неизвестным для меня значением». Одновременно с этим С.Е. Малов сразу же указал, что «с внешней стороны буквы палочки весьма похожи на печенежское письмо и венгерские резы», имея в виду надьсентмиклошские и секельские надписи[42]. Это исследовательское направление значительно развил А.М. Щербак, отметивший большое сходство резов на палочке с рунами южнорусских степей[43]. В 1983 г. на подобное сходство указал и Д.Д. Васильев[44]. Ныне, не принимая перенос на эти знаки буквенного значения рун надьсентмиклошского клада, мы вправе существенно подкрепить мнение А.М. Щербака о палеографическом родстве киргизской находки с южнорусскими донским и кубанским алфавитами.

На ачикташской палочке, опуская частично сохранившиеся и неясные знаки (табл. XVIII; Приложение), можно уверенно выделить 21 разновидность рун. Пятнадцать из них, в том числе и весьма употребительные, находят соответствия в доно-кубанских знаках (табл. XIX, № 19, 22—26, 28—30, 33, 35—39). Облик четырех букв (№ 23, 37—39) позволяет заключить, что письмо палочки ближе кубанскому алфавиту. Формальные различия имеются у знака № 35. Своеобразен облик знака № 26. Если сопоставительное толкование знаков типа № 39 правомерно (см. табл. XVIII, № 2), то существование второй руны на II стороне палочки (Приложение) не позволяет ставить форму № 23 (слева) в один ряд с № 22. В пределах же форм № 23 вероятной представляется типологическая эволюция форм, показанная на табл. XVIII, Б (ср., впрочем, подобные особенности тисского алфавита — табл. XII, № 25, 32).

Таблица XVIII

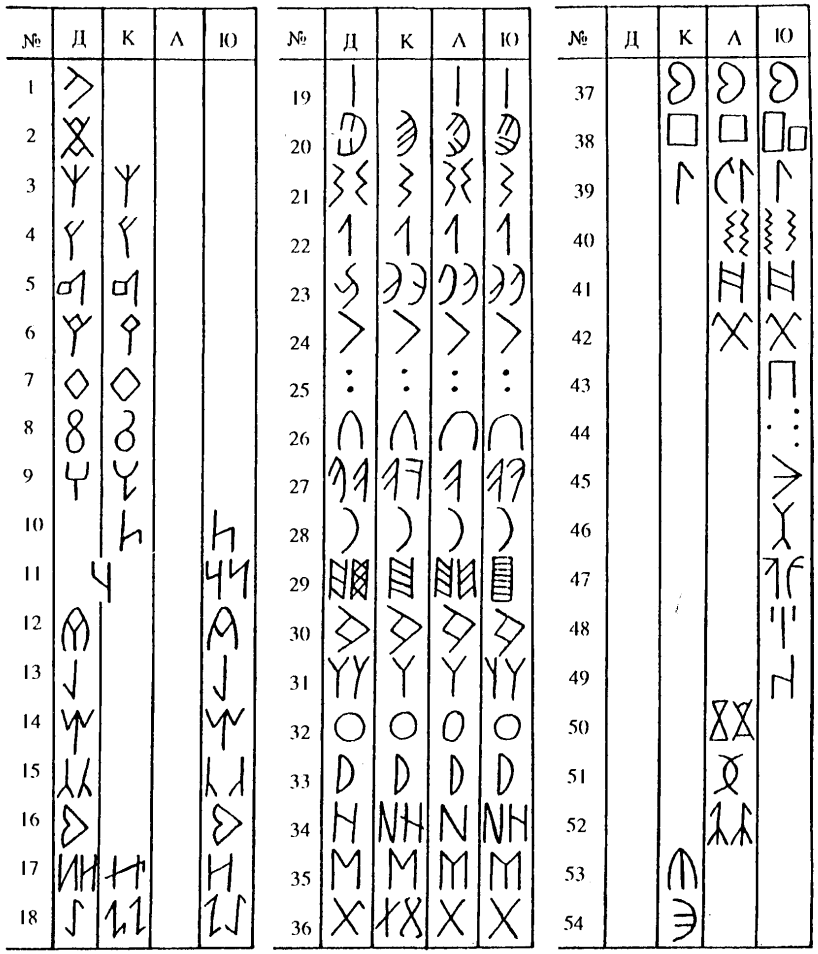
Знаки ачикташской палочки (А), тозбулакской (Т) и алтынасарской (АА) надписей. Возможные варианты изменения знаков (Б, В)

В связи со сказанным особое значение приобретает вопрос о датировке ачикташской надписи. Археологические возможности здесь очень невелики. По наблюдениям М.Е. Массона, в соседнем с шурфом № 7 шурфе № 6 на глубине 2 м были найдены обломки глиняной посуды IX—X вв.[45]. Хотя дата получена для других, близлежащих разработок, однако ее, видимо, можно принять и для ачикташской палочки. Дело в том, что среди шести ее знаков, не находящих восточноевропейских соответствий (табл. XIX, № 40—42, 50—52), есть две буквы, весьма характерные для рунических надписей, выполненных таласским письмом (№ 51 и

Таблица XIX

Сравнение донского (Д), кубанского (К), ачикташского (А) и южносибирского (Ю) алфавитов

особенно № 42, ср. табл. XIV, № 44, 65). Как ни малочислен этот материал, он позволяет поставить вопрос о возможном взаимовлиянии таласского и ачикташского письма. Возможно, учитывая близость алфавита палочки доно-кубанскому письму, следует присмотреться к некоторому сходству с ним двух других специфически таласских знаков, особенно отмеченных С.Е. Маловым[46] (табл. XIV, № 34, слева; ср. № 12 и 66). Как увидим далее, знак № 34 существовал в ачикташском алфавите. Воздействием на таласские памятники алфавита, представленного

палочкой, очевидно, можно объяснить и необычную форму знака d[1] на втором таласском камне (стк. 5), по прорисовке Ч. Джумагулова имеющего вид двойного зигзага, состоящего не из двух (табл. XIV, № 41), а из трех совмещенных по вертикали углов[47]. Как бы то ни было, не вызывает сомнения определенное взаимодействие таласского и ачикташского алфавитов, а следовательно, и их, хотя бы частичное, сосуществование во времени. В связи с этим необходимо вспомнить палеографическую близость таласских и енисейских букв. Учет политической истории и эпиграфических материалов чиков Тувы не позволяет относить активное влияние енисейской письменности на соседей ко времени ранее второй половины VIII в., а на районы Восточной Средней Азии и Семиречья — ранее середины IX в. Получаемая таким образом датировка таласских надписей соответствует IX—X вв. Возможно, эта письменность существовала и позднее. Палеографически проанализировав азиатские рунические надписи, И.В. Кормушин отнес таласские памятники к периоду не ранее X в.[48].

При определении возраста таласских надписей на валунах долгое время ссылались на раскопки Х. Хайкеля 1898 г., якобы отнесшего материалы к V в. (Именно этим руководствовался С.Е. Малов, определяя дату V—VIII вв. Верхний рубеж объяснялся им мусульманизацией карлуков[49].) Однако археолог нигде не связывал раскопанные им курганы с исписанными камнями. Семь курганов, изученных им в 7 км от ст. Дмитриевской, относятся к сакскому времени (№ 2 разграблен). Наиболее ранние материалы шести курганов урочища Алта-Бай (курган 28, камера 1) по форме стрел следует отнести к IX—X вв. Остальные могильники раскапывались совсем в других местах. Все «эти могилы к периоду около 500 г. нашего летоисчисления» отнес без разбору антрополог Г. Ретциус в приложении к отчету Х. Хайкеля, ссылаясь, правда, на письмо к нему автора раскопок[50]. В 1960—1961 гг. местность была обследована П.Н. Кожемяко и Д.Ф. Винником. Выяснилось, что по крайней мере пять камней с надписями из десяти найдены на средневековом поселении. Оттуда же, видимо, происходят предыдущие находки. Культурный слой поселения относится к X—XII вв. Один из камней (№ 9) был найден переиспользованным при раскопках постройки этого времени, два других (№ 10 и 11) — вне культурного слоя в материковом грунте. Исходя из полевых наблюдений, исследователи пришли к выводу, что «камни с письменами были здесь еще до того, как возникло городище, т.е. до X в.»[51] О том, что «рунические надписи Киргизии... датируются IX—X вв.», писал и Л.Р. Кызласов[52].

Так, через посредство таласских надписей на валунах получаем возможность говорить об относительной одновременности ачикташских резов и енисейских надписей. В таласских же памятниках находим и палеографическое свидетельство опосредованного взаимодействия ачикташского и енисейского письма. Облик одного из таласских знаков для передачи γ (табл. XIV, № 65, слева), очевидно, является результатом

приспособления пришлой енисейской формы «скобочного» ᛉ (табл. XIV, № 51, справа) к местной ачикташской «перекрестной» форме (табл. XIV, № 65, справа) (табл. XVIII, В).

Таким образом, приведенные данные позволяют отнести ачикташский текст к довольно широкому хронологическому периоду (VIII?) IX—X вв. По-видимому, в общих чертах он одновременен такому культурному явлению, как доно-кубанская письменность. Присущие ачикташской палочке несхожие с восточноевропейским письмом знаки указывают, что перед нами образец хоть и очень близкого к доно-кубанским рунам, но вполне самостоятельного алфавита.

В 1949 г., публикуя руническую надпись на пряслице Минусинского музея, С.В. Киселев отметил палеографическую близость этого памятника к надписи ачикташской палочки. Зная другие надписи Енисея, в том числе и некоторые из тех, которые мы ныне выделяем в особый южноенисейский алфавит, исследователь даже предположил древнехакасское («кыргызское») происхождение таласской находки[53]. Сходство знаков на пряслице и на палочке, судя по короткому замечанию, признавал и С.Е. Малов[54]. Разделяют это мнение А.М. Щербак и С.Я. Байчоров[55]. Имеющиеся ныне материалы позволяют развить наблюдения этих исследователей и сопоставить знаки ачикташского текста с южноенисейским алфавитом. Близость их даже бóльшая, чем с восточноевропейскими надписями. Из двадцати одной формы ачикташских знаков (табл. XIX, № 19, 22—26, 28—30, 33, 35—42, 50—52) только три не имеют южноенисейских аналогий (№ 50—52). Кроме того, знак № 51 в равной степени присущ таласской и енисейской рунической письменности (табл. XIV, № 44)[56]. Вместе с тем нет оснований говорить о палочке как о памятнике южноенисейского письма. Дело не в том, что многие сибирские знаки (№ 43—49) не встречены в ее надписи. Куда важнее, что знак № 52, часто употребляемый в ачикташской надписи, совершенно незнаком южноенисейскому алфавиту. Кроме того, знак № 42 встречен на Енисее лишь однажды, в то время как на палочке он вполне обычен.

Надписи на гранях палочки демонстрируют нам четвертый алфавит, родственный донскому, кубанскому и южноенисейскому письму. Дать ему название в прежних традициях сложно — образец обнаружен не только на той же реке, что и многочисленные надписи на камнях, за которыми уже закрепилось название таласских, но даже в окрестностях того же населенного пункта — ст. Дмитриевской (рис. 7, *1*). Оставаясь приверженцем не этнических, а условно-географических наименований такого рода культурных явлений, предлагаю называть алфавит, представленный на еловой палочке, ачикташским.

Выяснив особенности надписи на палочке, можно заметить, что она не является единственным образцом ачикташского алфавита. Ближайшей аналогией этой надписи являются письмена, выбитые на скале в ущелье Тозбулак (горы Кульджуктау, Кызылкумы — рис. 7, *2*; Приложение)[57]. Здесь не только встречаются общие для выделяемых алфавитов знаки, но и специфическая ачикташская руна № 6 (табл. XVIII). Тозбулакская надпись позволяет дополнить ачикташский алфавит четырьмя буквами (№ 22—25). Общее число известных знаков этой письменности возрастает до 25 (табл. XVIII), добавляются некоторые разновидности уже знакомых форм (№ 2, 5—8). Яснее выступает сходство ачикташского и доно-кубанского письма (табл. XIX, № 27, 31, 32, 34), его своеобразие (№ 52). Вновь явно проступает особенная близость ачикташского и южноенисейского алфавитов (табл. XIX, № 22—42). Выделяя этот рунический алфавит, ачикташской палочке следует присвоить индекс А 1, тозбулакской надписи — А 2 (Приложение). Датировать последнюю ныне сложно. Возможно, она одновременна наскальным изображениям, с которыми соседствует[58]. Однако установить время их создания еще предстоит. Очевидно, что рука, наносившая текст, встретила уже имевшиеся на скале фигуры и обошла одну из них, разместив два знака ниже основной строки.

Третьим памятником ачикташского письма (А 3) является надпись на обломке венчика кувшина, найденная в 1987 г.

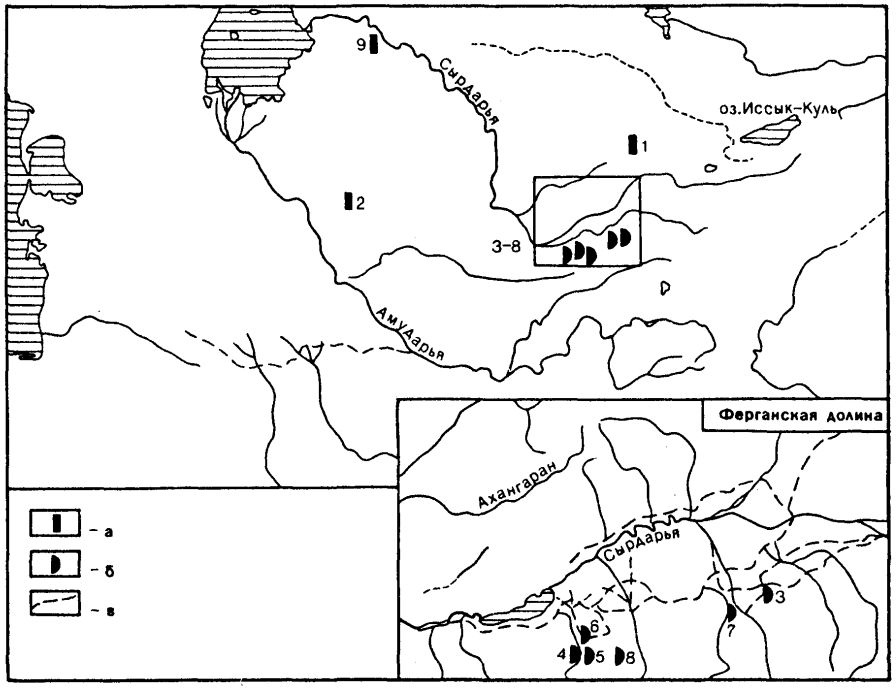

Рис. 7. Расположение памятников ачикташского (а) и исфаринского (б) письма
1 – Ачикташ, *2* – Тозбулак, *3* – Кува, *4* – Калаи-Кафир, *5* – Калаи-Боло, *6* – Кизил-Пиляу, *7* – Ош-хона, *8* – Актепе, *9* – Алтын-асар; в – каналы

Л.М. Левиной в Квадратном здании Алтын-асара в древних низовьях Сырдарьи (рис. 7, 9). Текст конца VII — начала VIII в., любезно показанный мне исследовательницей, опубликовавшей его совместно с С.Г. Кляшторным[59], содержит 12 разновидностей букв. Десять из них находят аналогии в знаках А 1 и А 2 (табл. XVIII, № 1, 2, 4, 5, 8—10, 15, 20, 21), дополняя представления об индивидуальной изменчивости одних форм (№ 2, 4, 5, 8, 9, 20) и устойчивости облика других (№ 10). Особенностью алтынасарской надписи является размещение ряда знаков с поворотом по вертикальной оси (№ 15, 20, 21). Эта надпись позволяет пополнить состав ачикташского алфавита двумя ранее не встреченными буквами (№ 26, 27). Одна из них (№ 27), по-видимому, была употреблена дважды, но в первом случае — в самом начале текста — разрушена обломом черепка (№ 28). В целом надпись А 3 подтверждает принадлежность ачикташской письменности ко вновь выделяемой группе рунических алфавитов, демонстрируя черты ее сходства с донским и кубанским письмом и особенную близость к южноенисейскому алфавиту (табл. XIX, № 26, 35, 40). Вместе с тем закрепляются и определенные особенности ачикташской азбуки (№ 39). Данная черта столь существенна, что порождает сомнения в правильности сопоставления одного из знаков тозбулакской надписи с буквами типа № 2 на табл. XVIII (ср., правда, табл. XIX, № 39). Возможно, в нем следует видеть зеркальный вариант № 27 (табл. XVIII). Вероятно, при учете облика знака № 9 на табл. XVIII можно предварительно отметить восхождение этой буквы и донской руны № 2 (табл. XIX) к общей исходной форме.

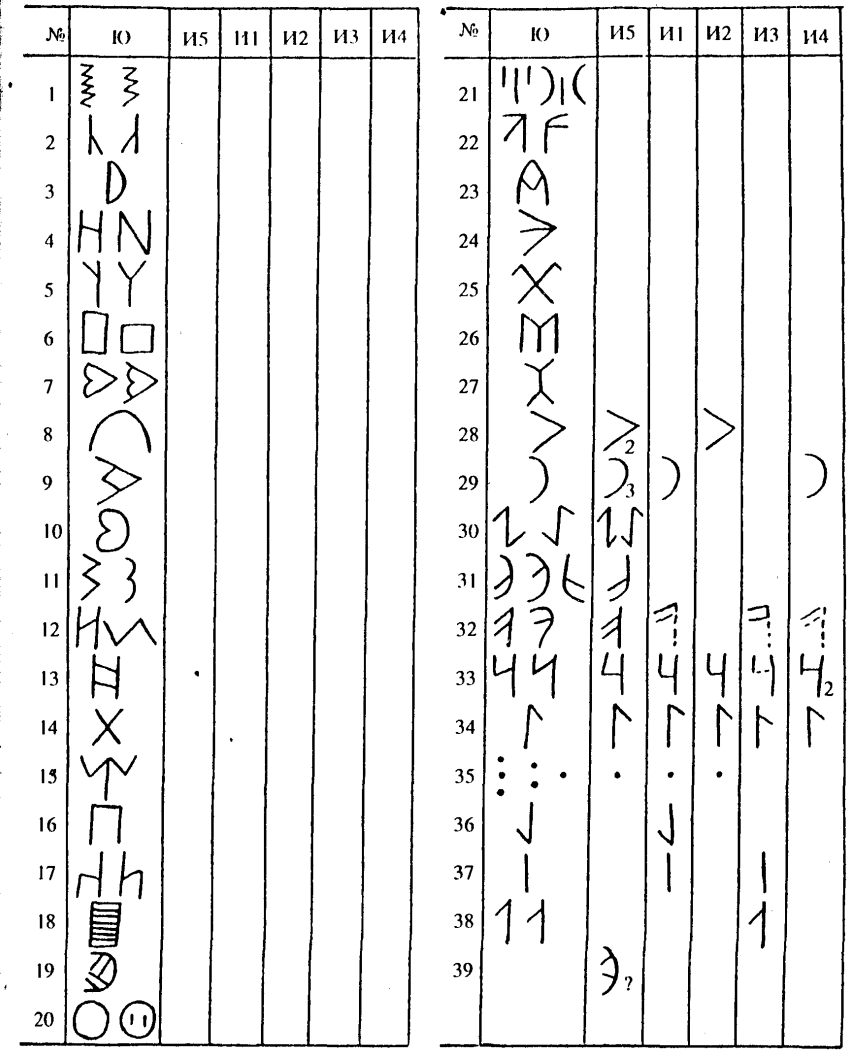
Ныне ачикташский алфавит представлен 27 письменными знаками, и нет сомнения, что состав его пока неполон. Однако известных материалов достаточно, чтобы определить место этой письменности среди других рунических алфавитов. Надо полагать, что новые открытия ачикташских надписей подтвердят и детализируют приведенные выше наблюдения и выводы.

* * *

В Средней Азии известно еще несколько рунических надписей, знаки которых, вероятно, относятся к письму изучаемой группы алфавитов. Эти памятники найдены в Ферганской долине (рис. 7, *3*—*8*). Наиболее уверенно к кругу изучаемых письмен можно отнести надпись И 5 (Приложение), выведенную по еще сырой глине под венчиком хума, обломки которого обнаружены на городище Кува (рис. 7, *3*). На ограниченной обломами части сосуда уцелело 12 знаков, считая словоразделитель — точку. Все они находят себе аналогии в южноенисейском письме (табл. XX, № 28—35), кроме одного знака № 39, вероятно подобного кубанской букве № 54 в табл. XIX. По отношению к первой и последней кувинским рунам, сохранившимся не полностью, допускаем элемент реконструкции. С определенным риском относим к нашей группе другой отрывок надписи (И 1), уцелевшей на обломке венчика

Таблица XX

Сравнение знаков южноенисейских (Ю) и исфаринских (И 1 — И 5) надписей

сосуда, найденного в крепости Калаи-Кафир (рис. 7, *4*; Приложение). Исследователи восстановили частично сохранившийся первый знак как енисейское t^1 (табл. XIV, № 58). Полагаем — и на этом частично основывается гипотеза об отнесении текста к новому алфавиту, — что буква имела облик пятого знака кувинской надписи (табл. XX, № 32). При таком понимании сочетание трех первых рун И 1 соответствует 5-му—7-му знакам текста из Кувы.

Существенно употребление здесь аналогичного словоразделителя в виде точки. Как известно, эта особенность отсутствует в рунических надписях Азии, кроме южноенисейских. В кувинском тексте наличествуют и три другие буквы надписи Калаи-Кафир (табл. XX, И 1). Они дополняются двумя новыми формами (пятая и седьмая руны — № 36, 37), которые также находят подобие в южноенисейском алфавите. Последний знак надписи (табл. XX, № 37) считаем полной формой, доверяя в этом наблюдениям археологов[60]. Четыре знака третьей надписи (И 2) сохранились на обломке крупного венчика, из крепости Калаи-Боло (рис. 7, *5*; Приложение). Их сходство с вышеописанными текстами и словоразделительный знак в виде точки также позволяют отнести эту надпись к выделяемому алфавиту (табл. XX).

Воспринимая названные три надписи как палеографически единое явление, получаем возможность отметить значительную близость к ним еще двух надписей на обломках венчиков хумов, нанесенных до обжига. На снимке первого фрагмента (И 3) с горы Кизил Пиляу (рис. 7, *6*), изданном А.Н. Бернштамом[61], неясно видно перекладину второй руны (первая сохранилась частично) и иначе, чем в наборном воспроизведении текста, воспринимается последний знак (Приложение). Не имея возможности познакомиться с оригиналом, мы не можем настаивать на этих особенностях. Однако несомненно, что остатки первой из пяти рун надписи не следует связывать со знаком k из орхоно-енисейских алфавитов (табл. XIV, № 28), а надо реконструировать как руну № 32 (табл. XX), типичную для выделяемой группы рунических алфавитов. На втором обломке с надписью И 4 из замка Ош-хона (рис. 7, *7*) сохранился лишь конец текста из четырех рун и очень небольшая часть предшествующего знака (Приложение). Имея в виду устойчивое сочетание трех рун, отмеченное для надписи Кувы и, вероятно, Калаи-Кафир, допустимо полагать, что и здесь несохранившаяся буква была знаком № 32 (табл. XX).

Таким образом, из девяти опубликованных руноподобных надписей, найденных в Фергане (Приложение), пять можно отнести к руническому алфавиту, сопоставимому с южноенисейским. Материалы позволяют отметить для него только 12 форм знаков, включая словоразделительную отметку (табл. XX). С одной стороны, это объясняется фрагментарностью текстов, с другой — вероятно, близостью их содержания. Состояние источников не позволяет отнести эти ферганские надписи прямо к южноенисейскому письму. В то же время в них нет палеографических особенностей географически более близких ачикташских надписей. Поэтому ныне целесообразно воспринимать эти письменные памятники как образцы особого алфавита (по первым находкам назовем его исфаринским), относящегося к выделяемой группе новых рунических письмен. Единственным своеобразием начертаний на посуде является прямая горизонтальная перекладина знака № 33 (табл. XX). В соответствии с порядком публикации надписи обозначены индексами И 1—И 5.

Наиболее надежно датирована кувинская находка (И 5). Она происходит с поселения VII—VIII вв. (возможно даже — второй половины VII — первой четверти VIII в.) и, по утверждению автора раскопок, обнаружена на дневной поверхности VII в.[62]. Остальной материал встречен в трудных для точных хронологических определений условиях. Письменные памятники Калаи-Боло I (И 2) (происходящий из слоя завала IX яруса с разновременными находками) и Калаи-Кафир (И 1) (поднятый на поверхности) определяются временем существования крепостей — VI—VIII вв.[63], в подобном положении находится и случайная находка из Ош-хона (И 4).

5. ВЫДЕЛЕНИЕ ЕВРОАЗИАТСКОЙ ГРУППЫ РУНИЧЕСКИХ АЛФАВИТОВ

Из сопоставления новочеркасских, маяцких и хумаринских надписей Ю. Немет сделал следующий вывод: «Мы не можем прочитать эти надписи, каждую из них, но в любой из них есть буквы одинаковой своеобразной формы, все они представляют е д и н у ю письменность: хазарское руноподобное письмо»[64]. Это мнение разделяют С.Г. Кляшторный и И. Вашари[65]. Иной подход к оценке палеографических расхождений встречаем у С.Е. Малова. Несходство таласских и енисейских текстов по облику трех букв (γ, s^1, m) оценивалось классиком рунологии как «весьма крупная особенность памятников»[66]. При любой степени сходства буквенного состава конкретных письменных систем наличие в одной из них хотя бы нескольких закономерно употребляемых знаков, не применяемых в другой, служит для нас отличительным признаком двух различных алфавитов. Вполне понятно, что такой разграничительный критерий не отрицает возможного исторического родства близких по набору знаков письменностей.

Рассмотренные в предыдущих разделах эпиграфические материалы позволяют выдвинуть гипотезу о существовании особой, ранее не вычленяемой востоковедами группы рунических алфавитов. К ней относятся донской, кубанский, ачикташский, исфаринский и южноенисейский алфавиты.

Сопоставление их между собой (табл. XXI) приводит к заключению об их значительной близости. Хотя для каждой разновидности письмен отсутствуют крупные тексты и, следовательно, очевидна неполнота известных нам знаков (к тому же учтены лишь несомненные начертания), получаемая при сравнении картина довольно убедительна. Из 41 формы знаков, отмеченных в восточноевропейских доно-кубанских надписях, 31 находит аналогии в среднеазиатских и сибирском алфавитах (табл. XXI, № 10—39, 50). Среди них — наиболее обычные знаки. Изучаемые рунические алфавиты Азии сегодня представлены большим разнообразием форм букв и словоразделителей: их 44 (в № 49 две разновидности).

Таблица XXI

Евроазиатская группа степных рунических алфавитов:
донской (Д), кубанский (К), южноенисейский (Ю), ачикташский (А), исфаринский (И)

№	Д	К	Ю	А	И	№	Д	К	Ю	А	И
1						18					
2						19					
3						20					
4						21					
5						22					
6						23					
7						24					
8						25					
9						26					
10						27					
11						28					
12						29					
13						30					
14						31					
15						32					
16						33					
17						34					

Таблица XXI
(окончание)

№	Д	К	Ю	А	И	№	Д	К	Ю	А	И
35						45					
36						46					
37						47					
38						48					
39						49					
40						50					
41						51					
42						52					
43						53					
44						54					

Таблица XXII
Общие знаки евроазиатских рунических алфавитов

1		6		11		16		21		26	
2		7		12		17		22		27	
3		8		13		18		23		28	
4		9		14		19		24			
5		10		15		20		25			

Имеющийся набор позволяет наметить не только сходство между алфавитами, но и различие. Письмена разделяются на две части. Показательно, что в одну входят обе западные формы, а в другую — восточные[67]. Разграничение намечается по серии часто употребляемых знаков, известной лишь одной из частей алфавитов (№ 3—7 и 40—42, 49). Особо оговорим букву № 42, не встречающуюся в восточноевропейских текстах. Подобный знак был высечен среди других на камне в окрестностях д. Большое Микушкино в районе Самарской луки на р. Сук. А. Рона-Таш предполагал, что существование там двух строк по 5—6 знаков исключает возможность их отнесения к тамгам[68]. Но их следует расценивать именно так. Об этом свидетельствуют, во-первых, аршинные (согласно источнику) размеры знаков, высеченных на гигантском камне (4—5 × 3 × 1,5 м), во-вторых, такие сочетания тамг на одном камне известны не только в Азии, но и в Европе (например, на отесанных блоках и колоннах, используемых не по прямому назначению, а так же, как и природные каменные вехи[69]). Расположенные рядами тамги, первоначально воспринятые как надписи, найдены и на камнях в Европейской России[70]. На блоках Маяцкого городища также известны тамги, выбитые в ряд[71].

Будучи весьма близкими между собой по составу знаков (табл. XXI, XXII), пять выделенных алфавитов в то же время явно отличаются от так называемой орхоно-енисейской рунической письменности. Выше было подробно показано такое отличие от «классической» рунической азбуки донского и кубанского алфавитов (табл. XIV), несходство южноенисейского письма (табл. XVI). Из совокупного сопоставления полученных азбук с традиционно выделяемыми письменностями (табл. XXIII) явно проистекает необходимость признать существование двух палеографически отличных групп тюркских рунических алфавитов. Первая — давно и хорошо известная и представленная весьма значительным числом письменных памятников — объединяет основным набором знаков три самостоятельных алфавита: енисейский, орхонский и таласский. Вторая — выделяемая впервые и сегодня представленная более скромными материалами — состоит из пяти описанных здесь алфавитов. Можно полагать, что обе группы, связанные внутри себя происхождением и развитием, в то же время генетически чужеродны друг другу и сформировались независимо. Учитывая географию распространения письменности первой группы (Южная Сибирь — Центральная Азия — Семиречье), предлагаем называть ее азиатским руническим письмом. Вторая группа, представленная в Европейской России, в Средней Азии и Южной Сибири, может именоваться евроазиатским руническим письмом[72] (рис. 8).

Результаты произведенного сравнительно-типологического анализа знаков, составляющих рунические надписи Евразии, позволяют считать, что имеющееся в литературе членение текстов на так называемую восточноевропейскую и центральноазиатскую руники (ВЕР и ЦАР)[73], или азиатскую и европейскую разновидность древнетюркского рунического письма[74], и т.п. теряет свою силу, ибо

Таблица XXIII

Степные рунические алфавиты евроазиатской и азиатской групп: донской (Д), кубанский (К), южноенисейский (Ю), ачикташский (А), исфаринский (И), енисейский (Е), орхонский (О), таласский (Т)

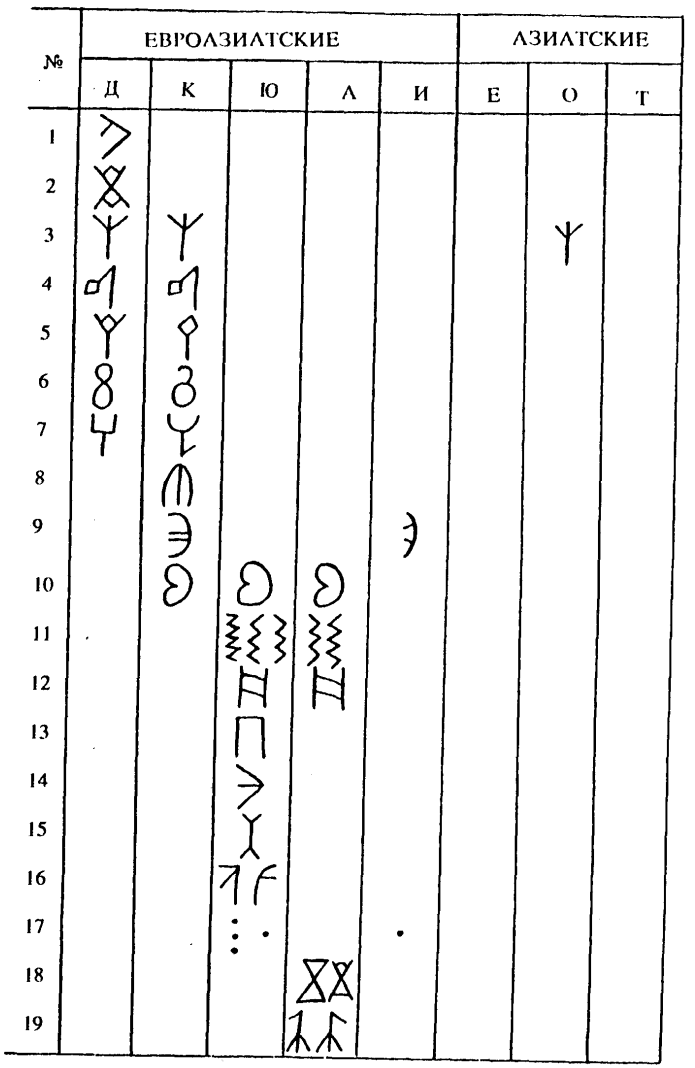

Таблица XXIII
(продолжение)

№	ЕВРОАЗИАТСКИЕ					АЗИАТСКИЕ		
	Д	К	Ю	Л	И	Е	О	Т
20								
21								
22								
23								
24								
25								
26								
27								
28								
29								
30								
31								
32								
33								
34								
35								
36								
37								
38								

Таблица XXIII
(продолжение)

№	ЕВРОАЗИАТСКИЕ					АЗИАТСКИЕ		
	Д	К	Ю	Л	И	Е	О	Т
39								
40								
41								
42								
43								
44								
45								
46								
47								
48								
49								
50								
51								
52								
53								
54								
55								
56								
57								

Таблица XXIII
(окончание)

№	ЕВРОАЗИАТСКИЕ					АЗИАТСКИЕ		
	Д	К	Ю	А	И	Е	О	Т
58								
59								
60								
61								
62								
63								
64								
65								
66								
67								
68								
69								
70								
71								
72								
73								
74								
75								
76								
77								

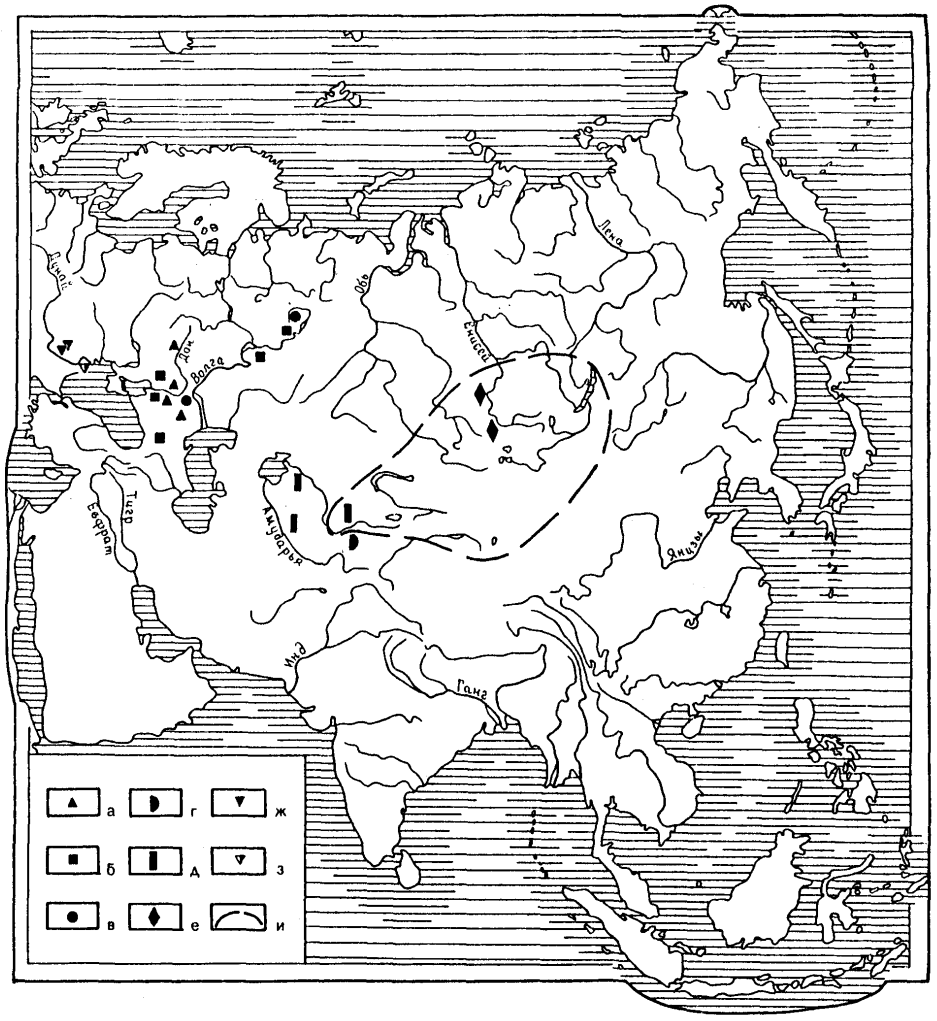

Рис. 8. Распространение памятников евроазиатской и азиатской групп степных рунических алфавитов: а – донского, б – кубанского, в – доно-кубанского, г – исфаринского, д – ачикташского, е – южноенисейского, ж – тисской письменности, з – Мурфатлар, и – енисейского, орхонского и таласского письма (обобщенно)

не имеет строгих палеографических оснований. По той же причине не может быть принята и тезисно высказанная С.Г. Кляшторным мысль о существовании двух соответствующих систем рунического письма[75].

[1] *Donner O.* Sur l'origine de l'alphabet turc du Nord de l'Asie. — JSFO. 1896, 14, с. 42, рис. XIX; *Мелиоранский П.М.* Два серебряных сосуда с енисейскими надписями. — ЗВОРАО. 1902, т. 14, с. 20—22.

[2] Архив ИИМК РАН, ф. 24, № 68, л. 2, 4.

[3] Попытки прочтения этих надписей не как тюрко-, а как ирано-, семито- или славяноязычных производились, естественно, на иной основе, разбор которой не входит в нашу задачу.

[4] *Щербак А.М.* О рунической письменности в Юго-Восточной Европе. — СТ. 1971, № 4, с. 81, 82.

[5] *Щербак А.М.* Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. — СА. 1954, 19, с. 269—271, 277—280; *Németh J.* The Runiform Inscriptions from Nagy-Szent-Miklós and the Runiform Scripts of Eastern Europe. — Acta Linguistica. Budapest, 1971, t. 21, fasc. 1—2, с. 43—47, 50.

[6] *Kljaštornyi S.G., Vásáry I.* A Runic Inscription on a Bull-Skull from the Volga Region. — Between the Danube and the Caucasus. Budapest, 1987, с. 172, 173.

[7] *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Восточной Европы. Новые аспекты изучения. — Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1989; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии. Опыт палеографического анализа. М., 1990, с. 6—80.

[8] *Кызласов И.Л.* Рунические надписи Маяцкого городища. — Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., 1990; *он же.* Обстоятельства обнаружения первой рунической надписи Маяцкого городища. — Там же; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, с. 6—29.

[9] *Кузнецов В.А.* Надписи Хумаринского городища. — СА. 1963, № 1, с. 303; *Минаева Т.М.* К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, с. 218; *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 101, 134, табл. 35, 13; *Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники Европы. Ставрополь, 1989, с. 170—173.

[10] Расчленение рунических памятников юга России на донские и кубанские встречается у А.М. Щербака (О рунической письменности, с. 77, 80), однако лишь в географическом смысле.

[11] См., например: *Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники; *Хабичев М.А.* О древнетюркских рунических надписях в аланских катакомбах. — СТ. 1970, № 2; *он же.* Словообразовательный и этимологический анализ некоторых карачаевских этнонимов. — Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногайского языков. Ставрополь, 1981.

[12] *Кляшторный С.Г.* Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки. — СА. 1979, № 1.

[13] Руноподобные надписи ныне известны на двух других волжско-болгарских изделиях XI—XII вв. (*Бегоматов Е.А.* Руническая надпись на пряслице с булгарского селища. — Истоки татарского литературного языка. Казань, 1988; *Старостин П.Н.* Сабля с рунической надписью из села Именьково Казанской губернии. — Там же). Работа с ними по публикациям затруднена.

[14] *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Восточной Европы, с. 256.

[15] *Golb N., Pritsak O.* Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca—London, 1982, с. 9.

[16] *Щербак А.М.* О рунической письменности, с. 78—81.

[17] *Juhász I.* Ein awarenzeitlicher Badelbehälter mit Kerbschrift aus Szarvas. — AAH. 1983, t. 35, fasc. 3—4; *Sándor T.* Mirõl szól a Szarvasi avar kori csont tütártó rovásíra-sa? — Élet és Tudomany. Budapest, 1985, № 34, с. 1065—1067; *Róna-Tas A.* A szarvasi tütártó felirata. — Különlenyomat a Nyelvtudományi Közlemények. Budapest, 1985, t. 87, fasc. 1; *Vekony G.* Spätvölkerwanderungszeitliche Kerbinschriften im Karpatenbecken. — AAH. 1987, t. 39, fasc. 3—4, рис. 2—5; *Эрдели И.* Новейшая руническая надпись из Венгрии. — Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1989.

[18] Основания для датировки см.: *Marschak B.I.* Silberschätze des Orients. Metalkunst des 3.—13. Jahrhunderts und ihre Kontinuität. Lpz., 1986, с. 308. сл. Сопоставление сарвашских знаков с рунами поздних венгерских (секельских) надписей (*Sándor T.* Miröl szól, с. 1067) убеждает нас в их несходстве.

[19] *Hampel J.* Der Goldfund von Nagy-Szent-Miklós sogenannter «Schatz des Attila». Budapest, 1885; *Németh J.* Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklós, Budapest—Leipzig, 1932; *он же.* The Runiform Inscriptions; *Orkun H.N.* Eski türk yazıtları. 2. İstanbul, 1938; *Mavrodinov N.* Le trésor protobulgare de Nagyszentmiklós (Archaeologia Hungarica, XXIX). Budapest, 1943. Хорошую фотографию надписи ритона 17 см.: *Ваклинов С., Ваклинова М.* Съкровището от Над Сент Миклош. София, 1983, с. 71.

[20] *Németh J.* The Runiform Inscriptions, с. 48.

[21] *Дончева-Петкова Л.* Знаци върху археологически паметници от средневековна България VII—X век. София, 1980; *Tryjarski Ed.* The Tamgas of the Turkic Tribes from Bulgaria. — Ural-Altaische Jahrbücher. Wiesbaden, 1975, Bd. 47; *Макарова Т.И., Плетнева С.А.* Типология и топография знаков мастеров на стенах Внутреннего города Плиски. — Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. София, 1984.

[22] Даже с формальной точки зрения знаков, сходных с доно-кубанским письмом, среди этих тамг очень мало (*Дончева-Петкова Л.* Знаци върху, Табл. I, *5а, 27б*; IV, *2в, 4, 32, 35, 40, 41*; VI, *7*; VIII, *1г*; IX, *1—5*; XIII, *2б*; XV, *1а*), а характерные руны вообще не имеют аналогий.

[23] *Комша М.* Знаки раннефеодальной эпохи, вырезанные на римско-византийской колонне. — Dacia. Bucureşti, 1962, 6.

[24] См., например: *Юсупов Г.В.* Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960, с. 43, 44; *Каховский В.Ф.* О рунической письменности древних чувашей. — 100 лет новой чувашской письменности. Чебоксары, 1973; *Халиков А.Х.* Руническите знаци и надписи от Волжка България и техните дунавски паралели. — Археология. София, 1988, № 3.

[25] *Барня И.* Предварительные сведения о каменных памятниках в Басараби. — Dacia. Bucureşti, 1962, 6; *Barnea I.* Reprezentarea labirintului pe monumentele repeste de la Basarabi. — Studii şi cercetări de istorie veche. Bucureşti, 1963, № 1. Fig. 2; *Németh J.* The Runiform Inscriptions, Fig. XIV; *Beševliev V.* Beobachtungen über die protobulgarischen Runenschriften bei Basarabi (Murfatlar). — Bulletin du Musée National de Varna. Varna, 1977, 13 (28); *Бешевлиев В.* Етническата принадлежност на рунните надписи при Мурфатлар. — Векове. София, 1976, № 5; *он же.* Първобългарите. Бит и култура. София, 1981, рис. 5.

[26] *Бешевлиев В.* Етническата принадлежност; *он же.* Beobachtungen; *Tryjarski Ed.* Nieznany alfabet. — Problemy. Warszawa, 1980, № 3; *Попконстантинов К.* Книжовен и просветен център от IX—X век. — Музеи и паметници на културата. София, 1982, № 2, с. 47.

[27] *Tryjarski Ed.* Nieznany alfabet; *он же.* Две загадочные надписи, составленные малоизвестным письмом. — Восточная филология. Тб., 1983, 5.

[28] *Попконстантинов К.* Книжовен и просветен център, с. 46—48 и рис.

[29] Ср. типологически показательную ситуацию: внешне подобные византийский алфавит и кириллица различаются половиной составляющих их знаков (*Истрин В.А.* Возникновение и развитие письма. М., 1965, с. 415, 416, 419, 420). Следовательно, при отмеченном показателе сходства европейских и азиатских алфавитов допущение об их генетической связи повлекло бы вывод о несходстве языков этих надписей, потребовавшем приспособления алфавитной основы к новым фонетическим условиям.

[30] *Кызласов И.Л.* Новая руническая письменность Южной Сибири. — Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988.

[31] *Щербак А.М.* Несколько слов, с. 270. Ср.: *он же.* О рунической письменности, с. 82.

[32]Работа над этой книгой была уже закончена, когда автору стал известен восемнадцатый памятник южноенисейского письма, открытый на Горном Алтае: *Кляшторный С.Г., Маточкин Е.П.* Руническая надпись Карбана. — ИСОАН. История, филология и философия. 1991, № 1 (Ю 18; Приложение).

[33]*Кызласов Л.Р.* Древнехакасская культура чаатас VI—IX вв. — Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, с. 49, 50, рис. 28, *15*, *43*.

[34]*Мандельштам А.М.* Отчет о полевых работах отдельного отряда СТАЭ в 1971 г. Архив ИА РАН. Д. 4832, с. 3.

[35]*Кызласов И.Л.* Новая руническая письменность Южной Сибири, с. 110—113, рис. 4, 8.

[36]*Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. М., 1969, с. 32 и сл., 82.

[37]*Кубарев В.Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984, с. 54, 55, табл. XXXIX.

[38]См. впускное древнехакасское погребение: *Кубарев В.Д.* Древнетюркские изваяния, с. 56; Табл. XLVIII; а также, вероятно: *Могильников В.А., Елин В.И.* Курганы Талдура. — Археологические исследования в Горном Алтае в 1980—1982 гг. Горно-Алтайск, 1983, с. 131, 132, 138, рис. 12, 13.

[39]*Кызласов И.Л.* Древнехакасские надписи на плитах кургана Узун оба. — СТ. 1985, № 1, с. 60; *он же.* Отражение этнополитических традиций в памятниках рунической письменности. — Маргулановские чтения. Материалы конференции. А.-А., 1989, с. 265.

[40]Ныне об этих связях свидетельствует также применение знака в виде спаренных треугольников (табл. XXVI, *3*; XXXI, *4*) в южноенисейской надписи Карбан: *Кляшторный С.Г., Маточкин Е.П.* Руническая надпись, рис. 1 (Ю 18; Приложение).

[41]Предположение подтвердилось с обнаружением надписи Карбан (Ю 18).

[42]*Малов С.Е.* Таласские эпиграфические памятники. — Материалы Узкомстариса. М.—Л., 1936, вып. 6—7, с. 34—36; *он же.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, с. 67, 68.

[43]*Щербак А.М.* Несколько слов, с. 270; *он же.* Знаки на керамике и кирпичах из Саркела — Белой Вежи. — МИА. 1959, 75, с. 387, 388; *он же.* О рунической письменности, с. 81.

[44]*Васильев Д.Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. М., 1983, с. 75 (Талас-7).

[45]*Массон М.Е.* К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии. — Материалы Узкомстариса. М.—Л., 1936, вып. 6—7, с. 13.

[46]*Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, с. 57.

[47]*Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии. Фрунзе, 1963, вып. 1, рис. 6; *Васильев Д.Д.* Графический фонд, с. 105, табл. 7, № 9.

[48]*Кормушин И.В.* К основным понятиям тюркской рунической палеографии. — СТ. 1975, № 2, с. 47, табл. 2, Т.

[49]*Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, с. 57, 63.

[50]*Heikel H.J.* Alterthümer aus dem Tale des Talas in Turkestan. — Travaux ethnographiques. Helsinki, 1918, 7.

[51]*Винник Д.Ф., Кожемяко П.Н.* Памятники древнетюркской письменности из урочища Айртам-Ой. — Новые эпиграфические находки в Киргизии. 1951. Фрунзе, 1962, с. 5—10.

[52]*Кызласов Л.Р.* О датировке памятников енисейской письменности. — СА. 1965, № 3, с. 44, примеч. 34.

[53]*Киселев С.В.* Письменность енисейских кыргыз. — КСИИМК. 1949, 25, с. 40, 41. Исследователь относил палочку к VII или VIII в. Материалы вошли и в книгу С.В. Киселева (Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 613, 614).

[54]*Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, с. 68.

[55]*Щербак А.М.* Несколько слов, с. 270; *Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники, с. 16—18.

[56]С.Е. Малов предполагал, что буква, подобная ачикташскому знаку № 50 (табл. XIX), употреблена в енисейской надписи Е 38 (*Малов С.Е.* Таласские эпиграфические памятники, с. 34; *он же.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, с. 65. См. также: *Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. М., 1983, с. 28, 66. Ср. иное истолкование этого места надписи: *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, с. 67, 68; Древнетюркский словарь, с. 379, ögdäm II). Изучение оригинала наскальной надписи убеждает, что там нет знака, аналогичного ачикташскому, — в тексте применена недостаточно ясно прописанная руна для z (см. здесь рис. 13, *1*). Данное место может быть прочитано как ög ediz inal и воспринято в качестве значимого имени и титула — «Инал Возвышенного Разума».

[57]*Оськин А.В.* Новые находки петроглифов в Кызылкумах. — Полевые исследования Института этнографии. 1976. М., 1978, с. 72, 73, рис. 5; *Кляшторный С.Г.* Наскальная руническая надпись в Кызылкумах. — Там же, с. 173.

[58]*Оськин А.В.* Новые находки, с. 173.

[59]*Кляшторный С.Г., Левина Л.М.* Об одной рунической надписи с городищ Алтын-асар (Восточное Приаралье). — Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989. При датировке опираюсь на консультацию Л.М. Левиной.

[60]*Давидович Е.А., Литвинский Б.А.* Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955, с. 169. (Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Т. 35).

[61]*Бернштам А.Н.* Древнетюркские рунические надписи из Ферганы. — ЭВ. 1956, 11, рис. 3.

[62]*Булатова В.А.* Руническая надпись на хуме из Ферганы. — Общественные науки в Узбекистане. 1965, № 8, с. 60, 61.

[63]*Давидович Е.А., Литвинский Б.А.* Археологический очерк, с. 121, 146.

[64]*Németh J.* The Runiform Inscriptions, с. 45.

[65]*Kljaštornyi S.G., Vásáry I.* A Runic Inscription, с. 172, 173, 179.

[66]*Малов С.Е.* Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна р. Талас. — ИАН, отд. гуманитарных наук, 1929, с. 800.

[67]Здесь и в дальнейшем следует помнить об условности выделения исфаринского письма и вероятной неоднородности южноенисейского алфавита.

[68]*Róna-Tas A.* A Runic Inscription in the Kujbyšev Region. — AOH. 1976, vol. 30, f. 3, с. 267—271.

[69]*Бешевлиев В.* Първобългарите, Рис. 7; *Комша М.* Знаки раннефеодальной эпохи; *Mavrodinov N.* Le trésor protobulgare, Fig. 46, *19—21*; *Pudič I.* Sudikovski znaci. — Naučno Društvo Bosne i Hercegovine. Godišnjak III. Centar za Balkanološki ispitavanija. Sarajevo, 1965, Kn. 1.

[70]*Кляшторный С.Г.* По поводу башкирской находки. — СТ. 1980, № 2. Сюда же, видимо, следует отнести и памятник, изданный В.Х. Хаковым (*Хаков В.Х.* Камень с рунической надписью из деревни Сарабиккулово Лениногорского района Татарии. — Истоки татарского литературного языка. Казань, 1988).

[71]См., например: *Нахапетян В.Е.* Граффити Маяцкого городища. — Маяцкий археологический комплекс. М., 1990, рис. 12, 26, 27.

[72]В предшествующих работах эта группа степных рун именовалась «евразийской» (*Кызласов И.Л.* Две группы тюркских рунических алфавитов. Опыт выделения. — Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. М., 1987; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Восточной Европы; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии. Опыт палеографического

анализа. М., 1990). Замена термина вызвана его ощутимым неудобством, возникающим при совокупном рассмотрении рунических письмен степной зоны всей Евразии: и азиатской и евроазиатской групп.

[73] *Кляшторный С.Г.* Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки; *Kljaštornyj S.G., Vásáry I.* A Runic Inscription и др.

[74] *Németh J.* The Runiform Inscriptions, с. 48; *Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники Европы.

[75] *Кляшторный С.Г.* Древнетюркская цивилизация: диахронические связи и синхронические аспекты. — СТ. 1987, № 3, с. 59.

Глава II

РУНИЧЕСКИЕ АЛФАВИТЫ АЗИАТСКОЙ ГРУППЫ

В 1895 г. палеографический анализ азиатских памятников рунического письма привел академика В.В. Радлова к выводу о существовании и независимом развитии двух алфавитов: енисейского и орхонского[1]. Позднее к этому положению добавились представления о былом наличии третьей рунической азбуки — таласской, яснее всего выраженные С.Е. Маловым уже при первых его прочтениях этих памятников в 1929 г.[2].

Анализ различий этих трех алфавитов привлекал внимание в большей степени историков, чем языковедов. Эпиграфисты стремились исследовать состав рунических знаков главным образом в двух направлениях: выясняли и уточняли их фонетическое значение, а также пытались установить происхождение рунической письменности. Сравнительно-палеографическое изучение письмен не только не занимало большого места в рунологических работах, но было, пожалуй, направлено на обоснование незначительного расхождения таласских, енисейских и орхонских памятников[3]. С одной стороны, это, вероятно, вызывалось влиянием сугубо лингвистического взгляда на рунические памятники Азии как на памятники, близкие или единые в языковом отношении, с другой — воздействием исторических схем, недостаточно учитывающих конкретно-исторические различия в разнообразных процессах развития местных раннесредневековых обществ. Так или иначе, но наиболее серьезную аргументацию в 1975 г. под пером И.В. Кормушина получила гипотеза о палеографически последовательном, преемственном развитии орхонского письма в енисейское (таласское привлекалось в меньшей степени)[4], т.е. отмечавшиеся расхождения надписей в составе примененных знаков были по большей части объяснены эволюцией единого рунического алфавита. Обобщающая известные формы рунических знаков Азии работа Д.Д. Васильева исходила из этого же положения и в интересующем нас аспекте была направлена лишь на поиски местных письменных школ[5].

Выявление хронологических изменений облика рунических знаков, произведенное И.В. Кормушиным, имеет весьма важное значение как для палеографического датирования каждой надписи,

так и для постижения основ развития древнетюркских письменностей. Однако обе процедуры служат в конечном счете осознанию тех конкретно-исторических условий, в которых создан определенный письменный памятник или данное явление культуры. Памятуя об этом, нельзя оставлять без объяснения другую известную и характерную особенность рунических текстов — применение в одних надписях тех знаков, которые не используются в других.

И в орхонской, и в енисейской, и в таласской письменности есть не только эволюционирующие разновидности знаков, отличающие каждую из этих совокупностей памятников и подвергнутые исследованию И.В. Кормушиным, но и совершенно самобытные формы, соотносимые с другими письменами лишь по передаче одинаковых или сходных звуков. Часть из них выделена И.В. Кормушиным в группу вспомогательных палеографических показателей, часть отнесена к ювенильному слою рунических знаков[6].

На табл. XXIII выделяются пять знаков таласского письма, неизвестных для енисейского и орхонского (№ 28, 53, 75—77), четыре самобытные орхонские (№ 70—72, 74) и три енисейские руны (№ 28, 29, 31). Только в таласских памятниках № 35 (левый) имеет значение m.

Именно существование таких самобытных знаков, не имеющих среди других памятников ни аналогов, ни прототипов или производных, позволяет расценивать енисейскую, орхонскую и таласскую письменности как очень близкие, но все же отличающиеся по составу букв алфавиты. Сказанного вполне достаточно для признания этого положения. Однако как вновь полученные источники, так и сам палеографически дифференцированный взгляд на совокупность известных материалов позволяют отметить в них некоторые особенности, являющие новые пути исследования. Ступая на них, следует прежде всего проверить хронологические основы.

1. ОРХОНСКИЙ И ЕНИСЕЙСКИЙ АЛФАВИТЫ

Полевые изыскания Ц. Доржсурена, других монгольских археологов и С.Г. Кляшторного увеличили серию уйгурских стел с надписями середины VIII — первой трети IX в. до пяти памятников. Изданные палеографические таблицы[7] указывают на принадлежность надписей к орхонскому алфавиту.

Показательно употребление характерной руны b^2 без «навеса» (табл. XXIII, № 73) в Тэсинской надписи, как предполагается, несколько более поздней, чем стела Моюн-чура (Могойн Шине Усу). Подобная форма буквы встречена и в самом тексте Моюн-чура (параллельно с иным начертанием). Употребление этого знака в рунических рукописях Восточного Туркестана[8] свидетельствует, что данная палеографическая особенность сохранилась по крайней мере

до X в.[9]. Следовательно, подобная форма буквы b^2 не может расцениваться как определенный хронологический показатель, а является признаком орхонского алфавита на всем известном протяжении его существования (20-е годы VIII — 30-е годы X в.).

Сказанное позволяет иначе воспринимать палеографическое значение формы b^2 с «навесом» (табл. XXIII, № 29). Столь характерная для надписей, выполненных енисейским алфавитом[10], она, вероятно, появляется в эпитафии Моюн-чура (759/760 г.) как определенное влияние енисейской письменности. В IX в. это влияние продолжает возрастать, что, полагаем, отразилось в употреблении подобного знака в Карабалгасунской надписи (821 г.) и ряде восточнотуркестанских рукописей[11].

Указанное для уйгурских текстов явление не было обособленным. Концом VIII — началом IX в. (уйгурским периодом истории Тувы) датируются две эпитафии чиков, полностью выполненные енисейской письменностью[12] и тем самым демонстрирующие активное влияние древнехакасского алфавита в период, предшествующий выходу Кыргызского каганата за пределы Саянских хребтов. О существовании у древних хакасов во времена Уйгурского каганата рунической письменности в общей форме свидетельствует «Синь Тан шу»: «... письмо их и язык совершенно сходны с хойхускими», т.е. с уйгурскими[13]. Сами надписи этого периода говорят о применении енисейского алфавита. Для рубежа VIII—IX вв. — первой половины IX в. таковы резные строки сосудов Копёнского чаатаса (Е 81, Е 82)[14], для первой четверти IX в., по-видимому, — скалы близ Мугур-Саргола (Е 136)[15]; для VIII в. — стелы Ташебинского (Е 40) и Алтынкульского (Е 28, Е 29) чаатасов и, вероятно, Третий памятник с Уйбата (Е 32). Возможно, три последние эпитафии были созданы в начале VIII в.[16].

Следовательно, можно предложить следующее объяснение отмечаемому здесь и в дальнейшем влиянию енисейского письма на орхонские рунические тексты уйгурского периода. Завоевав Туву в начале второй половины VIII в., уйгуры, вероятно, встретили там население (прежде всего чиков), пользовавшееся енисейским алфавитом, и испытали определенное воздействие этой письменности, тем самым подготовив в пределах своего каганата почву для ее дальнейшего распространения. После разгрома уйгурской державы (840 г.) отмечавшееся уже для середины VIII — начала IX в. влияние енисейского алфавита вместе с ростом политического значения его носителей приобретает наибольшее воздействие. Это зафиксировано не только значительным числом камнеписных текстов IX—X вв., но и рунических рукописями. Таким образом, заключение И.В. Кормушина о енисейской форме b^2 (с «навесом») как временно́м показателе надписей, относящихся к периоду позднее середины VIII в., является справедливым более всего по отношению к памятникам, находящимся за пределами Хакасско-Минусинской котловины, а в общем виде не имеет абсолютного значения. Время и условия появления этого знака в бассейне Среднего Енисея еще предстоит выяснить. В подобном же

положении находятся и другие проявления енисейского алфавита, встречаемые в рунических надписях Азии.

В частности, выводы, полученные из наблюдений над взаимоотношением орхонской и енисейской форм букв b^2 (табл. XXIII, № 29, 73), подтверждаются особенностями употребления знаков этих алфавитов для t^1. В той же надписи Моюн-чура употребляются не только характерные орхонские разновидности этого знака (близкие к № 69 в табл. XXIII), но и енисейский его вариант (табл. XXIII, № 68, слева)[17]. Поскольку более поздний карабалгасунский рунический текст и восточнотюркестанские рукописи содержат орхонскую букву для t^1, названную особенность стелы Моюн-чура следует, видимо, также расценивать как воздействие енисейского алфавита. Именно одновременное существование двух алфавитов, отразившееся в рунических памятниках уйгурского периода, позволяет понять редкую палеографическую ситуацию, отмечаемую на эпитафии Означенное II (E 104)[18]. Три строки ее лицевой части высечены обычными енисейскими резами с характерной формой t^1 в сочетании u(o)zt^1pm, а три другие строки — курсивными начертаниями с употреблением «позднеорхонской» разновидности t^1 в том же сочетании u(o)zt^1pm и, вероятно, в предшествующей строке 4 (рис. 12). Подобный облик руна t^1 имеет на Тэсинской стеле (около 762 г.) и Карабалгасунском памятнике (около 821 г.). Означенский текст по тамге следует отнести к первой половине IX в.

Очень показательно употребление особой буквы для $s^1/š^1$ (табл. XXIII, № 67) только в енисейских и уйгурских надписях, что подтверждено и новыми находками в Монголии. Та же форма бытует и в поздних рунических рукописях. В надписях тюрок-тугю VIII в. применялся знак иного облика (табл. XXIII, № 71)[19]. Приведенные наблюдения над b^2 и t^1 позволяют предположить и в данном случае енисейское влияние на графику орхонских надписей уйгурского периода.

Примеры же сохранения ранних орхонских форм в поздних рукописных памятниках, столь показательные для понимания целостности этого алфавита в рассматриваемых временных пределах, следует дополнить буквой для (ö/ü)k, имеющей вид ствола с парой коленчатых отводов (табл. XXIII, № 70)[20].

Сказанное позволяет сделать два вывода. Во-первых, для второй половины VIII в. отмечается влияние енисейского алфавита за пределами Хакасско-Минусинской котловины, прежде всего на территории Уйгурского каганата. На севере этой державы оно выразилось в применении енисейского письма чиками Тувы, в центре — в восприятии облика отдельных знаков (b^2, t^1), применявшихся параллельно с орхонскими формами. Возможно даже, что некоторые енисейские знаки вытеснили из употребления орхонские формы ($s^1/š^1$). Во всяком случае, для рассматриваемых енисейских букв вывод об их более позднем (позднее первой трети или даже первой половины IX в.)[21] и производном от орхонских

знаков происхождении уже не представляется обоснованным. Характерные палеографические черты этих знаков отмечаются уже в середине или даже начале VIII в. и определенно увязываются с енисейским письмом. Во-вторых, некоторые характерные буквы орхонских текстов, воспринимавшиеся как палеографически ранние формы (b^2, t^1, (ö/ü)k), продолжали бытовать позднее, вплоть до X в. (относительно t^1 без штамба этот вывод сделан ранее И.В. Кормушиным[22]). Если для объяснения первого вывода предстоит, вероятно, отыскать ранее не учитываемые обстоятельства исторического (прежде всего политического и культурного) порядка, то для ясного осознания второго положения, подводящего нас к заключению о сохранении особенностей орхонского письма как особого алфавита даже в эпоху гибели центральноазиатских тюркоязычных государств, необходимы новые наблюдения. Их предоставляют камнеписные тексты Алтая.

Литературные и архивные источники ныне позволяют учесть 28 эпиграфических памятников Горного Алтая, в которых отмечается употребление 53 разновидностей рунических знаков, не вызывающих сомнения (табл. XXIV). Решаемая задача вынуждает представлять в таблице отдельно различные формы одной и той же буквы. Общее впечатление от палеографического облика этих надписей не оставляет сомнения в том, что они выполнены енисейским письмом (ср. широко представленные знаки № 13, 15, 17, 24, 28, 29), что позволяет относить тексты к периоду не ранее середины VIII в., когда распространение этого алфавита за пределы долины Среднего Енисея отмечается эпитафиями чиков Тувы. Сейчас для нас особенно важно, что в четырех надписях вместе с енисейскими рунами употреблены знаки для b^2, типичные для орхонского алфавита (№ 35). И хотя в шести текстах знаки для m по-енисейски угловаты (№ 32), более характерна для Горного Алтая руна для m с дугообразной правой частью (№ 19). Несмотря на то что угловатая форма m известна уже в надписях первой трети VIII в. — Кули-чура (около 722 г.), Кюль-тегина и Бильге-кагана (732—735 гг.), — именно дугообразность правой части отличает орхонскую разновидность этого знака[23], что подтверждается и новыми уйгурскими камнеписными текстами.

В орхонском письме существовали две главные формы руны для m: с крестовидной и некрестовидной левой частью (табл. XXIII, № 33). Памятники отмечают их параллельное употребление по крайней мере с 20-х до 60-х годов VIII в. (надписи Второго Восточнотюркского каганата: Кули-чура, Чойрэнская — крестовидный знак, Тоньюкука, Онгинская — некрестовидный, на обратной стороне Ихе-Асхете обе формы применяются попеременно; тексты Уйгурского каганата соответственно: Моюн-чура и Терхин, Тэс). В более поздних памятниках — Карабалгасун и рунических рукописях — применяются буквы для m енисейского типа с угловатой правой частью (табл. XXIII, № 35)[24], что возможно расценивать как еще одно проявление влияния енисейского алфавита на орхонский. Наиболее определенно такое воздействие

Таблица XXIV
Знаки рунических надписей Горного Алтая
Индексы надписей
К – Катанда, Т – Туяхта, К I – К II – Курай I и II, Ч – Чарыш,
МС I – МС V – Мендур-Сокон I–V, ББ I – ББ III – Бичикту-Боом I–III, КА – Кош-Агач,
ТА – Талду-Айры, И – Иня, ЖТ I – ЖТ II – Жалгыс-Тюбе I–II, КЛТ I – КЛТ XII – Калбак-Таш I–XII.

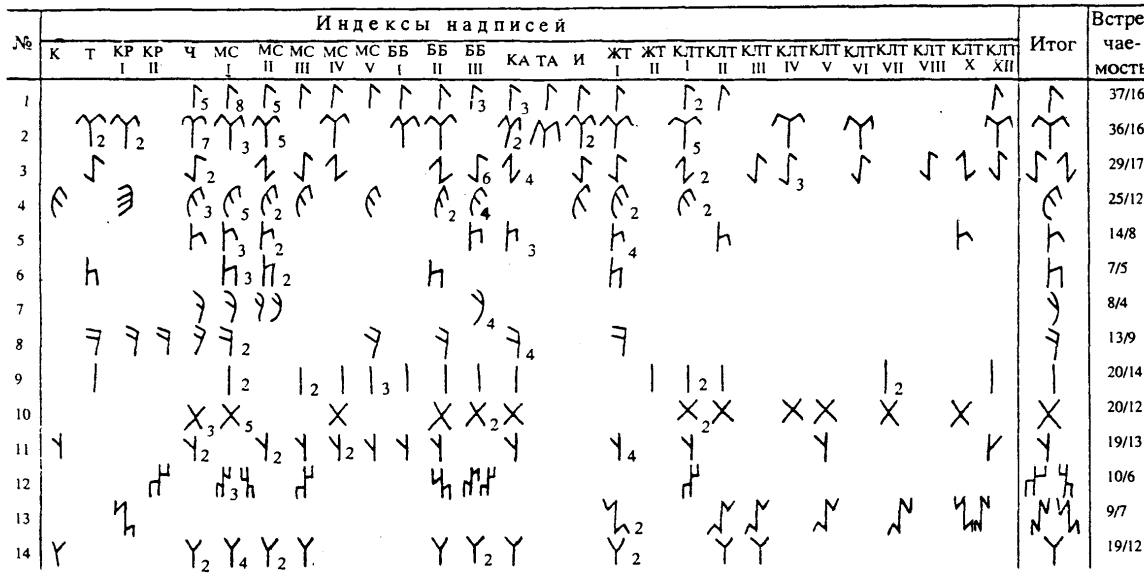

Таблица XXIV
(продолжение)

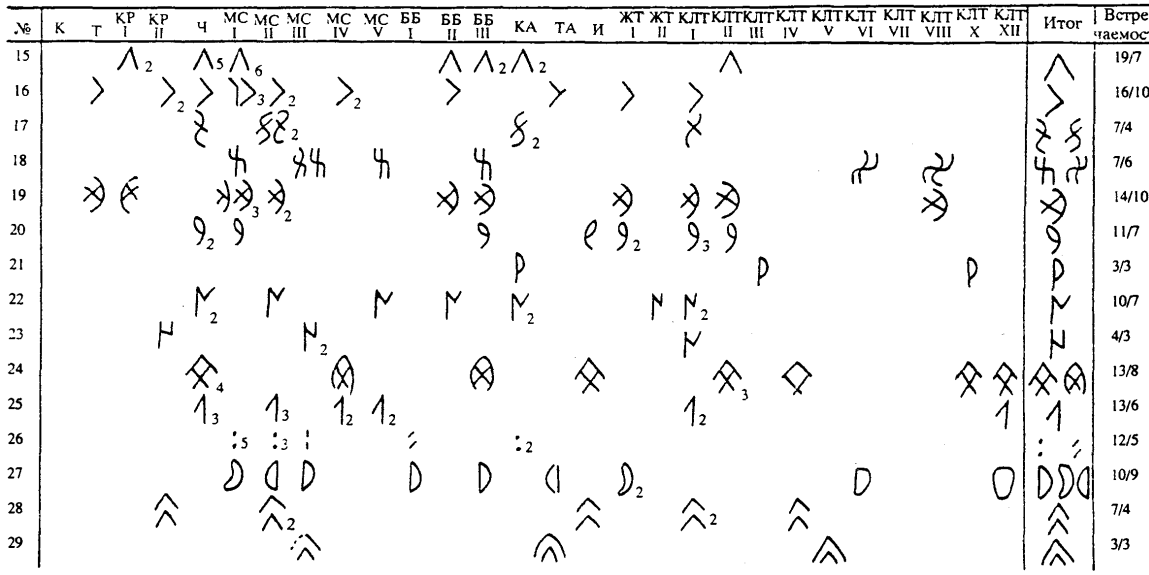

Таблица XXIV
(продолжение)

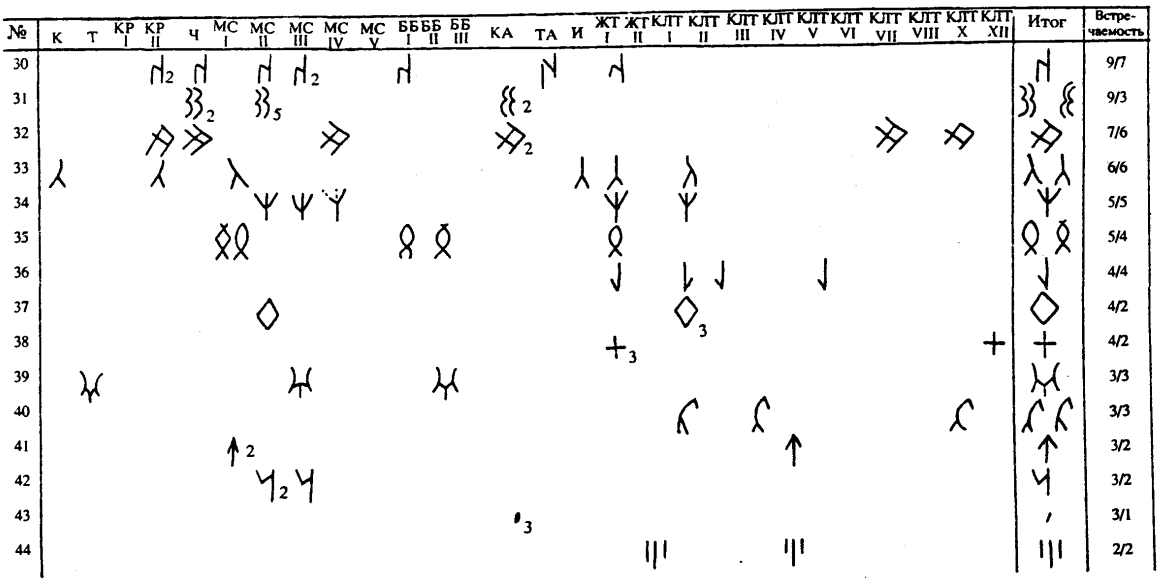
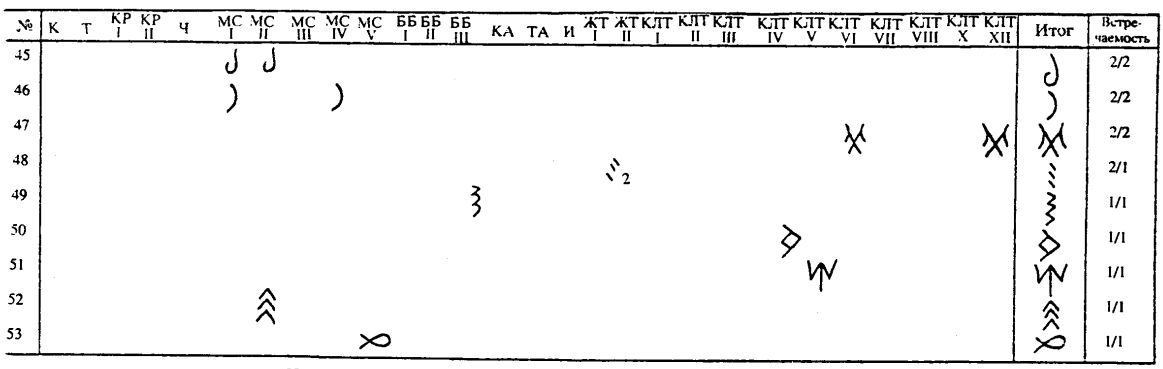
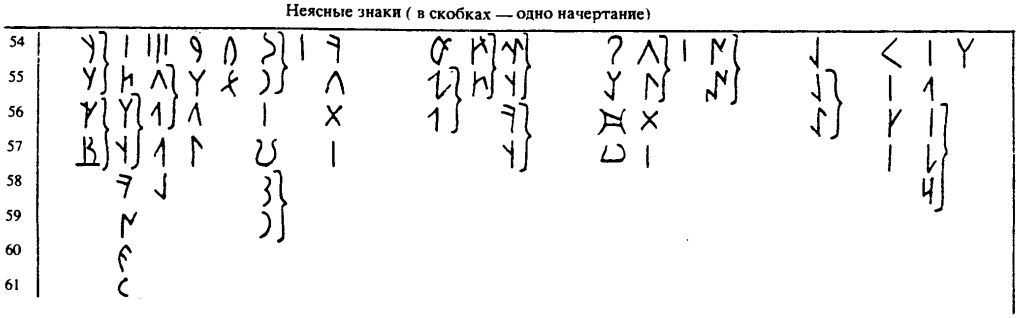

Таблица XXIV
(окончание)

Неясные знаки (в скобках — одно начертание)

заметно опять-таки в тексте Моюн-чура, соединяющем в себе и орхонскую, и енисейскую формы для m[25]. Следует указать на енисейский облик руны m в надписях Кули-чура, Кюль-тегина и Бильге-кагана, но говорить о соответствующем влиянии столь рано у нас нет оснований.

В горноалтайской надписи Мендур-Соккон I крестовидная форма орхонского ш, употребленная трижды, соседствует с некрестовидной (табл. XXIV, № 19). Две другие особенности этого текста — использование орхонского b[2] (№ 35) и енисейского š (№ 15) — позволяют отнести надпись к эпохе сильного воздействия на орхонскую письменность енисейского алфавита, т.е. ко второй половине VIII — началу IX в. К этому же уйгурскому периоду следует, вероятно, причислить еще три горноалтайские надписи (Бичикту-Боом I и II, Жалгыс-Тюбе I), в которых при заметном влиянии енисейского письма отмечается использование орхонских форм руны b[2]. Все остальные надписи Алтая по палеографическим признакам можно отнести ко времени наиболее сильного влияния енисейского алфавита, т.е. к древнехакасскому периоду (середина IX — X в.). Между тем в этих надписях продолжала систематически применяться традиционно орхонская руна m с дугообразной правой и крестовидной левой частями (№ 19). Именно она является одной из характерных палеографических черт, позволяющих отличать местную алтайскую разновидность енисейского письма. Подобный же знак встречен и в енисейской надписи на монете, найденной в Монголии и относящейся, вероятно, к X—XI вв.[26]. Добавим к этим наблюдениям факт бытования в поздних восточнотуркестанских рукописях своеобразной пережиточной формы некрестовидной буквы m[27]. Выходит, обе характерные буквы для обозначения m сохраняли свой облик на протяжении всего периода существования орхонской письменности и в виде пережитка — в ряде надписей эпохи вытеснения орхонского алфавита в Азии.

Весьма важно, что новые уйгурские материалы позволяют выделить для этого этапа существования орхонского письма и третью, особую форму буквы m. Ее курсивный вариант, отличающийся округленной петлей, фиксирует Сэврейская надпись (763 г.), лапидарный — с ромбической петлей — Хойто-Тамир V и X[28]. По палеографическим особенностям (формы t[1], b[2], š) тексты Хойто-Тамира также относятся к памятникам уйгурского времени. Очевидно, третья разновидность руны m (табл. XXIII, № 33) была менее распространена, чем две другие. В надписях Хойто-Тамира она употребляется параллельно с m енисейского типа. Встречен подобный знак и в одной из наскальных надписей Мендур-Соккона на Горном Алтае[29] (табл. XXIV, № 53), для которых, как показано, характерно употребление ряда позднеорхонских знаков.

В целом рассмотрение рунических надписей Горного Алтая (а их палеографические особенности отмечены здесь лишь частично, в связи с интересующим нас вопросом) подкрепляет вывод, полученный на основании анализа уйгурских текстов Монголии. Характерные особенности орхонского алфавита не плавно

эволюционируют в енисейское письмо как хронологически последующее явление, а в течение длительного времени — вплоть до X в. — сохраняются без радикальных изменений или, подчас испытывая воздействие енисейского письма, бытуют в своеобразных пережиточных формах одновременно и параллельно с енисейскими знаками. Все это свидетельствует о наличии в раннем средневековье орхонского и енисейского как двух самостоятельных алфавитов. Именно былое наличие устойчивых самостоятельных наборов букв в каждой из этих письменностей позволяло сохраняться атавизмам орхонских начертаний в эпоху широкого распространения и господства в Южной Сибири и, по-видимому, в Центральной Азии енисейской рунической письменности. Это явление нашло яркое отражение в енисейских по примененному алфавиту горноалтайских надписях, содержащих в качестве орхонского пережитка характерную форму буквы m. Данная особенность (наряду с отмечавшимся употреблением ряда букв южноенисейского алфавита — табл. XXIV, № 43, 48—51; ср. табл. XXIII) позволяет полагать, что известные наскальные надписи Алтая созданы его аборигенным населением (алтайскими тюрками), а не пришлыми носителями енисейского письма — древними хакасами.

Описанные материалы порождают новый взгляд на возможные процессы развития ряда букв рунических алфавитов азиатской группы (табл. XXV). Изменение форм правомерно представить не прежней схемой плавной эволюции от типов первой трети VIII в. к разновидностям уйгурского периода и через них к знакам енисейского облика, а (при добавлении характерных форм новонайденных уйгурских надписей) результатом воздействия взаимонаправленных процессов, при которых влияние изначально различных букв двух алфавитов (табл. XXV, А — *1, 2, 4*, Б — *2, 4, 9*) привело к созданию своеобразных гибридных по виду знаков в пределах орхонской письменности (табл. XXV, А — *3*, Б — *7, 8* и, вероятно, *5, 6*). Возможно, в намеченном процессе значительную роль сыграли недостаточно знакомые нам курсивные написания. Согласно датированным памятникам относить это явление следует к середине VIII в. Именно оно, наравне с параллельным спорадическим применением чистых енисейских форм, отличает поздние памятники орхонской письменности от ранних и позволяет соответственно выделять старшие и младшие орхонские тексты, отмечая две палеографические стадии, пройденные этой письменностью.

Представления о природе ряда специфических орхонских и енисейских букв также нуждаются ныне в уточнениях. Знак № 3 (табл. XXIII) встречен лишь в пяти орхоно-енисейских памятниках[30], где, по мнению большинства тюркологов, читается как č в сочетании с i[31]. Дело не только в том, что эта буква употреблена лишь в нескольких словах обширных многострочных текстов (в надписях Тоньюкука и Бильге-кагана по два раза — стк. 28, 34 и 25, 37; Моюн-чура — шесть раз: 17, 19, 26, 28 — дважды, 34), важнее, пожалуй, явная непоследовательность в ее

Таблица XXV

Возможные пути видоизменения знаков для m (А) и ı[1] (Б) в орхонском (А, 1—3, 5, 6, Б, 1—8) и енисейском (А, 4, Б, 7, 9, 10) алфавитах

применении. В тех же текстах (Тоньюкука, стк. 2, 3 и др.; Бильге-кагана, стк. 28, Ха, 14, Хв, 14; Моюн-чура, стк. 7, 29) i č неоднократно написано двумя обычными рунами. В памятнике Моюн-чура перебой отмечен даже в передаче этнонима čik: типичное написание через обычную руну (стк. 19, 23, 26) однажды заменено (стк. 26). В свое время эта закономерная заменяемость редкого знака более обычными дала В. Томсену возможность определить фонетическое значение руны — «трезубца»[32]. Поскольку принадлежность этой буквы к орхонскому алфавиту подтверждается рукописной азбукой из Восточного Туркестана (Тойок I)[33] (рис. 10, табл. XXVII; 3), не приходится подозревать привнесение данной руны в эту письменность. Единственная енисейская эпитафия, содержащая знак «трезубец», относится к концу X в.[34] и отмечает регулярность употребления буквы в качестве č как в велярной, так и в палатальной позиции (Е 41, *6—8*). По-видимому, это дало право С.Е. Малову назвать букву енисейской[35]. Однако ко времени создания этого памятника уже, вероятно, сформировалась особая зона письменности, в которой применение руны-«трезубца» действительно было обычным. Среди известных ныне 28 камнеписных текстов Горного Алтая этот знак встречается в пяти (Мендур-Соккон II—IV, Жалгыз-Тюбе I, Калбак-Таш I — табл. XXIV, № 34)[36]. Возможно, к этому кругу надписей следует отнести и наскальный текст из Тувы (Е 140)[37], в котором вместе с употреблением того же знака отмечается регулярное зеркальное размещение некоторых букв. Эти данные не согласуются с имеющимся мнением о типичности знака для (i)č для «старших монгольских надписей» и подкрепляют осторожно высказанные И.В. Кормушиным сомнения[38].

Редкий знак для ñ(nj, j̃) (табл. XXIII, № 66), согласно сводке Д.Д. Васильева, встречен в пяти орхонских (Кюль-тегина, Тоньюкука, Бильге-кагана, Кули-чура, Моюн-чура), семи енисейских (в том числе Аруханской и Улангомской надписях в МНР) текстах, в одном, представляющем алтайский вариант енисейского письма (Хэнтэй I), и в рукописном фрагменте из Дуньхуана (ThS III)[39]. Кроме того, этот знак употреблен и в одной из строк стелы из Эль-Бажи (Е 68, *19*). Основная часть указанных енисейских памятников по высеченным вместе с текстами тамгам получила дату от первой (Е 48) и второй половины IX в. (Е 45) до начала (Е 5), середины (Е 42) и конца X в. (Е 41)[40]. Все это, несомненно, указывает, что знак не может быть ни хронологическим, ни алфавитным показателем[41], а причины его появления и условия употребления в орхонских и енисейских надписях нуждаются в изучении.

То же самое следует сказать и о другом довольно редком знаке, который употребляется для обозначения q при ï (табл. XXIII, № 74). По данным Д.Д. Васильева, он встречен в двух орхонских камнеписных (Тоньюкука и Бильге-кагана) и трех рукописных текстах, а также в четырех енисейских эпитафиях (Е 2, Е 41, Е 47, Е 49) середины VIII — конца X в. Список следует дополнить

четырьмя орхонскими эпитафиями VIII в. (Кули-чура, Моюн-чура, Терхинской и Тэсинской) и одной енисейской (Е 45) середины IX в.[42]. Однако, как увидим в следующем разделе, три енисейские надписи из пяти (Е 2, Е 41, Е 49) не могут служить основанием для включения названного знака в состав енисейского алфавита.

Вслед за признанием факта существования двух различных рунических алфавитов Южной Сибири и Центральной Азии неизбежно встает вопрос о причинах появления тех знаков, которые характерны лишь для орхонского или только енисейского письма. Таких рун среди обычных для употребления букв немного. Думается, что считать раннеорхонскую форму š (табл. XXIII, № 72) «сугубо кошоцайдамской инновацией»[43] мешает ее широкое применение в надписях Второго Восточнотюркского каганата (Онгинской, Тоньюкука, Кюль-тегина, Бильге-кагана, Ихе-Асхете). Нельзя не учитывать и ее применение в рукописи «Ïrq bitig», имеющей ряд признаков позднеорхонского письма, и, по-видимому, во фрагменте из Рюкоку[44]. Второй особенностью, отличающей раннеорхонские надписи, оставленные этим каганатом, от текстов Уйгурского государства VIII—IX вв. служит форма s[1] (табл. XXIII, № 71) (встреченная в текстах: Онгинском, Тоньюкука, Кули-чура, Кюль-тегина и Бильге-кагана). В позднеорхонских надписях применяется уже знак иного облика, передающий и š (табл. XXIII, № 67)[45]. Именно эта руна (в нескольких разновидностях) встречается в енисейских надписях (по данным Д.Д. Васильева — в 25 памятниках)[46], включая и наиболее поздние надписи от второй половины IX до рубежа X—XI вв. (Е 6, Е 7, Е 10, Е 11, Е 42, Е 44, Е 52, Е 59, Е 70)[47]. Происхождение этого знака не представляется вполне ясным[48]. Если принять датировку Алтынкульских эпитафий, предложенную С.Г. Кляшторным (711 г.)[49], то следует признать одновременность енисейских надписей, в которых бытует эта форма (Е 28, Е 29, Е 32), и памятников Второго Восточнотюркского каганата. Исходя из этого, можно поставить вопрос о возможном привнесении данной руны в позднеорхонскую письменность из енисейской.

В енисейских текстах параллельно с этой буквой для передачи s/š бытовал и своеобразный знак, неизвестный в орхонском алфавите (табл. XXIII, № 31)[50]. Эта форма была чрезвычайно употребительной (отмечена в 37 памятниках)[51] и вместе с распространением енисейского алфавита оказалась воспринята алтайскими тюрками, о чем свидетельствуют упоминавшиеся горноалтайские надписи (табл. XXIV, № 15), а также находка псалия с надписью в погребении кургана Аржан II в Туве, совершенном по характерному обряду трупоположения с конем[52]. Показательно, что енисейское s/š встречается в Мендур-Соккон I и Бичикту-Боом I, т.е. в тех наскальных текстах Алтая, которые по другим, уже показанным палеографическим признакам, могут быть отнесены к уйгурской эпохе. Существуют и прямые подтверждения бытования этого знака в раннеенисейских надписях. Он применен в двух чикских эпитафиях Тувы (Е 2, Е 51), эпиграфически и

археологически датированных 745—840 гг., и в древнехакасских надписях VIII в. (Е 28, Е 32). Следовательно, этот знак не может служить поздним датирующим признаком для надписей Среднего и, менее уверенно, Верхнего Енисея, а за пределами этого района, по-видимому, определяет тексты позднее рубежа 50-х и 60-х годов VIII в.

Присущая только енисейским надписям форма № 28 на табл. XXIII (ŋ[1]/nt) встречена в семи памятниках. Пять из них (Е 6, Е 9, Е 10, Е 13, Е 46) относятся к концу IX—X в. и найдены в Туве[53], что, по-видимому, свидетельствует о распространенности данной формы в письменности вышедших за Саяны средневековых хакасов. Однако лишенный даты текст Е 71 (Подкунинский) найден на территории Хакасии. Там же встречен и памятник Е 25 (Означенное I), относящийся к первой половине IX в. Ныне это наиболее ранняя дата употребления знака, несомненно являющегося производным от более обычной формы № 35. Возможно, о бытовании формы № 28 уже в уйгурское время свидетельствует редкая разновидность рун, встреченная в надписях Хойто-Тамира[54], палеографически определяемых, как было показано, именно этим периодом. Наиболее вероятно сопоставление хойтотамирской разновидности с енисейским знаком № 28.

2. НЕЕНИСЕЙСКИЕ ЗНАКИ В ЕНИСЕЙСКИХ НАДПИСЯХ: СЛЕДЫ ВЕРХНЕЕНИСЕЙСКОГО АЛФАВИТА

Другие интересующие нас знаки не являются производными известных форм, а редкость употребления ставит вопрос о правомочности их включения в состав енисейского алфавита. Эти формы представлены отдельно на табл. XXVI. Часть из них (№ 1—3, 12) встречается как на ранних (Е 2), так и на поздних памятниках (Е 15, Е 41, Е 49, Е 56), что не позволяет говорить о хронологических особенностях данных начертаний. Учитывая взаимовстречаемость столь характерных знаков, как № 1—3, 4, 12, следует отметить, что включенные в таблицу девять письменных памятников составляют в общем массиве енисейских текстов некую своеобразную группу. Вся она находится в пределах Тувинской котловины (рис. 9). Лишь в трех памятниках IX—X вв. с этой же территории (Е 46, Е 50, Е 92), не вошедших в табл. XXVI, употреблен знак № 2[55]. Причем, как и в Е 15, и в Е 49, в Е 46 он применен параллельно с обычным енисейским знаком для ä (табл. XXIII, № 54). Этот факт согласуется с подобным применением знака № 1 одновременно с обычным енисейским m в надписях Е 2, Е 15, Е 41, Е 56 и Е 68. Единственный раз за пределами выделяемой группы памятников отмечен знак № 12 (Е 45, середина IX в., Тува). Ряд специфических рунических форм встречен лишь в каком-либо одном тексте нашей группы (№ 7, 9—11, 16)[56]. Облик не позволяет считать их производными от известных знаков.

Таблица XXVI

Особая группа знаков в енисейских надписях Тувы

Следы верхнеенисейского алфавита.

(В колонках 1, 2, 15 показано параллельное употребление правильных енисейских букв)

№ знаки / Надпись	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Малиновка E 56 XI — XII в.	3															
Бай-Булун II E 49 конец X в.		3 2			2		2									
Бай-Булун I E 42 конец X в.																
Хемчик-Чиргакы E 41 конец X в.	4 39			9		12						2	5	2		
Чаа-Холь IV E 16 конец X в.				2												
Чаа-Холь III E 15 середина X в.	5	3								2						
Кара-Булун I E 65 IX — X в.											?					
Эль-Бажи E 68 оборот до конца IX в.	12	2 3												2	3 4	5
Уюк-Аржан E 2 вторая пол. VIII — нач. IX в.	9															

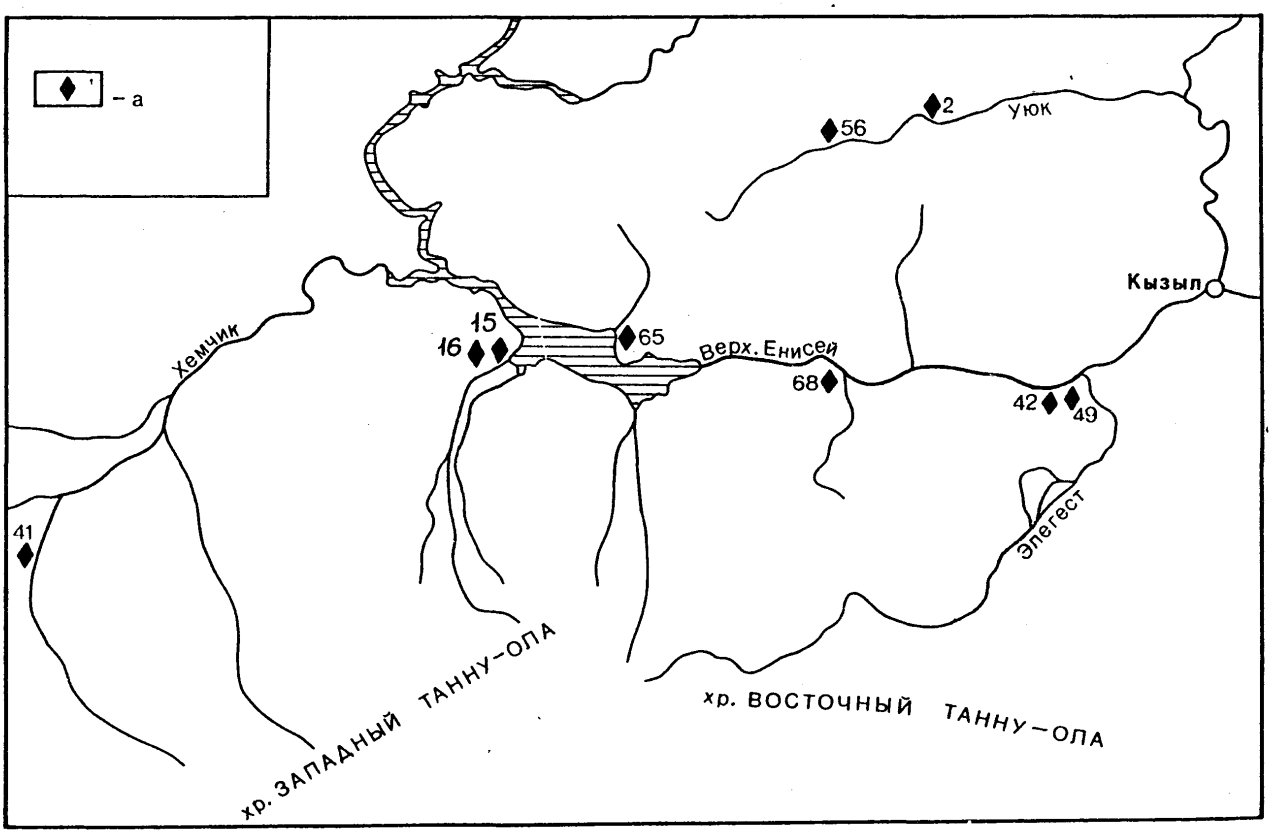

Рис. 9. **Размещение памятников, содержащих знаки верхнеенисейского письма (а) (Номера соответствуют индексам енисейских надписей)**

Выявленная ситуация дает возможность полагать, что перед нами надписи, отразившие смешение разных рунических азбук: енисейской и некой иной, до сих пор не вычленявшейся. Кроме применения неведомых буквенных знаков (фонетическое значение которых определяется — не всегда уверенно — исходя из енисейского знакового окружения), в нашей группе текстов использованы также руны, знакомые по орхонским надписям (№ 12, 13). Однако не забудем показанную редкость и непоследовательность их применения в этих текстах. Знак № 13 встречен и в одной енисейской надписи из Тувы (Е 140). В табл. XXVI находим параллели и специфическим таласским знакам (№ 15; ср. табл. XXIII, № 53) — нигде более в енисейских надписях нет ничего подобного[57]. Как видим, палеографическая смешанность выделенных памятников весьма значительна.

Смешение различных алфавитных систем на территории Сибири и Средней Азии ясно выявилось при вычленении южноенисейского и ачикташского рунических алфавитов[58]. По-видимому, аналогичное явление можно отметить и в среде енисейских текстов, ранее представлявшихся в этом отношении хотя и пестрым, но однородным массивом. В литературе уже стало едва ли не общим местом объяснение перебоев в употреблении знаков примитивностью, своего рода незрелостью енисейской письменности. Как видим, возможно совершенно иное объяснение известной ситуации. Надо полагать, что енисейское письмо, постепенно распространяясь в Южной Сибири, включало в свой ареал и земли, население которых к тому времени уже владело той или иной системой другой рунической письменности, и, вытесняя эти субстратные алфавиты в сферу неофициального применения, сосуществовало с ними по крайней мере во второй половине VIII—XI в. Так было с орхонским и южноенисейским алфавитами у тюрок Южной Сибири и Центральной Азии, так, вероятно, произошло и с той рунической азбукой, былое существование которой позволили ощутить описанные памятники Тувинской котловины. Именно сосуществование различных систем рунической письменности привело к отмечавшемуся видоизменению ряда орхонских знаков под влиянием енисейского алфавита, к сложению палеографически смешанных текстов Горного Алтая и Тувы, имеющих енисейскую алфавитную основу.

Местное «доенисейское» происхождение специфических рунических знаков, включенных в табл. XXVI, подтверждается важными эпиграфическими и археологическими наблюдениями. Особый погребальный обряд кургана, к которому относилась эпитафия Е 2, сопутствующий погребенному инвентарь и личный тамговый знак на самой стеле позволили определить принадлежность всего комплекса представителю местного раннесредневекового населения Тувы — тюркоязычных чиков. Особенности тамги указали на вторую чикскую эпитафию Е 51[59]. На третью чикскую эпитафию Е 109 также указывает высеченная на ней характерная тамга. Памятник Е 2, таким образом, выявляет

носителей того алфавита, для которого присущи знаки № 1—5, 8, 16 табл. XXVI. Столь важная композиционная особенность, как размещение текста на стеле горизонтальными строками (чуждая как орхонской, так и енисейской камнеписной традиции[60] — подробнее см. гл. VI, разд. 3), позволяет считать надпись на обороте Е 68, включенную в табл. XXVI, еще одним памятником чикского круга.

Другие эпитафии, вошедшие в табл. XXVI, были поставлены в память средневековых хакасов, погребенных по типичному обряду трупосожжения. За исключением Е 56, все они отмечены и личными древнехакасскими тамгами[61]. По-видимому, правдоподобно предположить, что к созданию этих памятников или были привлечены резчики из местного населения, или поселившиеся в Туве древние хакасы сами освоили местную письменную систему, что и вызвало проникновение в изучаемые надписи ряда знаков, чуждых правильному енисейскому письму.

Все изложенное позволяет рассматривать табл. XXVI как начальный этап выявления третьей рунической письменности бассейна Енисея, некогда присущей местному населению Тувинской котловины и проявившейся в существовании ряда специфических памятников тувинского варианта енисейской письменности, строго говоря, являющихся смешанными в алфавитном отношении. По-видимому, существование определенного контакта этой автохтонной письменности, которую можно именовать верхнеенисейской, с таласским алфавитом отражают знаки № 15. Теоретически знаки № 3, 8, 12 и 13 могут восходить к некоему общему субстрату, откуда они независимо проникли в орхонское и верхнеенисейское письмо. Однако, если знаки № 12, 13 известны, как мы уже видели, в позднеорхонских памятниках, то весьма интересно применение двух верхнеенисейских знаков — № 3, 8 — в раннем памятнике Тоньюкуку (стк. 8, 26), а знака № 3 — и в рукописи библиотеки Рюкоку[62] (табл. XXVII, № 12; рис. 11), также лишенной позднеорхонских палеографических особенностей. Выходит, что содержавшая эти знаки письменность уже существовала к 20-м годам VIII в. и сама могла стать тем источником, из которого орхонское письмо Второго Восточнотюркского каганата почерпнуло указанные редкие для него буквы. Материалы, позволяющие представить преемственные связи орхонского письма с верхнеенисейским алфавитом, рассматриваются нами в гл. III; здесь необходимо отметить, что енисейские надписи не содержат особенностей, присущих той общей базе, которая выявляется для верхнеенисейского и орхонского письмен.

Возможно, будущие находки не подтвердят регулярность некоторых верхнеенисейских форм, прежде всего № 11 и 9 — включение их в табл. XXVI и, следовательно, Е 42 в группу тувинского варианта енисейского письма формально и условно, — однако специфичность основных письменных знаков, даже и единожды встреченных, весьма определенна.

Здесь следует отметить еще одну небольшую особенность, объединяющую некоторые енисейские надписи, найденные на

территории Тувы, с орхонскими. А.С. Аманжоловым в текстах Е 7 и Е 45 были выделены характерные знаки, которые до этого были известны лишь в двух рукописях младшего орхонского письма — Тойок I и Ïrq bitig — в значении op/up[63] (см. табл. XXVII, № 1). По-видимому, не случайно относительно поздняя датировка этих восточнотуркестанских рукописей вполне соответствует полученным путем эпиграфического анализа датам двух названных тувинских стел — соответственно конец IX и середина IX в.[64] Возможно, не случайно также, что текст Е 45 оказался единственной аналогией вычленяемой верхнеенисейской группе памятников по употреблению знака № 12 (табл. XXVI).

Рассмотрение памятников енисейского письма не как некоего палеографического единства, а с позиции учета многообразия применявшихся в Южной Сибири и в сопредельной Азии самостоятельных рунических письменностей позволяет в значительной степени освободить облик енисейского алфавита от посторонних для него знаков (табл. XXVI), примененных в ряде надписей смешанного письма и столь долго смущавших исследователей. Новый подход позволяет наметить основные особенности истории енисейской письменности, ныне более всего проявляющиеся в области взаимоотношений с иными руническими письменными системами азиатского средневековья. Палеографическое отражение данных историко-культурных процессов состоит в вычленении собственно енисейского алфавита и двух его вариантов: алтайского и тувинского. Они сложились в условиях вытеснения енисейским письмом из официальной сферы применения других, местных рунических азбук. Этапы подобного вытеснения предоставляют отличительные особенности и для выявления основных периодов видоизменения орхонской письменности. Начавшись в Южной Сибири и Центральной Азии, по-видимому, в середине VIII в. и завершившись к началу X в., эти процессы замены иных рунических систем енисейской позволяют увязывать выявленные палеографические данные со свидетельствами политической истории — ростом могущества Древнехакасского государства. Вероятно, Восточный Туркестан явился наиболее поздним очагом употребления орхонской письменности в связи с созданием там уйгурских княжеств и сохранением этого письма в манихейских общинах. Исчезновение енисейского письма до сих пор увязывалось с гибелью Древнехакасского государства в XIII в., но ныне выявлены отдельные надписи, относящиеся к монгольскому времени (конец XIII — начало XV в.)[65].

3. ТАЛАССКИЙ АЛФАВИТ

Сильнейшее воздействие енисейского письма на памятники таласской письменности отмечается всеми исследователями. Вместе с тем регулярное применение в надписях Семиречья ряда совершенно самобытных знаков (табл. XXIII, № 28, 53, 75—77 и 35 — левого —

для ш) не требует развернутых доказательств существования здесь своеобразного таласского алфавита. Его былую регулярность и распространенность подтверждают находки за пределами известного урочища Айыртам-Ой. Подобный валун с текстом, — палеографическому определению которого как таласского способствует, пожалуй, лишь знак типа № 26 табл. XXIII и не противоречат прочие буквы, особенно аналогичные № 33 и 68, — был обнаружен в 1927 г. на южном берегу Иссык-Куля (урочище Кой-Сары)[66]. Уже в 1897 г. были открыты и наскальные надписи Терек-Сая, которые могут быть отнесены к таласским по тем же особенностям, что и койсаринский текст[67]. И если подобные же не вполне определенные черты позволяют считать таласской первую надпись Куру-Бакайыр (см. облик первого и третьего знаков), то вторая надпись этого ущелья служит палеографически наиболее ясным свидетельством применения таласского алфавита для создания наскальных начертаний. Хотя первые попытки прочтения этих найденных в 1981 г. надписей не лишены сложностей[68], нет сомнения, что они являются записью личных имен. Эти письменные памятники свидетельствуют о многообразии сфер применения таласского алфавита. Территориальная широта его бытования может быть подтверждена палеографическими особенностями ряда надписей Южной Сибири. Они не исчерпываются приведенными выше случаями применения таласских знаков для ϒ в надписях Тувы — как енисейских (Е 68 — табл. XXVI, № 15), так и южноенисейских (Ю 13 — табл. XV, № 40).

По использованию необработанного камня в качестве писчего материала, по технике нанесения знаков и их «безыскусной форме» надписи Горного Алтая были сближены Э.Р. Тенишевым с руническими памятниками Таласа. Однако такое сравнение было произведено, скорее, в виде общего противопоставления алтайских надписей классическим орхонским эпитафиям[69]. Оно миновало значительную группу ближайших аналогий — памятники енисейской письменности. В различных надписях Алтая исследователями неоднократно отмечались и конкретные формы знаков, свойственные таласскому письму[70]. Однако зачастую эти указания относились к неясным или неверно понятым знакам[71]. Несомненным остается лишь факт применения характерного таласского знака для ϒ в двух наскальных надписях (Калбак-Таш VI и Калбак-Таш XII — табл. XXIV, № 47).

Таковы немногочисленные, но несомненные факты применения специфических таласских букв на территории Алтая и Тувы. Они являются косвенными свидетельствами вхождения этих частей Южной Сибири в зону былого распространения таласской письменности. Палеографический облик тех южносибирских надписей, в которых встречены таласские буквы, позволяет относить их ко второй половине VIII—X в., скорее к IX—X вв. Таким образом, енисейские надписи представляют сравнительно-типологические возможности для датирования таласских текстов на основании своих палеографических особенностей. К перечню

сосуществовавших в раннесредневековой Южной Сибири рунических алфавитов следует, очевидно, добавить и таласское письмо. Наиболее полно такое сосуществование и взаимодействие орхонского, енисейского, таласского, южноенисейского и, по-видимому, верхнеенисейского алфавитов отразили, пожалуй, краткие камнеписные надписи Горного Алтая.

Изложенное позволяет считать наиболее вероятной зоной формирования таласского алфавита если не саму Южную Сибирь, то сопредельную с нею территорию. Базой формирования явилось енисейское письмо. Об этом свидетельствуют многие буквы характерного облика (табл. XXIII, № 25, 26, 33, 48, 49, 51, 59, 68; XVIII, В). Определенная связь с орхонской письменностью, возможно, проявляется в существовании знака № 75, если принять его происхождение от формы № 71 табл. XXIII[72], в употреблении знака № 54 в качестве b^{2} [73], а также в применении особого вида буквы m (см. орхонский знак № 33, справа внизу) в надписи Терек-Сая. Впрочем, последние особенности требуют проверки по оригиналам памятников.

[1] *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Lfg. 3. St.-Pbg., 1895, c. 301.

[2] *Малов С.Е.* Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна р. Талас. — ИАН, отд. гуманит. наук. 1929, № 10, с. 800 (ср.: *он же.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, с. 57).

[3] См., например: *Щербак А.М.* Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. — ТС. 1970. М., 1970, с. 125.

[4] *Кормушин И.В.* К основным понятиям тюркской рунической палеографии. — СТ. 1975, № 2. Большая работа сходной направленности, к сожалению оставшаяся неопубликованной, была выполнена в 1962—1963 гг. В.Г. Борисовым под руководством Л.Р. Кызласова в рамках курсовой работы «К вопросу о палеографии памятников орхоно-енисейской письменности» и дипломного сочинения «Тюрки Алтая V—X вв.» на кафедре археологии Исторического факультета МГУ.

[5] *Васильев Д.Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. Опыт систематизации. М., 1983.

[6] *Кормушин И.В.* К основным понятиям, с. 44, 45.

[7] *Кляшторный С.Г.* Терхинская надпись. Предварительная публикация. — СТ. 1980, № 3, с. 86; *он же.* The Tes Inscription of the Uighur Bögü Qaghan. — AOH. 1985, t. 39, fasc. 1, с. 156; *он же.* Надпись уйгурского Бёгю-кагана в Северо-Западной Монголии. — Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987, с. 22.

[8] *Gabain A.* Alttürkische Grammatik. 3. Aufl. Wiesbaden, 1974, с. 12; *Clauson G.* The Origin of the Turkish «Runic» Alphabet. — Acta Orientalia. Copenhagen, 1970. 32. Tabl. V, *3b*, № 7; *Orkun H.N.* Eski türk yazıtları. 2. İstanbul, 1938, с. 97—100, 182, 183 (факсимиле: Ankara, 1987, с. 289—292, 374, 375); *Sertkaya O.F.* Fragmente in alttürkischer Runenschrift aus den Turfan-Funde. — Runen, Tamgas und Graffiti aus Asien und Osteuropa. Wiesbaden, 1985, Abb. 6, 8; *Кляшторный С.Г.* Терхинская надпись, с. 86; *он же.* The Tes Inscription, с. 156; *он же.* Надпись уйгурского Бёгю-кагана, с. 22; *Васильев Д.Д.* Графический фонд, с. 103, № 20.

[9] Сводку мнений о датировке рунических рукописей, прежде всего Ïrq bitig, см.: *Кормушин И.В.* К основным понятиям, с. 37, 38, примеч. 22, 24. Последний памятник может быть отнесен к периоду позднее 925 г., см.: *Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г.* Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья. — ТС. 1972. М., 1973, с. 314, примеч. 22.

[10] Единственное начертание без «навеса» (Е 13, *1*) — по-видимому, случайность. В том же тексте еще трижды употреблена енисейская форма знака (стк. 4, *5* — дважды). О палеографических особенностях памятника Е 94 говорить сложно (см.: *Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. М., 1983, с. 41, 75).

[11] *Gabain A.* Alttürkische Grammatik, с. 12; *Clauson G.* The Origin, Tabl. V, 3b, № 7.

[12] *Кызласов Л.Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности. — СА. 1960, № 3, с. 97—100, 119, 120; *он же.* История Тувы в средние века. М., 1969, с. 79, 80; *он же.* Древняя Тува. От палеолита до IX в. М., 1979, с. 194, 195.

[13] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.—Л., 1950, с. 353; *Супруненко Г.П.* Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX в. — ИАН КиргССР. Сер. общ. наук. Фрунзе, 1963, т. *5*, вып. 1, с. 77—79.

[14] *Евтюхова Л.А., Киселев С.В.* Чаатас у с. Копёны. — ТГИМ. 1940, 11, с. 35 и сл.; *Евтюхова Л.А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, с. 41—43; *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 601, 602. Табл. LV; *Маршак Б.И.* Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М., 1971, с. 56; *Кызласов Л.Р.* Древнехакасская культура чаатас VI—IX вв. — Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, с. 49, рис. 28, II, *23*; *Кызласов Л.Р., Король Г.Г.* Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990, с. 73.

[15] *Кызласов И.Л.* Новые свидетельства уйгуро-хакасских войн IX в. — СА. 1979, № 3, с. 286—289.

[16] *Кызласов Л.Р.* Новая датировка, с. 96; *он же.* Древнехакасская культура чаатас, с. 49, *52*. Рис. 28, II, *1*; *Кляшторный С.Г.* Стелы Золотого озера. К датировке енисейских рунических памятников. — Turcologica. Л., 1976, с. 260, 266. (О допустимости датировать Е 32 концом VII в. см.: *Кызласов Л.Р.* Новая датировка, с. 94, 96). Отнесение С.Г. Кляшторным к этой группе памятников Е 26 (Очуры) и, вслед за Л. Базеном, Е 30 (Уйбат I) нуждается в подтверждениях. Подобная датировка Е 37 (Туба III) и Е 42 (Бай-Булун I) (*Кляшторный С.Г.* Стелы Золотого озера, с. 260, 266) ошибочна, так как не учитывает важного эпиграфического элемента этих монументов — тамговых знаков, которые определяют время создания эпитафий соответственно второй половиной IX в. и серединой X в. Последний случай подтвержден и археологическими материалами (*Кызласов Л.Р.* Новая датировка, с. 101, 102, 119, рис. 6, *4—9*; 7, *10*; 9, *14*; *он же.* О датировке памятников енисейской письменности. — СА. 1965, № 3, рис. 1, *14*; *5*, *7*; с. 47).

[17] См. палеографические таблицы в работах С.Г. Кляшторного, указанных в примеч. 7.

[18] *Васильев Д.Д.* Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири. — ТС. 1975. М., 1978, с. 93—96; *он же.* Корпус, с. 24, 77, 101 (здесь выпущена транслитерация пятой строки текста).

[19] *Кормушин И.В.* К основным понятиям, с. 39, 42.

[20] *Васильев Д.Д.* Графический фонд, с. 119, № 2.

[21] *Кормушин И.В.* К основным понятиям, с. 45.

[22] Там же, с. 38.

[23] Там же, с. 41—43; *Аманжолов А.С.* К генезису тюркских рун. — ВЯ. 1978, № 2, табл. 2б.

[24] См. литературу, указанную в примеч. 8, а также: *Clauson G.* The Origin, Tabl. V, № 17; *Кормушин И.В.* К основным понятиям, с. 41—43.

[25] См. таблицы С.Г. Кляшторного (примеч. 7).

[26] *Кляшторный С.Г.* Монета с рунической надписью из Монголии. — ТС. 1972. М., 1973; *Кызласов И.Л.* Монеты с тюркоязычными енисейскими надписями. К вопросу о денежном обращении в древнехакасском государстве. — Нумизматика и эпиграфика. М., 1984, 14, с. 98, 99.

[27]*Кормушин И.В.* К основным понятиям, с. 41—43.

[28]*Кляшторный С.Г.* Надпись уйгурского Бёгю-кагана, с. 22; *Radloff W.* Die alttürkische Inschriften. Lfg. 3, с. 260—268.

[29]*Васильев Д.Д.* Графический фонд, с. 122.

[30]*Кормушин И.В.* К основным понятиям, с. 44, 45.

[31]Иное мнение: *Васильев Д.Д.* Графический фонд, табл. 25, № 11; 26, № 15; 29, № 11.

[32]*Мелиоранский П.М.* Памятник в честь Кюль-Тегина. — ЗВОРАО. 1899, т. 12, с. 39.

[33]*Le Coq A.* Köktürkisches aus Turfan. — SPAW, 1909. Phil.-hist. Klasse, vol. 21, с. 1050, Taf. IX; *Orkun H.N.* Eski türk yazıtları. 2, с. 24 (1987, с. 216).

[34]*Кызласов Л.Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности. — СА. 1960, № 3, с. 119.

[35]*Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков, с. 75.

[36]*Сейдакматов К.* Древнетюркские надписи на Горном Алтае. — Материалы по общей тюркологии и дунгановедению. Фрунзе, 1964, рис. 1—3; *Наделяев В.М.* Древнетюркские надписи Горного Алтая. — ИСОАН. 1981, № 11, сер. обществ. наук, вып. 3, с. 70, 74; *он же.* Древнетюркские надписи Горного Алтая. — Алтайский язык на современном этапе его развития. Горно-Алтайск, 1984, с. 89, 94; *Васильев Д.Д.* Графический фонд, табл. 26, № 15.

[37]*Васильев Д.Д.* Корпус, с. 46, 79, 125.

[38]*Кормушин И.В.* К основным понятиям, с. 44, 45.

[39]*Васильев Д.Д.* Графический фонд, с. 144, табл. 32. Д.Д. Васильев не расчленяет надписи по алфавитной принадлежности, членение памятников произведено автором этих строк. К фонетическому определению знака см.: *Аманжолов А.С.* Интерпретация некоторых рунических знаков. — Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ. Кызыл, 1973, вып. 16, с. 166—168.

[40]*Кызласов Л.Р.* Новая датировка; *он же.* О датировке. Хотя в последней работе Е 68 отнесен к концу IX в., эта дата справедлива лишь для древнехакасского текста и тамги, нанесенных на оборотную сторону стелы, вероятно, позднее интересующей нас горизонтальной надписи.

[41]Ср.: *Кормушин И.В.* К основным понятиям, с. 44, 45.

[42]*Васильев Д.Д.* Графический фонд, с. 116, табл. 13; *он же.* Корпус, с. 69; *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, с. 26, 31—34; *он же.* Енисейская письменность тюрков. М., 1952, с. 84; *Kotwicz W., Samoïlovitch A.* Le monument turc d'Ikhe-khuchotu en Mongolie Centrale. — RO. Lwów, 1928. 4; *Clauson G., Tryjarski Ed.* The Inscription at Ikhe Khushotu. — RO. 1971, t. 34, z. 1; *Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. М., 1969, с. 117; *он же.* Новая датировка; *он же.* О датировке; *Кляшторный С.Г.* Терхинская надпись; *он же.* The Tes Inscription; *он же.* Надпись уйгурского Бёгю-кагана.

[43]*Кормушин И.В.* К основным понятиям, с. 44.

[44]*Sertkaya O.F.* Kaçıda yazılı Göktürk metinleri. İstanbul, 1990 (III Sovyet-Türk Koilokyumu. Alma-Ata. 8—15 Haziran 1990), с. 15, 16.

[45]*Кормушин И.В.* К основным понятиям, с. 39, 42; *Кляшторный С.Г.* Надпись уйгурского Бёгю-кагана, с. 22.

[46]*Васильев Д.Д.* Графический фонд, табл. 25, 26.

[47]*Кызласов Л.Р.* Новая датировка, с. 199, 120; *он же.* О датировке, с. 46—48.

[48]*Кормушин И.В.* К основным понятиям, с. 39.

[49]*Кляшторный С.Г.* Стелы Золотого озера, с. 266.

[50]*Clauson G.* The Origin, с. 64, Tabl. V, № 28; *Кормушин И.В.* К основным понятиям, с. 45.

[51]*Васильев Д.Д.* Графический фонд, табл. 25, 26. Е 74 не является текстом.

[52]*Кляшторный С.Г.* Рунические надписи из кургана Аржан II. — Первобытная археология Сибири. Л., 1975.

[53]*Кызласов Л.Р.* Новая датировка; *он же.* О датировке, с. 46.

[54]*Васильев Д.Д.* Графический фонд, с. 145, № 10.

[55]В тексте Е 112 употребление этого знака Д.Д. Васильевым отмечено ошибочно (Графический фонд, с. 96). См.: *Кляшторный С.Г.* Руническая эпиграфика Южной Сибири. Наскальные надписи Тепсея и Турана. — СТ. 1976, № 1, с. 68, 69; *Васильев Д.Д.* Еще о древнетюркской эпиграфике Тепсея. — СТ. 1977, № 2, с. 80, 81, рис. 5; *он же.* Корпус, с. 43, 44, 78 (на последней странице памятник случайно отмечен индексом Е 111).

[56]Употребление ряда своеобразных форм в надписи Е 68, отмеченное Д.Д. Васильевым (Корпус, с. 35, 72), не подтвердилось при изучении оригинала памятника.

[57]Знакомство с оригиналом надписи Е 109 не подтверждает применения там знака № 15 табл. XXVI, указанного Д.Д. Васильевым (Корпус, с. 77).

[58]См. гл. I, разд. 3, 4, а также: *Кызласов И.Л.* Новая руническая письменность Южной Сибири. — Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии. М., 1990.

[59]*Кызласов Л.Р.* Новая датировка, с. 97—100, 119, 120.

[60]*Кызласов И.Л.* Древнехакасские надписи на плитах кургана Узун оба. — СТ. 1985, № 1, с. 60, 61; *он же.* Отражение этно-политических традиций в памятниках рунической письменности. — Маргулановские чтения. Материалы конференции. А.-А., 1989, с. 265, 266.

[61]*Кызласов Л.Р.* Новая датировка; *он же.* О датировке.

[62]*Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, с. 57, 58, 70; *Sertkaya O.F.* Kaçıda yazılı, с. 15, 16.

[63]*Аманжолов А.С.* К генезису тюркских рун, с. 79; *Gabain A.* Alttürkische Grammatik, с. 12; *Clauson G.* The Origin, с. 71, Table V, № 41. О знаках в тексте Е 7 и Е 45 см.: *Радлов В.В.* Атлас древностей Монголии. Вып. 2. СПб., 1893, табл. LXXVIII; *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков, рис. 2; *Аманжолов А.С.* Тюркская руническая графика. 2. А.-А., 1981, с. 24, 25, 36—38; *Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века, рис. 48; *Васильев Д.Д.* Корпус, с. 17, 31, 60, 69, 87, 109.

[64]*Кызласов Л.Р.* О датировке, с. 46, 47, № 7, 29.

[65]*Кызласов Л.Р.* Когда исчезла енисейская руническая письменность южносибирских тюрков. — Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1992, № 6; *Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.* Новый этап развития енисейской письменности. Конец XIII — начало XV вв. — РА. 1994, № 1.

[66]*Малов С.Е.* Древнетурецкие надгробия, с. 804, 805; *Массон М.Е.* К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии. — Материалы Узкомстариса. М.—Л., 1936, вып. 6—7, с. 10; *Иванов П.П.* Материалы по археологии котловины Иссык-Куля. — Труды Института истории АН КиргССР. Фрунзе, 1957, вып. 3, с. 78—81; *Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии. Вып. 1. Фрунзе, 1963, с. 7, 33; вып. 3, 1987, с. 12; *Батманов И.А.* Таласские памятники древнетюркской письменности. Фрунзе, 1971, с. 7, 25, 26. И.А. Батманов и Ч. Джумагулов указывают, что находка относится к 1926 г., но это противоречит словам самого первооткрывателя памятника (*Иванов П.П.* Материалы по археологии, с. 71).

[67]*Массон М.Е.* К истории открытия, с. 7, 12, 13; *Малов С.Е.* Таласские эпиграфические памятники. — Материалы Узкомстариса. М.—Л., 1936, вып. 6—7, с. 27; *Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии, вып. 1, с. 32; *Сыдыков С.* Древние надписи в ущельях Кулан-Сай и Терек-Сай. — Материалы по общей тюркологии и дунгановедению. Фрунзе, 1964, с. 103, 106; *Батманов И.А.* Таласские памятники, с. 16.

[68]*Джумагулов Ч., Кожомбердиев И.К* Надписи и петроглифы ущелья Куру-Бакайыр. — АО. 1981. М., 1983; *Джумагулов Ч., Кляшторный С.Г.* Наскальная

древнетюркская эпиграфика в Таласском Ала-Тоо. — СТ. 1983, № 3; *Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии, вып. 3, с. 30—34.

[69] *Тенишев Э.Р.* Древнетюркская эпиграфика Алтая. — ТС. М., 1966, с. 265.

[70] *Убрятова Е.И.* Древнетюркская руническая надпись из Бичикту-Бома. — Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974, с. 159, 160.

[71] *Боровков А.К.* Енисейские надписи на сосудах. — Тюркологические исследования. М.—Л., 1963, с. 192; *Наделяев В.М.* Древнетюркская руническая надпись из Кош-Агача. — ИСОАН. 1973, № 1. Сер. общ. наук, вып. 1, с. 109; *он же.* Древнетюркские надписи Горного Алтая. — ИСОАН. 1981, № 11. Сер. общ. наук, вып. 3, с. 66; *он же.* Древнетюркские надписи Горного Алтая. — Алтайский язык на современном этапе его развития. Горно-Алтайск, 1984, с. 83, 84.

[72] *Малов С.Е.* Древнетурецкие надгробия, с. 800; *он же.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, с. 57; *Кормушин И.В.* К основным понятиям, с. 39.

[73] *Аманжолов А.С.* Интерпретация некоторых рунических знаков, с. 163; *он же.* К генезису тюркских рун, табл. 2а; *Батманов И.А.* Таласские памятники, с. 28, 41, № 11—13.

Глава III

ПОСТРОЕНИЕ И РАННИЕ ОСОБЕННОСТИ ОРХОНСКОГО АЛФАВИТА

Предыдущие главы представляют собой углубление вполне традиционного подхода к предмету исследования: внешнего сопоставления знаков письменности, анализ и сравнение их облика. Другая возможность изучения рунического письма — исследование внутренних его особенностей, плодотворно применявшееся В. Томсеном и В.В. Радловым на стадии его дешифровки, — также содержит не исчерпанные пока пласты.

Любая письменность обладает устойчивой формой представления своих знаков. Независимо от того, чем вызвана последовательность письмен в ней — объяснениями магических причин (как для германских рун), систематикой звуковых особенностей речи (как в индо-тибетской традиции), закономерностями построения облика самих письменных знаков (как в случае с ключами дальневосточной иероглифики) и т.п., — раз принятый порядок выдерживается на всем протяжении бытования данного письма, со временем меняется лишь число составляющих. Сохранению этого ряда первоначально и на многие века способствует его сакрализация, порожденная появлением письма в жреческой или клирикальной среде и его частой прямой связью с определенной идеологической системой. Светское применение письменности не нарушает этой последовательности, знание которой служит усвоению основ всякой грамоты.

Устойчивость построения нередко определяет наименование такой совокупности знаков, часто возникающее от имен первых букв ряда: для письменностей греческого корня — алфавит, кириллического — азбука, глаголического — абецедар, германских рун — футарк и т.п. Для историка культуры особенно важно, что буквенный ряд вновь создаваемого письма обычно сохраняет построение, свойственное его прототипу. Выявление не только набора, но и последовательности представления знаков той или иной письменности есть весьма важный этап в постижении тайны его происхождения.

1. ЗАПИСИ РУНИЧЕСКИХ АЛФАВИТОВ

Нам все еще не известно ни название самого письменного знака, бытовавшее у носителей азиатских рун, ни применявшееся ими наименование своего алфавита. Обнаружены и изданы фрагменты двух восточнотуркестанских рукописей, частично сохранившие записи самой рунической азбуки. Оба они происходят из руин в долине р. Тойок (Туюк) в Турфанской впадине. Первый найден при раскопках экспедиции А. фон Лекока в 1905 г. и издан в 1909 г.: Тойок I, шифр хранения в берлинском Музее индийского искусства — T II. T. 20[1] (рис. 10). Второй приобретен в 1908 г.

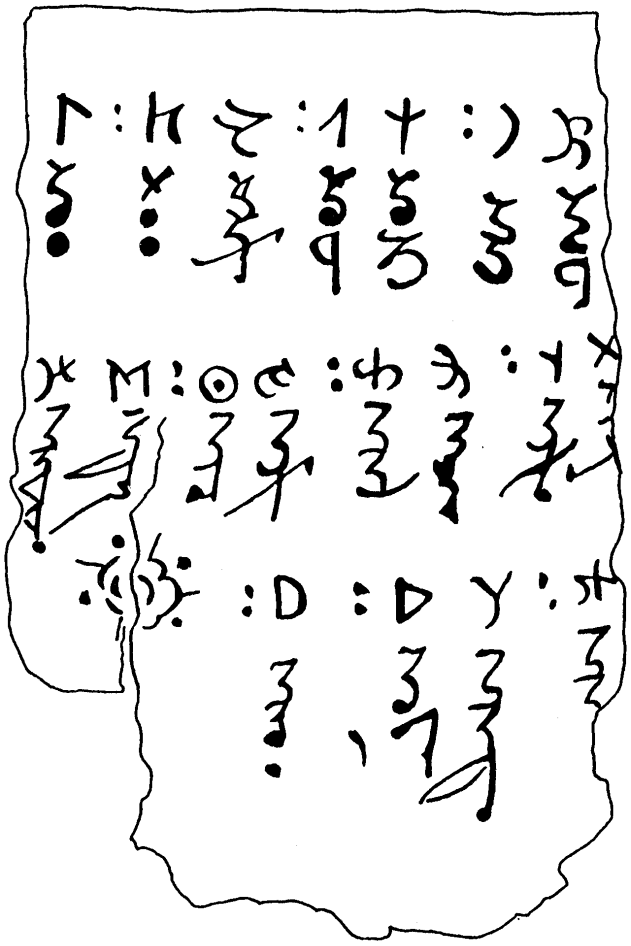

Рис. 10. Рукопись Тойок I. По воспроизведению А. Лекока

экспедицией Отани Сёсин и опубликован в 1961 г.[2], хранится в библиотеке университета Рюкоку в Киото (инв. № 8129) (рис. 11). О.Ф. Серткая сопоставил памятники, отметил общий порядок знаков обеих записей и попытался установить число рун в алфавите в результате частичного восполнения лакун рукописи Тойок I за счет данных фрагмента из библиотеки Рюкоку[3].

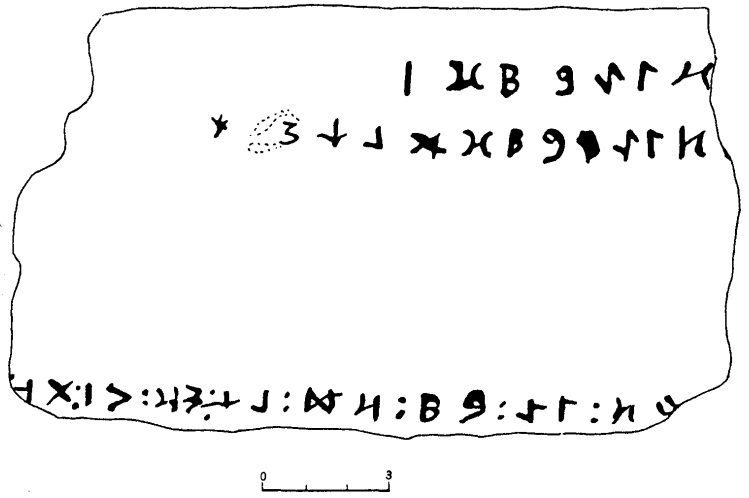

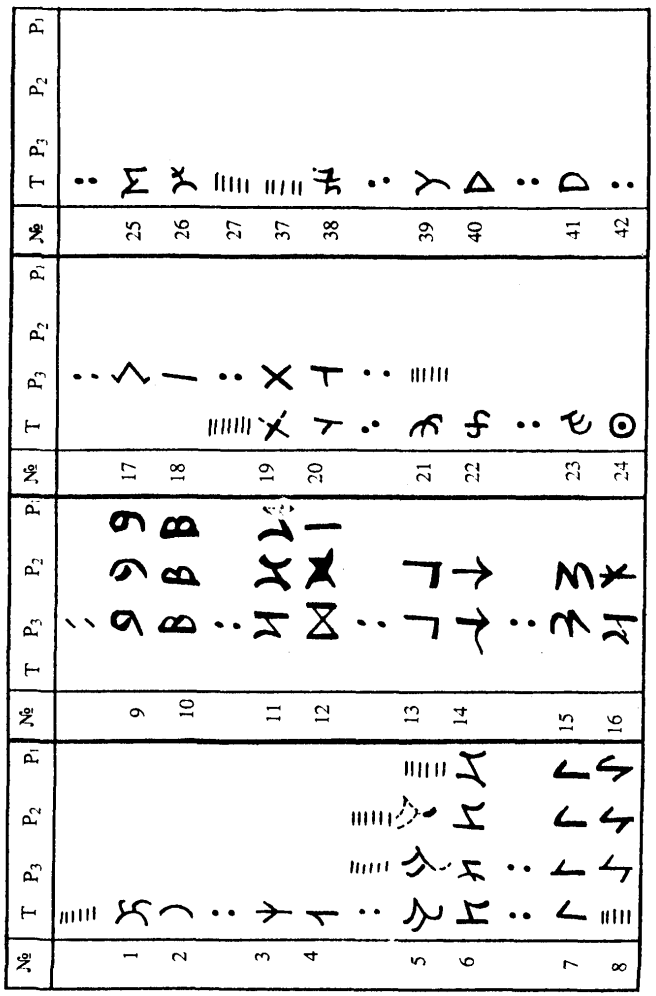
Рис. 11. Рукопись из библиотеки Рюкоку. По воспроизведению О.Ф. Серткая

Особенностью рукописи Тойок 1 является сопровождающая рунические знаки передача их названий манихейским письмом, а фрагмента из библиотеки Рюкоку — троекратная запись азбучного ряда. К сожалению, всюду не сохранилось начало алфавита, обрывы в трех строках тойокского фрагмента создают лакуны в средней части списка, в третьей строке рукописи 8129 отсутствует и конец, а первые две строки не были завершены самим писавшим. Все же сравнение документов (табл. XXVII) позволяет сделать ряд важных для нашей темы наблюдений.

Прежде всего отметим, что перед нами памятники орхонского письма. Об этом свидетельствует применение характерных форм букв s^1 (табл. XXVII, P 2, № 16) и n^2 (T, № 38). Енисейской письменности не свойственны буквы № 3 и 40 (табл. XXIII, № 3, 74). Вместе с тем, судя по палеографическим признакам, эти два документа следовало бы отнести к различным этапам существования орхонской письменности: фрагмент из библиотеки Рюкоку — к старшему (период Второго Восточнотюркского каганата), а Тойок I — к младшему (от времени Уйгурского каганата до середины X в.) орхонскому письму. Так, раннюю письменность отличает применение знака № 16 (P 1, P 2), а позднюю — буквы

Таблица XXVII

Орхонский алфавит по рукописным записям из Восточного Туркестана
Т – Тойок I, Р 1 – Р 3 – фрагмент из библиотеки Рюкоку (стк. 1–3)

№ 26 (Т). Употребление знака № 1 отмечено в Ïrq bitig — рукописи X в.[4], он встречается и в двух енисейских эпитафиях (Е 7, *1*; Е 45, *3*), относящихся к середине и концу X в.[5]. Однако, как увидим, палеографические датирующие признаки, выработанные на текстах другого назначения, следует с большой осторожностью применять к алфавитным записям, сохраняющим глубокие архаичные черты в отношении набора письменных знаков.

Особенно важно, что фрагменты обеих рукописей свидетельствуют об устойчивом порядке, присущем орхонским знакам при их алфавитном размещении. Строгость такого расположения проистекает не только из его троекратного соблюдения на листе из библиотеки Рюкоку (рис. 11; табл. XXVII, № 6—16) (вероятно, допущенная ошибка — написание знака № 12 (Р 1) не на своем месте (ср. Р 3, № 18) — вынудила писца прервать первую строку и повторить запись). Сохранение того же строя знаков очевидно и в документе Тойок I (табл. XXVII, № 5—7, 19, 20). При учете оговоренных палеографических различий двух рукописей можно полагать, что отмеченный ими буквенный ряд был характерен для орхонского письма на всем известном протяжении его существования (20-е годы VIII — середина X в.).

Благодаря единому порядку знаков алфавитные списки дополняют друг друга и прежде всего фиксируют количественный состав орхонской азбуки. Согласно документу из библиотеки Рюкоку, лакуна между первой и второй строками рукописи Тойок I составляет 11 букв (табл. XXVII, № 8—18). Это позволяет предполагать отсутствие 11 же букв из-за разрыва второй и третьей строк манускрипта (№ 27—37). Список Тойок I достигает конца алфавита, что отмечается орнаментальной фигурой — типичным завершающим знаком манихейских рукописей (рис. 10). Следовательно, согласно анализируемым документам, число букв в орхонском алфавите превышало 40, так как № 1 на табл. XXVII не является первой буквой азбуки. Налицо очевидное несоответствие в восприятии количественного состава этого рунического алфавита между современной наукой (указывающей 38—40 знаков[6]) и средневековыми писцами.

2. ПОСТРОЕНИЕ ОРХОНСКОГО АЛФАВИТА

Итак, обоими документами зафиксирована общая последовательность письменных знаков. *Поскольку писцы-манихеи* не применили для своих записей орхонских знаков алфавитного строя собственного манихейского письма (соответствовавшего последовательности букв арамейского алфавита), можно заключить, что ими был сохранен «рунический» порядок в их размещении. Об этом же свидетельствует и фрагмент из библиотеки Рюкоку, представляющий лишь ряды рунических букв без комментариев другим письмом. Соответствует сказанному и вывод о сохранении алфавитного строя для разных

палеографических этапов бытования орхонской письменности. Представляемая обеими рукописями последовательность рун выглядит вполне самобытной, ибо подобного размещения букв в других письменностях отыскать не удается.

Первой особенностью орхонского строя является парная группировка букв. Она четко выражена в манускрипте Тойок I и в третьей строке рукописи из библиотеки Рюкоку благодаря употреблению разделительных знаков-двоеточий. Следуя за назначением этих отметок в рунических надписях, можно было бы предположить словесный принцип составления буквенных пар, закрепляющий алфавитный порядок в виде некоего текста. Однако вполне очевидно, что такие пары не образуют тюркских слов, ибо иногда соседствуют руны для согласных мягких и твердых слогов (табл. XXVII, T, № 39, 40), твердого гласного и согласного мягкого слога (P 3, № 17, 18), двух гласных (№ 7, 8). Допущение о парном обособлении односложных слов, каждое из которых записано одним знаком, также не подтверждается на почве тюркской речи. При подобном подходе остается, пожалуй, лишь вероятность закодированности связного текста в неведомых нам словесных названиях рунических знаков (вспомним: «Аз буки веди. Глагол добро есть...»)[7].

От домысла о «прочтении» орхонского алфавитного ряда по-тюркски придется отказаться, если также учесть, что в рукописи Тойок I манихейскими знаками записаны названия рунических букв и то, что, как увидим в дальнейшем, последовательность размещения знаков могла быть образована не в тюркоязычной среде.

Ныне увидеть смысл в парном размещении знаков в алфавитном ряду не удается. Но вполне возможно заметить определенную общую закономерность в самом принципе подбора букв для каждой из таких пар. Эта заданность становится очевидной при учете звукового значения письменных знаков (табл. XXVIII). Пары № 1—2, 3—4, 9—10, 11—12 (?), 13—14, 15—16, 21—22, 23—24, 25—26 и 39—40 составляют буквы, одна из которых обозначает один звук, а вторая — сочетание двух звуков. Однако такой принцип выдержан не во всех случаях: в парах № 5—6, 7—8, 17—18 и 19—20 объединены только «однозвучные» буквы (гласные — № 7, 8, 17 — не являются здесь исключением, так как в каждом случае употребления ими записывается лишь один звук).

Указание на двузвучность знака в условиях классического рунического письма относительно точно для букв, обозначающих стечение согласных (типа № 24 и 25) и условно в отношении знаков, передающих связь согласного с определенными гласными (например, № 1, 10, 14). По сути дела, здесь следует говорить о более высокой степени функциональных ограничений, отличающей одни руны от других, обладающих меньшей степенью строгости применения. Так, знак № 2 указывает на любой гласный переднего ряда, в то время как знак № 1 — лишь на узкий губной переднерядный гласный и т.п. Вместе с тем следует признать, что за такой спецификой письменных знаков развитого орхонского письма

скрываются по-разному сохранившиеся и выражающиеся на практике различия их первоначальной природы. Учитывая сказанное и следуя за традиционной со времен В. Томсена условной манерой обозначения указанных узкофункциональных знаков через написание слога (ök, oq, ïq и т.п.), автор этих строк для простоты изложения именует знаки типа № 1, 10, 14, 40, как и № 21, 24, 25 и т.п., «двузвучными».

Таблица XXVIII

Звуковой порядок орхонского алфавита

	....		
1	op/up	17	u/o
2	n^1	18	s^2
3	ič	19	d^2
4	p	20	ŋ
5	k	21	nj
6	t^2	22	z
7	ï/i	23	g
8	a/ä	24	nd/nt
9	j^2	25	ld/lt
10	ök/ük	26	$š^1$
11	r^1	27—37	....
12	?	38	n^2
13	l^1	39	l^2
14	oq/uq	40	ïq
15	nč	41	j^1
16	s^1	42	:

Итак, следует признать, что при составлении алфавитных пар применены два подхода к их формированию. Однако при размещении самих пар двух этих различных категорий выдержана единая схема. Ради ее прояснения обозначим двузвучные буквы знаком «х», а однозвучные — знаком «о» (табл. XXIX). Становится очевидным, что о-пары соседствуют по две (№ 5,6 — 7,8 и 17,18 —

19,20), а между ними размещены четыре х-пары (№ 9—10, 11—12, 13—14, 15—16). Еще три уцелевшие х-пары (№ 21—22, 23—24, 25—26) следуют за совмещением двух о-пар (№ 17,18 — 19,20), и две х-пары (№ 1—2 и 3—4) предшествуют первому случаю сопряжения о-пар (№ 5,6 — 7,8). Но две последние позиции не отражают полной картины, так как предшествующие х-паре № 1—2 и последующие за х-парой № 25—26 буквы не сохранились. Отмечаемый для имеющегося непрерывного алфавитного ряда ритм размещения буквенных пар позволяет предполагать существование той же последовательности и на пропавших участках азбуки (табл. XXX). Буквы № 27 и 28, следуя отмеченной логике, должны были представлять четвертую х-пару в цепи знаков № 21—26, а перед буквами № 1—2 можно реконструировать две х-пары (отметим их знаком +: № +1—+2 и +3—+4), завершающие строй знаков № 1—4.

Восстанавливаемый порядок буквенных пар рунической азбуки выдерживает проверку при заполнении лакуны между знаками № 26 и 38. Кроме х-пары № 27—28, завершающей названную четверку х-пар, здесь размещаются две о-пары (№ 29—30 и 31—32) и две х-пары (№ 33—34 и 35—36), и если обозначить букву № 37 знаком х, чего требует общий строй, то х-пара № 39—40 окажется завершающей в реконструируемой четверке (№ 33—40).

Как видим, вполне допустимо предположить, что в руническом алфавите расположение буквенных пар, составленных из знаков двух категорий, подчинялось единому ритму: 4—2—4—2—4—2—4. Этот строй был выдержан в отношении по крайней мере 44 букв (№ +4—40), что позволяет частично реконструировать число букв в несохранившемся начале азбуки.

Настала пора обратить внимание на последнюю букву алфавита (№ 41). Она занимает особое положение, не только нарушая принцип парного размещения букв, но и не отвечая ритму в построении этих пар. Впрочем, оба противоречия могут быть смягчены одним допущением. Буквенный ряд рукописи Тойок I завершается, как помним, не только отметкой-двоеточием, но и следующим за нею знаком окончания, характерным для манихейской письменности (рис. 10). По-видимому, для писца конечной в алфавите была не буква № 41, а сама руническая словоразделительная отметка, входившая в алфавитную совокупность в качестве особого письменного знака. Известно, что многие письменности отличаются не только обликом букв, но и видом свойственных им знаков «препинания» [ср. точку в круге — для манихейских текстов любой графики, диагональное двоеточие — в буддийских памятниках, знак начала индо-тибетских письмен, роль точки в тибетской грамоте, сочетание точки, двоеточия и четырехточия в старомонгольских рукописях и т.п.[8], учтем и соответствующее разграничение азиатских и евроазиатских степных рунических письменностей (табл. XXIII, № 17)]. Если помнить, что, «оказывается, и точки имеют свою историю»[9], необходимо признать, что знаки «препинания» должны вводиться в сводные таблицы

Таблица XXIX

Схема звукового построения орхонского алфавита

(х – знак, передающий сочетание двух звуков, о – знак, передающий один звук)

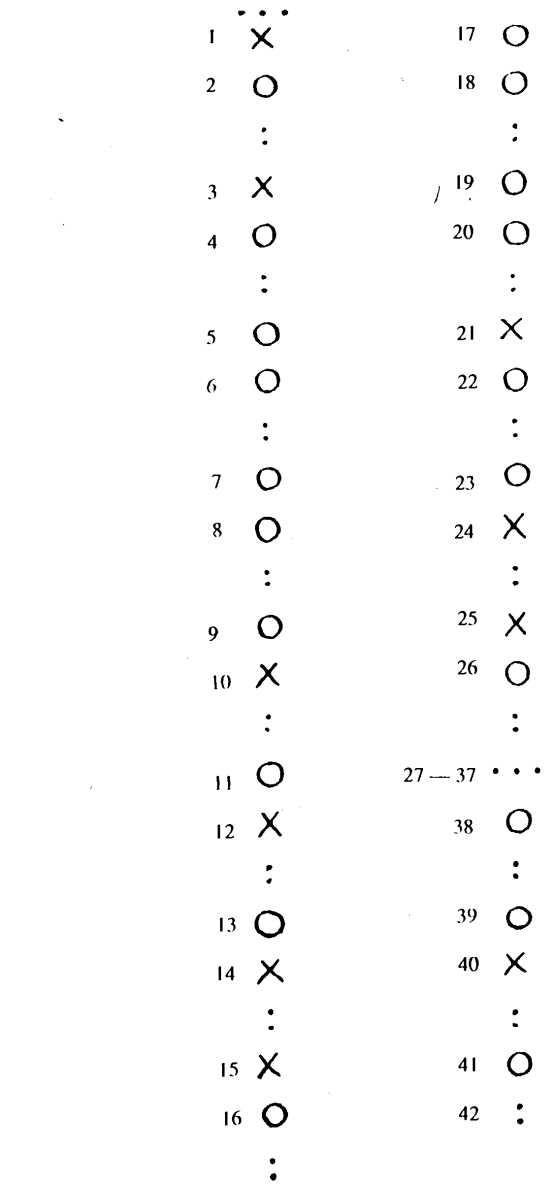
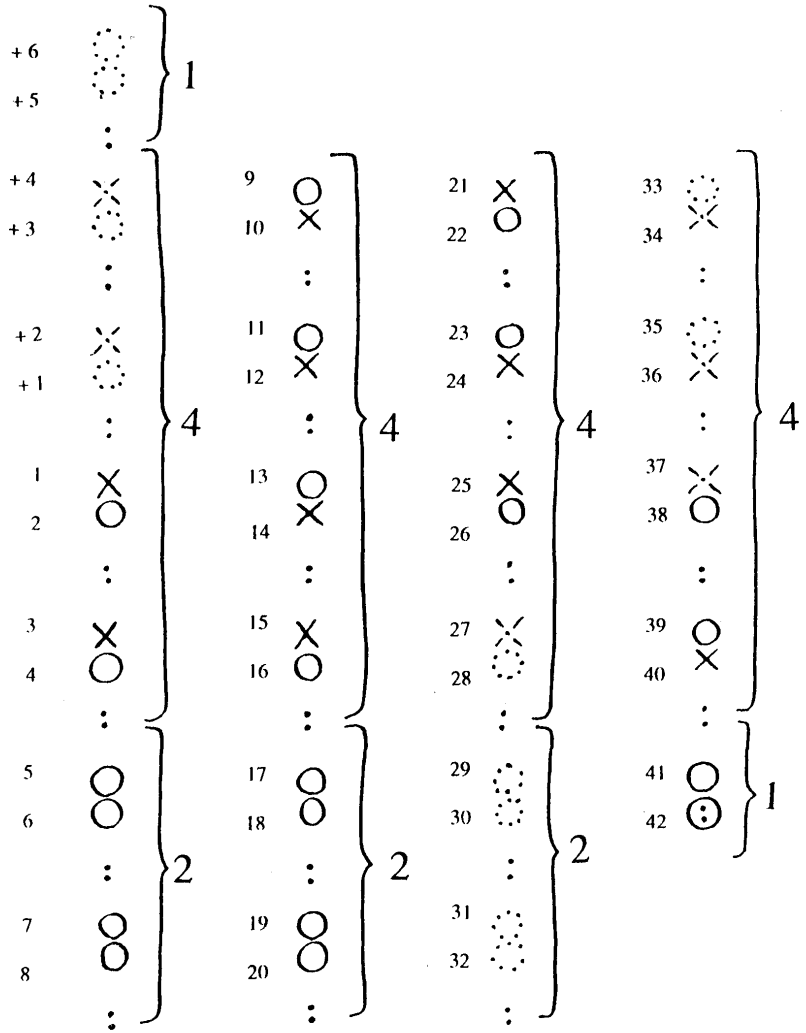

Таблица XXX

Реконструкция построения орхонского алфавита

(Обозначения те же, что и в табл. XXIX. Пунктиром отмечены утраченные знаки)

письменных знаков. Такого, к сожалению, практически не встречаем в современных исследованиях, но следует ли из этого заключить, что их были лишены и средневековые азиатские азбуки? Предназначенные для обучения, они, как и нынешние прописи школьников, не могли обойти вниманием любой из применявшихся на письме знаков.

Знаку-двосточию в классическом руническом письме — и орхонском, и енисейском — совершенно не свойственно применение в конце текста. В таких случаях, как на стеле Тоньюкука, когда двоеточием завершаются строки многорядного текста, оно обозначает связь с последующим написанием. Это особенно ясно, поскольку со строки на строку часто переходит продолжение фраз (см., например, стк. *2—7* и др.). Словоразделители иногда выступают в роли знаков окончания в памятниках письменности иной, евроазиатской группы степных рунических письмен, что, вероятно, является особенностью их орфографии (К 11, К 12, Ю 6, Ю 10, Ю 14, Ю 17).

Сказанное может изменить восприятие завершения алфавита в рукописи Тойок I, побудить к учету знака № 42 — словоразделительной отметки-двоеточия. При этом окончание азбуки примет вид пары письменных знаков, столь характерный для всего остального ряда. Восстановится и чередование различно составленных пар, ибо цепь из четырех х-пар (№ 33—40) сменится если и не полновесной о-парой, так совмещением знаков, не имеющих «х-качества» (№ 41—42). Такая особенность последовательности знаков № 33—42, при учете точной уравновешенности общего буквенного строя, позволяет предположить подобное оформление и начала алфавита, т.е. завершение четверика х-пар (+4—4) одной «не-х»-парой или о-парой (№ +5—+6). В этом случае общая последовательность размещения о- и х-пар в алфавите приобрела бы следующий вид: 1—4—2—4—2—4—2—4—1 (табл. XXX).

Таким образом, представляется наиболее допустимым наличие в руническ0й азбуке 9 групп письменных знаков, общее число которых составило бы 48 единиц.

Теоретически остается еще одна возможность восстановления начала буквенного ряда, основанная на восприятии окончания азбуки. Перечень могла бы возглавлять одна обособленная словоразделителем буква, как и завершать — единственная буква № 41, если все же отказать знаку № 42 в самостоятельной позиции в алфавите. В этом случае общее число букв должно составлять 46 единиц, но принцип парного их размещения окажется нарушенным в абсолютном начале и конце азбуки, хотя количество групп письменных знаков по-прежнему будет равно 9.

3. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЛАКУН ОРХОНСКОЙ АЗБУКИ

Два предлагаемых варианта реконструкции строя рунического алфавита, отличающиеся лишь вероятностью истолкования позиций № +5—+6 и 41—42, необходимо проверить, исходя из известного ныне состава орхонских знаков. Очевидно, что сохранившиеся фрагменты азбуки не содержат букв для записи b^1 и b^2, $č$ и d^1, γ и q, m и r^2, t^1 и ö/ü, т.е. для восполнения пробелов по имеющимся данным недостает только 10 знаков. Это противоречит величине лакун, ибо только для заполнения просвета между № 26 и № 38

потребно 11 букв. Число недостающих знаков следует еще увеличить для восстановления начала азбуки.

По-видимому, разрешить противоречие возможно, лишь прибегнув к указанным различиям х- и о-знаков. В соответствии с нашей реконструкцией для наполнения буквенного ряда необходимо 11 или 10 однозвучных букв (табл. XXX, № +5, +3, +1, 28—33, 35), в зависимости от того как будем воспринимать позицию № +6. Нетрудно заметить, что именно эти буквы, относящиеся к условному о-классу, и составляют приведенную выше цепочку недостающих знаков от b^1 до ö/ü, а их число вполне соответствует ожидаемому. Оно на первый взгляд, пожалуй, даже склоняет к восприятию начала алфавита в виде одной обособленной буквы (№ +5), что, однако, при сохранении парного строя влечет за собой допущение о ее соседстве с неким беззвучным знаком (№ +6), которого, как известно, помимо отметки-двоеточия, орхонское письмо не знает. К тому же, как увидим, существует вероятность дополнения о-букв еще одним обозначением гласного, т.е. одиннадцатой однозвучной руной.

Не так гладко обстоит дело с заполнением х-ячеек нашего ряда. Здесь недостает шести знаков (№ +4, +2, 27, 34, 36, 37). Между тем в сохранившихся частях алфавита присутствуют все известные ныне знаки, передававшие в орхонском письме сочетания двух звуков.

Полагаем, что ключ к пониманию ситуации лежит в важной особенности применения тех букв, которые мы обозначили знаком х. Значительная их часть — пять (№ 1, 3, 12, 21, 25) из десяти — редко употребляются в памятниках орхонского письма. И для всех без исключения характерна непоследовательность в употреблении: весьма часто передаваемое каждым из х-знаков сочетание звуков записывалось без их помощи — двумя соответствующими однозвучными рунами. Распространено в памятниках и отдельное обозначение гласных при тех х-знаках, которые сами предназначены для передачи соединения этих гласных звуков с согласными (№ 1, 3, 10, 14, 40). В свое время эти чередования послужили В. Томсену, а в дальнейшем и другим тюркологам основанием для определения фонетического значения ряда таких знаков[10].

Редкость и непоследовательность использования х-знаков не могут быть объяснены с позиций рунической орфографии и фонетики записанной орхонскими буквами тюркской речи. Строго говоря, отмечаемая для х-знаков традиция обозначения одним начертанием стечения двух звуков вообще не соответствует алфавитному принципу записи звуков, с некоторым своеобразием принятому для азиатских рунических письмен.

Приведенные наблюдения не в полной мере относятся лишь к единственному знаку № 12 (табл. XXVII, P 2, P 3), но именно потому, что названные особенности применения х-букв проявились здесь сильнее прочего. Применение этого знака в орхонских и енисейских памятниках настолько уникально, что предпринимавшиеся попытки прояснить его звуковое содержание не могут считаться обоснованными. Для изучаемого вопроса имеет самое

серьезное значение тот факт, что этот знак, среди огромного числа написаний многострочных орхонских текстов вырезанный лишь трижды на двух стелах (Тоньюкука, стк. 26 и Терхинской, стк. 12 — дважды[11]), несмотря на это, оказался включенным в буквенный ряд манускрипта из библиотеки Рюкоку. Подобная ситуация возникает и с попаданием в азбуку Тойок I знака № 1, встреченного, кроме этого, лишь в ïrq bitig и совершенно неизвестного среди орхонских эпиграфических памятников. Следовательно, в изучаемые алфавитные списки, как это ни парадоксально звучит, вошли и знаки, в целом вовсе не характерные для орхонской письменности, но в силу неких причин наделенные возможностью использования в руническом письме.

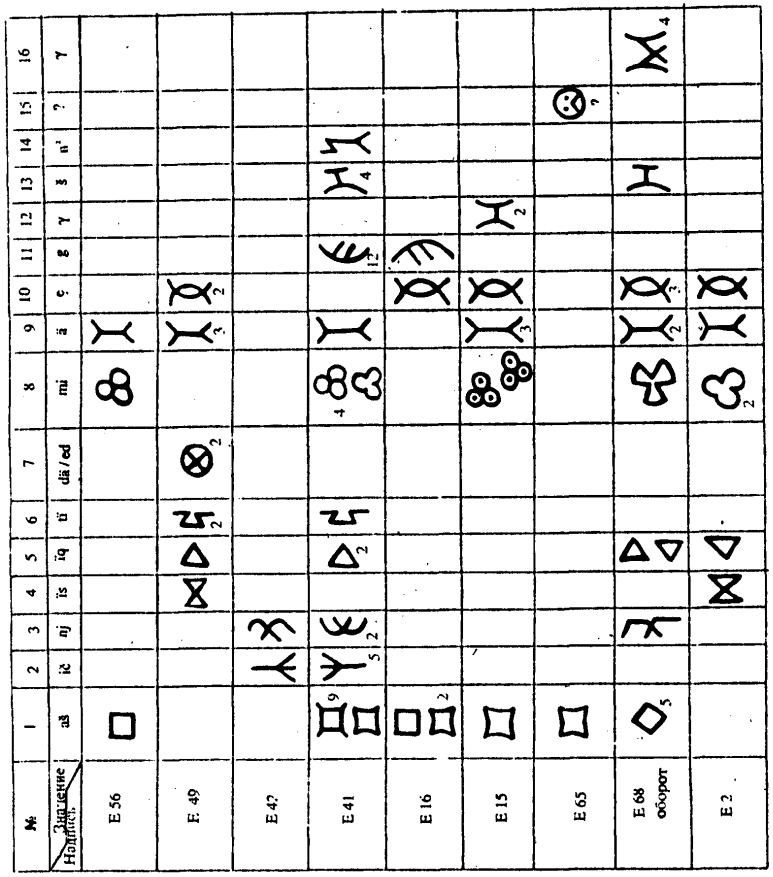
Именно это обстоятельство, смеем полагать, и объясняет существование отмечаемого пробела в шесть недостающих для полноты реконструируемого алфавитного ряда знаков х-типа. Их следует отыскивать среди букв особенно редких, точнее сказать, не свойственных памятникам орхонского письма.

Одну из этих букв, пожалуй, вновь находим в надписи Тоньюкука. В восьмой строке там вырезан знак в виде квадрата. Исходя из контекста, его читают как s^2 (С.Е. Малов: jaγymyz tägirä učuq täg ärti, biz šäg ärtimiz «враги наши были кругом, как хищные птицы, мы были (для них) падалью»[12]). Однако, как выясняется, этот знак имел значение aš, реже eš(äš), и данное место надписи звучит иначе: biz äšig ärtimiz «мы были (для них) добычей». Знак 22 раза встречен в шести енисейских надписях Тувы, составляющих особую палеографическую группу, содержащую буквы, не свойственные классической енисейской письменности (см. главу II, раздел 3). В двух памятниках он тоже имеет вид простого квадрата (E 56,*2* и E 16,*3*), в остальных применены его курсивные варианты — с вогнутыми сторонами и отходящими от углов наружу черточками (табл. XXXI, № 1). В E 16 вырезаны оба типа буквы. На одной стеле (E 68, оборотная сторона, *4,8,9,14,18*, левая боковая сторона) — знак ромбовиден. В 19 случаях он применен для записи слога aš: aš̲nuqï — E 41,*2,4*; baš̲ča — E 41,*7*; baš̲da — E 16,*3*; γ(a)daš̲ — E 56,*2*; γ(a)daš̲(ï)m — E 41,*3*; γaš̲(i)γa — E 41,*5*; jaš̲(i)m — E 41,*9*; jaš̲(i)mda — E 15,*1*; E 16,*3*; jaš̲(i)mta — E 68, оборот, *18*; q(a)daš̲(ï)m — E 65,*2*; E 68, оборот, *8*; q(a)daš̲(i)ma — E 68, левая сторона; q(a)daš̲l(a)r(ï)m — E 16,*2*; taš̲ — E 68, оборот, *4,9,14*(?); taš̲ru — E 41,*2* (табл. XXXII). Однажды он несомненно обозначает eš: eš̲(i)nt(i)m — E 41,*4*. Вероятно, таким же образом он звучит и еще в двух случаях, которые не удается истолковать надежно: $t^2l^1r^1$a eš̲(i)m — E 41,*1* и r^2eš̲n^2 — E 41,*8*.

Приведенные материалы исчерпывают известный знаковый состав орхонских памятников. Однако некоторые возможности для продолжения поиска предоставляет уже упомянутая небольшая группа рунических надписей Тувы, состоящая из девяти эпитафий (табл. XXXI). Из всего массива енисейских надписей, насчитывающего без малого две сотни памятников, именно в этих надписях, и практически только в них встречаем систематическое

Таблица XXXI

Употребление редких рунических знаков в енисейских надписях

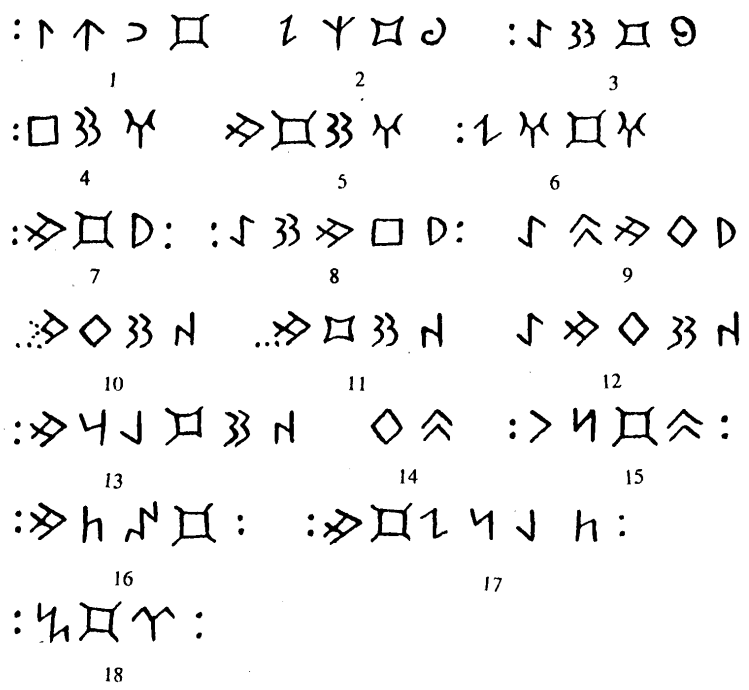

№ Надпись	Значение	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
		aš	ič	oj	iš	oq	ü	dä/ed	mi	ä	e	g	γ	ž	n'	?	γ
E 56		□							8	ᛉ							
E 49					ᛝ	ᛃ 2	ᛋ 2	⊗ 2		ᛉ 3	ᛏ 2						
E 47			ᛉ	ᛇ													
E 41		ᛞ 9	ᛉ	ᛇ 5 2		ᛃ 2	ᛋ 2		8 4 3	ᛉ		ᛇ 12		ᛋ 4	ᛋ		
E 16		□ □ 2									ᛏ	ᛇ					
E 15		□							8 8	ᛉ 3	ᛏ		ᛋ 2				
E 65		□														⊗ ?	
E 68 оборот		◇ 5		ᛇ		ᛃ ᛉ			8	ᛉ 2	ᛏ 3			ᛋ			ᛉ 4
E 2					ᛝ	ᛃ			8 2	ᛉ	ᛏ						

Таблица XXXII

Случаи употребления знака aš в енисейских надписях

1 – E 41, *2*, *4*; *2* – E 41, *7*; *3* – E 16, *3*; *4* – E 56, *2*; *5* – E 41, *3*; *6* – E 41, *5*; *7* – E 41, *9*; *8* – E 15, *1*; E 16, *3*; *9* – E 68, оборот, *18*; *10* – E 68, оборот, *8*; *11* – E 65, *2*; *12* – E 68, оборот, левая сторона; *13* – E 16, *2*; *14* – E 68, оборот, *4*, *9*, *14* (?); *15* – E 41, *2*; *16* – E 41, *4*; *17* – E 41, *1*; *18* – E 41, *8*.

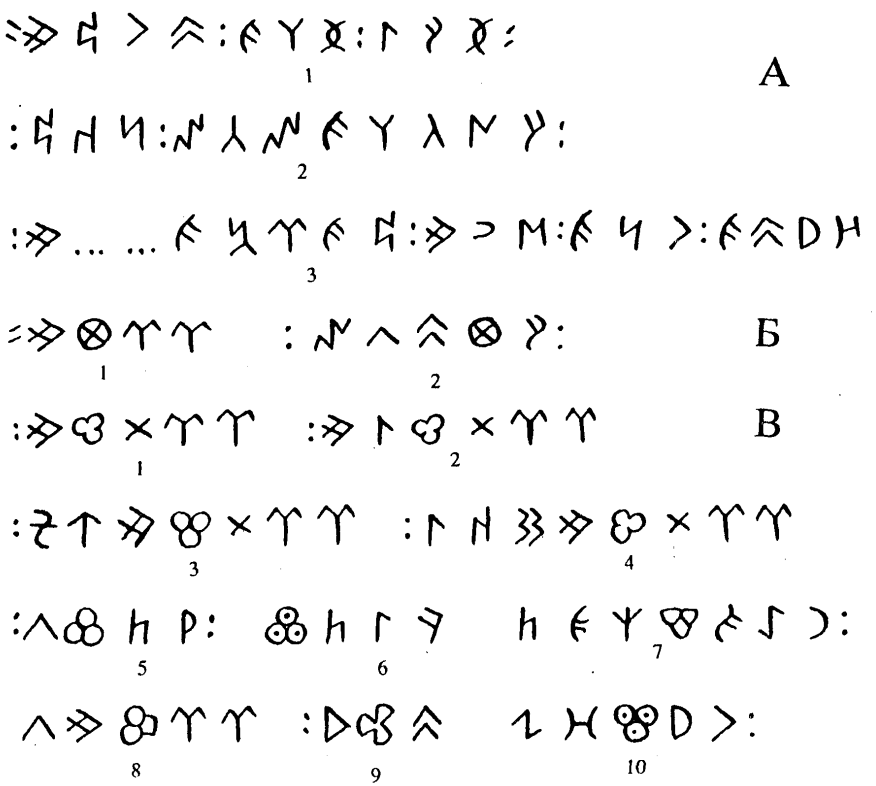
употребление интересующих нас редких х-знаков орхонской азбуки (табл. XXVII, № 3, 21, 40), в том числе и таких уникальных, как № 12 и только что описанный «квадрат» (табл. XXXI, *1—5*). Столь редкая и тесная палеографическая общность орхонских алфавитных записей и названной группы эпитафий в отношении х-знаков служит нам основой для привлечения других характерных для тувинской группы начертаний к восстановлению анализируемого буквенного набора.

Весьма показательно, что по крайней мере два из этих знаков передавали сочетания пары звуков. Буква в виде скобы с отводками (табл. XXXI, № 6), судя по тексту E 49, где она употреблена дважды, читается как tï: стк. 3 — eki : el(i)g : tu(t)tïm «я захватил два эля»; стк. 4 — küčl(ü)g(ı)n (ü)č(ü)n (a)rq(a)tï.. «т.к. имел силу, он искал...». Такое звучание она, судя по явному параллелизму построения фразы, имеет и в начале E 41,*5*, пока не имеющем надежного истолкования: š(s?)(a)j^{1}t^{1}(ï)g : ur(ï)g : l̲t(l̲d?)n^{1}(u?)m : (a)tïg (e)r^{2}(ä)n^{2}(i)g [l̲tn^{1}] (i)m (табл. XXXIII, A).

Таблица XXXIII

Случаи употребления знаков tï (А), dä/ed (Б) и mi (В) в енисейских надписях

А: *1* – Е 49, *3*; *2* – Е 49, *4*; *3* – Е 41, *5*; Б: *1* – Е 49, *3*; *2* – Е 49, *4*; В: *1* – Е 2, *3*, *4*; *2* – Е 41, *1*; *3* – Е 41, *3*; *4* – Е 41, *9*; *5* – Е 41, *9*; *6* – Е 15, *2*; *7* – Е 41, *6*; *8* – Е 56, *2*; *9* – Е 68, оборот, *1*; *10* – Е 15, *3*.

Знак в виде косого креста в круге (табл. XXXI, № 7), также дважды начертанный в Е 49, несомненно озвучивался как dä/ed: стк. 3 — (e)r (e)rdäm «мужская доблесть», стк. 4 — ked t(a)š(ï)n «крепким камнем» (табл. XXXIII, Б).

Из оставшихся в табл. XXXI букв правдоподобно избрать еще два знака — по причине их частой употребляемости в данной группе памятников. Одиннадцать раз в пяти надписях встречена буква в виде трилистника (табл. XXXI, № 8; XXXIII, В). Всюду она передает сочетание m с гласным: в шести случаях — с последующим i [(e)r (e)rd(ä)mim — Е 2,*3*,*4*; Е 41,*1*,*3*,*9*; j(e)tmiš — Е 41,*9*], один раз — с предшествующим i (kit(t)im — Е 15,*2*). Два места в надписях не вполне ясны — в Е 41,*6* можно видеть сочетание äm: (a)na (e)gäm «мои мать и тетя»; в Е 56,*2* то ли читать (e)r (e)r[d](ä)mim, то ли (в противовес контексту с (er) (a)t(ï)m) — (e)r

(e)rmem(i)š «я не был эром». В двух случаях этот знак, по-видимому, применяется с твердыми гласными (Е 15,*3* — ujamγa «от моих родственников»; Е 68, оборот, *1* — t[1]mïïg). Особое звуковое значение буквы-трилистника проистекает уже из факта параллельного употребления во всех содержащих его текстах обычной руны для m, начертанной во много раз чаще (табл. XXVI, № 1).

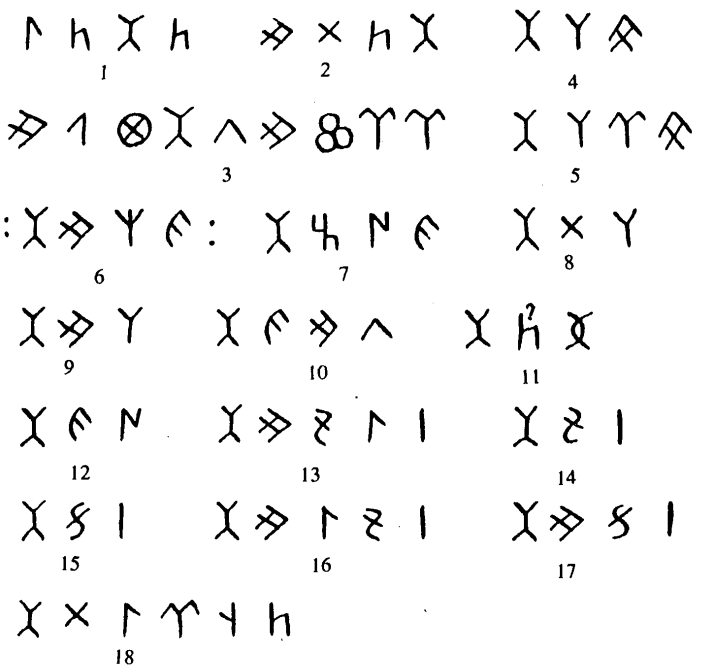
Вторая буква (табл. XXXI, № 9) встречена одиннадцать раз в шести памятниках нашей группы и семь раз в еще трех эпитафиях, не вошедших в нее по иным палеографическим признакам. Она обозначает открытый звук ä. Некоторое внешнее сходство с обычной для енисейских надписей буквой в виде двух пересекающихся вертикальных дуг[13] — обманчиво. Перед нами особый письменный знак, и у него другое назначение. В этом убеждает уже факт применения обеих форм в шести надписях (табл. XXXI, № 9, 10 и Е 46, Е 50). Лишь однажды из 18 случаев рассматриваемая редкая буква применена в середине слова (Е 49,*4* — teti «он сказал») и единожды — в первом закрытом слоге (Е 2,*2* — etd(i)m «я [благо]-устроил»). Во всех остальных (табл. XXXIV) (кроме неясного из-за сохранности текста Е 56,*2*: ed(i)m?, edäd(i)m?, (e)šä?) она неизменно стоит в последнем открытом слоге: b(ä)lä (имя собственное) — Е 15,*2*; b(e)rlä — Е 68, оборот, *10*; (e)g(ä)č(i)mä — Е 41,*6*; (e)günä (имя собственное) — Е 46,*2*; (e)ldä — Е 46,*3*; (e)l(i)mä — Е 46,*2*; (e)š(i)mgä — Е 68, оборот, *10*; et(?)ä — Е 92,*2*; ögä — Е 49,*2*; (e)siz(i)mä — Е 92,*1*; (e)s(i)zä — Е 15,*2*; Е 50,*3*; (e)s(i)zimä — Е 49,*1*; (e)s(i)z(i)mä — Е 15,*1*; t(ä)nridä — Е 92,*1*.

Дугообразный же знак (табл. XXXI, № 10), имеющий сугубо енисейскую принадлежность, применялся перед согласными в абсолютном начале слова или в середине слов, чаще односложных. Эта его особенность, отмеченная уже В. Томсеном[14], ныне может быть прослежена по 75 случаям (список, включающий 12 слов из памятников, вошедших в книгу С.Е. Малова, приводит Дж. Клосон[15]). Большинством исследователей этот звук, вслед за В. Томсеном, озвучивается как закрытое ä (ę, ə̈). Примеров его применения в середине слов только одиннадцать (табл. XXXV), причем 10 раз он обозначает гласную первого слога (bel(i)mt[1]ä — Е 3,*2*; beš — Е 25,*4*; Е 45,*2*; Е 108,*2*; kej(i)kdä — Е 44,*2*; kem (гидроним) — Е 136,*1*; Е 144,*1*; ken(i)m — Е 59,*8*; ken(i)mä — Е 10,*12*; keš(i)g — Е 3,*2*) и однажды — второго слога (t(e)bem — Е 46,*3*[16]). В 64 случаях знак начинает слово: eč(i)m — Е 51,*1*; eč(m?) — Е 59,*8*; edgü — Е 13,*4*; egük (гидроним) — Е 108,*3*; eki — Е 73,*1*; el — Е 1,*2*; Е 10,*7*; Е 25,*5* — дважды; Е 45,*4*; Е 59,*5*; Е 63,*1*; Е 68, оборот, *11*; elč(i?) — Е 14,*1*; elčisi — Е 1,*2*; eldä — Е 11,*9*; el(i)g — Е 15,*3*; Е 40; el(l)(ä)d(i)m — Е 45,*4*; el(l)ig? — Е 68, оборот, *17*; el(i)m — Е 1,*2*; Е 3,*2* — дважды; Е 10,*8*,*9*; Е 23,*1*; Е 25,*3*; Е 45,*6*,*9*; Е 46,*1*; Е 51,*2*; Е 59,*4*,*6*; Е 61,*1*; Е 100,*2*; el(i)mä — Е 1,*1*; Е 10,*4*; Е 11,*6*; Е 23,*1*; Е 44,*2*; el(i)mkä — Е 3,*5*; Е 7,*3*; Е 13,*2*,*4* — дважды; Е 14,*3*; Е 16,*3*; Е 73,*2*; Е 96,*2*; Е 108,*2*; en — Е 108,*3* — дважды?; eš(i)m — Е 2,*1*; eš(i)mä — Е 51,*3* — дважды;

Таблица XXXIV

Случаи употребления знака ä в енисейских надписях

1 – E 49, *4*; *2* – E 2, *2*; *3* – E 56, *2*; *4* – E 15, *2*; *5* – E 68, оборот, *10*; *6* – E 41, *6*, *7* — E 46, *2*; *8* — E 46, *3*; *9* — E 46, *2*; *10* — E 68, оборот, *10*; *11* — E 92, *2*; *12* — E 49, *2*; *13* — E 92, *1*; *14* — E 15, *2*; *15* — E 50, *3*; *16* — E 49, *1*; *17* — E 15, *1*; *18* — E 92, *1*.

et(i)č? — E 68, оборот, верх, *1*; et(i)g(i)m — E 59,*6*; etrük (имя собственное) — E 50,*5*. Сюда отнесем и йотированное начало слов: jeg — E 144,*1*; jegirmi — E 45,*2*; jer(i)m — E 45,*6*; jet(i)m — E 3,*4*; jetmiš — E 45,*5* и j^{1}et^{1}a — E 59,*8*. Однако последний случай при принятом чтении знака идет против всяких норм рунического правописания (по прорисовке А.М. Щербака здесь начертано j^{1}eb^{2}ä^{17}, но в копиях А.С. Аманжолова, Д.Д. Васильева[18] и Л.Р. Кызласова — материалы личного архива — воспроизводится j^{1}et^{1}a).

Необычное написание слова j^{1}et^{1}a в E 59,*8* породило предположение А.С. Аманжолова об ином фонетическом значении буквы — ï и i[19]. В подтверждение им приводились случаи двоякого (через дугообразную и обычную руну для i) написания одного сочетания знаков kin(i)m (E 10,*12*; E 59,*8*), воспринимаемого в значении «утроба — единоутробный — родной»[20]. Вместе с тем в других случаях (el, eki[21], jer, jeti[22]), как считает А.С. Аманжолов, «графически можно наблюдать кажущееся колебание звуков ä и i»,

Таблица XXXV

Случаи употребления знака e̯ (i) в енисейских надписях

1 – E 3, *2*; *2* – E 25, *4*; E 45, *2*; E 108, *2*; *3* – E 44, *2*; *4* – E 136, *1*; E 144, *1*; *5* – E 59, *8*; *6* – E 10, *12*; *7* – E 3, *2*; *8* – E 46, *3*; *9* – E 55, *1*; *10* – E 59, *8*; *11* – E 13, *4*; *12* – E 108, *3*; *13* – E 73, *1*; *14* – E 1, *2*; E 10, *7*; E 25, *5* – дважды; E 45, *4*; E 59, *5*; E 63, *1*; E 68, оборот, *11*; *15* – E 14, *1*; *16* – E 1, *2*; *17* – E 11, *9*; *18* – E 15, *3*; E 40; *19* – E 45, *4*; *20* – E 68, оборот, *17*; *21* – E 1, *2*; E 3, *2* – дважды; E 10, *8*, *9*; E 23, *1*; E 25, *3*; E 45, *6*, *9*; E 46, *1*; E 51, *2*; E 59, *4*, *6*; E 61, *1*; E 100, *2*; *22* – E 1, *1*; E 10, *4*; E 11, *6*; E 23, *1*; E 44, *2*; *23* – E 3, *5*; E 7, *3*; E 13, *2*, *4* – дважды; E 14, *3*; E 16, *3*; E 73, *2*; E 96, *2*; E 108, *2*; *24* – E 108, *3* – дважды?; *25* – E 2, *1*; *26* – E 51, *3* – дважды; *27* – E 68, оборот, верх, *1*; *28* – E 59, *6*; *29* – E 50, *5*; *30* – E 144, *1*; *31* – E 45, *2*; *32* – E 45, *6*; *33* – E 3, *4*; *34* – E 45, *5*; *35* – E 59, *8*.

которое «своеобразно отражает корневой звук ę»[23]. В интересах дальнейшего изложения отметим, что предположение о звуковом значении рассматриваемого знака как i (но не i) в енисейских надписях, пожалуй, подкрепляется многими примерами передачи узкого негубного гласного одних и тех же тюркских корневых основ разными знаками, воспроизводящими ę и i в других алфавитах, например в арабском письме[24]. Из 24 слов, записанных в енисейских текстах с применением дугообразного знака, для 15 в рунических и иных письменных памятниках средневековья отмечаются как варианты с ę, так и с i (beš — biš, eki — iki, el — il, ellig — illig, ellä- — illä-, en — in, eš — iš, etig — itig, jeg — jig, jegirmi — jigirmi, jer — jir, jeti — jiti, kejik — kijik, ken+im — kin+im (независимо от содержания слова, поиски которого велись еще В. Томсеном[25]), keš — kiš[26]). Возможно, шестнадцатым словом будет название Енисея Kem — Kim, если учесть не только современную тувинскую форму Улуг-Хем, но и хакасскую Ким.

Так или иначе, но обращение к палеографически особой группе енисейских надписей Тувы позволяет не только предложить для восстановления орхонского алфавита четыре из шести недостающих двузвучных х-знака, но и предположить последнюю, одиннадцатую однозвучную о-букву — для широкого негубного гласного *ä* (табл. XXXI, № 9). Следуя реконструируемой схеме, для полной картины алфавита остается лишь отыскать две х-буквы. Но в этом, пожалуй, уже нельзя довериться данным табл. XXXI: знак № 16 характерен лишь для таласского письма, до сих пор не проявившего каких-либо связей с орхонским, другие буквы (№ 11—14) представляют варианты начертания известных форм, а знак № 15, по-видимому, неточно передан в изданной копии текста.

Итак, выявленное построение орхонского алфавитного ряда, общее для фрагментов рукописей с его записями, вполне соотносится с известными данными относительно однозвучных рунических о-знаков и создает определенные возможности для предположительного воссоздания недостающих двузвучных х-знаков. Ради наглядности результаты реконструкции набора букв приведены в табл. XXXVI. Поскольку правило, определившее образование каждой пары знаков, остается непонятым, лакуны алфавита заполнены нами в порядке, определенном лишь в отношении о- и х-«качества» знаков.

4. ОСОБЕННОСТИ АЛФАВИТА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЕГО ИСТОРИИ

Своеобразие орхонского алфавита, которое заметно и по уцелевшей части его записей, и по применению рун в надписях и которое гораздо яснее предстает в случае признания произведенной реконструкции построения буквенного ряда, — это совмещение в нем знаков, подчиненных не одному, а двум принципам передачи звуков. Здесь средствами одного начертания воспроизводятся как

Таблица XXXVI
Опыт реконструкции орхонского алфавита
(Заполнение лакун рукописей (пунктирные символы) условно, облик знаков обобщенный с преобладанием черт младшего орхонского письма)

№	Символ	Знак	Значение
+6			ä
+5			b^2
+4			?
+3			b^1
+2			?
+1			č
1			p при o/u
2			n^1
3			č при i
4			p
5			k
6			t^2
7			ï/i
8			a/ä
9			j^2
10			k при ö/ü
11			r^1
12			s при ï
13			l^1
14			q при o/u
15			nč
16			s^1
17			o/u
18			s^2
19			d^2
20			η
21			nj
22			z
23			g
24			nd/nt
25			ld/lt
26			$š^1$
27			š при a
28			d^1
29			γ
30			q
31			m
32			ö/ü
33			t^1
34			t при ï
35			r^2
36			d при ä
37			m при i
38			n^2
39			l^2
40			q при ï
41			j^1
42			раздел

отдельные звуки (таковы руны b^1 и b^2, č, d^1 и d^2 и прочие, обозначенные нами «о»), так и сочетания двух звуков (стечения гласных и согласных, типа ïq/qï, ič/či, (ü)ök/kö(ü) и др., равно как и пары согласных — ld/lt, nč, nj, nd/nt, — одинаково отмечены нами «х»). Строго говоря, первые знаки не могут быть названы буквами в узком грамматологическом смысле, ибо передают не только отдельный звук, но и его отличительные черты в зависимости от качества гласных в том же слове. Найти среди принятых точный термин для второй группы рун тоже нельзя. Они не могут именоваться слоговыми (силлабическими) знаками, так как частью воспроизводят соединения согласных, их неверно называть лигатурами (как это иногда делается), ибо последним словом обозначают слияние знаков письма, но не звуков речи. Ни один из х-знаков, при непредвзятой оценке его облика, не является совмещением двух известных рунических букв. Предпринимавшиеся в литературе попытки подобного объяснения образования ряда форм совершенно произвольны. Исследуя письмо, противопоставляющее знаки для звуков переднего и заднего ряда, ученые часто не останавливаются даже перед соединением в одно знаков этих разных типов: r^1 и t^2 для «rt» — якобы знака № 12 на табл. XXVII; l^1 и t^2 для «lt» (№ 25); n^1 и g для «ng» (№ 20); n^1 и j^2 для «nj» (№ 21)[27].

Как бы ни были условны применяемые нами термины, остается несомненным соединение в орхонском алфавите знаков двойной природы (заметим, что полное отсутствие в нем трехзвучных знаков превращает в безосновательные попытки подобного определения звукового значения редких знаков — типа № 12 (табл. XXVII) как «baš»; ср. стремление Дж. Клосона преодолеть эту сложность расчленением начертания на I^1 и ïq или p и ïq[28]). Причины совмещения в одном ряду письменных знаков, отражающих два принципа выражения звуков, требуют изучения. Такое исследование имеет общее рунологическое значение, так как те же особенности присущи и енисейскому алфавиту, родственному орхонскому.

Отмечавшуюся неустойчивость в написании одних и тех же слов в рунических памятниках исследователи пытались использовать для поиска различной природы составляющих их звуков. Однако со времен дешифровки рунического письма, пожалуй, не ставился вопрос, не связана ли такая орфографическая неупорядоченность с различной природой самих знаков, не отражает ли она историю этой письменности.

Непоследовательность в применении на письме х-знаков, собственно говоря, проявляется двояко. Для передачи сдвоенных согласных вместо них часто используются две соответствующие однозвучные буквы (так, в ряде восточнотуркестанских рукописей вовсе не применяется знак ld/lt (табл. XXVII, № 25), а в некоторых — nd/nt (№ 24)[29]). Эта ситуация дала право А.С. Аманжолову назвать х-знаки такого рода «избыточными»[30]. При записи же сочетаний согласного и гласного наблюдается не только замена х-знака парой однозвучных рун [в Ïrq bitig, например, нет знака ïq (табл. XXVII, № 40)[31]], но и отмечается соседство самого х-знака с

отдельной буквой для, казалось бы, уже заключенного в нем гласного.

Этот своеобразный выход гласного за пределы двузвучного знака свидетельствует о постепенном приобретении первоначально двузвучными х-буквами назначения однозвучных о-рун. Так, ič/či стремится к переходу в č, ïq/qï — в q, (ü)ök/kö(ü) — в k и т.п., однако, сохраняя связь с гласными прежнего качества (знак из состояния «согласный с определенным гласным» приходит к содержанию «согласный при определенном гласном» — табл. XXXVI). В подтверждение сказанному сошлемся на примеры В. Томсена, которые, с сохранением прежнего значения х-знаков, должны транслитерироваться как qïïrq «сорок», quul «раб», köök «голубой», türük «тюрк» и т.п.[32], дополнив их записью этнонима čiik «чик» в стк. 26 стелы Моюн-Чура и словом (e)rd(ä)miim «моя доблесть» из E 41,*1* (табл. XXXIII, B, *2*). Быть может, особенно явно этот процесс отказа от двузвучного значения былых х-знаков заметен при дублировании на письме согласного, который и так бы читался при традиционном восприятии знака. В Ïrq bitig, например, нередко начертание отдельного п перед nč (табл. XXVII, № 15)[33]. По-видимому, изменение звукового значения х-знаков нарастало со временем — в поздних восточнотуркестанских рукописях (IX—X вв.) оно находит более постоянное отражение. Дальнейшая тенденция, насколько можно полагать на примере E 41 (конец X в.) и ряду енисейских по письму надписей Горного Алтая, проявилась в использовании знака № 3 (табл. XXVII) — первоначально ič/či — равно и с мягкими, и с твердыми гласными (см. гл. II, разд. 2).

Таким образом, в рунических памятниках VIII—X вв. наблюдается процесс постепенного перехода к соблюдению единого, алфавитного принципа письма и своеобразного подчинения этому правилу былых двузвучных знаков. Строго говоря, в орхонских и енисейских текстах отмечаются лишь пережитки применения х-знаков в их прежнем, видимо, более древнем значении. Об этом же говорит и неоднократно уже отмечавшаяся редкость или исключительная редкость использования х-знаков в классических рунических надписях обоих родственных алфавитов.

Все эти три особенности (двузвучность, редкость и непоследовательность применения) теоретически могут указывать на х-буквы как на знаки, чуждые системе классических древнетюркских рун. Единичные случаи использования некоторых х-знаков в старших орхонских надписях (как знаков № 1 и 4 табл. XXXI в тексте Тоньюкука — одном из наиболее ранних (20-е годы VIII в.) памятников орхонского письма), равно как и подобное их появление лишь в некоторых енисейских эпитафиях (табл. XXXI), могут толковаться как возможное привнесение в обе азиатские рунические письменности из некоего письма, уже бытовавшего ко времени появления последних. Выявив в разделе 3 главы II следы такой «субстратной» письменности в отношении енисейских памятников, чему способствовала явная их связь с отдельным районом в пределах обширного ареала, мы предложили называть ее верхнеенисейской[34].

При избранном подходе характер изменений, которым подверглись х-знаки в плане их звукового значения, свидетельствовал бы о приспособлении чуждой системы к собственно руническому буквенному строю.

Такое предположение позволило бы объяснить многие особенности в характере и составе рунических знаков, условиях их применения. Принцип построения х-пар в записях орхонского алфавита предстал бы совмещением собственно орхонских о-букв с чужеродными («икс»). В целом в этом нет ничего необычного: пожалуй, любой алфавит, создаваемый на основе уже имевшегося, по сути состоит из двух групп знаков — новосозданных и привнесенных из прежнего. Первая категория также может быть заимствованной, но она обязательно соотносится со звуковыми отличиями речи, для которой создается письмо. Вторая же часть нередко приносит с собою знаки для чуждых этому языку звуков. Она долго сохраняет их в составе алфавита, даже тогда, когда они практически не используются на письме. Так, по традиции в согдийском алфавите обозначались арамейские знаки *далет, тет, каф, айн,* не обнаруженные в известных согдийских текстах и, очевидно, применявшиеся только в арамейских идеограммах[35]. В греческом алфавите сохранялись семитские *вав, цаде* и *коф* (соответственно *вау* или *дигамма, сан* и *коппа*), с периода классики имевшие лишь цифровые значения. Постепенно формировавшаяся кириллица, в свою очередь, долго сохраняла излишние для славянских языков греческие буквы *омега, кси, пси, фита, ижица.* В буквенном ряду монгольского квадратного письма, сберегавшем общий порядок индотибетских письмен, знаки для чужих и собственно монгольских звуков были вынесены в конец и т.д. Общие историко-культурные аналогии, по-видимому, помогают понять сохранение в рукописных орхонских алфавитах столь редких знаков, как № 1, 3 и 12 (табл. XXVII), практически не употреблявшихся в известных текстах этого письма.

И все же гипотеза о привнесении ряда х-знаков со стороны, имеющая серьезные основания по отношению к определенной группе енисейских памятников (табл. XXVI; XXXI, гл. II, раздел 3) и некоторым конкретным орхонским надписям (Тоньюкука, Терхинская стела), не может быть распространена на рукописи с записями орхонского алфавита и всю совокупность содержащихся в нем двузвучных знаков. При анализе устроения этого алфавита она не приближает нас ни к объяснению причин объединения в пары х- и о-знаков, ни к постижению создания полных о-пар и их чередования с х-парами в буквенном ряду. Остается непонятной и цель дублирования знаков для одних и тех же согласных звуков в виде их обособленной и попарно соединенной передачи (l^1, l^2, t^1, t^2, d^1, d^2, n^1, n^2 и ld/lt, nd/nt и т.п.). Поиск ответов приводит к допущению другой предположительно воссоздаваемой ситуации.

Как мы только что видели, в истории письменности обычны примеры фактического несоответствия состава алфавита и набора письменных знаков, используемых на практике. Первый часто

больше второго. Эта ситуация не всегда объясняется первоначальной чужеродностью малоупотребимых или неиспользующихся знаков азбуки по отношению к звуковым нормам повседневной письменной речи (ср. хотя бы положение буквы *ё* на страницах настоящей книги). Для нас, пожалуй, важнее иная особенность знаков такого рода: не применяясь на письме, они подолгу остаются в составе алфавита. Примером может быть случай с бактрийской письменностью греческого происхождения, возродившей в первые века н.э. использование буквы *сан* (передававшей š), не употреблявшейся на письме с VI в. до н.э., но уцелевшей в буквенном наборе[36].

Допустимо предположить, что и орхонский алфавит мог сохранять цельную запись единого архаичного набора знаков, некогда послужившего основой для создания собственно орхонского письма, отличного тем, что в нем практически перестали применяться одни и изменилось назначение других знаков (старая, доорхонская письменная практика, можно думать, характеризовала верхнеенисейскую письменность). В этом случае обсуждаемые несоответствия единой азбучной системе классического рунического письма можно воспринимать как пережитки более древнего состояния, позволяющие реконструировать принцип звукового построения прарунической письменности. Судя по х-знакам, доорхонской письменности кроме отдельного обозначения гласных была в целом присуща передача одним начертанием пары звуков: сочетания согласных и соединения согласного и гласного.

Уяснение картины начнем с гласных. В классических орхонских и большинстве енисейских надписей, как известно, применяются знаки, демонстрирующие два подхода к отражению звуков. На губные распространен общий принцип рунического письма — графическое противопоставление звуков по месту их образования: одной руной передаются мягкорядные ö/ü, другой — твердорядные o/u (табл. XXXVI, № 17, 32). Буквы для негубных гласных подчинены иным качественным признакам звуков, определяемым степенью раствора рта: один знак передает широкие a/ä (№ 8), а другой — узкие ï/i (№ 7). Этот подход к противопоставлению выглядит нарушением общерунического буквенного строя. Опираясь на предлагаемую реконструкцию орхонского алфавита, можно полагать, что первоначально существовала более последовательная схема обозначения негубных гласных. Звуку для широкого твердорядного *a* противостоял особый символ для широкого мягкого *ä* (табл. XXXI, № 9; XXXVI, № 1), в дальнейшем вышедший из употребления и заменяемый на письме руной для твердого *a*, приобретшей двойное значение. Быть может, подобный путь был пройден и буквами для узких негубных гласных. На основании наблюдения В. Томсена за тем, что обычная руна для ï/i на письме при значении ï обычно не опускается, а при передаче i часто не пишется[37], позволим себе предположить первоначальное применение этой руны лишь для записи твердорядного узкого ï. Противостоящая ей буква для мягкорядного гласного [i и (или?) закрытого

полуширокого ẹ, бывшего производным для мягкорядного широкого ä[38]) сохранилась лишь в ряде енисейских надписей. Этот дугообразный знак (табл. XXXI, № 10; XXXV), встречаемый не только среди надписей Тувы, но и Хакасии (Е 25, Е 40, Е 144), по-видимому, не может быть основанием для выделения i- и ẹ-диалектов[39], но может явиться признаком бытования школы архаизированного письма. Отказ от употребления этой буквы при формировании орхонской письменности, очевидно, привел, как и в случае со знаками для *a* и *ä*, к переносу на исконную руну для ï значения i и ẹ.

Следует осознавать, однако, что против последнего построения в отношении орхонского алфавита выступает восстановленный его порядок. Среди полученного числа о-знаков не остается места для руны i/ẹ (табл. XXXVI). Эта буква не принадлежит к тому же к редким знакам, проявляющимся лишь в небольшой локальной группе енисейских памятников. Оба названных обстоятельства оставляют возможность расценивать данный знак в качестве особенности енисейского письма, никак не связанной с непосредственным предшественником орхонской письменности. Впрочем, очевидно, что орхонское и енисейское письмо имели общий источник происхождения и могли в разной степени сохранить отдельные его особенности.

Сказанное позволяет предполагать бытование в проторуническом письме (табл. XXXVII), ставшем далекой основой для постепенного формирования орхонской письменности, пяти (а то и шести) букв для передачи гласных, разграничивающих их по месту образования звуков: двумя знаками записывали твердорядные o/u, *a* и двумя — мягкорядные ö/ü, *ä*. Возможно, что данный принцип нарушался лишь бытованием единой буквы для воспроизведения ï и i(ẹ) (однако для первоначальной стадии, связанной и с базой енисейского письма, это не столь очевидно). Сокращение числа букв, применявшихся на классическом орхонском письме, нарушило стройную схему, по крайней мере в отношении знаков для *a* и *ä*, и привело к неоднозначному звуковому содержанию рунических знаков для негубных гласных. Пережитки архаичного письма встречены в некоторых енисейских надписях Тувы в виде редкого использования отдельной буквы *ä* (и, по-видимому, более постоянного применения в енисейской письменности в целом знака для i/ẹ).

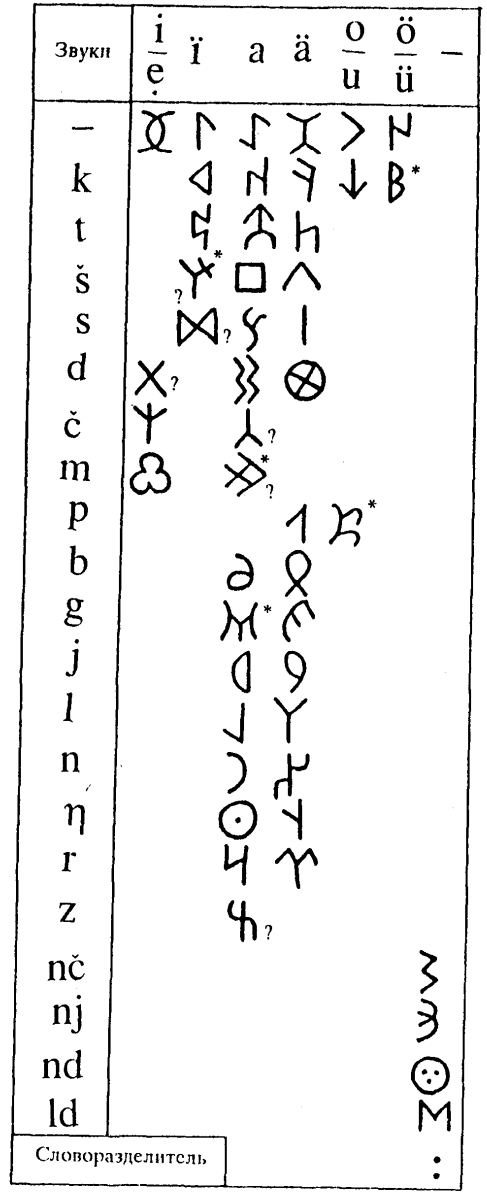
Расценивая двузвучные знаки в качестве пережитков более ранней и общей природы проторунических письмен, отметим следующее.

Наибольшее число знаков известно для передачи соединения с гласными согласных k/q. Таковы ök/ük, oq/uq и ïq (табл. XXVII, № 10, 14, 40). В качестве однозвучных применяются руны k (№ 5) и q (табл. XXXVI, № 30). То есть всего пять знаков. Первые два различаются разнорядностью гласных, последние два противостоят по тому же признаку, а один не имеет подобной пары. Стоит лишь предположить первоначальную двузвучную природу букв q и k, как

Таблица XXXVII

Выявленные знаки проторунического слогового письма — предка орхонской и енисейской письменностей

(Примечания: * – облик знака мог быть более архаичным, ? – знак мог занимать в строке иное место)

становится очевидным, что перед нами цепь знаков, полностью соответствующая полученному ряду гласных: kӧ(ü), qo(u), k(ä), q(a), qi (в котором вновь недостает обозначения k при мягкорядном узком i). Больше такого полного соответствия набору гласных в алфавите, по-видимому, нет. Но есть более короткие ряды, включающие по три знака: t^1 — t^2 — ti (табл. XXXVI, № 6, 33, 34), ряд, вероятно, восходящий к ta — tä — ti, и d^1 — dä — d^2 (№ 19, 28, 36), восстанавливаемый как da — dä — di(?). Остальную часть составляют известные пары: b(a) — b(ä), γ(a) — g(ä), j(a) — j(ä), l(a) — l(ä), n(a) — n(ä), r(a) — r(ä). Число непарных знаков, очевидно, уменьшается за счет имеющихся знаков для ič/či (№ 3) и č (№ +1), позволяющих предположить былое противостояние букв для č при мягкорядном (i?) и твердорядном (*a*?) гласных, а также — восстанавливаемой пары mi (№ 37) — m(a) (№ 31). Характерная для надписей независимость рун č и m от окружающих гласных может оказаться чертою, приобретенной в процессе становления рунического письма. Она соотносится с подобным изменением звукового значения буквы *a* в *a/ä*, реконструированным выше, и содержанием знака ï/i. Во всех этих случаях выделяется общая черта — принятие знаком для твердорядного звука назначения упраздняемой буквы для мягкорядного.

Противостоящие пары, возможно, следует пополнить за счет $ŋ^1$ и $ŋ^2$. Тенденция такого употребления знаков в виде кружка или ромба с точкой (внешне подобного № 24) и ствола с левым отводком (№ 20) в памятниках енисейской письменности давно замечена исследователями[40]. В орхонском буквенном ряду находим два знака для p: один, общеизвестный (№ 4), применяется с гласными обоих рядов, второй (№ 1) — только с твердорядными губными. Можно лишь предполагать, отражает ли такое употребление их исконное назначение. Последний из этих знаков обнаруживается только в поздних орхонских документах. Его звучание (или название) оговорено писцом-манихейцем, составившим алфавит Тойок I, и совпадает с применением в ïrq bitig: up[41]. Буква выявлена А.С. Аманжоловым также в двух енисейских эпитафиях Тувы. В обеих она использована в качестве однозвучного знака для твердорядного p, сохраняющего связь с губным гласным (bolup «став» — E 45,*3*) и утратившего такую зависимость (b(a)j (a)pa — имя собственное, E 7,*1*)[42]. В ряде случаев в виде однозвучного этот знак предстает и в ïrq bitig, где иногда перед ним выведена руна u/o[43]. Если предположить, что этот знак некогда противостоял букве p в отношении рядности связанных с ним гласных, то за последним логично признать мягкорядную звуковую природу. В таком случае изменение назначения буквы p^2 (первоначально: öp/üp/pö/pü?), получившей и роль p^1, можно было бы сопоставить с гипотетической сменой функции исконного $ŋ^1$, ставшего общим для $ŋ^2$ и $ŋ^1$.

Неясна ситуация с расчленением по рядности букв для s и š. По-видимому, изначально каждый из них входил в трехчленный ряд. В отношении š об этом свидетельствуют две формы для твердорядного употребления: aš (табл. XXXI, № 1; XXXVI, № 27) и

$š^1$ (№ 26). Былое применение и некоего знака для $š^2$, пожалуй, проистекает из существования такой буквы в енисейском письме (в виде угла вершиной кверху — табл. XXIII, № 31). Протоорхонский š-ряд на основании этого восстанавливается в форме, подобной цепочке знаков для t: ša — š(ä) — š(ï). Непоследовательность применения на письме одного из известных знаков для s (№ 18) в зависимости от природы образования соседних гласных не свидетельствует о его подобном изначальном значении. В большинстве случаев совершенно ясна склонность к обозначению одной буквой s^1 (№ 16), а другой — s^2 (№ 18)[44]. Для нас весьма важно наблюдение В. Томсена о том, что буква s^2 никогда не применялась в орхонских памятниках совместно с твердорядными гласными a, o/u, а исполняла роль s^1 лишь в отношении ï[45]. По-видимому, эта особенность знака предоставляет ключ к пониманию ситуации, отмечаемой в первой строке рукописи из библиотеки Рюкоку. В этом случае алфавитный ряд не был завершен писавшим, он был оборван как раз после выведения буквы s^2 (рис. 11, табл. XXVI: P 1, № 12). Очевидно, остановиться заставила допущенная ошибка: знак был помещен не на свое обычное место. Этот промах был исправлен во второй строке рукописи, а в третьей, выписанной начисто, встречаем истинное положение буквы s^2 в алфавите (№ 18). Позиция, которую она заняла по ошибке, принадлежала другому знаку.

Позволим себе предположить, что допущенная ученико описка произошла по причине созвучия двух этих букв. Проговаривая названия выписываемых знаков или воспринимая их под диктовку, писавший вместо редкого, практически не употреблявшегося на практике знака № 12 поместил обычную в повседневном письме букву № 18. Предлагаемое объяснение рукописной ошибки позволяет заключить, что орхонский алфавит сохранял три знака для s: s^1, s^2 и ïs, — и восстановить протоорхонскую цепочку обозначений sa — sä — sï, сопоставимую с полученными рядами для t и š. Определяемое таким образом звучание знака № 12 согласуется с условиями его применения в четырех орхонских и енисейских надписях. Всюду буква стоит в словах, записанных твердорядными знаками. Прочтение этих мест приобретает следующий вид: стела Тоньюкука, стк. 26 — (oŋräki (e)r :) juγ(u)ru t(e)g(ü)r(ü)p ïbr̲ï̲s̲ (ïb(a)r̲ï̲s̲?) : (a)sd(ï)m(ï)z : jub(a)lu : int(i)m(i)z «(передовые мужи) достигли [перевала], [хребет] Ыбрыс мы перевалили [и], скатившись [с него], спустились»; Терхинская стела, стк. 12 — ï̲s̲(ï)q (a)jb̲ï̲s̲ (j(a)b̲ï̲s̲?) — имя собственное?; Уюк-Аржан (E 2), стк. 5 — (e)r (a)tïm j(a)šqï̲s̲ b(e)n «[вот] мое мужское имя: Яшкыс — я»; Бай-Булун II (E 49), стк. 2 — (e)r (a)t(ï)m : qï̲st²ïŋ (qï̲s̲ (a)tïŋ?) : ïn(a)l ögä : b(e)n «[вот] мое мужское имя: Кыстык (Кыс Атык?) Ынал-огя — я». К сожалению, как видим, всюду интересующий нас знак применен для записи собственных имен (одного оронима и трех личных имен). Это само по себе примечательно, но не может способствовать подтверждению предполагаемого его звукового значения, так как форма этих слов

может не иметь аналогов. Следует оговориться, что в именах получаемого облика в большей степени, пожалуй, ожидалось бы его звучание не как ïs, а как ïš или даже как ïz, но это не отвечает приведенным палеографическим наблюдениям.

Восстанавливаемый буквенный набор завершают единственная не имеющая пары буква для z (№ 22), знаки для сдвоенных согласных nč, nj, nd/nt и ld/lt (№ 15, 21, 24, 25), так и не вписавшиеся в общую логику построения письмен, и, наконец, словоразделительная отметка (№ 42).

Понятно, что если принять высказанные наблюдения над особенностями строя орхонского алфавита и основанные на них реконструкции, то для объяснения их как проявлений единой системы придется признать за историческим предшественником орхонского письма (в равной мере и енисейской письменности) следующие свойства (табл. XXXVII):

1. Последовательное обозначение одним знаком сочетания двух звуков, за исключением букв для гласных. Соблюдение этого принципа осталось не раскрытым лишь в отношении руны для z, по-видимому, по причине незавершенности поиска.

2. Былое восхождение к слоговой письменности. Наиболее полным пережитком этого состояния является ряд k/q; сохранившиеся знаки для qo(u), kö(ü), qï и восстанавливаемые для qa и kä. Об этом же свидетельствуют знаки со значениями ič/či, dä, mi, op/up, ti, aš, как и специфика, указанная в следующем пункте. Основой письменного знака изначально служил открытый слог.

3. Набор знаков определялся противопоставлением их облика в зависимости от места образования (рядности) сопутствующего гласного (понятно, что этому принципу подчинен и вид гласных букв). Некогда такой порядок мог охватывать все многообразие существовавших гласных. Предположение основывается на ряде знаков для k/q и возможном остатке такой цепи, как p(a?) — op/up (po/pu?). Вероятно, затем набор знаков был сокращен (не вполне последовательно) за счет обозначений типа «согласный + твердый губной гласный» и «согласный + мягкий губной гласный». Возникли трехчленные ряды знаков: сохранившийся ti и восстанавливаемые ta и tä, сохранившийся dä и восстанавливаемые da и di(?), сохранившийся aš (ša) и восстанавливаемые šä и ši, а также ïs(?) — s(a) — s(ä). После упразднения обозначения согласных при узких негубных гласных противопоставление знаков приобрело вид хорошо известных пар. Причиной обеих реформ (не обязательно разделенных во времени) послужило, очевидно, изменение правописания, установившее строгое обозначение на письме отдельными буквами губных гласных и негубных узких гласных (ср. орфографию классических руни ческих текстов). Последовательное опускание широких негубных гласных на руническом письме во всех позициях, кроме последнего открытого слога, позволяет реконструировать былое звучание парных знаков в виде слогов с широкими негубными гласными (ba — bä, da — dä, ɣa — gä, qa — kä и т.п.). Полное типологическое соответствие предлагаемой

схемы уменьшения первоначального числа письменных знаков встречаем в объяснениях неполных слоговых наборов в других древних системах, например в ахеменидском (древнеперсидском) силлабарии[46].

4. Знаки для передачи одного звука некогда применялись только для записи гласных. Они также различались в зависимости от рядности звука и составляли пары губных, негубных широких и негубных узких (по-видимому, древний классификатор избрал признаком «глубину» образования звука во рту: широкие негубные — узкие негубные — губные). Быть может, на каком-то этапе стройность системы обозначения гласных была нарушена выпадением из обращения знака для i(ę). Существование самого звука в языке носителей письма и его отражение на слоговой стадии письменности выявляют знаки ič и mi, возможно, и восстанавливаемое значение d[2] как di (сохранение самостоятельного звука ï отражено знаками ïq/qï и tï). Вероятно, знак для i(ę) уцелел в письменности — предшественнице енисейского письма. Обозначение одной руной любого из твердо- или мягкорядной пары губных звуков (o или u, ö или ü) позволяет полагать, что для древних создателей проторунического письма не было необходимости отражать на письме различия между узкими и широкими губными гласными, т.е. что в их языке существовал лишь один губной гласный в твердорядном и мягкорядном варианте звучания. Сегодня нет оснований увязывать появление букв для гласных с какой-либо определенной ступенью в истории проторунической письменности. Очевидно одно: только существование таких букв могло обусловить переход от слогового письма к алфавитному, способствуя разложению на составляющие значения слоговых знаков и сведению их назначения лишь до передачи согласного[47].

5. Отступления от слогового принципа формирования знаков в проторунической письменности были допущены (или сохранены) лишь в отношении обозначения соединения некоторых пар согласных (первым из которых был носовой n и, в одном случае, l, а вторым — d/t, č и j: nd/nt, nč, nj и ld/lt). Причину этого явления можно, пожалуй, видеть или в пережитке былого существования в древнем слоговом письме знаков не только для одного, но и для двух слогов (как, скажем, в древнеегипетском силлабарии[48]) — ср. употребление рун nd/nt и ld/lt (но не nč и не nj) на границе двух слогов в древнетюркских текстах — или, что более вероятно по крайней мере для поздних доорхонских стадий, в особо частом и смыслообразующем употреблении таких стечений согласных в речи создателей и носителей письма.

5. ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОТОТИПА ОРХОНСКОГО АЛФАВИТА

Хотя описанные явления не могут быть сегодня датированы, очевидно, что восстанавливаемое состояние проторунического письма является очень древним. В этом убеждает его сопоставление

со стадиями, пройденными в своем развитии иными письменными системами человечества[49]. Особенности орхонского алфавита и своеобразие употребления письменных знаков в древнетюркских рунических памятниках позволяют отметить и значительный отход от показанных черт древней письменности. Определяются следующие главные признаки двух последних ступеней (А и Б) в развитии доорхонского рунического письма (А) и исторически близкого и преемственно связанного с ним непосредственного предшественника орхонской письменности (Б):

1А. Сначала знаки начинают обозначать оба типа слога — и открытый, и закрытый. Об этом свидетельствует присущий руническим надписям параллелизм звукового содержания одних и тех же знаков: (u)oq и qo(u), (ü)ök и kö(ü), ïq и qï, ič и či, mi и im, dä и äd. Сюда же относится и возможность выражения любой руной для отдельного согласного или пары согласных стечения как с последующим, так и с предшествующим гласным определенного ряда. Такие изменения могли быть порождены развитием речи самих носителей протоорхонского письма (ср., например, падение последнего открытого слога в древнеиранских основах и окончаниях при формировании среднеиранского языкового состояния[50]). Но они могли возникнуть и при переходе письма на запись языка иного типа, с преобладанием кратких слов в виде закрытого слога.

1Б. О том, что уже на доорхонской стадии письменности ее знаки обозначали закрытый слог (а значение открытого сохранилось лишь за отдельными знаками — такими, как ti и mi) свидетельствуют два обстоятельства. Во-первых, традиция необозначения гласного, начинающего слово (за исключением губных), при обязательном написании завершающих гласных — т.е. пропуск гласного, подразумеваемого в слоговом знаке (следовательно, его тип — «гласный + согласный»), и начертание гласного, который не подразумевается в слоговом знаке (следовательно, его тип — «гласный + согласный»). На орхонском письме, как известно, знаки для согласных были уже однозвучными и не могли создать описанную орфографическую ситуацию. Во-вторых, названия рунических знаков, отмеченные манихейским письмом в рукописи Тойок I, все имеют облик закрытого слога (рис. 10): up, an, ič̆, ip и т.д. Таково обозначение и знаков, сохранивших свою слоговую природу (ič̆ и ïq)[51], что указывает на тип слога, передаваемого ими еще на доорхонской стадии письма.

2А. Дальнейшее сокращение числа знаков, употребляемых на письме, ощущаемое по редкости применения некоторых из них в рунических памятниках. Наблюдается отказ от трехчастных рядов типа ta — tä — tï, переводимых в разнорядные пары типа ta — tä, точнее, t^1 — t^2. Происходит формирование целостной системы парных обозначений согласных звуков. Возникнув в результате расчленения звукового значения слоговых знаков при отдельном обозначении гласных, эта система, вероятнее всего, была предназначена для записи языка, подчиненного закону гармонии гласных.

2Б. Можно полагать, что устойчивость манеры парного обозначения согласных в зависимости от рядности окружающих гласных породила в некотором смысле обратный процесс в назначении букв для гласных. Их число сократилось. Один знак стал обозначать любой из двух звуков, сопоставимых по степени раствора рта: оба негубных широких (*a*/*ä*) и оба негубных узких (ï/i). Определению их в отношении рядности теперь уже способствовало окружение букв для согласных. Лишь для губных звуков была сохранена старая традиция обозначения. Строгость в таком использовании букв для гласных, наблюдаемая в орхонских текстах, заметно противоречит нуждам точного отражения тюркского вокализма, т.е. указывает на еще доорхонский характер этого явления. Об этом же свидетельствует система обозначения гласных в енисейских памятниках (сохранение особых знаков для ï и i(ę) и менее последовательно — лишь у населения Тувы? под влиянием верхнеенисейского письма? — *a* и *ä*). Вероятно, что енисейское письмо могло сформироваться не на основе непосредственного предшественника орхонского, а на базе письмен более раннего этапа, еще не в столь сильной степени захваченного указанными процессами изменения назначения букв для гласных. Если это так, то, следуя за палеографическими изысканиями (гл. II, раздел 3) в отношении терминологии, именно такую стадию развития доклассического рунического письма (доенисейского) следует именовать верхнеенисейской. По-видимому, уже для нее был характерен алфавитный строй, зафиксированный анализируемыми орхонскими рукописями.

3Б. В письменности, непосредственно предшествовавшей орхонской, процесс сокращения числа применяемых букв продолжался. Ряд пар для обозначения одинаковых согласных [(ä?)ič̆ — č̆(a) или $č̆^2$ — $č̆^1$, im/mi — (a)m или m^2 — m^1, (o)up — (ä?)p или p^1 — p^2] был на письменной практике фактически сведен до одного знака: č̆, m, p, z. Основой такого сокращения явилось нарушение зависимости буквы от качества соседних гласных. Свидетельство тому находим и в употреблении некогда противостоящих друг другу знаков s^1 — s^2, $š^1$ — $š^2$, $ŋ^1$ — $ŋ^2$ с разнорядными звуками. Любопытно, что такая непоследовательность в большей мере присуща буквам, связанным со звуками мягкорядной природы (s^2, $š^2$, $ŋ^2$, так ведет себя и знак ič̆). Существенно, что последний процесс идет уже и на наших глазах, так как ясно проявляется в памятниках орхонского письма. И вновь характерно, что в енисейских надписях он обнаруживается в значительно меньшей степени, ибо в них сохраняются отдельные буквы для $š^2$ и $ŋ^1$, по-видимому, вовсе уже не применявшиеся в орхонских текстах.

В свете сказанного орхонская письменность предстает результатом длительного и плавного изменения некоего древнего письма. В силу этого она с формальных позиций и может быть расценена как письмо смешанного типа: слоговой принцип в некоторой степени продолжает сохраняться в ней наравне с алфавитным. Все эти черты присущи и енисейскому письму, подробный анализ

которого в подобном плане затрудняет лишь отсутствие надписей, воспроизводящих его алфавит. Можно заключить, что орхонский алфавит, известный нам по двум восточнотуркестанским рукописям, не отличается или мало чем отличается от буквенного ряда непосредственного предшественника. Эта азбука, очевидно, сохраняет архаичный тип и состав знаков. Другое дело — письменная практика. Классические орхонские надписи своеобразны прежде всего по набору применяемых в них знаков. Многие буквы, существующие в алфавите, не употребляются или редко используются при создании текстов. Этим и объясняются несовпадения двух видов орхонских алфавитов — составленного современными исследователями и записанного средневековыми писцами. По-видимому, в области письменной практики орхонское письмо далее прочих азиатских рунических письменностей отошло от общей древней традиции.

Переход от системы с остатками слогового принципа к последовательно алфавитному начертанию, плавно проходивший на доорхонской стадии, продолжался и в условиях классической рунической письменности. В орхонских памятниках он, как мы видели, проявляется в трех формах. Первая состоит в обозначении отдельной буквой гласного звука, первоначально входившего в соответствующий знак слоговой природы (написания типа ïïg, oog и т.п.), нечто сходное иногда наблюдается и с применением знака для двух согласных (ппč). Вторая — в передаче слога или стечения двух согласных, имевших в алфавите особый знак, двумя обычными рунами. Третья разновидность заключается в тенденции обозначения на письме всех звуков слова (и согласных, и гласных). Такое правописание более всего характерно для манихейских рунических рукописей Восточного Туркестана[52]. Оно не было до конца последовательным — допускался пропуск широких негубных гласных *a*/*ä* в начале и середине слов. Вероятно, последняя орфографическая манера есть результат влияния западных строго алфавитных систем, переданного через посредство некоторых среднеперсидских письменностей, обслуживающих религиозную, прежде всего манихейскую культуру[53]. Вместе с тем нельзя не отметить, что подобное завершение развития орфографии подготавливалось всем восстанавливаемым ходом внутренней эволюции рунической письменности.

Принимая изложенное, следует отказаться от мысли о появлении орхонской (равно как и енисейской) письменности в результате личного или коллективного изобретения, видоизменившего и приспособившего знаки одной или нескольких бытовавших ранее письменностей. Перед нами итог медленной, многоэтапной эволюции одной письменной системы, основные тенденции развития которой вполне соответствуют общим путям, пройденным древнейшими письменностями мира.

Следует ли отсюда вывод об исконной связи проторунического письма с языками тюркской семьи? По-видимому, нет.

Отмечавшийся весьма важный по сути переход еще слоговых

знаков этой письменности от обозначений типа «согласный + гласный» к передаче обратного соединения звуков был совершенно необходим для записи тюркской речи с ее столь многочисленными краткими словами и средствами их изменений, имеющих и имевших в древности[54] вид закрытого слога. Но нет уверенности, что такой переход был совершен именно на тюркской почве. Вполне отвечающий закону гармонии гласных тюркских языков принцип парного обозначения согласных также, вероятно, выработался до появления тюркоязычных надписей. В обоих случаях сомнения порождены одним явлением — постепенной и явной утратой зависимости знаков от характера гласных звуков, восстанавливаемой уже для доорхонской стадии существования. Орхонские же надписи сохранили эти черты, придающие письму с позиции тюркской речи вид не вполне совершенной системы. Более ранняя стадия бытования рун (верхнеенисейское письмо), напрямую не связанная с орхонской письменностью, в этом отношении предстает значительно более соответствующей нормам тюркских языков.

Очевидно, не могут быть связанными с тюркоязычной средой и две другие особенности рунического письма. Во-первых, применение общего знака для двух губных гласных (o/u и ö/ü) не отражает самостоятельности этих звуков, характерной для тюркской речи, и на стадии праязыка[55], следовательно, оно порождено иной языковой средой, имевшей лишь один — узкий или широкий — губной звук (ср. прасемитский набор гласных: a, i, u — кратких и долгих, в отличие, например, от индоевропейского: e, o, a, i, u[56]). Во-вторых, не носят специфически тюркского характера те стечения согласных, для обозначения которых применены (и сохранены) особые знаки, к тому же в тюркских языках встреча согласных происходит лишь на границе слогов[57], что исключает их отдельное обозначение в слоговой письменности, будь она тюркского происхождения.

И, наконец, вспомним, что попытка отыскать смысл объединения знаков в пары, применяемого в орхонском алфавите, предпринятая на почве тюркских языков, не принесла успеха. По-видимому, здесь также следует видеть традицию, сложившуюся до начала использования рунического письма тюрками.

Итак, судя по всему, применение рунической письменности древними тюрками есть все же результат заимствования. Причем система письма была, по-видимому, воспринята целиком, без заметных сегодня изменений. Творческий характер такого заимствования заключался, надо полагать, в выборе среди имевшихся в неведомую нам эпоху письменных систем той, структурные особенности которой в наибольшей степени соответствовали закономерностям тюркской речи. С этой точки зрения руническое письмо, как известно, оказалось наиболее совершенной письменностью.

Основываясь на показанных особенностях отраженного на письме вокализма, орфографической традиции и направлении письма справа налево, можно предположить, что проторуническая письменность принадлежала к числу семитических. Однако она не может

относиться ни к арамейской ветви, ни вообще происходить от западносемитских силлабариев. Знаки последних выражают соединение согласного с л ю б ы м гласным. Ради их превращения в проторуническое слоговое письмо, знаки которого передают стечение согласного с о п р е д е л е н н ы м по рядности гласным, число имевшихся знаков следовало бы увеличить (едва ли не вдвое). Но, как мы видели, реконструируемое направление развития проторуни́ческого письма обратное — здесь постоянно происходило сокращение числа применяемых знаков, демонстрирующих качество сопряженного гласного. Нам остается предположить, что в глубокой древности в Срединной Азии получила распространение иная традиция письма, изначально не связанная с силлабариями египетско-семитского типа и развивавшаяся параллельно их широко распространившимся производным — арамейским и греческим алфавитам. Этой неведомой письменности было присуще отражение в слоговых знаках качества гласного звука.

[1]*Le Coq A.* Köktürkisches aus Turfan. — SPAW. Phil.-hist. Klasse. B., 1909, Bd. 41, c. 1048—1052, taf. IX.

[2]*Akira Haneda, Nobuo Yamada.* A List of the Manuscript Remains in Uigur Script Preserved in Ryukoku Library. — Monumenta Serindica. Vol. 4. Buddhist Manuscripts and Secular Documents of the Ancient Languages in Central Asia. Kyoto, 1961, c. 198, fig. 29. Издание осталось нам недоступным. Использовано воспроизведение манускрипта в статье: *Sertkaya O.F.* Kačıda yazılı Göktürk metinleri. — III Sovyet-Türk Kollokyumu (Alma-Ata. 8—15 Haziran 1990). İstanbul, 1990 (separatum).

[3]*Sertkaya O.F.* Kačıda yazılı Göktürk metinleri.

[4]*Clauson G.* The Origin of the Turkish «Runic» Alphabet. — Acta Orientalia. Copenhagen, 1970. Vol. 32, c. 75, tabl. V, 3 *b*; *Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской письменности. — Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992, с. 343.

[5]*Аманжолов А.С.* К генезису тюркских рун. — ВЯ. 1978, № 2, с. 79; *он же.* Тюркская руническая графика. 2. А.-А., 1981, с. 24, 25, 36—38; *Кызласов Л.Р.* О датировке памятников енисейской письменности. — СА. 1965, № 3, с. 46, 47, № 7, 29

[6]См., например: *Clauson G.* The Origin, tabl. V, *a, b*; *Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской письменности, с. 329.

[7]Быть может, с таким предположением следует увязать надписи на некоторых зеркалах Минусинского музея, необычные обособленным размещением далеко отстоящих друг от друга одиночных букв, обозначающих согласные разных категорий (инв. № 5195: r^2 (lt?) — d^1 — s^2; № 5022, д. Старые Кныши: n^2 — r^1 — k ... и, с меньшей уверенностью, № 5147, д. Монок: $š^2s^2$), хотя для одного из этих случаев (№ 5022), учитывая магическое использование зеркал, возможно предложить прочтение и без всякого кода ((e)n (a)r (i)k ... «низменное отделяй, болезнь ... [изгоняй?]»; близкое заклинание на зеркале см.: *Кызласов И.Л.* Новые материалы по енисейской рунической письменности. — СТ. 1981, № 4, с. 93—96).

[8]*Габен А.* Культура письма и печатания у древних тюрков. — Зарубежная тюркология. М., 1986, с. 169, 170; *Кара Д.* Книги монгольских кочевников. Семь веков монгольской письменности. М., 1972, с. 49—52.

[9]*Кара Д.* Книги, с. 52.

[10]*Мелиоранский П.М.* Памятник в честь Кюль-Тегина. — ЗВОРАО. 1899, т. 12, с. 26, 33, 38, 39, 43—45.

[11]*Кляшторный С.Г.* Терхинская надпись. — СТ. 1980, № 3.

[12]*Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, с. 57, 61, 65, 70, 424; Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 522.

[13]*Щербак А.М.* Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. — ТС. 1970. М., 1970, табл. 2; *Васильев Д.Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. М., 1983, табл. I, № 12—19, с. 51.

[14]*Thomsen V.* Une lettre méconnue des inscriptions de l'Ienissei. — JSFO. 1916, 30.

[15]*Clauson G.* Turkish and Mongolian Studies. L., 1962, c. 89, 90.

[16]*Щербак А.М.* Памятники руни́ческого письма енисейских тюрок. — Народы Азии и Африки. 1964, № 4, с. 146, 147, 149.

[17]*Щербак А.М.* Новая руни́ческая надпись на камне. — Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ. Кызыл, 1961, вып. 9, с. 239; *Ščerbak A.M.* L'inscription runique d'Oust-Elegueste (Touva). — Ural-Altaische Jahrbücher. 1964, 35, c. 145, 148.

[18]*Аманжолов А.С.* Тюркская руни́ческая графика, с. 46; *Васильев Д.Д.* Корпус тюркских руни́ческих памятников бассейна Енисея. Л., 1983, с. 71.

[19]*Аманжолов А.С.* К генезису, с. 77; *он же.* Интерпретация некоторых руни́ческих знаков. — Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ. Кызыл, 1973, вып. 16, с. 163—165.

[20]*Аманжолов А.С.* Тюркская руни́ческая графика, с. 44; *он же.* Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности. Автореф. докт. дис. А.-А., 1975, с. 11.

[21]*Аманжолов А.С.* Интерпретация, с. 164, 165.

[22]*Аманжолов А.С.* Материалы, с. 11, 12.

[23]Там же.

[24]Древнетюркский словарь, с. XVIII.

[25]*Thomsen V.* Une lettre, c. 7.

[26]Древнетюркский словарь, с. 103, 206—209, 214, 215, 260, 262, 263, 306, 310.

[27]См., например: *Tuna O.N.* Eski türk yazısında kullanılan ligatürler ve bunlarla ilgili bazı meseleler hakkında. — III Sovyet-Türk Kollokyumu (Alma-Ata. 8—15 Haziran 1990). İstanbul, 1990 (separatum); *Sertkaya O.F.* Kačıda yazılı Göktürk metinleri.

[28]*Clauson G.* Turkish and Mongolian Studies, c. 78.

[29]*Thomsen V.* Dr. M.A. Stein's manuscripts in turkish «runic» script from Miran and Tun-huan. — JRAS. 1912, January, c. 184, 191, 192.

[30]*Аманжолов А.С.* Материалы, с. 9.

[31]*Thomsen V.* Dr. M.A. Stein's manuscripts, c. 191.

[32]*Мелиоранский П.М.* Памятник, с. 26, 27.

[33]*Thomsen V.* Dr. M.A. Stein's manuscripts, c. 191.

[34]*Кызласов И.Л.* Палеографическое исследование азиатских руни́ческих алфавитов. — СА. 1991, № 4, с. 78—81.

[35]*Лившиц В.А., Хромов А.Л.* Согдийский язык. — Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981, с. 369, 370.

[36]*Оранский И.М.* Введение в иранскую филологию. М., 1988, с. 165; *Стеблин-Каменский И.М.* Бактрийский язык. — Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981, с. 317, 318.

[37]*Мелиоранский П.М.* Памятник, с. 20, 21.

[38]*Щербак А.М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, с. 27—35.

[39]*Щербак А.М.* Енисейские руни́ческие надписи, с. 130; *Аманжолов А.С.* Интерпретация, с. 165.

[40]*Thomsen V.* Une lettre, c. 6, примеч.1.

[41]*Thomsen V.* Dr. M.A. Stein's manuscripts, c. 191, tabl. II,*1*, line *5*.

[42] *Аманжолов А.С.* К генезису, с. 79; *он же.* Тюркская руническая графика, с. 24, 25, 36, 38.

[43] *Thomsen V.* Dr. M.A. Stein's manuscripts, с. 191.

[44] *Мелиоранский П.М.* Памятник, с. 39—41.

[45] Там же, с. 40, примеч. 1.

[46] *Гельб И.Е.* Опыт изучения письма. Основы грамматологии. М., 1982, с. 168—171.

[47] Там же, с. 177.

[48] Там же, с. 82—86, 160.

[49] *Гельб И.Е.* Опыт; *Фридрих И.* История письма. М., 1979.

[50] *Оранский И.М.* Введение, с. 32, 33, 35, 40, 144, 145.

[51] *Le Coq A.* Köktürkisches aus Turfan, с. 1050.

[52] *Thomsen V.* Dr. M.A. Stein's manuscripts.

[53] *Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.* Новый этап енисейской рунической письменности. Конец XIII — начало XV в. — РА. 1994, № 1.

[54] *Щербак А.М.* Сравнительная фонетика, с. 193—198.

[55] Там же, с. 39, 42, 76, 138—142.

[56] *Бомхард А.Р.* Пересмотр индоевропейско-семитской гипотезы. — Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988, вып. 21. Новое в современной индоевропеистике, с. 434, 437, 438, 441—443.

[57] *Щербак А.М.* Сравнительная фонетика, с. 103.

Глава IV

МЕСТО РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ В ИСТОРИИ ПИСЬМЕННОСТИ

В литературе широко бытует представление о том, что древнетюркские рунические знаки были созданы ради вырезания надписей на твердом материале, что это «письменность, прошедшая путь от камнеписных стел до рукописей на бумаге»[1]. По-видимому, такое мнение имеет под собою два основания. Первое восходит к начальному периоду степного руноведения, когда изучаемые надписи воспринимались как разновидность германо-скандинавских рун. А эта западноевропейская письменность характеризовалась как «в высшей степени неуклюжая система письма из римских и греческих букв, измененных таким образом, чтобы их было легче нацарапать на камне или металле и в особенности на древесных стволах. Круглые формы букв должны были уступить место угольчатым, по древесным волокнам можно было проводить только вертикальные или косые штрихи, но не горизонтальные; однако именно поэтому они были крайне неудобны для письма на пергаменте или бумаге. И, насколько мы можем судить, они фактически служили лишь для культовых целей и колдовства, а также для надписей и, вероятно, также других кратких сообщений; как только возникла потребность в настоящей книжной письменности... они отбрасывались, и вновь приспособлялись греческий и римский алфавиты...» Это давнее объяснение истории раннесредневековой германской письменности, выраженное здесь словами Ф. Энгельса[2], как видим, до сих пор фактически переносится на степные письмена, когда-то ошибочно названные руническими. Второй причиной существования отмеченных представлений, несомненно, является факт абсолютного преобладания среди известных надписей текстов, нанесенных на твердый материал; имеющиеся же немногочисленные рукописи относятся к довольно позднему времени.

Оба основания распространенных воззрений лишены доказательной силы. В первом случае (никем ныне прямо не называемом, но вполне правомерном уже не с точки зрения о мифической близости алфавитов, а с общих позиций сравнительной истории культуры) было не только поколеблено со времени

Ф. Энгельса мнение о магическом назначении старших германских рун (футарка) и надписей[3], но и обнаружено широкое применение поздней рунической письменности как повседневного делового письма[4]. К тому же следует помнить, что эволюция такого исторического явления, как германское руническое письмо, существовавшего по крайней мере со II в. по XIV в.[5], не может быть прямо соотнесена с особенностями письменностей (VII)VIII—X(XIII) вв. Положение о камнеписном назначении изучаемых алфавитов требует более подробного рассмотрения.

I. МАТЕРИАЛЫ ПИСЬМА И НАЧЕРТАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАМЯТНИКОВ

Донское письмо. Из 21 надписи этого алфавита 18 выполнены на меловых блоках крепостной кладки, 2 — на глиняных сосудах и 1 — на черепной кости (Приложение). Камнеписные знаки в основном вырезаны бороздками двух типов: тонкими и неглубокими, проникающими в материал на 0,5—1 мм, и довольно широкими и глубокими (1,5—2,5 мм), имеющими или явно треугольное поперечное сечение, или расширяющимися лишь у внешних краев. Первые, по-видимому, нанесены тонкими металлическими остриями. Ими могли быть и некие резцы, но, учитывая явный бытовизм создания настенных начертаний, можно полагать и использование простых шильев. Второй тип борозд скорее всего оставлен ножами. И в первом, и во втором случаях режущая часть инструмента подводилась к поверхности и прямо, и с наклоном. Для создания одной линии борозды нередко проводились ножом по нескольку раз.

Обе надписи на глиняных баклажках (Д 7, Д 8) начертаны после их обжига, очевидно, мысками ножей. Тонкие и глубокие резы на черепе из Кермен-Толга (Д 9) — ныне единственное явное свидетельство применения специального резца для создания донских надписей.

Кроме этих материалов об условиях бытования письменности и технике создания надписей повествуют и важные косвенные данные.

Одной из характерных палеографических особенностей донского алфавита является буква № 1 на табл. VII. Следует обратить внимание на весьма типичную мягкость составляющих облик знака линий, наличие загибов не только у левого отводка, но и у верха основной дуги. Думается, все эти детали указывают, что облик буквы сложился не при нанесении знака резцом на камень или кость, а при письме красящей жидкостью на мягком писчем материале. Об этом же свидетельствуют дугообразные и округлые черты тех элементов других знаков, которые в противном случае были бы прямолинейными и угловатыми (№ 4—6, 8, 12, 17, 24, 26, 27). Это явление подчас проступает в облике даже вполне угловатых букв (№ 2, 7, 21, 22, 31). Возможно, приведенных наблюдений недостаточно, чтобы судить об особенностях возникновения донского алфавита, но они позволяют полагать, что обычными условиями его

бытования было письмо на пергамене или на чем-либо подобном. Об этом же свидетельствуют мелкие или чрезвычайно мелкие для «монументальной» настенной письменности размеры большинства надписей Маяцкого городища.

Кубанское письмо представлено 12 надписями, из которых 7 нанесены на песчаниковые блоки крепостной кладки, по 2 — на глиняные и серебряные сосуды и 1 — на костяную накладку (Приложение). На камне довольно твердой породы знаки высечены острым орудием[6], возможно, каменотесным инструментом. На билярском сосуде (К 11) строка начертана по сырой глине вдавлением и движением острийца подтреугольного сечения — возможно, деревянного или рогового орудия гончарной отделки. Знаки на черепке амфоры (К 9) нанесены на уже обожженную поверхность, вероятнее всего, шиловидным острием конической формы. Резцом торевта, по-видимому, вырезаны знаки на седьярском кувшине (К 1) и оношатском блюде (К 2), чем-то подобным — на роговой накладке (К 12).

Однако, как и в случае с донской письменностью, ряд материалов косвенно свидетельствуют, что носители кубанского алфавита широко использовали жидкие красители и писали главным образом на мягком материале. Именно в таких условиях наиболее вероятно формирование облика некоторых букв (табл. IX, № 2, 9, 10, 13, 16, 23, 29). Кроме того, известные памятники демонстрируют бытование в обществе не менее двух типов письма, которые условно можно соотнести с уставом и полууставом русской палеографии. Большинство надписей выполнены обычными резами с преобладанием прямолинейности и угловатости букв и их элементов. Другой тип — явно рукописный — представлен в надписях из Седьяра (К 1) и Маяков (К 9). В обеих заметна манера передачи косых линий рун мягкими дугообразными чертами (табл. VIII, № 9, 12, 15, 25, 28) и отгибания конца штрихов от основного направления (№ 15, 18, 21, 25, 26), что придало буквам своеобразные изысканные очертания. О применении на письме красителей свидетельствуют и остатки красновато-коричневых знаков, неоднократно наносившихся поверх побелки на одном из участков стены Хумаринской крепости[7]. Дела не меняет тот факт, что эти знаки, по-видимому, являются тамгами, имеют величину 10—30 см и нанесены линиями толщиною не менее 2—2,5 см. Возможно, инструментом писавшему служила кисть.

Надписи Юго-Восточной Европы, не разделенные нами между донским и кубанским письмом (Приложение; 2 — на серебряных сосудах, 1 — на костяной накладке) ничего существенного не добавляют к известным материалам и орудиям письма. Хотя алфавитное определение руноподобной приписки «Киевского письма» первой половины X в. ныне не представляется возможным, эта надпись (рис. 2) — единственный неоспоримый факт существования на изучаемых землях рунических рукописей, нанесенных на пергамен чернилами и кистью.

Ачикташское письмо представлено тремя надписями — на скале, черепке сосуда и деревянном стержне (Приложение). Буквы

знаменитой палочки (А 1) вырезаны довольно глубоко резцом с тончайшим лезвием[8] (М.Е. Массон допускал применение бритвы), алтынасарские знаки (А 3) на керамике процарапаны неким стальным острием, тозбулакские руны (А 2) выполнены точечной выбивкой[9] — возможно, был применен каменотесный инструмент. В ачикташском алфавите также есть знаки, форма которых неудобна для резьбы (табл. XVIII, № 2, 4, 5, 14—16, 19, 22), и, следовательно, можно предполагать их применение прежде всего для создания рукописных текстов.

Исфаринское письмо, известное лишь по пяти кратким надписям на черепках сосудов (Приложение), не имеет знаков, неудобных для резанья (может быть, за исключением № 29 на табл. XX). Надписи в основном сделаны до обжига: И 4 и И 5 — по сырому тесту (первая — тонким вытянутым острием, вторая — тонкой палочкой)[10], И 1 и И 2 — по просохшей глине[11]. Единственный текст, нанесенный по обожженному сосуду (И 3), вырезан неаккуратно, каким-то подручным инструментом[12].

Южноенисейское письмо ныне почти полностью представлено камнеписными памятниками: по 7 надписей нанесено на скалы и стелы, 1 — на каменном предмете и только 2 — на костяных накладках и, возможно, 1 — на серебряном сосуде (Приложение). Нет сомнения, что все они выполнены железными инструментами: резцами и ножами. По-видимому, именно от последних оставались довольно глубокие и широкие борозды, характерные для многих надписей не только на скалах и стелах, но и, например, на пряслице (Ю 5). Среди южноенисейских букв облик очень малого числа знаков может представлять некоторое неудобство для вырезания (табл. XV, № 3, 6, 12, 16, 18, 31) и в целом среди всех евразийских алфавитов именно эта письменность выглядит наиболее приспособленной для письма техникой резьбы.

* * *

Изложенное позволяет предположить, что рунические алфавиты евроазиатской группы применялись не только для нанесения надписей на камни и предметы, но прежде всего — для письма жидким красителем по мягкому материалу, по-видимому, пергамену. Именно главенство в обществах их носителей рукописной традиции, думается, привело к тому, что ныне известно очень мало письменных памятников этой группы, ибо органические материалы редко сохраняются столь длительное время. Возможно, отсутствием обычаев «монументальной» письменности следует объяснять и применение для вырезания надписей подручных инструментов, изначально не предназначенных для письма. Последнее обстоятельство в равной степени может быть следствием довольно широкой грамотности населения и разнообразия сфер применения письменности.

Енисейское письмо представлено наибольшим числом памятников прежде всего потому, что пользовавшееся им общество

имело обычай установки стел с эпитафийными текстами и традицию нанесения надписей на скалы. Ныне только из долины Енисея известно полторы сотни надписей[13], ареал же этой письменности захватывает и территорию Алтая, Прибайкалья, Монголии, Восточного Туркестана, по крайней мере отдельные ее памятники встречены на территории Казахстана, включая Западный[14]. Из изданного Д.Д. Васильевым перечня памятников Енисея можно выделить 78 надписей на стелах, 8 — на менгирах и 42 — на скалах. Многочисленны и надписи на предметах — учтены 9 на зеркалах, по 2 — на монетах, серебряных сосудах и бронзовых накладках, 1 — на роговом псалии. В литературе имеется краткое указание на инструменты письма, данное для этих памятников обобщенно с другими руническими надписями. Названы специальный каменотесный инструмент, простые ножи и нечто, очевидно, неточно сравненное с клевцом[15]. Конечно, этот список возможно и необходимо дополнить и конкретизировать. Многочисленность памятников делает решение этой задачи большой и вполне самостоятельной, никем еще не проделанной работой. Начинать ее следует с эпитафий. Здесь прежде всего можно будет выявить применение разнородного камнеписного инструментария, на бытование которого указывает уже само существование массового обычая установки стел. Примеры закономерной взаимосвязи двух этих явлений отмечены для более позднего времени[16]. В тех случаях, когда технике нанесения надписей было уделено внимание, выяснилось применение набора специальных каменотесных инструментов, указывающее на существование в обществе носителей енисейского письма профессиональных ремесленников, высекавших эпитафийные тексты[17]. В целом многообразие применявшихся для нанесения известных енисейских надписей орудий станет очевидным из перечня производившихся при этом операций. Таковы выцарапывание (тонкая гравировка), резьба, выскабливание, выбивка (высекание).

Но даже в том царстве эпиграфики, каковым являются енисейские памятники, имеются подтверждения широкого бытования не камнеписного, а настоящего рукописного письма. В алфавитном наборе знаков с неблагоприятным для резьбы обликом немного (табл. XXIII, № 35, 36, 42, 52, 54, 57, 62, 63, 65, 66), и они не имеют столь явных особенностей, как привлекавшиеся буквы донского письма. Важнее такие яркие примеры проникновения в камнеписные тексты курсивных начертаний букв, как стк. 4 и 5 на лицевой стороне стелы Означенное II (Е 104 — рис. 12). Шесть видов знаков (t^1, i, z, k, ö/ü, o/u) вырезаны здесь мягко прогнутыми, дугообразными, а не прямолинейными чертами, явно воспроизводя особенности написания тушью или чернилами. Это хорошо заметно при сравнении с обычными рунами-резами, составляющими стк. 1—3 того же памятника[18]. Среди енисейских текстов известны и три наскальные надписи, нанесенные черной и красной тушью.

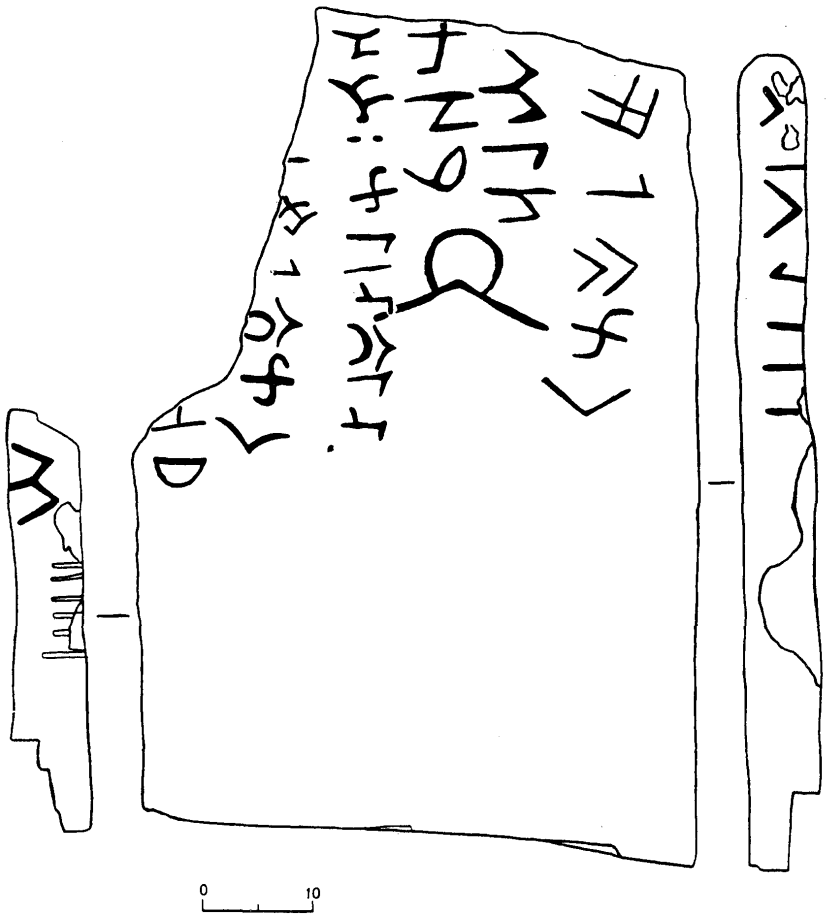

Рис. 12. Эпитафия Означенное II (Е 104). Прорисовка автора

Две надписи, выполненные черной тушью, были обнаружены в 1888 г. П.С. Проскуряковым на восточной стене входа большой пещеры в скале Тогуз ас (хак. *Тоғыс аас*) выше одноименного улуса на правом берегу р. Белый Июс (хак. *Ах Ӱӱс*) — ныне в 2,5 км от д. Ефремкино. В том же году Н.М. Мартьянов сообщил о находке И.Р. Аспелину, экспедиция которого осмотрела и скопировала памятник, а уже в 1889 г. издала интерпретационное воспроизведение одной его надписи, состоявшей из пяти строк[19]. Выполненную на глаз прорисовку обеих надписей — многострочной и двухзначной — издал в 1890 г. П.С. Проскуряков[20]. На этом рисунке были воспроизведены и две группы начертаний красной краской, расположенные левее первой строки большого текста. Они имели

более крупный размер, и, по-видимому, не являлись надписью. В 1909 г. обе надписи были от руки срисованы А.В. Адриановым, издавшим свои прорисовки в 1910 г.[21] К тому моменту центральная часть многострочного текста была уже уничтожена геологом Я.С. Эдельштейном, неудачно попытавшимся отколоть камень с надписью ради ее вывоза. Прорисовки П.С. Проскурякова в 1978 г. были переизданы П.П. Хороших[22].

Тюркологи неизменно изучали этот памятник (Е 38) лишь по воспроизведению финской экспедиции[23] и, следовательно, не учитывали вторую краткую надпись (Е 38/2). В 1978 г. пещера была обследована нами. Из-за современных посетительских отметок и сажистых пятен состояние многострочной надписи Е 38/1 ухудшилось, но неосыпавшиеся буквы все еще вполне различимы. Нами зафиксированы окончание второй (по С.Е. Малову) и третьей строки, начало и конец четвертой (рис. 13,*1*). Отмеченные в конце XIX в. выше второй первая строка и фигуры, нанесенные красной краской, полностью сколоты. 26 уцелевших знаков нанесены черной тушью, по-видимому, с помощью кисти. Их высота от 1,2 до 2,3 см, в среднем 1,4—1,6 см. Толщина линий 1—1,5 мм, иногда до 1,8 мм. Вторая надпись Е 38/2 нанесена на 29 см ниже окончания четвертой строки предыдущего текста. Пострадала лишь вершина второго знака (рис. 13,*2*). Высота букв 4 и 4,2 см (первоначально — до 4,7 см), ширина линий от 1,5 до 4 мм, в основном — у первой 3 мм, у второй — 2—4 мм. Надпись также нанесена черной тушью и, видимо, кистью. Необычная для камнеписных текстов форма первого знака находит себе близкие аналоги в рунических рукописях из Дуньхуана (ThS IV,*4*) и Турфана[24]. Слово читается qut (благо).

Третья надпись, нанесенная красной тушью на скалу Кёк хая (хак. *Көк хая*) — левый берег р. Есь, в 3,5 км выше улуса Сафронова — открыта в 1983 г. Э.А. Севастьяновой и В.Ф. Капелько[25] и благодаря полученным от них сведениям неоднократно обследовалась нами в 1985—1988 гг. Памятник не публиковался. Из-за плохой сохранности, особенно правой части, этот трехстрочный текст не может быть восстановлен полностью. Ныне с разной степенью достоверности различимы целиком или частично 54 знака высотою от 1 до 2,7 см (в основном 1,5—2 см) при толщине линий от 2,5 до 4 мм (главным образом 4 мм). Текст нанесен полой трубочкой, очевидно, тростниковым пером (рис. 14). Среди палеографических особенностей надписи характерно употребление буквы (u)q, близкой к Е 38/2 формы, что указывает на развитые навыки письма жидким красителем.

Мелкие буквы нанесенных тушью надписей также свидетельствуют о постоянном занятии письмом их авторов. Становится очевидным, что столь характерные для енисейских резных надписей на скалах руны мелких размеров, как и их обычное размещение горизонтальными строками, указывают на привычку к письму не на камне, а на ином, более обыденном писчем материале. Люди, нанесшие надписи на скалы Тогуз ас и Кёк хая, принесли с собою и тушь, и инструменты для письма[26]. О бытовании у носителей

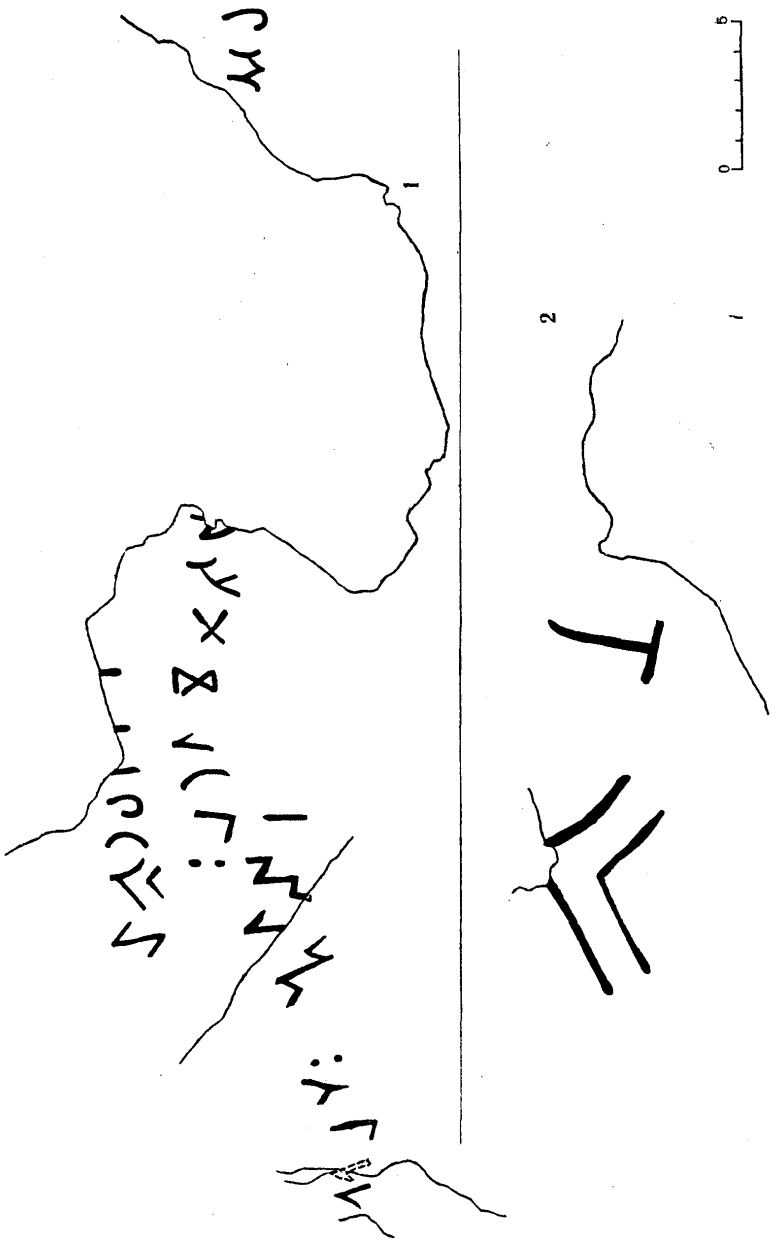

Рис. 13. Надписи пещеры Тогус ас (Е 38). Черная тушь. Прорисовка автора
1 – Е 38/1; *2* – Е 38/2

енисейской письменности чернильниц свидетельствует находка такого сосудика, сделанного из поливного фарфора, в кургане 56 могильника Уюк-Тарлык (Тува)[27]. О применении на Енисее тростникового пера сообщал во второй половине IX в. арабский географ Абу Дулаф[28].

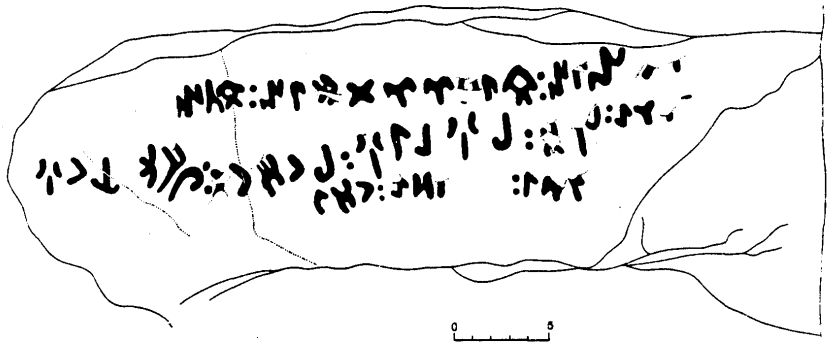

Рис. 14. Надпись красной тушью на скале Кёк хая, р. Есь. Хакасия. Прорисовка автора

На скале Хойто-Тамир в Монголии Й.Г. Гранё в 1909 г. были отмечены остатки не менее 30 надписей, нанесенных красной и черной краской[29] (надо полагать, тушью). В тюркологической литературе изучались лишь прорисовки Д.А. Клеменца 1893 г., зафиксировавшие десять черных надписей Хойто-Тамир I—X, из которых три (Хойто-Тамир VI—VIII) Й.Г. Гранё отмечены не были. Прорисовки ряда надписей изданы, кроме того, Ринченом[30]. Все копии значительно отличаются друг от друга. В зависимости от того, какие из них мы предпочтем, количество надписей на скалах, выполненных тушью енисейским алфавитом, увеличится на несколько экземпляров. Из надписей Д.А. Клеменца сюда следует причислить Хойто-Тамир I, по копиям Й.Г. Гранё и Ринчена текст в «80 знаков» на плоскости A, по рисунку Й.Г. Гранё — надписи в «26 знаков» на плоскости E, и в «9 знаков» на G. Всюду отмечается сочетание характерных букв для b^2, t^1 и m (табл. XXIII, № 29, 68, 33). По наличию двух последних форм, с меньшей долей уверенности, перечень пополняют Хойто-Тамир IV, «39 знаков» плоскости B, «28 знаков» E, «12 знаков» G. И, наконец, по присутствию одной из них — «11 знаков», «4 знака» верхней части A, «25 знаков» и «14 знаков» нижней части A, «12 знаков» C, «10 знаков» G. В облике знаков этих надписей, нанесенных, как замечал С.Е. Малов, подручными орудиями («какой-либо метелкой или палкой»)[31], все же явно видны особенности, характерные для рукописей. Нельзя не подчеркнуть, что существование этих текстов вновь свидетельствует о намеренной доставке к скале специальных писчих красителей.

Орхонское письмо известно по крупным многострочным текстам, высеченным на поминальных стелах Монголии. Поскольку эпитафии сооружались только в честь представителей высшей администрации Второго Восточнотюркского и Уйгурского каганатов, обычай не имел широкого распространения, и таких стел ныне известно лишь одиннадцать. На стелах иного назначения (в том числе на изваяниях предшествующего времени) встречено лишь две надписи, столько же — на стенках каменных ящиков. Опубликованные материалы позволяют выделить лишь три несомненно орхонские резные наскальные надписи. На предметах надписей этого алфавита пока не известно. Великолепная, явно профессиональная резьба поминальных текстов сочетается в этой серии с довольно грубой наскальной выбивкой — техникой, встреченной, кстати сказать, даже на второстепенных памятниках знаменитых поминальных комплексов (ср. текст Бильге-кагана и строку на одном из тамошних балбалов)[32]. Встречаются и очень тонко выцарапанные строки[33]. Следы применявшихся инструментов нуждаются в изучении.

В орхонском алфавите знаков, по облику не предназначенных для вырезания, еще больше, чем в енисейском. Таковыми среди специфических форм являются, например, № 33, 69, 71, 73 на табл. XXIII. В камнеписной технике от округлых элементов некоторых знаков были произведены угловатые (№ 69, 73). С развитием форм во времени часто сохранялись черты, указывающие на бытование букв в письме красящими веществами (табл. XXV, А, *1—3*, Б, *2—8*). Во многих случаях на камнеписных памятниках вырезались не прямые буквы, а знаки курсивных очертаний. Иногда это буквы отдельных форм [в надписях Онгинской и Ихе-Асхете: o/u; Кюль-тегина: (ö/ü)k, o/u, s/š; Бильге-кагана: m, o/u, s/š; Моюн-чура: ï/i, b^2, ϒ, (o/u) q], иногда всем знакам памятника намеренно придан подобный облик (Карабалгасун).

Среди многочисленных наскальных надписей Хойто-Тамира, по-видимому, можно выделить строки, начертанные палеографически смешанным письмом — енисейским с отдельными особенностями орхонского, или, если угодно, орхонским с сильным воздействием енисейского (Хойто-Тамир VII, IX и, с меньшей уверенностью, — Хойто-Тамир II, V, VI, «19 знаков» на плоскости А). Хотя в этих нанесенных краской текстах курсивные особенности выступают недостаточно ярко, чаще всего в облике отдельных знаков[34], на скале Хойто-Тамир есть надписи, полностью выполненные курсивными рунами («19 знаков» А).

Орхонская письменность — ныне единственный рунический алфавит, для которого имеются рукописные материалы. Таковы обычно написанные на бумаге тушью и чернилами с помощью тростникового пера 20 фрагментов различных сочинений, полная «Гадальная книга» (Irq bitig) и изредка — нанесенные кистью записи типа азбуки Тойок I, приписки на обороте листа сутры Sekiz jükmäk[35]. Все рукописи происходят из Восточного Туркестана (10 памятников из Турфанского оазиса, 8 — из Дуньхуана)[36]. Знаки

этих рукописей принадлежат хотя и к различным, но вполне беглым писцовым почеркам.

Таласское письмо представлено лишь надписями на валунах и скалах. Все 11 текстов на камнях, как и 2 наскальных строки, выполнены техникой выбивки, 3—4 надписи на обнажении в Терек-Сае, вероятно, вырезаны. Но даже среди букв таласского алфавита, облик которого в целом в наибольшей степени пригоден для создания резных надписей, есть немало знаков, внешний вид которых указывает на их рукописную природу (табл. XXIII, № 35, 36, 53 справа, 54). Подобные знаки известны и среди специфических знаков этой письменности (№ 75, 77).

2. РУНИЧЕСКИЕ ПИСЬМЕНА — ДОСКОРОПИСНАЯ СТАДИЯ РАЗВИТИЯ ПИСЬМЕННОСТИ

Произведенный обзор материалов письма и начертательных особенностей памятников всех рунических алфавитов убеждает, что ни один из них в рассматриваемых исторических пределах не существовал лишь ради создания выбитых или резных надписей. Сам факт абсолютного преобладания камнеписных рунических текстов над рукописями не должен вводить в заблуждение историков культуры. Главенство эпиграфических материалов объясняется естественными причинами их стойкости к воздействию времени.

Нельзя абсолютизировать также прямолинейность и угловатость большинства знаков, составляющих рунические алфавиты. В каждом из них весьма значителен процент букв с округлыми и дугообразными начертаниями (табл. XXIII). Представляется наиболее реальным, что облик подобных знаков мог сформироваться уже в условиях письма красящими жидкостями. В подтверждение этого положения достаточно сравнить наши рунические алфавиты с теми же самыми германскими рунами. Среди 24 знаков общегерманского старшего рунического алфавита лишь 9 имели варианты, формировавшиеся дугообразными или округлыми линиями, причем для них всех существовали и угловатые разновидности (табл. XXXVIII, I)[37]. Это приводило к заключению, что «горизонтальные и закругленные черты в рунах отсутствовали»[38]. Сходная картина наблюдается и в различных 16-значных младших рунических алфавитах Скандинавии[39]. Подобный алфавит действительно мог возникнуть для создания письмен-резов. Наиболее удобным и целенаправленным изобретением ради вырезания текстов является, несомненно, так называемое огамическое письмо раннесредневековой Ирландии, известное также в Уэльсе, Шотландии и на о-ве Мэн. Эти истинные «черты и резы» состоят из различных сочетаний прямых параллельных линий и точек, по-разному размещенных относительно длинной оси (табл. XXXVIII, II)[40], и, несомненно, были изобретены для резьбы на четырехгранных деревянных стержнях.

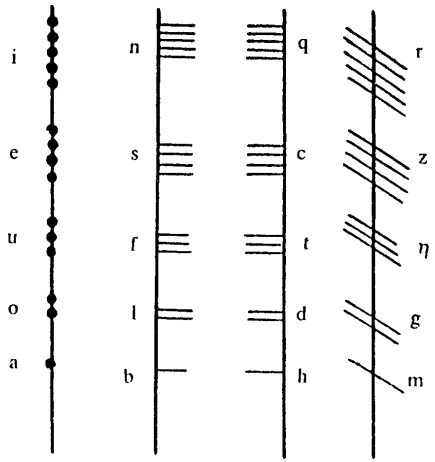
Таблица XXXVIII

Знаки германского старшего рунического (I) и кельтского огамического (II) письма

По Э.А. Макаеву и И. Фридриху

I

II

Едва ли не все иные алфавиты в истории письменности, включая и наиболее древние, имели не только линейные, но и округлые знаки, дугообразные элементы букв. Эти особенности позволяют полагать, что письмена изначально предназначались для письма как жидкими красителями по мягкому, так и для вырезания по твердому писчему материалу. До наших дней сохранились не только эпиграфические памятники, но и — от самых отдаленных эпох — рукописи, выполненные сажистыми чернилами и заостренными палочками и трубочками, применявшимися на Ближнем и Переднем

Востоке со времен Древнего Египта. К этому типу алфавитов и принадлежат изучаемые раннесредневековые степные рунические письмена. Надо полагать, что уже их непосредственные предшественники, более древние алфавиты, пока не известные науке, предназначались и применялись не только для резных, но и рукописных написаний.

Имеющиеся источники позволяют выделить два графических типа письма, применявшихся в степных рунических письменностях. Палеографическая неизученность рунических надписей создает трудности даже в наименовании и описании этих начертаний. Общей же палеографии, как известно, не существует, следовательно, мы лишены возможности опереться на некие универсальные терминологические характеристики. Между тем сравнение с известным — типами и эволюцией почерков, установленными в хорошо разработанных греческой, латинской и кириллической (русской) палеографиях, — весьма полезно для правильного историко-культурного восприятия рунических письменностей.

Хорошо понимая, что последовательный подход требует самостоятельного палеографического рассмотрения памятников каждого из выявленных рунических алфавитов, тем не менее произведем поневоле обобщенную систематизацию характера их начертаний. Для этого имеется два основания. Во-первых, материалы ряда письменностей немногочисленны и представляют подчас лишь один тип письма. Во-вторых, здесь ставится задача выявить стадию развития письма, представленную нашими памятниками, а фазы этого развития у алфавитных письменностей подчиняются общим закономерностям.

Первый тип письма представлен в большинстве эпиграфических памятников. Это медленное письмо раздельными буквами, все элементы которых — геометрически правильные прямые или округлые линии. Индивидуальные особенности почерков писавших не имели существенного значения, так как каждая буква всякой рунической письменности имела или один облик или, в некоторых случаях, две-три разновидности. Для любого алфавита существование таких разновидностей одной и той же буквы показано в разделах о знаковом составе конкретных азбук. Найти объяснение этому ныне сложно. Дело не только в малочисленности материалов и неизученности изменения вида букв во времени и пространстве, но для письменностей евроазиатской группы неизвестны даже фонетические соответствия знакам, т.е. нет уверенности в том, что разница в их облике не отражает и различия в качестве букв. Первый тип письма представлен в каждом из алфавитов, и внутри них выполненные им памятники отличаются, пожалуй, лишь тщательностью написания знаков. Этот почерк встречаем не только среди резных надписей на камнях и предметах, но и среди енисейских и орхонских текстов, выполненных на скалах красками. Очевидно, он бытовал и в рукописях. Своеобразную «книжность» в его применении демонстрирует разлиновка строк на

ряде известных орхонских и енисейских стел (Тоньюкука, Кюльтегина, Бильге-кагана, Моюн-чура, Е 28, Е 29, Е 42 и т.д.).

Второй тип почерка представляет также раздельное, но более беглое письмо, в котором вместо прямых преобладают плавно изогнутые линии, что придает знакам более изысканные очертания. В рунической эпиграфике подобные написания известны лишь для кубанского (К 1, К 9), енисейского (Е 104) и орхонского (Карабалгасун) алфавитов. Причем обе кубанские надписи отличают характерные точечные утолщения на окончаниях буквенных элементов (Приложение). Эта особенность, как и облик енисейской и орхонской камнеписных надписей, убеждают, что второй тип почерка был перенесен на твердые писчие материалы из рукописной практики, основанной на свободном скольжении орудия письма по гладкой поверхности. В орхонской палеографии этим типом почерка написаны все известные рунические рукописи на бумаге. Для тех из них, которые выполнены тростью, весьма характерно закономерное чередование составляющих знаки толстых и тонких линий. В рукописях можно, по-видимому, наметить две разновидности письма данного типа — по степени его близости к начертаниям первой графической группы. Отметим, что надписи на скале Хойто-Тамир, выполненные тушью, демонстрируют своеобразную переходную графическую группу между двумя описанными типами рунического письма.

В общеисторическом плане развитие большинства алфавитов прошло две стадии — раздельного и связного написания букв в текстах. Поздняя стадия в русской речи называется скорописью, для ранней общего обозначения нет и применяется описательная терминология. Оба типа письма, известные для рунических памятников, принадлежат к доскорописной форме.

Первый тип вполне сопоставим с так называемым монументальным или капитальным греческим и маюскульным латинским письмом, присущим не только древним эпиграфическим, но и рукописным памятникам. Позднее в сфере рукописного письма сложился соответственно так называемый византийский устав и унциальное письмо. К этой же стадии отчетливого раздельного письма принадлежит устав в кириллице. Для древнерусских эпиграфических материалов, равно как и для своеобразной пограничной между эпиграфикой и палеографией зоны, занимаемой берестяными грамотами, характерна близость письма к одновременному рукописному уставу[41]. По-видимому, подобную взаимосвязь можно наметить и для енисейской эпиграфики и палеографии, если учесть, что рукописные наскальные надписи Тогуз ас и Кёк хая выполнены тем же типом письма, что и резные тексты на камнях и изделиях. Для изучаемой темы важно и отмечаемое эпиграфистами запаздывание эволюции начертания букв в граффити по сравнению с книжным письмом. Очевидно, аналогичное заключение возможно при сравнении графики орхонских рукописей и большинства камнеписных надписей. Наиболее надежным такой вывод представляется для письменной

культуры уйгурского времени, ибо одновременность беглой рукописной и лапидарной форм письма подтверждается стелой Карабалгасун (около 821 г.). Что касается енисейской и кубанской письменностей, то об их определенной графической архаичности, надо полагать, свидетельствуют упоминавшиеся уже памятники Е 104 и К 1, К 9. Следует помнить, что, как и в привлекаемых для сравнения западных письменностях, тип рунического письма мог зависеть от назначения конкретного письменного памятника.

Произведенное общетипологическое сравнение, равно как и учет особенностей применения первого типа письма степных рунических письменностей, позволяет предложить для его названия термин «лапидарный».

Второй, беглый тип рунического письма в общем плане вполне сопоставим с теми формами убыстренных написаний, которые в латинской, греческой и русской палеографии получили соответственно наименования полуунциального, или минускульного, и полууставного. Орхонские рукописи близки полууставу такой особенностью, как свободное размещение размашисто написанных букв. Указанными типами западного письма создавались не только рукописные, но и эпиграфические памятники (в частности, граффити), полууставом написано большинство берестяных грамот. Подобную ситуацию наблюдаем по ныне еще малочисленным примерам для кубанского, енисейского и орхонского письма. Названные западные типы почерков послужили основой создания безотрывных форм написания. По начертанию букв в отдельных орхонских рукописях (прежде всего ThS IV[42] — ср. с другими надписями из Дуньхуана) следует полагать, что в том же направлении должно было развиваться и беглое руническое письмо. Однако сегодня неизвестны материалы, позволяющие заключить, что этой эволюции суждено было завершиться.

Второй тип письма будем именовать курсивным, исходя из того что это широко практикуемое в различных отраслях палеографии понятие восходит к латинскому термину, обозначающему не только слитное, но и раздельное беглое написание, появившееся еще в римское время. Подобным образом термин «курсив» употребляется и в современной русской речи для наименования известного типа печатного шрифта.

Как видим, в доступных изучению исторических пределах основные закономерности бытования и развития форм рунических письменностей вполне сопоставимы с судьбами других развитых письменных систем средневековья — таких, как греко-византийская, латинская и кириллическая. На фоне этих письменностей не выглядит обособленным отсутствие среди рунических памятников текстов, выполненных слитным начертанием букв.

Проведенное сопоставление основных типов письма изучаемых памятников с этапами развития западных алфавитных письменностей убеждает, что так называемые рунические письменности есть лишь одна из конкретных форм доскорописных написаний. Именно принадлежность к этой стадии развития

алфавитного письма привела к неоправданному сближению и единому наименованию как «рунических» совершенно разных письменностей. Германские, древнетюркские, тисские, секельские (венгерские), мурфатларские и более древние среднеазиатские (типа иссыкской), равно как и многие другие неизвестные по письменности надписи, лишь в равной степени выполнены лапидарным раздельным письмом, отличным от греческих и латинских производных. Археологические исследования неизбежно будут увеличивать число неведомых алфавитных систем, которые, если не изменить ситуации, придется именовать руническими. Между двумя научными дисциплинами — историей письма и палеографией — существует мешающий дальнейшему развитию исследований пробел. Первая занимается письменными системами вплоть до алфавита, вторая более всего изучает историю знаков, составляющих конкретные алфавиты. В значительной степени без специального внимания остаются общие стадии развития алфавитного письма: доскорописная с раздельным и скорописная со слитным написанием знаков. Отсюда и понятийные и терминологические сложности и неточности.

Нет сомнения, что надписи, выполненные как лапидарными, так и курсивными рунами, внутри каждого типа подразделяются на отдельные разновидности письма и многообразные писцовые школы. Пути их выявления намечены работой Д.Д. Васильева[43]. В дальнейшем этот большой и кропотливый труд может быть плодотворным лишь при условии рассмотрения письменных памятников в конкретных рамках каждого из выделенных ныне рунических алфавитов.

3. ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И РАННЕЙ ИСТОРИИ РУНИЧЕСКИХ ПИСЬМЕННОСТЕЙ

Попытки установить происхождение письменности, традиционно называемой древнетюркской рунической, были предприняты сразу же после обнаружения на Енисее стел с выбитыми текстами[44] и приобрели постоянный характер, положив начало самостоятельному направлению в истории тюркоязычного письма, еще до определения языковой принадлежности самих надписей[45]. В дальнейшем накопилась значительная литература, содержащая самые разнообразные предположения о появлении этой письменности. Имеющиеся обзоры гипотез[46] позволяют не проводить подробного их анализа. Отметим лишь, что с точки зрения источниковедческого подхода сформировались две исследовательские позиции. Одна основывалась на идее самостоятельного появления письма на базе имевшихся в обществе изобразительных символов, другая — представленная как ранними, так и последними по времени работами — исходила из посылки о творческом заимствовании письменности со стороны. Имеющиеся ныне материалы позволяют считать оправданным последнее направление поисков.

В связи с увеличением числа известных памятников и расширением их ареала в науке был поднят вопрос об их взаиморасположении во времени и, следовательно, о возможном видоизменении знаков в целом единого, как полагало большинство ученых, алфавита. В рамках этих представлений памятники разделялись на локальные группы, и набор знаков той из них, которая считалась древнее, сравнивался с другими письменами в поисках источника рунического письма. На первом этапе основным источником таких сопоставлений служили енисейские надписи, относимые к V—VII или VI—VIII вв. После работ Л.Р. Кызласова и И.В. Кормушина, показавших ошибочность этих представлений, исходя из археологических, эпиграфических и палеографических данных[47], отправной точкой сравнительных поисков стали орхонские тексты Второго Восточнотюркского каганата[48].

Выдвигаемая в этой работе концепция множественности древнетюркских рунических алфавитов порождает необходимость иного подхода к проблеме происхождения письма у раннесредневекового тюркоязычного населения Евразии. Прежде всего теряют обоснованность попытки выявления единого центра появления письменности. Выделяемые две группы рунических письменностей сложились в разных условиях и на различной основе. Поскольку каждый из алфавитов как евроазиатской, так и азиатской группы имеет самобытные черты, становится ясно, что за всяким из них стоит и своеобразная, лишь ему присущая история формирования и развития. Однако имеющаяся ныне источниковедческая база, пожалуй, позволяет поставить проблему изучения таких историй лишь как задачу будущего.

Близость составляющих каждую группу алфавитов, показанную в предыдущих разделах, естественно объяснять былым единством их происхождения, а существующие отличия — результатом местных и этапных видоизменений общей основы. Опираясь на изложенные выше палеографические наблюдения и датировки, можно полагать, что все евроазиатские рунические алфавиты и такие азиатские, как орхонский и снисейский, сосуществовали. Если это так, то, по-видимому, часть этих первооснов можно восстановить, выделив общие знаки отдельно для евроазиатских и указанных азиатских алфавитов.

Надежными для реконструкции евроазиатской основы представляются 28 форм (табл. XXII). Возможно, исходной является и манера отмечать конец надписи словоразделительным знаком, зафиксированная в территориально далеких друг от друга кубанском и южноенисейском письме. Вполне естественно, что состав каждого из евроазиатских алфавитов не представляется окончательно установленным. Со временем уточнится и алфавит-основа. Думается, здесь не следует стремиться решить вопрос о происхождении самой этой основы. Такая задача очень сложна и вполне самостоятельна. Одно представляется вполне вероятным — истоки следует искать в среднеазиатских письменах, предтечей которых явились древнесемитские алфавиты. Поиски в этом

направлении наметили для сулекских южноенисейских надписей (Ю 1 — Ю 4) финские исследователи прошлого века, для знаков ачикташской палочки (А 1) и пряслица Минусинского музея (Ю 5) — Э.Р. Рыгдылон[49]. Однако сегодня представляется очевидным, что среди известных письменностей нет системы, внешне сходной с евроазиатскими руническими алфавитами. Судя по количеству и характеру составляющих их знаков — в наиболее полно выявленном донском письме применялось более 30 знаков (табл. VII), — эти письменности по типу, вероятно, сопоставимы с классическими древнетюркскими рунами, т.е. являют собою переходное состояние от правильного силлабического письма к собственно алфавитному. Возможно, что они принадлежат к одному из самостоятельных направлений той же, неведомой ныне линии развития изначально слоговых систем письма, которая характеризуется графическим противопоставлением согласных в зависимости от смежных гласных звуков.

Отмечаемая определенная разнородность палеографического материала позволяет предполагать неравномерность возникновения евроазиатских рунических алфавитов от некой первоосновы. При выделении этой группы письменностей (гл. I, разд. 5) уже отмечалась возможность ее дополнительного расчленения по составу весьма употребимых знаков на две подгруппы: западную (донское и кубанское письмо) и восточную (ачикташское, исфаринское и южноенисейское письмо). С другой стороны, говоря об общем сходстве этих пяти алфавитов, можно, по-видимому, признать близость восточных письмен не столько к донскому, сколько к кубанскому алфавиту (см. табл. XXI, № 28, 30, 36—39). Возможно, ачикташский, кубанский, может быть, исфаринский алфавиты, как и часть южноенисейских надписей, представляют ветви некогда единого ствола такого палеографического развития. В донском алфавите и части южноенисейских знаков (№ 11—15) угадывается иной отросток общего корня. Следовательно, вероятно поэтапное изменение той алфавитной первоосновы, о которой идет речь, формирование на ее базе вначале своеобразных подоснов и уже затем их расчленение на указанные алфавиты. Ныне в этом еще много неясного — область источниковедческой работы здесь только намечается.

Близость орхонского и енисейского алфавитов общепризнанна. Бóльшая часть их общей основы ясна из табл. XXIII (№ 30, 32, 34—52, 55—66). Возможность предполагать параллельное сложение и сосуществование обеих азбук была показана выше. В развитии орхонского письма выделяются две стадии. Старшая орхонская письменность присуща памятникам Второго Восточнотюркского каганата VIII в. и, судя по таким восточнотуркестанским рукописям, как Ïrq bitig и фрагменты из Дуньхуана, продолжала существовать (вне сферы письма на камне?) еще и позднее середины IX в. Младшее орхонское письмо сложилось уже к шестидесятым годам VIII в. под определенным воздействием форм енисейского алфавита (табл. XXIII, № 29, 33, 68 и, возможно, 67; XXV). Младшая

письменность характерна для памятников Уйгурского каганата, позднее ее особенности отмечаются в некоторых восточнотуркестанских рукописях[50].

Все до сих пор сказанное о составе знаков каждой из степных руни́ческих письменностей является нашей попыткой установить эти буквенные наборы и проследить происходившие в них изменения. Но в отношении орхонского алфавита существует уникальная возможность взглянуть на состав письменных знаков глазами его современника (рис. 10. 11). Она значительно расширяет наше восприятие. Изложенные в предыдущей главе наблюдения над особенностями строя орхонского алфавита порождают качественно новый взгляд на раннюю историю и происхождение орхонского и енисейского рунического письма. Он по сути своей отвергает все до сих пор предпринимавшиеся попытки возведения азиатских рун к тем или иным известным письменностям, основанные на поисках внешнего сходства знаков (от гипотезы рисуночно-тамговых истоков до сопоставления с согдийским курсивом или любым производным арамейского ствола). В основу сопоставительных изысканий ныне следует положить специфику внутреннего устроения письменности, намеченные в главе III этапы ее саморазвития.

Исходя из сказанного, здесь следует показать слабости только одного исследовательского мнения. В 1973 г. Э. Ховдхауген выдвинул гипотезу о тохарском варианте письма брахми как источнике древнетюркского рунического алфавита[51]. Поскольку о внешнем сходстве рунических знаков и письмен брахми говорить не приходится, поддерживающий эту идею В.В. Иванов допускает, что тюрки прежде всего усвоили сам принцип парного обозначения согласных в зависимости от сопутствующего гласного[52]. Думается, что это не так. В то время как в азиатском руническом письме мы видим сохранение черт длительного и постепенного внутреннего развития, в тохарском брахми отмечается лишь дополнение сложившейся древней схемы индийского письма огласовкой в виде двух точек, указывающей на согласный перед *ä*, особой буквой для *ä* и серией из 11 знаков, обозначавших мягкие согласные перед тем же *ä* или без него (например, в конце слова)[53]. Такая картина может быть сопоставлена лишь с той стадией в развитии рунического письма, когда большинство его согласных образовывали пары (типа b(a) — b(ä), d(a) — d(ä), γ(a) — g(ä) и т.п.). Но к этой стадии изучаемая письменность пришла самостоятельно от состояния с многочленными рядами (типа ta — tä — tï или qa — kä — qo(u) — kö(ü) — qï). Все это (на фоне иных серьезных расхождений в системе обозначения звуков: слогового характера знаков, разнообразия записи гласных, применения лигатур и др., — свойственных брахми[54]) способно скорее привести к мысли о внешнем воздействии на брахми, воспринятом тохарами. Источником же влияния, по-видимому, явилось письмо с глубокой традицией различения согласных по их связи с разнорядными гласными. Развитие именно такой письменности и привело к формированию рунического письма. Будем учитывать и позднее,

практически одновременное орхонскому появление тохарской письменности, сформировавшейся на основе того варианта брахми, который бытовал в VII в.[55]. Можно полагать, что древнетюркское руническое письмо и тохарское брахми связывает один источник воздействия: древние тюрки применили к своему письменному языку целиком ту неведомую письменность, под влиянием системы построения которой сложились характерные особенности тохарского брахми. Сегодня нет данных для определения создателей и носителей проторунического письма, неизвестны и сами памятники этой письменности, но ее былое существование подтверждают ее производные — азиатские рунические письмена. Палеографический их анализ ясно указывает, что существовал не один этап приспособления руноподобного письма к тюркской речи. Следует по крайней мере выделять доорхонскую (верхнеенисейскую) и орхонскую стадии. Вероятно, на основе верхнеенисейских или близких и одновременных им форм раннего тюркского письма сложилась енисейская письменность. Архаичные особенности как енисейского, так и верхнеенисейского письма, распространенных среди средневековых хакасов и аборигенного населения Тувы (по крайней мере чиков), служат косвенными свидетельствами того, что тюркоязычный мир использовал руническое письмо и ранее VIII в.

Возвращаясь к основным этапам, пройденным собственно орхонским письмом начиная с VIII в., остается отметить, что формально, в силу своих палеографических особенностей — т.е. заметному привнесению в алфавит знаков енисейского облика — именно младшее орхонское письмо можно было бы именовать орхоно-енисейской письменностью. Однако это название лучше оставить за надписями, в которых, из-за их краткости, употреблены лишь общие для обоих алфавитов знаки, не позволяющие сделать более точного определения. Быть может, так следует именовать и тот алфавит-основу, который был предтечей обеих письменностей.

Расширение сферы влияния енисейского алфавита, отмечаемое с середины VIII в. и особенно активное в IX—X вв., привело к локальным включениям в него некоторых знаков вытесняемых им рунических письменностей Сибири и Центральной Азии. Возникшие таким образом отличия позволяют выделить наравне с собственно енисейским письмом (Е) два одновременных его варианта. Алтайский (ЕА) более всего отличим по регулярному применению орхонского m (табл. XXIII, № 33, слева). Этот признак встречается как на Алтае, так и в Монголии. На Горном Алтае характерно также использование знака-«трезубца» (табл. XXIV, № 34), некоторых букв своеобразного начертания (№ 7, 38, 40) и спорадическое употребление таласских (№ 47) и южноенисейских знаков (№ 43, 48—51). Тувинский вариант енисейской письменности (ЕТ) представлен рядом надписей, в которых применяются знаки архаичного верхнеенисейского письма (табл. XXVI).

Енисейская письменность распространилась на огромную территорию Южной Сибири, Центральной и степной части Средней

Азии. Это и наиболее длительно существовавшее руническое письмо, о котором мы знаем сегодня. Отмеченный среди его надписей явный монголизм bičig (Е 37/2, рис. 28) указывает на продолжение использования енисейского алфавита и в XIII—XV вв.[56]. Поздний этап бытования этого письма представляет и одна из наскальных строк Хая-Бажи (Е 24/10). Енисейские надписи монгольского времени отличает и новая орфография, требовавшая полного обозначения на письме гласных (пока не ясно, насколько эти правила, порожденные манихейской книжной грамотностью, были обязательны в отношении широких негубных гласных)[57].

Можно полагать, что формирование таласского алфавита происходило в условиях, близких к образованию отмеченных локальных вариантов енисейского письма. Отсутствие в таласском письме сколько-нибудь ощутимых связей с орхонским не менее показательно, чем явное воздействие на него енисейской письменности, приведшее не только к распространению весьма характерных знаков (табл. XXIII, № 48, 49, 51, 68), но и к сложению своеобразных букв, соединивших местные и привнесенные особенности (№ 53, справа). Вместе с тем восприятие изложенной схемы требует определенной настороженности. В палеографическом отношении таласская письменность остается наименее изученной. В соответствующем разделе нами приведены косвенные свидетельства возможного вхождения в ареал этого письма территорий Алтая и Тувы, что указывает на значительную сложность процесса формирования таласской письменности.

Происхождение самобытных знаков орхонского, енисейского и таласского алфавитов требует выяснения, в основу которого помимо прочего следует, по-видимому, положить и осознание того, что формировавшие и усваивающие эти азбуки общества не были полностью бесписьменными и в новых для себя алфавитах могли до определенной степени отразить различные черты «субстратных» письменностей.

Таким образом, даже при решении вопроса о происхождении только классических азиатских рунических письменностей поиски следует вести не в направлении обнаружения единого прототипа якобы единой системы. Предстоит выявить те различные алфавиты, которые послужили основой создания нескольких самостоятельных письменностей. Свидетельством былого существования таких предшествовавших орхонским и енисейским письменам письменностей служит выделение южноенисейского алфавита евроазиатской группы и обнаружение следов верхнеенисейского письма.

Новый подход к проблеме происхождения степных рунических письменностей не отвергает основных результатов предыдущих исследований. Нетрудно заметить, что в общей форме основной вывод, к которому мы приходим, внешне сходен с высказанным А.М. Щербаком, развивавшим положения Ю. Немета и С.Е. Малова: «Руническое письмо у тюрок возникло в Средней Азии в результате преобразования какого-то другого алфавита и распространилось оттуда в двух противоположных направлениях: на восток и на

запад»[58]. Однако наше исследование наполняет эту гипотезу иным содержанием. В Средней Азии возникла только та руническая письменность, на основе которой, видоизменяясь, сложились распространившиеся на восток и на запад донской и кубанский, ачикташский, исфаринский и южноенисейский алфавиты, составляющие евроазиатскую группу тюркоязычной руники. Они не имеют прямых общих основ с письменностями задунайской Южной Европы. Вторым центром сложения рунического тюркоязычного письма была Южная Сибирь и Центральная Азия. Основой здесь также послужил некий алфавит Средней Азии, возможно, бытовавший и в Восточном Туркестане. Но на его базе была создана другая письменность. Условия ее появления и видоизменения в орхонское и енисейское письмо еще предстоит выяснить. Ныне же ясно, что наибольшее территориальное распространение азиатской рунической письменности, как и формирование ее таласского алфавита, здесь связано с распространением енисейского письма.

Исследование проблемы происхождения степных рунических письменностей и их распространения должно учитывать не только выявленную множественность составляющих их алфавитов и показанное палеографическое взаимоотношение этих письмен. Существенным новым обстоятельством является относительная одновременность большинства письменных памятников (как доно-кубанских, ачикташских, исфаринских и южноенисейских, так и орхоно-енисейских) в рамках VIII—X вв. Лишь в отношении ачикташских и исфаринских надписей есть основания для отнесения их образцов к концу VII в., и только таласское письмо сложилось в IX—X вв.

[1] *Кляшторный С.Г.* Древнетюркская цивилизация: диахронические связи и синхронические аспекты. — СТ. 1987, № 3, с. 60.

[2] *Энгельс Ф.* К истории древних германцев. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19, с. 479. Ср. также: *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Там же. Т. 21, с. 141.

[3] *Макаев Э.А.* Язык древнейших рунических надписей. М., 1965, с. 11.

[4] *Гуревич А.Я.* Находки новых рунических надписей в Норвегии. — Вопросы истории. 1965, № 1; *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи. М., 1977, с. 13, 45, 46.

[5] О существовании этого письма, но по назначению в гораздо более узких рамках, вплоть до XVIII в. см., например: *Арапова Т.Б., Кузьменко Ю.К.* Трость с руническим календарем в собрании Государственного Эрмитажа. — *Арапова Т.Б.* Китайские расписные эмали. М., 1988.

[6] *Кузнецов В.А.* Надписи Хумаринского городища. — СА. 1963, № 1, с. 299.

[7] *Биджиев Х.Х.* Хумаринское городище. Черкесск, 1983, с. 82, 84, 92, рис. 50.

[8] *Малов С.Е.* Таласские эпиграфические памятники. — Материалы Узкомстариса. М.—Л., 1936, с. 29.

[9] *Оськин А.В.* Новые находки петроглифов в Кызылкумах. — Полевые исследования Института этнографии. 1976. М., 1978, с. 173.

[10] *Бернштам А.Н.* Древнетюркские рунические надписи из Ферганы. — ЭВ. 1956, 11, с. 56, рис. 2; *Булатова В.А.* Руническая надпись на хуме из Ферганы. — Общественные науки в Узбекистане. 1965, № 8, с. 62.

[11] *Бернштам А.Н.* Древнетюркские рунические надписи, с. 57; *Давидович Е.А., Литвинский Б.А.* Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955, с. 121.

[12] *Бернштам А.Н.* Древнетюркские рунические надписи, рис. 3.

[13] *Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983, с. 9—11.

[14] Например, енисейская, судя по первому знаку, надпись на зеркале, найденном в долине р. Илек в Актюбинской обл.: *Аманжолов А.С.* Қола айнадағы қолтаңба. — Білім және Еңбек. А.-А. 1986, № 2. Зеркало выставлено в экспозиции Музея истории Казахстана в г. Алма-Ата.

[15] *Васильев Д.Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. М., 1983, с. 45.

[16] Например: *Мухтаров А.М.* Эпиграфические памятники Кухистана (XI—XIX вв.). Душ., 1979, с. 6.

[17] *Кызласов И.Л.* О профессиональных писцах-каменотесах Древнехакасского государства. — Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1992, ч. 2: Е 19, Е 27, Е 31.

[18] См. также: *Васильев Д.Д.* Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири. — ТС. 1975. М., 1978, фото 3, с. 96.

[19] *Проскуряков П.С.* Июсские пещеры. — ИВСОРГО. 1889, т. 20, № 2, с. 33, 34; Inscriptions de l'Iénissei recueillies et publiées par la Société Finlandaise d'Archeologie. Helsingfors, 1889, с. 16, XXXI; *Appelgren-Kivalo H.* Alt-altaische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, с. 34.

[20] *Проскуряков П.С.* Отчет о предварительном исследовании июсских пещер. — ИВСОРГО. 1890, т. 21, № 4, с. 22, 24.

[21] *Адрианов А.В.* Отчет по обследованию писаниц Минусинского края. — Известия Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии. 1910, № 10, с. 44, 45, рис. 1 и 4.

[22] *Хороших П.П.* Пещеры бассейна р. Чулыма. — Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978, с. 81, 82, рис. 2.

[23] *Radloff W.* Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. 3. St-Pbg., 1895, с. 344; *Orkun H.N.* Eski Türk yazıtları. 3. İstanbul, 1940, с. 189, 190 (факсимиле: Ankara, 1987, с. 599, 600); *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, с. 67, 68; *Батманов И.А.* Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959, с. 162, 163; *Васильев Д.Д.* Корпус, с. 28, 66.

[24] *Thomsen V.* Dr. M.A. Stein's Manuscripts in Turkish «Runic» Script from Miran and Tun-huang. — JRAS. 1912, January, tabl. III, *b*; *Orkun H.N.* Eski türk yazıtları. 2, 1938, с. 100 (1987, с. 292); *Sertkaya O.F.* Fragmente in alttürkischen Runenschrift aus den Turfan-Funden. — Runen, Tamgas und Graffiti aus Asien und Osteuropa. Wiesbaden, 1985, Abb.4(стк. 5), ср.; Abb. 6 (стк. 4).

[25] *Севастьянова Э.А.* Работы в Хакасии. — АО. 1983. М., 1985, с. 240.

[26] Ср. заключения эпиграфистов-русистов о том, что «писцы нередко носили орудие письма с собою» (*Тихомиров М.Н.* Грамоты и надписи. — *Арциховский А.В., Тихомиров М.Н.* Новгородские грамоты на бересте. Раскопки 1951 г. М., 1953, с. 14).

[27] *Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. М., 1969, с. 99. Табл. III,*8*; *он же.* Курганы тюхтятской культуры в Туве. По материалам раскопок 1915—1929 гг. — СА. 1983, № 3, с. 153, 165, рис. 1,*3*.

[28] *Кызласов Л.Р.* История Тувы, с. 127.

[29] *Ramstedt G.J., Ganõ J.G., Aalto P.* Materialien zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei. — JSFO. Helsinki, 1958, № 60, с. 62—76.

[30] *Rintchen.* Les dessins pictographiques et les inscriptions sur les rochers et sur les steles en Mongolie. Ulaanbaatar, 1968, с. 35, 36.

[31] *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, с. 47.

[32] *Кляшторный С.Г.* Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах. К интерпретации Ихе-Ханын-норской надписи. — ТС. 1974. М., 1978, рис. 2, 3.

[33] *Кляшторный С.Г.* Наскальные рунические надписи Монголии. — ТС. 1975. М., 1978, с. 156.

[34] *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, с. 46; *Васильев Д.Д.* Графические особенности памятников Хойто-Тамира. — Вопросы восточной литературоведения и текстологии. М., 1975, табл. 1.

[35] *Clauson G.* The Origin of the Turkish «Runic» Alphabet. — Acta Orientalia. Copenhagen, 1970, 32, с. 62; *Габен А.* Культура письма и печатания у древних тюрков. — Зарубежная тюркология. М., 1986, вып. 1, с. 170, 171. Мы учитываем пять фрагментов, которые издал О.Ф. Серткая: *Sertkaya O.F.* Fragmente.

[36] Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. XXXIII—XXXVI; *Васильев Д.Д.* Графический фонд, с. 37, 38. О.Ф. Серткая учитывает 50 рунических рукописных памятников: *Sertkaya O.F.* Fragmente, с. 133, 134; *он же.* Kaĕıda yazılı Göktürk metinleri. — III Sovyet-Türk Kollokyumu. 8—15. Haziran 1990, Alma-Ata. İstanbul, 1990, с. 4—7.

[37] *Макаев Э.А.* Язык древнейших рунических надписей, с. 2; *Фридрих И.* История письма. М., 1979, рис. 233.

[38] *Истрин В.А.* Возникновение и развитие письма. М., 1965, с. 380, рис. 111.

[39] *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи, с. 12.

[40] *Истрин В.А.* Возникновение и развитие письма, с. 382, 383; *Фридрих И.* История письма, с. 143, рис. 239, 240; *Королев А.А.* Древнейшие памятники ирландского языка. М., 1984, с. 4.

[41] *Тихомиров М.Н.* Грамоты и надписи, с. 13, 14; *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской. XI—XIV вв. Киев, 1966, с. 119—126, 137; *он же.* Киевские граффити XI—XVII вв. Киев, 1985, с. 112, 127; *Медынцева А.А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. XI—XIV вв. М., 1978, с. 180; *Жуковская Л.П.* Новгородские берестяные грамоты. М., 1959, с. 21, 22; *Тихомиров М.Н., Муравьев А.В.* Русская палеография. М., 1982, с. 19.

[42] *Thomsen V.* Dr. M.A. Stein's Manuscripts, Tabl. III, b; *Orkun H.N.* Eski türk yazıtları, 2. 1938, с. 100 (факсимиле: Ankara, 1987, с. 292).

[43] *Васильев Д.Д.* Графический фонд, гл. IV.

[44] Одну из первых историографий см.: *Попов Н.И.* О рунических письменах в Минусинском крае. — Известия Сибирского Отделения Русского Географического общества. 5. Иркутск, 1874, с. 53—58.

[45] См., например: *Tötterman A.* Entzifferungsversuch einiger Inschriften auf einer Felsenwand bei Suljek (Ostsibirien). Helsingfors, 1888; *он же.* Entzifferungsversuch einiger Inschriften auf einer Felswand im Kreise Minusinsk. — Öfversigt af Finska Vetenskaps Societetens Förhandlingar. Helsingfors, 1888, Bd. 31; *он же.* Studien über die Suljekfelsen-Inschriften. Helsingfors, 1889; *он же.* Fünf Suljekinschriften nach Ihren Texten festgestellt. Helsingfors, 1891.

[46] *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, с. 44—47; *Щербак А.М.* Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. — ТС. 1970. М., 1970, с. 133, 134; *Аманжолов А.С.* Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности. Автореф. докт. дис. А.-А., 1975, с. 53—57; *он же.* К генезису тюркских рун. — ВЯ. 1978, № 2, с. 79—82; *он же.* Тюркская руническая графика. 1. А.-А., 1980.

[47] *Кызласов Л.Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности. — СА. 1960, № 3; *он же.* О датировке памятников енисейской письменности. — СА. 1965, № 3; *Кормушин И.В.* К основным понятиям тюркской рунической палеографии. — СТ. 1975, № 2.

[48] *Clauson G.* The Origin; *Лившиц В.А.* О происхождении древнетюркской рунической письменности. — СТ. 1978. № 4.

[49] См. работы А. Тёттермана, указанные в примеч. 45, а также: *Donner O.* Die Felseninschrift bei Suljek. — Öfversigt af Finska Vetenskaps Societetens Förhandlingar. Helsingfors, 1888. Bd. 31; *Рыгдылон Э.Р.* К древнетюркским рунам Прибайкалья. — ЭВ. 1953, 8, с. 89, рис. 3, 4. Проделанная ныне конкретно-палеографическая работа лишает основания обобщенно-палеографические поиски в этом направлении, предпринятые А.С. Аманжоловым (см. примеч. 46).

[50] *Clauson G.* The Origin, table V.

[51] *Абдурахманов Г.* Конгресс тюркологов в Стамбуле. — СТ, 1974, № 1, с. 110.

[52] *Иванов В.В.* Тохары. — Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992, с. 29.

[53] *Краузе В.* Тохарский язык. — Тохарские языки. М., 1959, с. 51, примеч. 1, с. 52; *Иванов В.В.* Памятники тохароязычной письменности. — Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992, с. 226, 227, примеч. 8.

[54] *Иванов В.В.* Памятники, с. 226, 227; *Фридрих И.* История письма. М., 1979, с. 155, рис. 270.

[55] *Иванов В.В.* Памятники, с. 226.

[56] *Кызласов Л.Р.* Когда исчезла енисейская руническая письменность южносибирских тюрков. — Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1992, № 6.

[57] *Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.* Новый этап развития енисейской письменности. Конец XIII — начало XV вв. — РА. 1994, № 1.

[58] *Щербак А.М.* О рунической письменности в Юго-Восточной Европе. — СТ. 1971, № 4, с. 82. Вариантом этой гипотезы является мнение С.Г. Кляшторного о двухэтапном приспособлении согдийского алфавита к тюркской речи (*Кляшторный С.Г.* Древнетюркская цивилизация, с. 59).

Глава V

НАЧАЛА РУНИЧЕСКОЙ ТЕКСТОЛОГИИ

Процесс постижения рунического текста проходит несколько обязательных этапов. На каждом из них необходимо соблюдение ряда условий, без которых анализ не будет продуктивным. При осознании этих этапов следует исходить из одной основной посылки — каждый из них является серьезным источниковедческим исследованием и недоработки, если таковые допущены, переходят от одной стадии к другой, накапливаясь и, естественно, снижая значимость выводов.

Таковыми этапами являются: поиск письменных памятников; изучение оригинала и его фиксация; палеографическое определение; прочтение; анализ содержания и формы текста.

1. ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ОРИГИНАЛОВ

На первой стадии работы сложилась не вполне обычная ситуация. Рунология, являясь самостоятельной тюркологической дисциплиной, как и другие направления науки, должна иметь не только свой предмет изучения, но и характеризоваться целенаправленной деятельностью по выявлению и получению источников исследования. Однако, несмотря на старые традиции, заложенные экспедициями И.Р. Аспелина, А.О. Хейкеля и В.В. Радлова, целенаправленный и систематический поиск рунических памятников в современной отечественной тюркологии практически не ведется. Для этой полевой работы не отпускаются средства, не создаются кадры ученых. Автору известны лишь два исследователя, возложившие на себя этот труд — С.Г. Кляшторный и С.Я. Байчоров. Первый проводит экспедиционные поиски на территории Монголии, второй — в Карачаево-Черкесии.

Сложившееся положение имеет вполне понятную объективную причину. Общеизвестной особенностью памятников рунического письма является их фактическая принадлежность к объектам археологического исследования. Эти надписи обнаруживаются или при раскопках, или при рекогносцировке различных древностей — могильников, поселений, наскальных изображений. Значительная

роль в деле накопления рунических материалов принадлежит краеведам. Лишь уже известные памятники изучаются отдельными рунологами в музейных собраниях или на местах обнаружения. Недостатки подобного положения очевидны. Разрозненные усилия не могут в необходимой мере способствовать накоплению источниковедческой базы, что особенно актуально в условиях активного антропогенного воздействия на разбросанные в природной среде рунические письменные памятники. Закономерности их расположения на местности не проанализированы, ибо никем не обобщались. Соответственно не установлены поисковые признаки эпиграфических источников.

Издержки другого порядка прямо касаются рунической текстологии. Они заключаются в недооценке или игнорировании первородных условий создания и существования письменного памятника при его прочтении. Можно привести немало примеров истолкования надписей, прежде всего камнеписных, которые по здравому рассуждению не могли бы возникнуть при учете естественного окружения текста или характера его нанесения. Описания рунических памятников в многочисленных публикациях обычно произведены в соответствии с привычными для языковедов археографическими схемами, разработанными для рукописных или печатных материалов и не учитывающими столь необходимого для анализа эпиграфического источника его естественного или рукотворного окружения.

Эти традиции архивных исследований, естественно, весьма сильно ощущаются в рунологии и на этапе изучения и фиксации оригиналов надписей. Между тем эпиграфический и более всего камнеписный материал весьма отличается по особенностям восприятия и воспроизведения от рукописей. Хотя эта специфика общепризнана, но практикумы молодых тюркологов все еще проходят лишь по изданиям, без ознакомления с оригиналами рунического письма. Встречая иссеченные природой и людьми древние надписи, каждый исследователь вынужден самостоятельно приобретать навыки выделения письменных знаков среди помех. Необходимый уровень квалификации достигается лишь годами постоянной работы с оригиналами.

Между тем в полевой археологии накоплен богатый опыт успешного решения названных проблем, характерных для первых двух ступеней рунологического источниковедения. Спланированная кооперация экспедиционных исследований могла бы способствовать как количественному росту базовых материалов, так и специальной подготовке эпиграфистов-тюркологов.

Процесс фиксации оригинала — серьезная источниковедческая процедура. В связи с названными особенностями восприятия эпиграфического оригинала в литературе распространено представление, что его фотографирование — главный способ избежать субъективных искажений источника. Думается, что это не так. Освещение камнеписного текста неизбежно подчеркивает одни его детали и скрывает другие; не относящиеся к надписи

повреждения поверхности часто приобретают обманчивый облик и воспринимаются как части письменных знаков. Нежелательные эффекты могут быть снижены серией фотоснимков, сделанных при подсветке с различных позиций. Однако памятники, размещенные на местности, нередко приходится снимать при естественном освещении. Многие надписи-граффити просто не могут быть сфотографированы без применения специальной аппаратуры. Все сказанное необходимо соотнести с недолговечностью фотоматериалов и реальной возможностью полной их утраты при технической обработке. Таким образом, приходится заключить, что фотографирование предоставляет не первоисточники для работы рунолога, а лишь дополнительные иллюстрации.

Всей необходимой информации о письменном памятнике не предоставляет и его эстампаж. Обычно оттиск надписи, хорошо проявляя общий характер поверхности памятника, скрадывает детали, указывающие на особенности нанесения самих повреждений, т.е. лишает главных критериев отчленения линий текста от черт и выбоин иного происхождения. Эта особенность эстампажа часто недооценивается исследователями, эпизодически обращающимися к изучению эпиграфических материалов. При издании эстампажей их к тому же обычно приходится перерисовывать или фотографировать.

Самый распространенный способ избежать указанных недостатков фотографирования и эстампирования — это последующая прорисовка полученных материалов. (Иной раз фотографии служат эпиграфистам источником для получения публикуемых прорисовок[1].) Но такая работа имеет смысл лишь при проведении ее непосредственно возле подлинника надписи и сличении с ним прориси. Ретуширование фотографий в полиграфических целях, не выдерживающее этих требований[2], не отвечает научным задачам.

Как видим, основные механические приемы фиксации эпиграфических материалов объективно требуют последующей субъективной доработки. Отсюда следует внешне парадоксальный вывод о преимуществах субъективных приемов копирования текстов перед доступными объективными методами. Такое положение между тем вполне закономерно, ибо преимущества человеческого глаза в восприятии столь сложных памятников бесспорны. Наиболее строгим в научном отношении методом фиксации рунических надписей представляется их натуральная прорисовка, передающая восприятие текста исследователем и освобождающая воспроизведение надписи от не связанных с письменностью деталей. Вполне совершенную прорисовку создает копирование надписи на наложенной на нее прозрачной пленке. Серия приемов позволяет при этом не наносить оригиналу ущерба. Процесс подготовки к такому копированию, связанный с постижением всех графических и технических особенностей текста, является самостоятельным и непременным условием источниковедческой работы и должен сопровождаться тщательными записями наблюдений. Думается, что такая авторская прорисовка текста, в наиболее полной мере отражающая

источниковедческий уровень исследователя по части изучения подлинников, является основой публикации рунического памятника. Именно ее следует сопровождать изданием фотоснимков и эстампажей, равно как и подробными описаниями[3].

Рост интереса к памятникам рунической письменности среди тюркологов и значимость наблюдений при изучении оригиналов требуют определенных условий доступности полученных первоисточников. Кроме организации музейной и полевой учебной, а также исследовательской практики необходимо создать единое государственное архивное хранилище натуральных прорисовок, эстампажей, фотографических и иных материалов, получаемых в ходе изучения оригиналов рунических памятников.

2. ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ

Выделение ряда самостоятельных рунических алфавитов выдвигает палеографическое определение рунических памятников в самостоятельную источниковедческую задачу. Региональный подход, главенствующий в тюркологической литературе[4], ныне может быть заменен более продуктивным членением материала по его алфавитной принадлежности. В соответствии с этим принципом следует проводить учет и кодификацию письменных памятников. В отношении надписей евроазиатской палеографической группы эта работа произведена нами и представлена в Приложении. Более трудоемкая процедура палеографического определения многочисленных памятников азиатской группы еще предстоит. Она заключается не только в создании новых перечней памятников, но и в изменении и дополнении имеющихся. Фактически с выделением южноенисейского алфавита и представляющих его надписей эта работа уже начата. Завершим ее здесь в отношении принятого в литературе списка рунических памятников бассейна Енисея[5].

Индексом Е следует обозначать лишь надписи, выполненные енисейским алфавитом. К этой палеографической категории не относятся памятники, получившие в изданиях обозначения Е 83 (сосуд), Е 87 (пряслице), Е 141, Е 142 (накладки лука), так как они выполнены южноенисейской письменностью (Ю 5, Ю 6, Ю 8, Ю 9 — Приложение). По той же причине обозначение Е 39 не следует относить к большинству надписей Сулекской писаницы (Ю 1—Ю 4), а следует оставить лишь за двумя строками енисейского письма (рис. 18; Приложение). Из разбираемого перечня необходимо исключить ошибочно внесенные туда объекты, не являющиеся письменными памятниками, — Е 86, Е 88, Е 89, Е 90, Е 99 и, вероятно, Е 105, Е 107 и Е 119. Дабы избежать путаницы, перечисленные индексы не следует переносить на иные памятники, они остаются как курьезный факт истории изучения енисейской письменности. Последующая задача пополнения перечня енисейских надписей, во-первых, требует учета вновь найденных памятников, во-вторых, — палеографического вычленения енисей-

ских надписей среди известных материалов за пределами бассейна Енисея — прежде всего на территории Монголии и Алтая. Завершение этой работы позволит очертить подлинный ареал енисейского письма. Выполнение этой задачи в рамках настоящего исследования нецелесообразно, ибо оно предполагает развернутую палеографическую характеристику каждого памятника. Столь же насущна проблема учета всех надписей, выполненных орхонской и таласской письменностями.

Палеографическое определение рунических надписей азиатской группы, как мы видели, приводит к выявлению памятников, отразивших процессы взаимовлияния разных систем письма. Несмотря на палеографическую смешанность, их следует относить к образцам того алфавита, который составляет основу надписей, но выделяя в отдельные подразделения и снабжая самостоятельными отметками. Так, например, внутри енисейских надписей следует выделять тексты единые в палеографическом смысле — собственно енисейские (Е), надписи с чертами автохтонного рунического письма Тувы (восточноенисейского) — тувинский вариант енисейской письменности (ЕТ) — или с пережитками орхонского алфавита, сохраненными на Алтае и в Монголии, — алтайский вариант енисейской письменности (ЕА). В соответствии с этим в изданном перечне памятники Е 2, Е 15, Е 16, Е 41, Е 42, Е 49, Е 56, Е 65 и Е 68 (табл. XXVI) должны получить соответствующие дополнительные пометки ЕТ 1—ЕТ 9. А памятник Эдегей I (рис. 5), при создании которого применены два южноенисейских знака, — ЕЮ 1.

Вполне понятно, что сказанное выше — лишь первоначальные подступы к тем проблемам, которые выявятся при строгом палеографическом взгляде на рунические материалы. Именно такой источниковедческий подход создает новые реальные возможности для получения важной исследовательской информации как в области рунической текстологии, так и в историко-культурных тюркологических исследованиях в целом.

3. ВОЗМОЖНОСТИ ПРОЧТЕНИЯ ТЕКСТОВ

Недостаточность наших представлений о языках раннего средневековья не является единственной сложностью при прочтении рунических надписей. Следует учитывать три основных препятствия различной природы. Первое подстерегает исследователя уже при начальном знакомстве с новонайденным письменным памятником и проистекает из общих особенностей эпиграфических материалов. Оно заключается в необходимости правильного отождествления поразному выполненных и сохранившихся резов с известными письменными знаками. Вторая сложность кроется в самой манере древних писцов далеко не во всех случаях обозначать гласные, что превращает рунические надписи, и более всего — краткие, по меткому определению С.Е. Малова, в ребусовидные. Объективным следствием этого положения являются различные прочтения одного

и того же отрывка текста или целой краткой надписи, предлагаемые одним или несколькими исследователями на разных этапах изучения рунических памятников. В значительной степени подобная разноголосица определяется третьим препятствием в постижении материалов — неясностью назначения, границ содержания, жанра того или иного текста. Выявление подобных группировок надписей заметно способствовало бы обоснованию прочтения конкретных памятников, определяя для них некоторые смысловые пределы. Данную ситуацию хорошо иллюстрируют эпитафийные енисейские надписи, совокупные знания о которых облегчают постижение новых подобных текстов.

Все сказанное относится к памятникам азиатской группы. Для рунических надписей, выполненных евроазиатскими алфавитами, характерна иная ситуация, требующая подробного рассмотрения.

У специалистов нет пока единого мнения даже о языковой принадлежности донских и кубанских текстов. С нашей точки зрения, ни одна из произведенных попыток чтения не выглядит убедительной. Достаточно привести варианты прочтения лишь одной надписи на сальской глиняной фляге (Д 7), предложенные в разное время тюркологами: «Важный посланник ант (по имени) Уму Ачыг Анту, проживающий у двустенного (второго) города (Саркела?)»; «(Это) есть дешевое, мягкое, плохое серебро»; «Элчи и (также) Ата-ач и (также) Бука — трое (их)». Существуют еще «переводы» этой надписи с древнерусского и касожского[6]. Надписи Маяцкого городища Д 1—Д 5 трактовались и как тюркоязычные, и как ирано-, и, частично, как семитоязычные тексты (см. Приложение). При этом тюркологи читали их справа налево, а иранисты слева направо. Следовательно, прежде всего следует определить направление письма памятников евроазиатской группы (см. Прилож ие).

Донские памятники. Расположение знаков Д 6 по отношению к соседним рисункам конских фигур убеждает, что строки писались справа налево и, возможно, сверху вниз и поэтому должны читаться в этом же направлении. Знаки обеих строк памятника Д 13 размещены не строго горизонтально; правые руны располагаются выше, а левые — ниже основной оси текста. Видимо, буквы наносились справа налево. Об этом же, очевидно, свидетельствует и более свободное размещение знаков правой части, выписанных к тому же крупнее и шире остальных. Третьим подтверждением предполагаемого направления письма служат следы надписи у левого края камня, указывающие, что обе строки достигали его, а вторая даже загибалась вдоль грани вниз. Ясна и последовательность начертания строк, так как нижняя повторила конфигурацию верхней. Правые знаки крупнее последующих и в надписи Д 14. Возможно, на написание этой строки справа налево указывает то, что текст не доходит до левой грани камня 13 см, до правого конца — 9 см. Кроме материалов Маяцкой крепости о порядке нанесения знаков донского письма справа налево определенно свидетельствует расположение букв на фрагменте «а» черепа из кургана Кермен-Толга (Д 9).

Кубанское письмо. Размещение текста К 1 на ручке седьярского кувшина в две строки помогает понять порядок его нанесения и прочтения. Вторая строка значительно короче первой и занимает лишь правую часть отведенного для нее поля. Следовательно, она завершает надпись и писалась справа налево. Ясно, что орнаментальная фигура, выгравированная в правом конце первой строки, обозначает начало текста. Хорошо заметны признаки написания справа налево и строки на амфоре из Маяков (К 9): в этом направлении сходят на нет отводы штрихов буквенных знаков. Примечательная особенность текста — завершение его словоразделительным знаком позволяет определить направление написания и прочтения справа налево и билярской надписи К 11, ибо она также кончается слева подобным словоразделителем.

Ачикташские памятники. Направление письма тозбулакской надписи (А 2) определяется по взаиморасположению букв и близлежащих наскальных рисунков. Очевидно, что рука, наносившая текст справа налево, встретила уже имевшиеся на камне фигуры и обошла одну из них, разместив два знака ниже основной строки.

Южноенисейские памятники. Наскальная надпись Сулек III (Ю 1) и соседнее изображение верблюда не перекрывают друг друга, однако левый крайний знак текста и линия заднего горба фигуры животного практически соприкасаются. Свободное размещение рисунка позволяет полагать, что строка достигла уже имевшегося ко времени ее написания изображения и нанесена справа налево. Весьма характерно и взаимоотношение петроглифов и надписи Сулек V (Ю 3). Три левых знака текста явно следуют за линией, воспроизводящей спину и задний горб верблюда. Думается, что и предыдущие буквы перекрывают фигуру левого верблюда — писавший не сразу изменил направление строки. Таким образом, надпись была нанесена на скалу позднее изображений и вырезана в направлении справа налево. К подобным выводам приводят и наблюдения над расположением надписи Сулек VI (Ю 4). Пять букв ее правого края значительно выше остальных знаков, размеры которых определенно зависят от величины просвета между краем скальной плоскости и уже имевшимися ко времени написания изображениями животных. Надпись Озерная II (Ю 10) размещена левее выбитых рядом рисунков. Особенности создающих ее глубоких резов также свидетельствуют, что она начертана справа налево. Размещение знаков надписи Эдегей III (Ю 13) в зеркальном повороте к обычному положению возможно связать с тем, что этот текст писался слева направо. Вертикальные черточки, размещенные у левого края строк Чинге (Ю 14) и Эдегей VI (Ю 17), могут быть сопоставлены со словоразделительными знаками К 9 и К 11, завершавшими надписи. В этом случае они служат показателем написания букв справа налево. В этом же направлении вырезана надпись Эдегей IV (Ю 15). По-видимому, справа налево нанесен и текст Эдегей V (Ю 16): заметно, что у ряда его знаков левый штрих резался раньше правого, даже если был отводком (руны 10, 13, 19, 20).

Приведенные материалы позволяют заключить, что для памятников каждого из алфавитов, составляющих евроазиатскую группу, обычным было письмо справа налево. В этом направлении, без сомнения, и следует читать эти рунические надписи. Сказанное не исключает конкретных случаев обратного размещения текстов (скажем, Ю 13), однако они выглядят отклонением от общего правила.

Как отмечалось, в литературе преобладают представления о тюркоязычности рунических надписей евроазиатской группы. В начале второго раздела первой главы приведены основания, которые, надо признать, действительно создают благоприятную возможность для подобного гипотетического определения доно-кубанских текстов. Однако есть данные, позволяющие допустить и ираноязычность некоторых из этих надписей. Так, известные археологические материалы указывают, что для населения Маяцкого городища, как и примыкающего к нему поселения, был характерен обряд погребения в грунтовых катакомбах, издавна связываемый в науке с аланами[7]. Подобное этнокультурное определение подтверждается и анализом плана Маяцкого замка[8]. Условия расположения надписей на Маяцком городище породили предположение о их нанесении как на еще не уложенные в кладку блоки и уже стоявшие крепостные стены, так и на камни руин. Это позволяет полагать, что носителями письменности были не только жители самой крепости, но и близлежащих селищ[9].

Тюркоязычное население в районах распространения ачикташского и исфаринского письма, несомненно, сосуществовало с носителями иранских языков. Лингвистическая ситуация, подобная наблюдаемой в раннесредневековой Юго-Восточной Европе и Средней Азии, не была известна в Южной Сибири, где имел распространение южноенисейский алфавит. Естественно, работая с сибирскими памятниками, также нельзя не учитывать вероятность употребления одного алфавита для записи речи различных языков и даже семей языков. Яркое подтверждение тому — известные фрагменты среднеперсидских текстов из Турфана, написанных орхонскими рунами (Т.М. 330 и Т.М. 399). По справедливому замечанию Л.Р. Кызласова, историки Южной Сибири и Центральной Азии не могут быть только тюркологами[10]. Нельзя, скажем, полностью исключить возможность встретить среди рунических надписей южносамодийские по языку тексты[11].

Итак, нет общих оснований для отрицания возможной разноязычности конкретных рунических надписей евроазиатской группы.

Во всех рассмотренных случаях причина подобного явления видится в том, что разноэтничное население было объединено в рамках одной, для каждого района своей государственной системы и речь должна идти о применении официальной государственной письменности (см. гл. VI). Согласно письменным свидетельствам, в рассматриваемое время на интересующих нас землях существовали различные тюркские государства. Алфавиты евроазиатской

рунической группы, наиболее вероятно, применялись в этих условиях для придания письменной формы именно тюркоязычной речи. Это предположение кроме конкретных оснований из области политической истории всякого района распространения евроазиатских алфавитов проистекает и из установленного общего их ареала (рис. 8). В раннем средневековье лишь тюркская речь объединяла жителей бассейнов Дона и Кубани, Нижней и Верхней Сырдарьи и Таласа, Верхнего и Среднего Енисея.

Однако убедительность этому правдоподобному предположению может придать только одно — выявление фонетических значений рунических знаков, позволяющих без сомнения воспринимать тексты как связную тюркскую речь. Слабость толкований, предложенных в этой важнейшей области, отмечена опытнейшими исследователями европейской руники — Ю. Неметом и А.М. Щербаком. По отношению к части надписей, исключающей надьсентмиклошские и маякинские тексты, к этому же выводу пришли С.Г. Кляшторный и И. Вашари[12]. Рассмотрим, каким образом определялись фонетические соответствия руническим знакам, ныне объединенным в алфавиты евроазиатской группы. Наиболее полные примеры предоставляет история изучения памятников Восточной Европы.

На первом этапе доно-кубанские знаки сопоставляли с формами букв енисейского и орхонского письма, часто принимая их за единую основу. Звуковое значение орхоно-енисейских знаков пытались использовать П.М. Мелиоранский, изучавший седьярский текст (К 1), и А.Н. Бернштам, работавший над чтением сальской надписи (Д 7). На этой основе предлагались прочтения всех хумаринских текстов (К 3—К 8) С.Я. Байчоровым, а М.А. Хабичевым, с рядом привнесений, — памятника К 6[13]. Показанная во втором разделе первой главы графическая самостоятельность доно-кубанской письменности лишает подобный подход к выявлению фонетического значения составляющих эти надписи знаков обоснованности. Число подобных букв в орхоно-енисейских и доно-кубанских алфавитах невелико и генетическая их близость весьма сомнительна.

А.М. Щербак, рассматривая в 1954 г. памятники Д 1—Д 8 на общем фоне тюркоязычных рунических надписей, пришел к верному наблюдению: «В районе Дона, от Новочеркасска до Воронежа на разнообразных предметах прослеживается существование особых рунических написаний, ранее не встречавшихся ни на Орхоне, ни на Таласе, ни в других местах». Отсюда следовал закономерный вывод, сделанный в самом начале статьи: «... принимая во внимание оригинальность письма, мы вправе заключить, что попытка истолковать надписи сведением к известным руническим алфавитам — древнетюркским (орхонскому, енисейскому, таласскому), скандинавскому, печенежскому или венгерскому — обречена на неудачу»[14]. Однако стремление прочесть новые надписи и предположение об их тюркоязычности все же побудили исследователя «... исходить в разборе их из рунических начертаний,

известных тюркским народам» и привели к истолкованию их знаков на основе и венгерского (одна руна — см. табл. X, № 16), и «печенежского» (четыре руны — № 9, 27, 28, 32), и орхонского (одна руна, близкая к № 34), и «орхоно-енисейского» (четыре руны — № 1, 3, 17, 34) алфавитов. При этом главенствующую роль получали значения «печенежских» рун (несмотря на признание, что в целом они «далеко не совпадают с нашими»). Таблица знаков в статье составлена так, что донские руны сравниваются с «печенежскими» по облику, а с орхоно-енисейскими — по полученному таким образом звучанию[15]. Поскольку метод А.М. Щербака противоречил его же начальным посылкам, исследователя закономерно постигла им же самим предреченная неудача.

С.Г. Кляшторный, предложивший прочтение надписи из Маяков (К 9), пошел путем, вдвойне опасным для источниковеда. Если назначение вертикальных двоеточий (табл. X, № 10) исследователь определяет по орхоно-енисейским текстам, то среди остальных рун надписи, по его мнению, «нет знаков... специфических для других донецких рунических граффити и отличающих эти последние от сентмиклошской руники». Однако выясняется, что эти «неотличимые» «8 графем представляют либо эволюционно преобразованные (3 знака), либо незначительно модифицированные (2 знака), либо не подвергшиеся изменениям (3 знака) варианты» надьсентмиклошских букв. Курсивность знаков надписи видится С.Г. Кляшторному единственной причиной почти полного видоизменения облика тех рун, с которыми он сопоставляет буквы на черепке сосуда. Приведенная в статье сравнительная таблица убеждает, что избранным способом указанных палеографических препятствий не преодолеть[16]. Ныне, с выделением кубанского и тисского алфавитов, появляются качественно иные возможности для сравнения рунических надписей Европы (табл. XII). Становится ясно, что перед нами различные графические системы. Фонетические соответствия составляющих их знаков еще предстоит определить. Но даже признание имеющихся отождествлений надьсентмиклошских рун не дает оснований для переноса звукового содержания некоторых из них на отдельные кубанские знаки.

Различие алфавитов азиатских и европейских рунических памятников было признано С.Я. Байчоровым. Признавая взаимодействие этих письменных систем, исследователь указал на необоснованность попыток прочтения западных надписей путем сопоставления их знаков с восточными рунами[17]. Исходя из этого, С.Я. Байчоров предпринял оправданную попытку дешифровки европейских надписей путем анализа их внутренних особенностей. Базой его построений послужили наблюдения над частотой употребления тех или иных букв и многообразие их форм и разновидностей, во многом истолкованное лигатурным соединением знаков. Последнее положение исследования весьма уязвимо. Во-первых, само бытование лигатур в «классическом» орхоно-енисейском руническом письме, издавна и поныне допускаемое в

отдельных случаях рядом тюркологов, не имеет никаких обоснований. Существование же подобной практики в поздних венгерских секельских резах, на которое опирается исследователь, не является прямой и убедительной аналогией раннесредневековым тюркоязычным текстам. Во-вторых, к сожалению, многие элементы букв, представленные на прорисовках С.Я. Байчорова, не могут быть приняты. На деле они не являются частями письменных знаков, а имеют иную природу. Это заключение возникает уже из общего знакомства с обликом представленных исследователем надписей, явно перегруженных дополнительными элементами не только прямолинейных, но и мягких извилистых очертаний, обычно чуждых эпиграфическим материалам. Вывод подтверждается и личным опытом автора этих строк, изучавшего оригиналы ряда памятников, рассматриваемых в работе С.Я. Байчорова. Идея о генетической связи письменных памятников Европы от бассейна Кубани до бассейна Дуная, не подтвержденная, однако, ни палеографическими, ни историческими данными, позволила С.Я. Байчорову подойти к их дешифровке как к разбору эпиграфически единого массива, объясняя различия в наборе букв несхожестью бытовавших диалектов[18]. Тем самым фактически были перенесены на западный материал справедливо отвергнутые самим исследователем источниковедческие подходы к сравнительному изучению европейских и азиатских рунических памятников.

Неутешительный вывод о невозможности прямого соотнесения фонетических значений знаков азиатских алфавитов и тисского письма с евроазиатскими руническими письменами с неизбежностью вытекает из произведенной нами сравнительно-палеографической работы. Все сложности и неудачи в деле прочтения надписей евроазиатской группы, наблюдаемые в специальной литературе, объясняются недооценкой различий их алфавитных основ и известных рунических письменных систем. Евроазиатский тип рунической письменности следует признать недешифрированным.

В нынешних условиях, когда нам неизвестен прототип евроазиатских алфавитов и, следовательно, нет возможности учесть фонетические значения знаков этого письма-основы, наиболее надежные вехи на пути к прочтению надписей евроазиатской группы представляет следующая ситуация. На территории Семиречья, Южной Сибири и, по-видимому, Центральной Азии обе системы рунического письма — евроазиатская и азиатская — некоторое время сосуществовали. В предыдущих главах показаны конкретные примеры взаимовлияния — точнее, вероятно, взаимопроникновения — алфавитов того или иного типа. Именно енисейские, орхонские и таласские надписи такого рода позволят выявить фонетическое значение примененных в них отдельных евроазиатских знаков, прежде всего относящихся к южноенисейскому и ачикташскому письму. В значительной мере эта работа еще впереди, ибо связана с критическим анализом имеющихся прочтений этих смешанных в палеографическом смысле текстов, что

зачастую невозможно выполнить без изучения оригиналов. Однако некоторые соответствия могут быть предложены — естественно, предварительно — уже сейчас.

Архаичный знак верхнеенисейского алфавита, употребленный в орхонской надписи Тоньюкука (стк. 8) и некоторых енисейских надписях (табл. XXVI, *8*), во всем подобен одной из общих для евроазиатских алфавитов букв (табл. XXI, № 39, XXIII, № 27). Его звуковое значение, определенное в гл. III (разд. 3), — š при широком негубном гласном. В одной из енисейских надписей (Е 68) этому знаку кроме курсивных вариантов написания, встреченных в других текстах, соответствует буква-ромб (табл. XXXI, № 1; ср. табл. XXI, № 7, XXII, № 28 и XXIII, № 27, 28).

Второй знак — ачикташская буква (табл. XXIII, № 53), встреченная в нескольких таласских надписях на валунах (прежде всего на так называемых «пятом» и «двенадцатом», но, возможно, и на «втором»). Вслед за Ю. Неметом она транслитерируется исследователями как твердорядное γ[19]. Весьма примечательно, что во всех этих надписях евроазиатский по облику знак употреблен параллельно с характерной таласской руной для γ (табл. XXIII, № 53, справа). Эта особенность, пожалуй, требует еще и еще раз вернуться к проверке предложенных в литературе прочтений, тем более необходимой, что текст «двенадцатого» памятника остается пока не разобранным и основное значение имеет единственное место в «пятой» надписи. Вместе с тем возможность передачи этим знаком именно звука γ ныне подкрепляется для нас вероятным сравнительно-типологическим построением, представленным в табл XVII, В.

Все иные возможные сегодня сопоставления представляются менее обоснованными. Здесь прежде всего следует сказать о знаке № 3 на табл. XXIII. Его значение (i)č или č — как в твердом, так и в мягком ряду — вполне ясно проступает в показанных в разд. 1 гл. II случаях употребления в орхонских и некоторых енисейских надписях. Оно может быть дополнительно проверено при необходимом специальном анализе ряда горноалтайских текстов (табл. XXIV, № 34) и енисейской наскальной строки Мугур-Саргол II (Е 140). Однако до сих пор подобный знак неизвестен для южноенисейского алфавита и, следовательно, не может прямо сопоставляться по значению с донскими и кубанскими буквами подобного облика.

В сходном положении находится и таласский знак № 75 (табл. XXIII), который, судя по многочисленным случаям употребления[20], передавал s^1, а также, возможно, и $š^1$ [21]. Сопоставлению его с донской и кубанской буквами № 7 (табл. XXIII) мешают не только некоторые внешние несоответствия, но и отсутствие данных, позволяющих предполагать его вхождение в общую евроазиатскую основу, поскольку он не встречен в ачикташских и южноенисейских надписях.

Горноалтайские надписи, как мы видели, предоставляют возможность для выявления фонетического значения и знаков № 11,

20, 33 табл. XXIII (ср. с табл. XXIV, № 49—51), а эпитафии Тувы — для № 15 и, значительно менее уверенно, № 9 (ср. табл. XXVI,*2,6*, XXXI,*9,11*). Однако реализация этих возможностей непроста даже в тех случаях, когда облик знаков установлен при изучении оригиналов. Об этом свидетельствует, например, попытка определить прочтение знаков № 10 и 31 (табл. XXIII) в енисейском тексте Эдегей I[22].

Дальнейшей разработки требует определение знака-кружка (типа № 35 в табл. XXIII) в значении m. Принятая в работах многих тюркологов, эта руна, в принципе сопоставимая с подобными буквами евроазиатских алфавитов, согласно новым прорисовкам, пожалуй, присутствует лишь в «десятом» таласском памятнике[23]. Не исключена вероятность ошибочного выделения в семиреченских надписях этой формы в результате плохой сохранности, недостатков высекания или копирования вполне обычного знака № 77 (табл. XXIII).

При сопоставлении данных нельзя упускать из виду и таких, вероятно показательных, единичных случаев отклонения от норм написания, как облик букв пс̆ в виде знака-зигзага (табл. XXIII, № 11) в дуньхуанском фрагменте рукописи младшего орхонского письма (ThS IV,*1*)[24].

Таковы возможности определения фонетического значения части знаков рунического письма евроазиатской группы, которые представляются в настоящих условиях наиболее обоснованными. Реализация этих возможностей — весьма значительная и вполне самостоятельная задача, требующая кропотливой источниковедческой работы, ныне еще далеко не законченной.

4. ЖАНРОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ ПАМЯТНИКОВ

Проблема жанрового многообразия степных рунических надписей нова для тюркологии. И лингвисты, и историки все еще недостаточно внимания уделяют кратким текстам. Это вполне понятно: «Самые трудные надписи для истолкования — это краткие надписи»[25]. Однако затраченные на их разбор усилия оправданны. Нельзя всерьез полагать, что короткие тексты содержат мало сведений. Они несут качественно новую информацию в сравнении с пространными эпитафийными енисейскими памятниками, ибо принадлежат к иной сфере применения письменности. Выявление назначения кратких надписей на скалах, камнях и предметах лежит в основе постижения их жанрового своеобразия и служит источником, часто единственным, для осознания многих сторон давно ушедшей жизни. Кроме того, систематизация кратких надписей облегчает разбор новых письменных памятников, определяя возможные их смысловые границы. Аргументированность прочтения рунических надписей во многом зависит именно от возможности определить для каждой из них группу аналогичных по содержанию письменных памятников. Выделение таких групп и

постижение характерных особенностей составляющих их текстов есть насущная, но до сих пор не ставившаяся задача рунологической текстологии, во многом смыкающаяся с анализом жанрового многообразия памятников. Возможности для подобного изучения ныне в наибольшей мере предоставляют многочисленные и разнохарактерные надписи енисейского письма. Предлагаем первый опыт подобного их членения[26].

I. Эпитафийные надписи. Составляют ныне наиболее ясную и крупную группу енисейских памятников. Обобщающие издания[27] позволяют сегодня учитывать 71 стелу с такими надписями (E 1—E 3, E 5—E 23, E 25—E 32, E 40—E 53, E 55, E 56, E 58—E 63, E 65, E 66, E 68—E 73, E 92, E 96—E 98, E 100, E 104, E 108—E 110, E 120, E 121; возможно, сюда следует добавить и E 54, E 106). В этих текстах от первого лица выражена скорбь об окончившейся жизни, основные ценности которой предстают перечнем владений и окружения умершего, указываются его общественные заслуги и в связи с этим некоторые биографические моменты. Эпитафийные надписи довольно пространны, и поэтому они прежде остальных изучались тюркологами. Наибольшее внимание уделялось прочтению и переводу, грамматическому, лексическому и стилистическому анализу, проблемам взаимодействия письменной и устной речи и определения рода самой этой письменной речи — прозаической или стихотворной[28]. Краткая обобщенная литературоведческая характеристика енисейских эпитафий дана И.В. Стеблевой[29]. Все это позволяет не останавливаться здесь на характеристике памятников с названных позиций.

Между тем сугубо текстологический анализ эпитафийных текстов как особой — с точки зрения общественного назначения — совокупности письменных памятников еще предстоит. Необходимо во всей возможной полноте проанализировать законы оформления и построения этих текстов, их содержание, выразительные средства, особенности как образцов литературного языка и т.п. Настала пора их монографического изучения в источниковедчески полном виде: палеографическом, языковедческом, текстологическом, литературоведческом и историческом.

Уже сегодня своеобразие эпитафийных памятников во всех названных отношениях проступает настолько отчетливо, что для жанрово-содержательного определения отдельных вновь обнаруживаемых экземпляров бывает порой достаточно весьма незначительных обломков стел и фрагментов текста (см., например, E 56, E 104, E 120, E 121)[30] (рис. 12). При решении такой задачи наиболее значимыми для эпиграфиста являются следующие признаки эпитафий: размещение текста на стеле, не входящей в конструкцию курганного сооружения; вертикальное расположение строк, как правило читаемых снизу вверх; наличие личного тамгового знака, предшествующего тексту и вырезанного ниже его; употребление в надписи определенной лексики (прежде всего: er atïm, er erdämim, adïrïldïm, bökmädim, jïta, elim, qanïm, qujda qunčujïm, qadašïm, oŋlïm, oŋlanïm, esizimä).

Ныне можно отметить, что наравне с классическими енисейскими эпитафиями существовали и подобные по назначению памятники с текстами весьма своеобразного облика. Порожденные влиянием древнехакасского эпитафийного канона, они тем не менее в силу неких местных обстоятельств восприняли лишь отдельные его черты: размещение на специальной стеле, направление строки снизу вверх, применение енисейской письменности. Однако содержание текста свелось лишь к указанию имени умершего, его тамга не высекалась. К тому же стела устанавливалась не у могилы (как у древних хакасов), а у поминального сооружения — оградки или выкладки. Последняя особенность, при учете местонахождения памятников, указывает на их принадлежность алтайским и тувинским тюркам.

Новый тип эпитафий представлен на Горном Алтае надписью Талду-Айры, которую, в отличие от первой публикации[31], предлагаем читать: e(r) (a)ti (ö)ŋü (a)j «Его мужское имя — Ёнгю Ай». Этот памятник указывает назначение и трех стел, обнаруженных в Туве: Оттук-Даш I (E 4) — küč qij(a)ɣ(a)n ičr(ä)ki «(Его имя —) Ичряки Кюч Кыяган (букв. Внутренний (чин) Сильный Кыяган)[32]»; Оттук-Даш II (E 64) — jük(ü)nč t(i)rig «(Его имя —) Юкюнч Тириг (букв.: Совершение Молитвы Живой)»; Сайгын (E 57) — b(e)ŋü čur «(Его имя —) Бэнгю Чур»[33] (рис. 15).

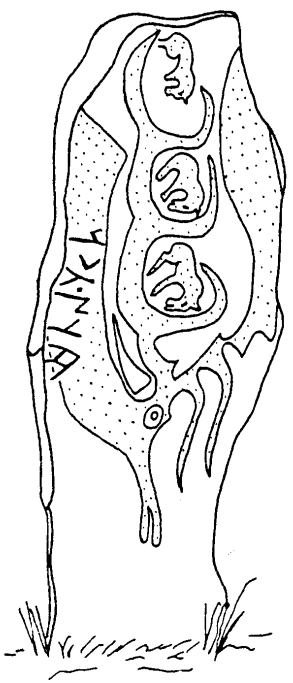

Рис. 15. Эпитафия Сайгын (E 57)
(Для создания средневекового памятника использован оленный камень – стела раннего железного века)

К аборигенным эпитафиям относятся еще три стелы с надписями, значительно полнее отразившими требования древнехакасского канона, но лишенные тамговых знаков и размещенные у поминальных памятников. На Горном Алтае это кошагачская стела[34], а в Туве — эпитафии Кезек-Хурээ (E 58) и Саргал-Аксы (E 60)[35].

II. Межевые надписи. Изучение надписей этой группы, как и всех последующих, по указанным причинам находится лишь в начальной стадии. Опорным памятником, позволившим выявить существование надписей данной группы, явился текст Кара кургана (Уйбат V, E 34 — рис. 16)[36]. Ныне к межевым могут быть отнесены четыре надписи (E 33, E 34, E 75, E 134). Их совокупный анализ позволяет уточнить предложенные в предыдущих публикациях прочтения[37]: E 34 (Кара курган; Уйбат V — рис. 16) — (t²?) öŋ j(e)rdä q(a)š (e)r t(a)š b(o)l-j(e) (i)j «Стань на восточной стороне межевым камнем витязя-эра! Следуй (этому) (прочитавший)!»; E 33 (Узун оба I; Уйбат IV — рис. 17,*1*) — I. okuz. II. (e)r kör. «I. Окуз (имя собственное и личная тамга). II. Витязь-эр, знай (повинуйся)!»; E 134 (Усть-Сос — рис. 17,*2*) — k(ö)r b(e)ŋkü : t(a)š b(e)ŋk(ü) j(e)r (a)j kü — «Знай: (это —) вечный камень (и) вечная земля! Разъясняй (это) (другим) (и) оберегай (его)!»

Разбор каждой из этих трех надписей встречает ряд сложностей. Приходится, например, допускать пропуск на письме губных гласных — bol (E 34), kör, beŋkü (E 134) — или неясную роль единичных словоразделительных отметок — t¹š : b¹l¹ (E 34), b²ŋkü : t¹š (E 134) — и т.п. Вместе с тем приводимые надписи роднит и цепь заметных особенностей. Все они нанесены на менгиры курганов скифского времени, ставших для средневековых писцов уже древней деталью пейзажа. Всюду есть указания на особое значение отмеченного надписью курганного камня и требования соблюдения этого статуса. Везде глаголы стоят в повелительном наклонении и тексты завершаются призывами. Надписи кратки и, хотя это не дает оснований считать наши прочтения окончательными, даже встреченные при истолковании препятствия общи для них.

Все особенности межевых текстов присущи и надписи Кутен булук (E 75), до сих пор публиковавшейся в весьма неточной передаче[38]. Несмотря на хорошую сохранность этого текста, работа над его прочтением еще не завершена.

III. Надписи-названия. В эту группу входят 10 надписей, состоящих из названия того или иного объекта местности. Они могут содержать названия горы (ороним) или реки (гидроним), но могут быть и своеобразной описательно-оценочной характеристикой природного объекта, указывать на специфику его восприятия средневековыми хакасами. Примером текста первого рода служит надпись Хая-Бажи XVI (E 24/16), содержащая древнее название скалы, — q(a)ra s(e)ŋ(i)r «Кара-Сенгир (букв.: Черный Выступ Горы)». Сюда же по сути относится и пространная надпись Мугур-Саргол (E 136), композиция которой осложнена не только повествовательной частью, но и указанием имени создателя текста

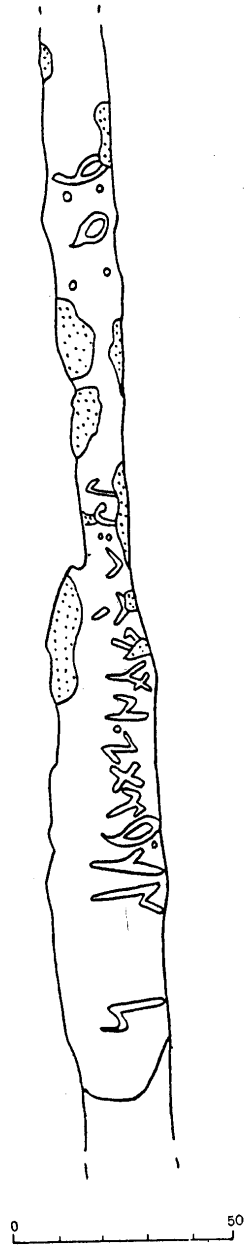

Рис. 16. Кара курган.
Надпись Уйбат V (Е 34). Прорисовка автора

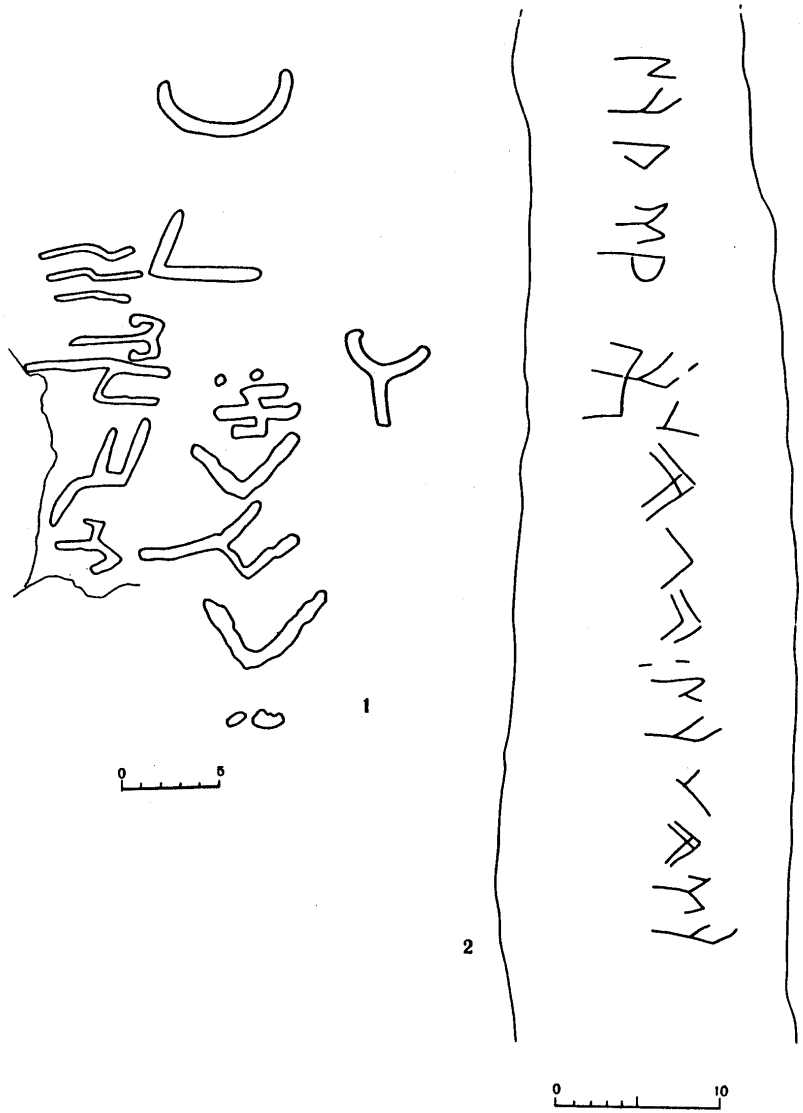

Рис. 17. Надписи на менгирах курганов
1 – Узун оба I (Уйбат IV, Е 33), *2* – Усть-Сос (Е 134). Прорисовки автора

(см. в описании группы VII). Второй вариант надписей-названий более многочислен: Хая-Бажи I (E 24/1)— (e)š(i)l ög(ü)z «Бегущая река (или: река Эсель/Исиль)»; Сулек I и Сулек II (E 39/1, E 39/2) — b(e)ŋkü q(a)ja «Вечная скала» и m(e)ŋkü q(a)ja «Вечная скала» (рис. 18); Тепсей I (E 111) — b(e)d(i)zl(i)g q(a)ja «Скала с изображениями (писаница)»[39].

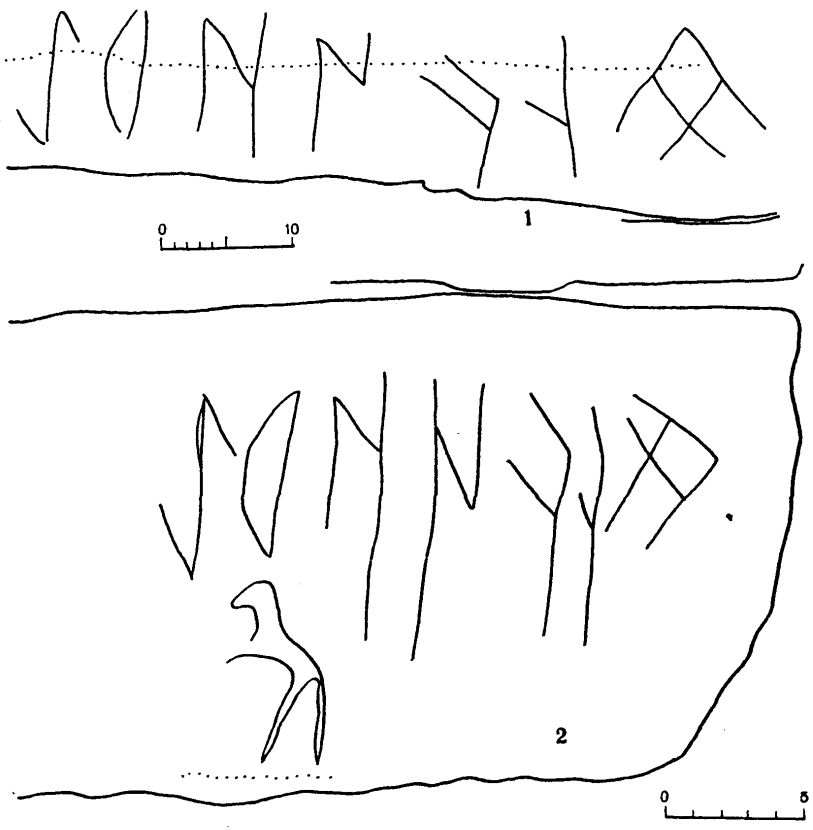

Рис. 18. Енисейские надписи Сулекской писаницы
1 – E 39/1, *2* – E 39/2. Прорисовки автора

На скале может быть указано название располагавшегося рядом дорожного пункта, носившего имя этой горы: Хая-Бажи II (E 24/2) — q(a)ra s(e)ŋir k(e)čig «Кара-Сенгирская переправа» (рис. 19); Тепсей II (E 112) — t(e)ps(e)j k(e)č(i)g «Тепсейская переправа», т.е. переправа у горы Тепсей. Такие тексты также могут быть более пространными и оценочными, точнее, восхвалительными: Тепсей IV (E 114) — t(e)bs(e)j k(e)č(i)g qutl(u)ɣ k(e)č(i)g

«Тепсейская переправа — благодатная переправа»; Хая-Бажи VI (E 24/6) — q(a)n(ī)m el(i)m b(ö)gu (i)ši q(a)ra s(e)ŋ(i)r «Мой владыка и мои подданные (знайте?): Кара-Сенгирская (переправа?) — дело мудреца».

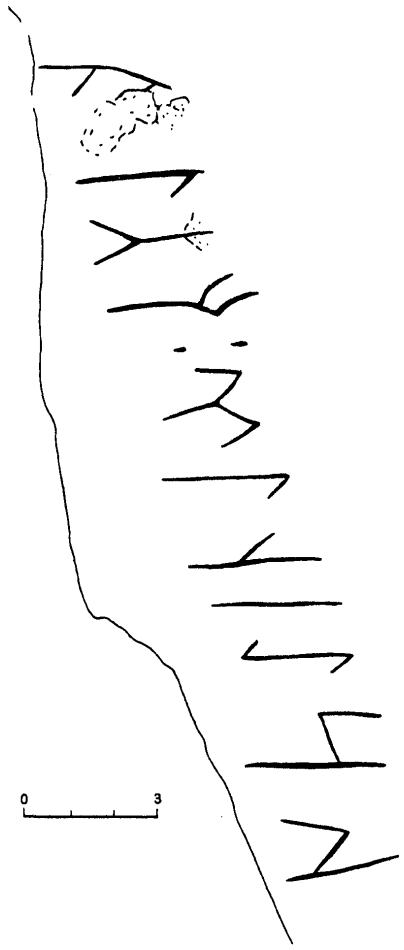

Рис. 19. Надпись Хая-Бажи II (E 24/2). Прорисовка автора

На былое обожествление горы Тепсей указывает строка Тепсей V (E 115): t(ä)ŋr(i)dä : qutluɣ : t(e)bs(e)j : t(ä)ŋri «С неба (исходящей) благодатью обладающее божество Тепсей».

Надписи типа Мугур-Саргол I, Хая-Бажи II, IV и Тепсей II, IV позволяют полагать, что содержание подобных надписей-названий проистекает из бытовавшего у средневековых хакасов обычая в каких-то случаях отмечать вырезанным текстом факт достижения

того или иного места. По сути это путевые, дорожные отметки. У строк типа Тепсей V и, по-видимому, Тепсей I, Сулек I и II можно предполагать несколько иное назначение — связанное с религиозным почитанием этих священных гор. Однако последнее не исключает возможности появления таких надписей в результате путешествий к ним паломников. И на Тепсейской, и на Сулекской скале выбиты личные тамги людей, происходивших из разных районов средневековой Хакасии[40].

IV. Молитвенные надписи. Группа представлена пятью наскальными надписями, содержащими прямое обращение к божеству. Содержание текста Тепсей V, как мы только что видели, свидетельствует, что таким божеством у древних хакасов была сама священная гора. Вероятно, об этом же свидетельствует и надпись Крес хая (Фыркалы, E 137)[41] — b(a)rm (i)č ur(u)ŋ «Вложите совершенную душу (букв.: нутро)». Надпись сопровождает личный тамговый знак, заменяющий словесную подпись резчика (рис. 20).

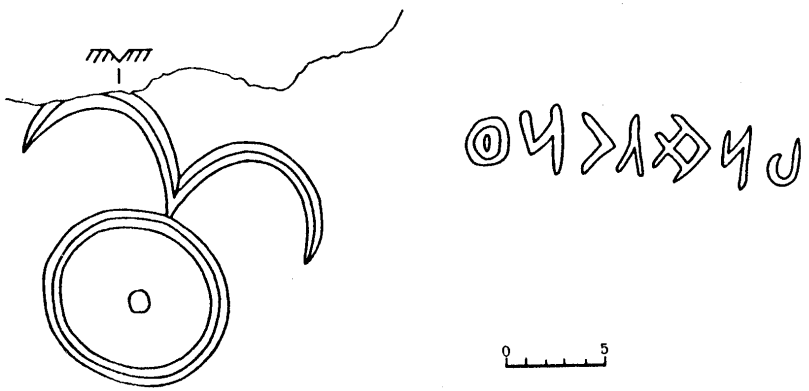

Рис. 20. Надпись Крес хая (Фыркалы, E 137). Прорисовка автора

Вполне вероятно также, что дух той или иной горы служил посредником между молящимся и неким верховным божеством. Так могут быть истолкованы одна из надписей Туба II (E 36/2) — t(ä)ŋr(i)m čök bizkä «Боже, снизойди до нас» и Тепсей VI (E 116) — t(e)bs(e)j k(e)č(i)g s²(??)q(?n²?)š¹(s¹, š², s²)č (e)r(i)l ä t(ä)ŋr(i)m ä čök ä j(e)rk(?)(ä?) «Тепсейская переправа... (q(i)s (a)č? — „нужда и голод“?)... исчезни(те). Бог мой, снизойди на землю».

И при той, и при другой трактовке к этой группе текстов следует отнести надписи Тепсей VII (E 117)[42] и Тогус ас II (Ак-Юс, E 38/2, рис. 13,2), звучащие одинаково — qut «благодать, жизненная сила» — и говорящие о цели молитв, некогда обращенных к духам гор (qut (beriŋ) «(даруйте) благодать»).

Как видим, в этой группе надписей, как и в межевых текстах, обычно употребление глаголов в повелительном наклонении, во

2 лице. Отличие, вероятно, заключается в применении здесь почтительной формы множественного числа и своеобразной лексики. Всеми признаками молитвенной надписи обладает и третья наскальная строка Туба II (E 36/3). Но по имеющемуся воспроизведению ее толкование затруднительно[43].

V. Послеобрядовые надписи. Название группы очень условно, ибо многие сакральные надписи нанесены во время или в знак свершения обряда. Здесь имеются в виду надписи, прямо указывающие на обряды, видимо, прежде всего умилостивительные, в результате которых созданы тексты. Такова до сих пор не публиковавшаяся строка II на горе Лисичьей[44] (левый берег р. Карасук, рис. 21) — q(o)p čoq b(i)t(i)m(i)š : sök(ii)š(ü)ŋ (a)r(i)m(ī)š «Презреннейший (букв.: совсем презренный) (раб божий?) написал (это) (и) твоя хула (букв.: брань, ругательство) очистилась». Весьма близка, как представляется, по содержанию надпись Хая-Бажи X (E 24/10) — isiz qul bitmiš (e)s(ä)n «Недостойный раб (божий) написал (это) (и) (стал) здоров». С поклонением горе связана и надпись Озерная I (E 138, рис. 22)[45] — k(e)z (i)š q(a)ja : uč(u)m : q(a)ja: qa b(i)t(i)d(i)m : j(a)lt : q(a)ja b(i)t(i)gi : t(i) «На очень мглистой скале, на (в высоте) парящей скале я написал. Надпись (же) отвесной скалы — вечна». Жертвоприношение духу местности отражено в четырехстрочной надписи Узун оба II (рис. 23) на плите древнего кургана[46] — I. t(a)t(a)rïŋ (e)li. II. ig(ä) (ü)č(ü)n : berür. III. (e)kimiz. IV. külür «I. Владение (букв.: эль) Татара (имя собственное). II. Так как (духу-)хозяину (здесь) приносятся дары, III. наши посевы IV. оберегаются».

Рис. 21. Надпись Лисичья II (Хакасия), нанесенная среди изображений раннего железного века. Прорисовка автора

VI. Покаянно-уничижительные надписи. Религиозное самоуничижение, весьма характерное для верующих всех мировых вероучений, уже встретилось нам в надписях на горе Лисичьей и Хая-Бажи X. В настоящую группу объединены надписи, содержание которых

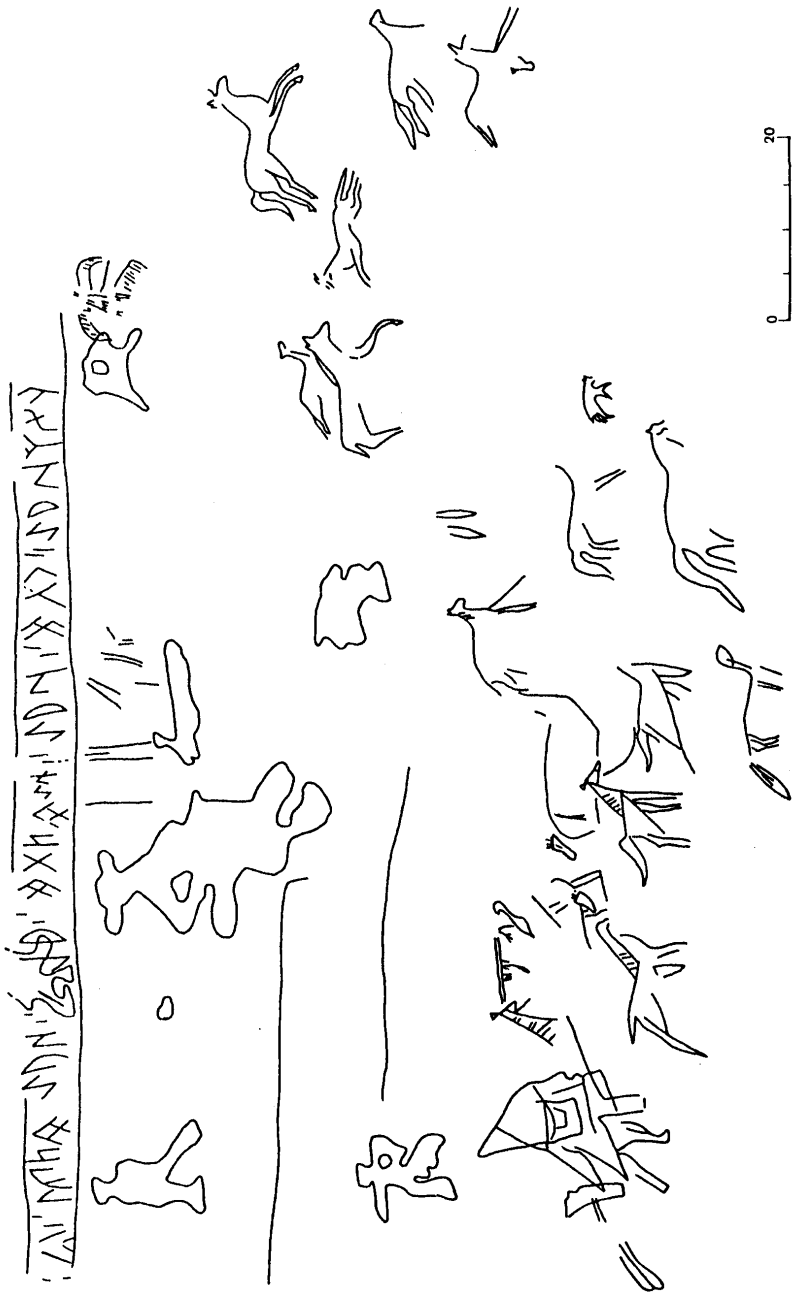

Рис. 22. Надпись Озерная I (Е 138), нанесенная среди изображений раннего железного века и раннего средневековья. Прорисовка автора

прямо подчинено демонстрации такого уничижения. Подобных текстов сегодня известно три: Гурвалжин-ула (Монголия)[47] — t(ä)ŋri quĭi : bit(i)d(i)m «Я, раб божий, написал (это)»; Хая-Бажи XI (Е 24/11, рис. 24) — (a)nï b(i)t(i)gli (i)n(a)ŋ ((a)n(i)ŋ?) in «Пишущий эту (надпись) Ынанг (Анынг? имя собственное) — греховен (букв.: низок)»; Хая-Бажи VIII (Е 24/8) — jul (a)pa : tulu (a)q (a)ɣ «Вдова Йул Апы, презренная, возвысься!»

Рис. 23. Текст Узун оба II. Прорисовка автора

VII. Хвалебные надписи. Очень интересные для историка наскальные тексты, как краткие, так и довольно пространные. По-видимому, позволяют выделить два идеологических мотива создания такого рода надписей. Первый связан с представлениями о том, что жизненные успехи человека прямо зависят от степени его духовного совершенства, гармонии в окружающем мире, от благоприятствования божественных сил. На это указывает философская по содержанию двухстрочная надпись на скале Городовая стена (Е 144, рис. 25): I. (a)lp sol in (a)lɣ(ï)p ab(a)dɣa t(ä)ŋri (a)na kem q(a)tun q(a)b(ï)š(ï)p jeg (a)šï (esi?) (a)ɣ(ï) qïlur biz (a)t j(i)r b(i)z. II. b(a)j b(a)r (e)t(t)(i)m «I. (Я —) Алп Сол (имя собственное). Когда уничтожается греховное (букв.: низкое) (и) Небо и Мать Кем-река

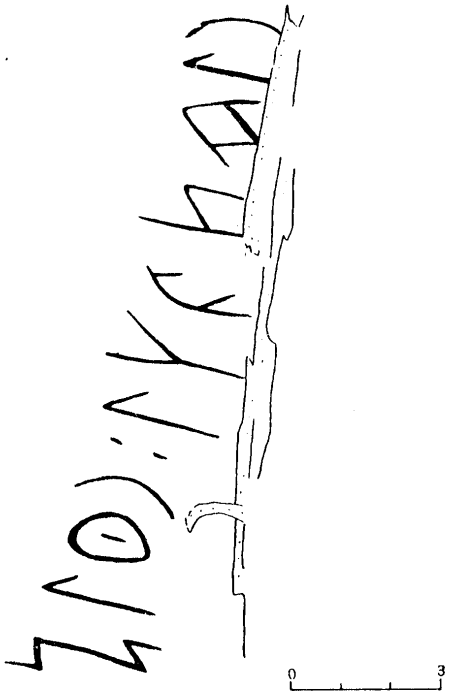

Рис. 24. Надпись Хая-Бажи XI (E 24/11). Прорисовка автора

(Енисей) (или: Божественная (Небесная) Мать и река Енисей) соединяются в благоустроенности, мы (все), приумножая благое, наживаем богатство (букв.: создаем драгоценность) (и) пользуемся чинами (титулом). II. (Так) (и) я стал богат». Такова, можно думать, и подоплека двух кратких надписей Хая-Бажи IX (E 24/9, рис. 26) и частично сохранившейся Хая-Бажи XIV (E 24/14): ji oŋ-oq j(ü)tü t(a)j(a)ŋu «Пользуйся долей сей, неся заботы опоры правителя (таянгу)»; alp (a)ɣ(i)š(i)n(i)z... «Ваше возвышение витязя...»

Вероятно, с благоволением небес увязывалось не только получение чинов и титулов, но и приобретение новых земель. С подобными воззрениями, можно полагать, соотносится появление и содержание енисейской надписи на р. Тэс (Тэс II) в Монголии, которую следует прочитать и истолковать несколько иначе, чем при первой публикации[48]: tü(ö)p(e)k : (a)lp sol b(i)t(i)d(i)m (e)s(ä)n ol(u)rt(i)m «(Я —) Тюпек (Тёпек?) Алп Сол (имя собственное и титул) написал: благополучным (букв.: невредимым) я (здесь) поселился».

Вторым побудительным мотивом создания хвалебных надписей служили, очевидно, представления о благих, богоугодных общественных делах. Главным из них, судя по надписи Хая-

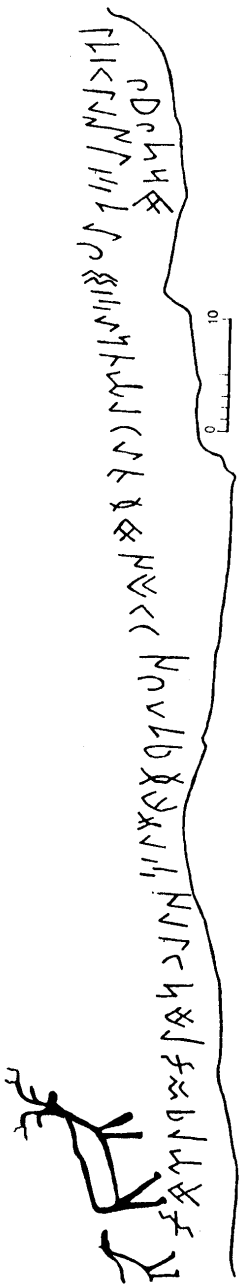

Рис. 25. Надпись на скале Городовая стена (E 144) и изображения раннего железного века. Прорисовка автора

Бажи VII (E 24/7), было мудрое правление, направленное на благоустройство, обживание подвластных земель: ïn(a)nču kül(ü)g : čigši : b(e)g : (e)r (e)rd(ä)m(i)m üčün (i)li : (a)lï b(a)ɣ k(e)šd(i)mdä : b(e)n : j(e)g (e)rdük(ü)m ol (e)r(i)nč q(a)ra s(e)ŋ(i)r(i)g : j(e)rl(e)d(i)m : udur : č(i)gši : «(Я —) Ынанчу Кюлюг Чигши Бег (имя собственное и титул). Ради моей геройской доблести я спустился (с гор) (речь идет о походе через Саяны). Благим, из того, что я сделал в шестиудельном Кешдиме (очевидно, древнее название Тувы) было, пожалуй, то, (что) я, Удур Чигши, освоил (местность) Кара-Сенгир». На конкретную форму такого освоения земель, очевидно, указывает строка Хая-Бажи V (E 24/5): jig (i)š jig(i)n s(a)ŋun b(i)t(i)d(i)m... [q(a)d(ï)r?] [b(i)l]gä : tutuq : b(e)g : ar(i)qi j(e)ri «(Вот) благое дело — я, Йигин Сангун (имя собственное и титул), написал: „Арык и земля [Кадыр?] [Биль]ге Тутук Бега“». Вероятно, в этом тексте отразилась и вассальная этика.

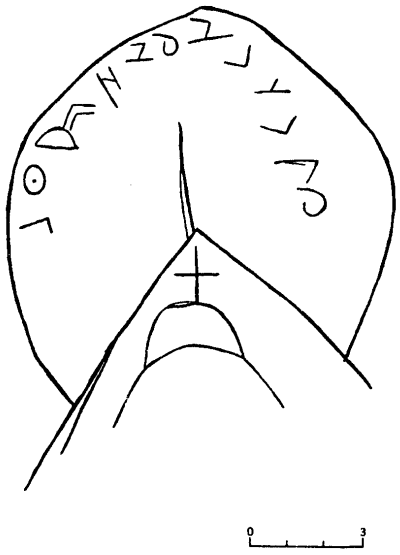

Рис. 26. Надпись Хая-Бажи IX (E 24/9). Прорисовка автора

Последняя надпись указывает, что сам факт нанесения хвалебного текста расценивался средневековыми хакасами как благое, богоугодное деяние (быть может, в связи с его назидательностью). С этими представлениями, вероятно, связана и двухстрочная надпись Мугур-Саргол I (E 136, рис. 27). Не случайно ее автор указал свое имя: I. b(i)ŋ bük(ä)dä (a)n(ï)da kü ud(i)m(ï)z kem ög(ü)z. II. k^{2}ul(u)n b(i)t(i)di «I. У тысячи героев на (реке) Ане славу мы смогли (переять? уничтожить?). (Это/вот) река Кем (Енисей). II. (Это) написал Кулун (имя собственное)». Отдельное

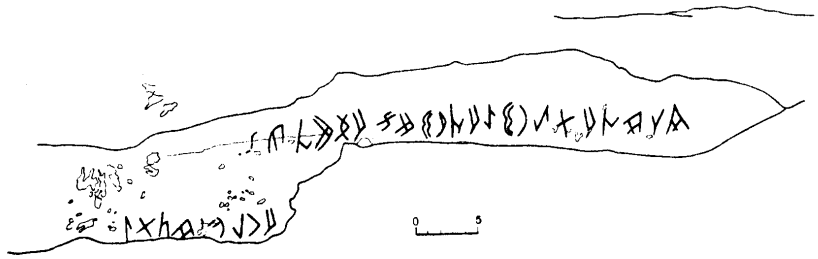

Рис. 27. Надпись Мугур-Саргол I (E 136). Прорисовка автора

указание на название реки, над водами которой вырезан текст, как уже отмечалось, сближает памятник с надписями-названиями, т.е. связывает его с группой путевых отметок. Последнее обстоятельство подтверждается и своеобразным указанием на маршрут, пройденный автором надписи, что, в свою очередь, позволило наметить круг исторических событий, с которыми она связана[49].

Особенностью хвалебных надписей, пожалуй, является указание имен их авторов, а также тех лиц, в честь которых созданы тексты. Проявляемые этими памятниками идеологические представления позволяют в целом понять, почему указанию личных имен в енисейских надписях (и прежде всего в эпитафиях) придавалось столь важное значение. Звучное «мужское имя», снабженное титулом, свидетельствовало не только о высоком общественном положении его владельца. Оно указывало на существование у человека таких достоинств, которые вызвали к нему определенное благоволение божественных сил и привели к достижению высокого социального статуса. По-видимому, перед нами религиозная мораль, обосновывавшая особые права правящей верхушки Древнехакасского государства.

VIII. Посетительские надписи. Условное наименование группы надписей, содержащих личные имена. Вероятно, их назначение подобно большинству енисейских культовых надписей — они отмечают участие в обряде. Такие краткие тексты встречаются как на природных, так и на рукотворных объектах. Примерами служат пять наскальных надписей: Хая-Бажи XIII (E 24/13) — ju(o?)l (a)pa «(Я —) Йул (Йол?) Апа» (текст сопровождает тамга); поврежденная строка Хая-Бажи IV (E 24/4) — q(a)ďir bilgä t(u)tuq b[(e)g?] «(Я —) Кадыр Бильге Тутук Б[ег?] (букв.: Премудрый Тутук...)»; Тепсей III (E 113) — č(i)gči (č(i)gš(?)i) «(Я —) Чигши (титул)»; Туран I (E 118/1)[50] — t(e)m(i)r čur(i)ŋ : j(a)ɣ čur : (i)k(i)gü : «(Мы —) твой Темир (букв.: Железный) Чур (и) Йаг (букв.: Жирный) Чур, оба (здесь были)»; Тэс I[51] — (a)lp sol «(Я —) Алп Сол (букв.: Богатырь Левый)».

Четыре подобных личных росписи, по-видимому, нанесенные в два или три приема, представляет собою трехстрочная надпись на спине изваяния «Богатырь» (E 37/1, рис. 28), по ошибке названная

«Третьим памятником с Тубы» и до сих пор читавшаяся как эпитафия. В действительности на изваянии начертано[52]: I. q(a)raq : örgi b(e)n. II. bö[gä] t(?)(a)št(i)n^{2}q(?)ï b(e)n. III. tirg(i~e)s (?türg(i~e)š?) b(e)n č(a)ŋšï b(e)n «I. Я — Карак Ёрги (букв.: Высокопоставленный Карак). II. Я — Бёге Таштынкы [букв.: Герой Внутренний (чин)]. III. Я — Тиргеш (? Тюргеш?) (и) я — Чангши».

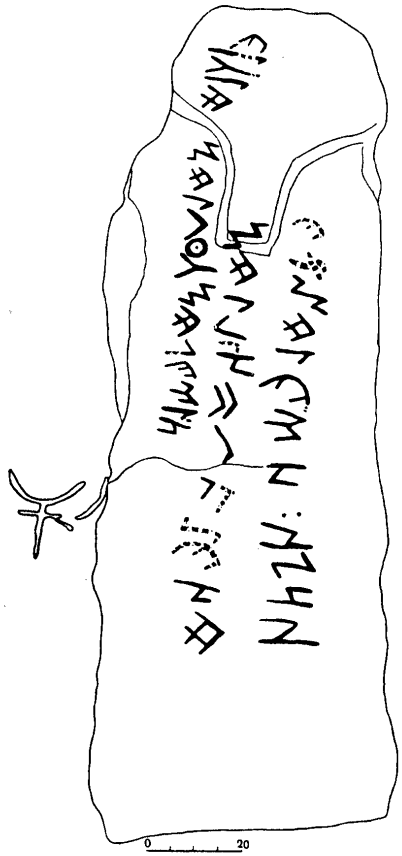

Рис. 28. Надписи на спине (Е 37/1) и затылке (Е 37/2) изваяния Богатырь с р. Ербы (Хакасия). Прорисовка автора

Типологически к надписям этой группы относится и первая строка межевой надписи Узун оба I (Е 34, рис. 17,*1*), содержащая лишь имя и личную тамгу. Во всем внешне подобны, как мы видели, и эпитафии аборигенного населения Тувы, содержащие только имена и титулы умерших (Е 4, Е 57, Е 64, рис. 15). Однако выявленное иное назначение всех этих надписей на стелах не

позволяет объединять их в одной группе с описываемыми. Эти памятники показывают, что весьма близкие или даже идентичные по форме краткие рунические надписи могут иметь совершенно различное назначение, для верного определения которого абсолютно необходимо учитывать условия их нахождения (в данном случае отличительными признаками служит сам факт нанесения надписей на скалы, на менгиры древних курганов или на специально установленные у поминальных памятников стелы).

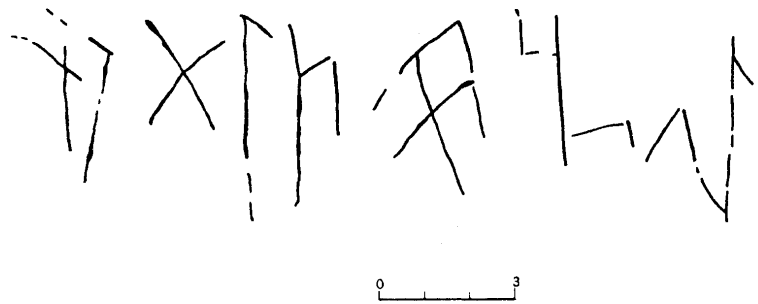

Рис. 29. Яр-хото (Восточный Туркестан). Енисейская надпись на стенной штукатурке пещеры. Прорисовка автора по эстампажу Д.А. Клеменца

Разнообразие же собственно посетительских надписей демонстрирует граффито на стенной штукатурке пещеры в Яр-хото (Турфан, рис. 29). Судя по изданному эстампажу[53], есть возможность уточнить прочтение имени в этой енисейской надписи: (e)s(ä)n b(i)tid(i)m «Я, Эсен (букв.: Невредимый/Здоровый), написал (это)». Легко заметить, что краткий текст здесь построен по той же формуле, что и некоторые покаянно-уничижительные надписи (Гурвалжин-ула), отличаясь лишь употреблением личного имени вместо обобщенного обозначения верующего. Такое сходство позволяет расценивать и граффити Яр-хото, и остальные посетительские надписи в качестве культовых. Возможности для второго объяснения назначения таких кратких текстов предоставляют надписи Тэс I и II (группа VII), которые могут быть восприняты соответственно как краткий и пространный варианты своеобразных межевых отметок. В этом случае написание личного имени, вероятно, приравнивалось по значению к высеканию личного гербового знака-тамги, которым, как установлено, древнехакасские феодалы отмечали свои владения.

IX. Надписи-заклинания. Ныне группа представлена надписями на трех предметах, вероятно применявшихся в обрядовой практике (письмена в этих случаях, по-видимому, должны были усилить магическое воздействие), и одной наскальной надписью, созданием которой, очевидно, завершился некий обряд. Опорным памятником является текст на бронзовом зеркале Минусинского музея (Е 127, рис. 30,*1*): (a)sur q(a)č «Асурий, удались! (Сгинь нечистая сила!)»

Содержание надписи и сам факт ее размещения на металлическом зеркале находит объяснение в шаманском мировоззрении и практике, зафиксированных у коренного населения Южной Сибири[54]. Вторая надпись на осколке бронзового зеркала, найденного у д. Старые Кныши (Минусинский музей, № 5022), еще не публиковалась (рис. 30,*2*). По-видимому, она сохранилась частично: (e)n (a)r (i)k... «Низменное отделяй, болезнь... (изгоняй?)». Третья надпись на кинжале из с. Бейского (рис. 30,*3*) сегодня, когда стало очевидным существование на предметах надписей-заклинаний, может истолковываться иначе, чем при первой публикации[55]: kü «Защищай (охраняй)!». Надпись такого содержания хорошо согласуется с широко известной защитной ролью железных предметов (прежде всего оружия) в религиозных обрядах многих народов.

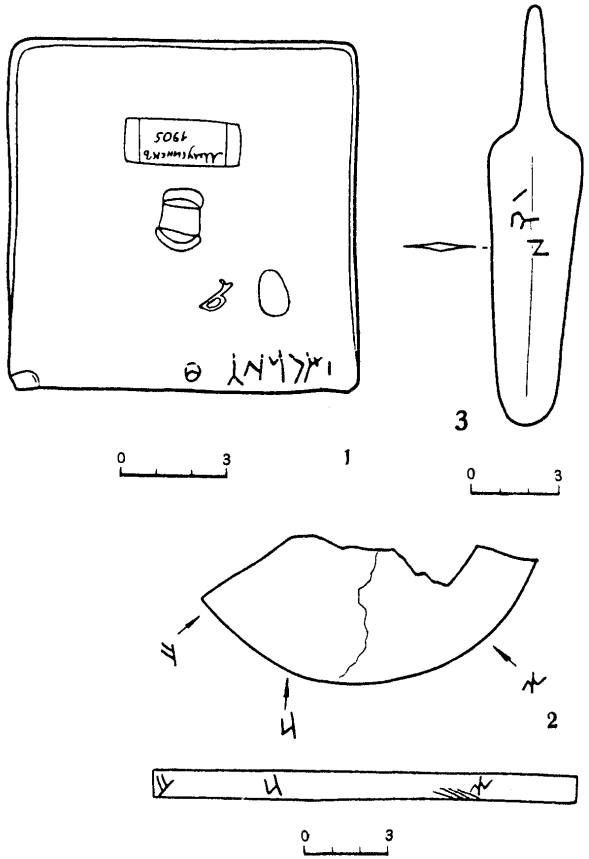

Рис. 30. Надписи на предметах
1, 2 – бронзовые зеркала, *3* – железный кинжальчик (*1* – Минусинский музей (Е 127), *2* – с. Старые Кныши, *3* – с. Бейское). Прорисовки автора

Принадлежащий к заклинаниям текст на скале горы Куня (рис. 31) обследован нами лишь в 1989 г. и пока не издавался[56]: (a)z(i)p (a)q(i)t «Потеряй дорогу! Отвратись!» Факты традиционного мировоззрения указывают, что уязвимость человека для злых духов

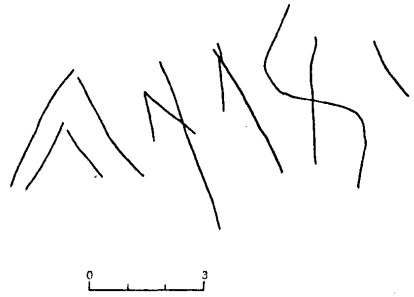

Рис. 31. Надпись на горе Куня (Хакасия). Прорисовка автора

обычно связывалась с возможностью нечистой силы выследить свою жертву. Например, хакасы-путники защищались от дорожных опасностей произнесением следующего заговора: «Чолым ачых ползын, соом туюх ползын. Сöök, сöök, сöök» — «Да будет мой путь открытым, да будет позади меня (все) наглухо закрытым. Чур меня».

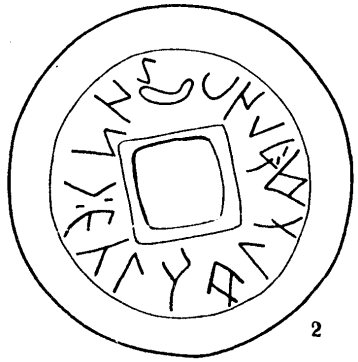
Особенности всех четырех надписей-заклинаний заключаются не только в условиях их размещения — на культовых предметах и на скалах, но и в чрезвычайной краткости самих текстов, содержащих от двух до пяти букв. Стилистическим признаком выступает применение глаголов в форме повелительного наклонения 2 лица ед. числа, лексическим — глагольные основы, обозначающие устранение~удаление или охрану~защиту, а также имена, отражающие религиозные понятия недоброго, греховного, некие напасти. Обращает на себя внимание характерная палеографическая деталь надписей-заклинаний, отмечаемая в трех из четырех случаев: текст открывает вырезанная правее букв короткая вертикальная черточка, по высоте равная половине других знаков (рис. 30,*1,3*; 31). Она не имеет фонетического значения. Такая начальная отметка, как известно, не типична для енисейских надписей в целом и, следовательно, может сегодня считаться внешним признаком выделяемой группы магических надписей. Проверить эту гипотезу позволит изучение новых надписей (по крайней мере, на еще одном обломке зеркала — с текстом Е 84 — такой полуштрих известен).

X. Пояснительные надписи. В группу включены краткие тексты, вырезанные на древних предметах и по содержанию соответствующие тому назначению этих изделий, которое нам видится сегодня, а также одна наскальная надпись и одна приписка к тексту на изваянии. Вполне понятно, что подобное определение назначения надписей условно, ибо, очень возможно, не отвечает представлениям и целям самих средневековых создателей текстов.

Хотя известно довольно много енисейских надписей на предметах и принадлежность части из них к данной группе можно предположить заранее (так как любая письменная культура имеет памятники подобного рода), укажем здесь лишь несколько надежных, по нашему мнению, текстов. Дело даже не в том, что для одних и тех же надписей в литературе предложены разные трактовки, следуя за которыми памятники необходимо относить к различным группам текстов (как это обстоит, например, с граффити на некоторых сосудах и одном ременном наконечнике[57]). Важнее, что подчас предлагаемые прочтения нельзя достоверно увязать с существенными особенностями самого предмета. Можно ли считать пояснительной, например, надпись со словом kümüš «серебро», вырезанную на золотом сосуде Копёнского чаатаса (Е 81)?

1

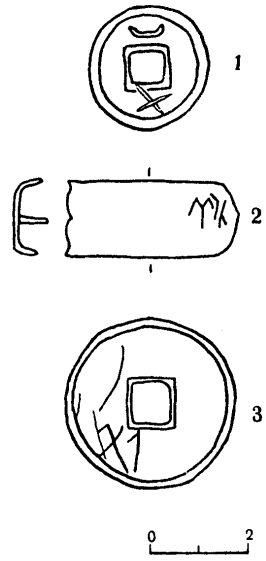

2

0 2

Рис. 32. Надписи на бронзовых монетах
1 – Минусинский музей (Е 78), *2* – д. Каптырева (Е 79). Прорисовки автора (*1* – без масштаба)

Ныне группа представлена вторичными надписями на двух бронзовых монетах[58]: Е 78 (Минусинский музей, рис. 32,*1*) — b(i)ŋ i ur(u)m (a)qča «Пинг и (?). Чеканная (литая?) деньга»; Е 79 (д. Каптырева, рис. 32,*2*) — b(a)qir : b²či(ä?) kič(i)g : ur(u)q a «Деньга-бакыр...(?). Малый чекан». Возможно, к ним следует присоединить и монету из с. Каменки, на которой вырезан знак в виде косого креста (рис. 33,*1*). Его можно истолковать двояко — как запись слова (e)d «богатство, имущество» или в качестве счетного знака, вероятно имевшего смысл при традиционном ношении таких монет связкой-чохом.

1 2 3

0 2

Рис. 33. Надписи на бронзовых монетах (*1*, *3*) и наконечнике ремня (*2*). Прорисовки автора
1 – с. Каменка, *2* – с. Беллык (Е 80), *3* – Красноярск

Камнеписные надписи, относимые к этой группе, по-видимому, поясняют уже имевшиеся ко времени их нанесения знаки и тексты. Так, енисейская надпись из Ховд-сомона (Монголия) — tuŋčï borɣ(i)čï j(a)ŋ(i)z čur tuŋr(a)ɣï «(Это) тамга знаменщика и трубача Ягыз Чура»[59] — нанесена над знаком, выбитым в иной технике и, вероятно, еще в раннем железном веке. Облик этого знака случайно совпал с видом тамги средневекового хакаса, что и было им отмечено. Другая пояснительная приписка, состоящая из одного слова bičig «надпись» (Е 37/2), очевидно, указывала на рунические строки X в., выше которых она была выбита (рис. 28). Более позднее ее появление, кроме содержательных и композиционных особенностей текстов, проистекает и из характерного фонетического облика слова, появившегося лишь в монгольское время[60].

XI. Владельческие надписи. Группа представлена письменами, вырезанными на предметах. Ныне к ней можно отнести три надписи: Е 76 («зеркало Мессершмидта») — küd (a)ruq b(e)k : küzküsi : «зеркало Кюд Арук Бега»; Е 77 («зеркало Мартина») — e(r) (a)ŋq(a)s töš(e)k : küzk(ü)m : öz(ü)k(i) «Человек Анкас Тёшек, кусок моего зеркала»; Е 80 (наконечник ремня, с. Беллык, рис. 33,*2*) — čur² «Чур (имя собственное или титул)». Две первые надписи даются по чтению В.В. Радлова[61], так как оригиналы недоступны для изучения (судьба Е 76 неизвестна, зеркало с Е 77 вывезено Ф.Р. Мартином в Стокгольм и в Минусинском музее хранится копия — инв. № 5194).

Сюда со значительными колебаниями может быть добавлена монета из Красноярска[62]. Два вырезанных на ее оборотной стороне знака (рис. 33,*3*) при чтении слева направо допустимо воспринимать как слово idi «хозяин, владелец».

Несомненная владельческая надпись была некогда вырезана на донце серебряного сосуда, найденного В.В. Радловым при раскопках кургана на Катандинском могильнике на Алтае: (e)l(i)g č(a)ŋ «Правитель-чанг (или: Правитель в чине „чанг“)»[63]. Включить эту надпись в наш реестр мешает ее неопределенный палеографический облик — она не содержит знаков, характерных для енисейского или орхонского письма, все ее руны применимы в обоих алфавитах.

XII. Благопожелательные надписи. Выявляются благодаря новому варианту прочтения одной из надписей, нанесенных в разное время на донышко серебряного сосуда, найденного в Хакасско-Минусинской котловине[64] (рис. 34): (a)tl(i)ŋ bol : (i)nl(i)g bol(u)ŋ

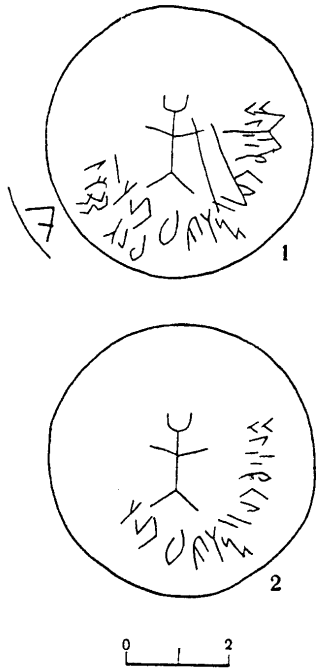

Рис. 34. Знаки и надписи на донышке серебряного сосуда из Хакасско-Минусинской котловины (ГЭ, инв. № СК-590)
1 – общий вид, *2* – благопожелательная надпись. Прорисовки автора

«Будь(те) имеющим имя, будьте имеющим тамгу». Вероятно, сосуд был преподнесен на пиру молодому человеку, торжественно возводимому в полноправные члены общества: получающему «взрослое» имя (широко известное по енисейским эпитафиям er atï) и собственный тамговый знак (подобный тому, изображение которого занимает центр донца описываемого серебряного кубка).

* * *

Вполне понятно, что представленная здесь систематизация 132 енисейских надписей по содержанию не исчерпала всех имеющихся материалов — ни в отношении известных ныне памятников, ни в отношении смысловых групп. В обоих случаях причина для этого одна — незавершенность разработок в области прочтения многих, прежде всего кратких надписей. Здесь не место обосновывать истолкования многих вновь найденных памятников, как и иные возможности понимания изданных. Вместе с тем основная источниковедческая задача — показать на надежных, по нашему мнению, материалах богатство енисейских надписей по содержанию и по форме и, следовательно, представить их в качестве источника для новых направлений историко-культурного анализа — смеем полагать, в значительной степени реализована. Становится очевидным, что эта письменность существовала не только ради создания надмогильных текстовых памятников, но и широко применялась в самых разнообразных сферах древней жизни — от бытовой до официальной, от светской до духовной, от общественной до глубоко личной. Всюду создателям рунических надписей было необходимо соблюсти определенные требования, предъявляемые к их творениям конкретными условиями и обстоятельствами, вкусами и нормами. Именно это явилось основой формирования различных стилей и жанров рунической «литературы», явленной нам в эпиграфических памятниках.

[1] *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской. XI—XIV вв. Киев, 1966, с. 10, 11.

[2] *Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983, с. 82—126.

[3] Подобная ситуация существует и давно осознается в такой смежной с эпиграфикой области, как изучение древнерусских берестяных грамот, — см.: *Тихомиров М.Н.* Грамоты и надписи. — *Арциховский А.В., Тихомиров М.Н.* Новгородские грамоты на бересте. Раскопки 1951 г. М., 1953, с. 14.

[4] Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. VI, VII, XXI—XXVII, XXIX, XXX; *Байчоров С.Я.* Северокавказский ареал древнетюркской рунической письменности. Автореф. канд. дис. М., 1977; *он же.* Древнетюркские рунические памятники Европы. Отношение северокавказского ареала древнетюркской рунической письменности к волго-донскому и дунайскому ареалам. Ставрополь, 1989; *Васильев Д.Д.* Корпус; *он же.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. М., 1983, и др.

[5] *Васильев Д.Д.* Графический фонд, с. 23—32; *он же.* Корпус.

[6] *Щербак А.М.* О рунической письменности в Юго-Восточной Европе. — СТ. 1971, № 4, с. 77.

[7] *Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитровский археологический комплекс. М., 1989, с. 255, 267 и сл.

[8] *Афанасьев Г.Е.* Большая семья у алан. — СА. 1984, № 3.

[9]*Кызласов И.Л.* Рунические надписи Маяцкого городища. — Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., 1990, с. 10—14, рис. 1—3, табл. I; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии. Опыт палеографического анализа. М., 1990, с. 6—11, рис. 2,*1*; 3, табл. 1.

[10]*Кызласов Л.Р.* Древняя Тува. От палеолита до IX в. М., 1979, с. 142.

[11]Ср., например, вывод В.М. Наделяева о довольно поздней тюркизации чиков Тувы, вытекающий из анализа артикуляционной базы тувинцев (*Наделяев В.М.* У истоков тувинского языка. — Исследования по тувинской филологии. Кызыл, 1986). Если с предложенной исследователем абсолютной датой перехода аборигенов Тувы на тюркоязычную речь (не ранее VIII в.) согласиться трудно (тюркоязычны называвшиеся уже енисейские эпитафии чиков середины VIII в., нельзя не учитывать и известное генеалогическое предание о родстве тюрок-тугю и чиков-цигу: *Кызласов Л.Р.* История Южной Сибири в средние века, М., 1984, с. 32), то сам факт и направленность такого лингвистического процесса сомнений не вызывают.

[12]*Németh J.* The Runiform Inscriptions from Nagy-Szent-Miklós and the Runiform Scripts of Eastern Europe. — Acta Linguistica. Budapest, 1971, t. 21, fasc. 1—2, с. 43, 45, 47, 50; *Щербак А.М.* О рунической письменности, с. 77, 78; *Kljaštornyi S.G., Vásári I.* A Runic Inscription on a Bull-Skull from Volga Region. — Between the Danube and the Caucasus. Budapest, 1987, с. 173.

[13]*Мелиоранский П.М.* Два серебряных сосуда с енисейскими надписями. — ЗВОРАО. 1902, т. 14; *Бернштам А.Н.* Древнетюркское письмо на Лене. — ЭВ. 1951, 4, с. 83, 84; *Байчоров С.Я.* Надписи Хумаринского городища. — СТ. 1974, № 4; *Хабичев М.А.* Словообразовательный и этимологический анализ некоторых карачаевских этнонимов. — Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногайского языков. Ставрополь, 1981, с. 39, 40.

[14]*Щербак А.М.* Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. — СА. 1954, № 19, с. 270, 271.

[15]Там же, с. 278, 280.

[16]*Кляшторный С.Г.* Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки. — СА. 1979, № 1, с. 271—273, рис. 3.

[17]*Байчоров С.Я.* Северокавказский ареал, с. 3; *он же.* Древнетюркские рунические памятники Европы, с. 29, 37.

[18]*Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники Европы, гл. I—III; *он же.* Северокавказский ареал, с. 4—22.

[19]*Малов С.Е.* Таласские эпиграфические памятники. — Материалы Узкомстариса. М.—Л., 1936, вып. 6—7, с. 22, 26, 30, 33; *он же.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, с. 60—65; *Orkun H.N.* Eski türk yazıtları. 2. İstanbul, 1938, с. 134, 137 (факсимиле: Ankara, 1987, с. 326, 329); *Батманов И.А.* Таласские памятники древнетюркской письменности. Фрунзе, 1971, с. 28; *Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии. 3. Фрунзе, 1987, с. 28.

[20]*Батманов И.А.* Таласские памятники, с. 41, 42, № 6, 7, 9, 52, 53, 62, 63, 81.

[21]*Джумагулов Ч., Кляшторный С.Г.* Наскальная древнетюркская эпиграфика в Таласском Ала-Тоо. — СТ. 1983, № 3, с. 81; *Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии. 3, с. 34.

[22]*Кызласов И.Л.* Новая руническая письменность Южной Сибири. — Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988, с. 118—122, рис. 5, 6; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, гл. II, разд. 2.

[23]*Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии. 1. Фрунзе, 1963, с. 29; *Батманов И.А.* Таласские памятники, с. 22.

[24]*Thomsen V.* Dr. M.A. Stein's Manuscripts in Turkish «Runic» Script from Miran and Tun-huang. — JRAS. 1912, January, tabl. III, *b*; *Orkun H.N.* Eski türk yazıtları. 2, с. 96, 100 (1987, с. 288, 292); *Clauson G.* The Origin of the Turkish «Runic» Alphabet. — Acta Orientalia. Copenhagen, 1970, 32. Table V, *3b*, № 35.

[25]*Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, с. 15.

[26]В литературе обычно практикуется систематизация надписей по объектам, на которые они нанесены: надписи на камнях и стелах, на скалах, на предметах и т.п. (см., например: *Щербак А.М.* Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. — ТС. 1970. М., 1970, с. 112—114; *Васильев Д.Д.* Графический фонд, с. 12—15). Членение памятников по содержанию часто сводилось лишь к выделению двух групп: эпитафии — неэпитафии. Наскальные надписи нередко без аргументации называют посетительскими.

[27]*Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков; *Васильев Д.Д.* Корпус.

[28]*Щербак А.М.* Енисейские рунические надписи.

[29]*Стеблева И.В.* Поэзия тюрков VI—VIII вв. М., 1965, с. 11, 61—63, 105, 106, 136—143.

[30]*Кызласов И.Л.* Средневековая эпитафия из Малиновки (Тува). — СТ. 1977, № 2; *он же.* Тугутюпская стела с древнехакасской эпитафией. — СТ. 1979, № 5; *Кызласов И.Л., Нащекин Н.В.* Изваяние с енисейской надписью с озера Ачик-Куль (Хакасия). — СА. 1981, № 3; *Васильев Д.Д.* Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири. — ТС. 1975. М., 1978, с. 93—96.

[31]*Наделяев В.М.* Древнетюркские надписи, с. 66—68. Та же работа опубликована в книге «Алтайский язык на современном этапе его развития» (Горно-Алтайск, 1984, с. 82—84).

[32]*Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков, с. 20.

[33]*Аранчын Ю.Л.* Сайгынская плита с древнетюркской надписью. — ЭВ. 1951, 5. Обнаруженная на этом камне Д.Д. Васильевым «вторая строка» (*Васильев Д.Д.* Корпус, с. 33, 71, 111), по-видимому, не является надписью.

[34]*Наделяев В.М.* Древнетюркская руническая надпись из Кош-Агача. — ИСОАН. 1973, № 1, сер. обществ. наук, вып. 1. Д.Д. Васильевым надпись ошибочно отнесена к наскальным и рассмотрена как горизонтальная (*Васильев Д.Д.* Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири, с. 98, 99). Новый опыт прочтения см.: *Кызласов И.Л.* Горноалтайские рунические надписи на стелах. — Археологические и фольклорные источники по истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1994.

[35]*Кызласов И.Л.* Эпитафия из Саргал-Аксы (Тува). — РА. 1993, № 3.

[36]*Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.* Средневековая пограничная надпись с низовьев Уйбата (Хакасия). — СТ. 1976, № 1.

[37]*Кызласов И.Л.* Древнехакасские надписи на плитах кургана Узун оба. — СТ. 1985, № 1.

[38]*Рыгдылон Э.Р.* Новые рунические надписи Минусинского края. — ЭВ. 1951, 4, с. 90, 91; *Васильев Д.Д.* Корпус, с. 37, 73.

[39]*Кляшторный С.Г.* Руническая эпиграфика Южной Сибири. Наскальные надписи Тепсея и Турана. — СТ. 1976, № 1, с. 68, 69, рис. 1. Новые истолкования надписей Тепсей II, IV—VI см.: *Кызласов И.Л.* Древнехакасские надписи с названием горы Тепсей. — Северная Азия от древности до средневековья. СПб., 1992.

[40]*Кызласов Л.Р.* О датировке памятников енисейской письменности. — СА. 1965, № 3, рис. 7 и 8.

[41]Прежние прочтения сопровождались рядом трудностей: *Кызласов И.Л.* Новые материалы по енисейской рунической письменности. — СТ. 1981, № 4, с. 89—92; *Васильев Д.Д.* Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири. II. — ТС. 1977. М., 1981, с. 59, 60. Ср.: *Васильев Д.Д.* Корпус, с. 45, 79. Основой нашего нового истолкования служит работа: *Симеонов М.* Еще раз по поводу надписи из Фыркалы. — СТ. 1986, № 5.

[42]*Кляшторный С.Г.* Руническая эпиграфика, с. 70.

[43]В.В. Радлов, Х.Н. Оркун и С.Е. Малов домысливали окончание надписи (см.: *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков, с. 66). Следом за ними это сделал и Д.Д. Васильев (*Васильев Д.Д.* Корпус, с. 28). С.Г. Кляшторный игнорировал первый словоразделительный знак, не позволяющий приписывать подобную функцию и предыдущему гласному (*Кляшторный С.Г.* Руническая эпиграфика, с. 69).

Исследователи не учитывали последний знак строки, дающий возможность читать заключительные слова как ...b(e)ŋgü : b(o)l(u)ŋ «...вечно существуйте».

[44]Надпись обнаружена В.Ф. Капелько в 1986 г. и благодаря его содействию изучена нами на месте в 1989 и 1991 гг.

[45]*Кызласов И.Л.* Новые материалы, с. 86—89.

[46]*Кызласов И.Л.* Земледельческое жертвоприношение древнехакасской общины. Новый рунический памятник на Среднем Енисее. — СТ. 1987, № 1.

[47]*Кляшторный С.Г.* Наскальные рунические надписи Монголии. — ТС. 1975. М., 1978, с. 155. По палеографическим признакам и облику сопутствующих тамговых знаков надпись принадлежит к древнехакасским.

[48]*Кляшторный С.Г.* Наскальные рунические надписи Монголии, с. 152—155. Вопреки высказанному здесь мнению следует отметить не древнеуйгурскую, а древнехакасскую палеографию текста. Это обстоятельство в связи с сопутствующей древнехакасской тамгой и самим содержанием текста позволяет относить надпись ко времени завоевания Монголии древнехакасскими феодалами, т.е. не ранее середины IX в.

[49]*Кызласов И.Л.* Новые свидетельства уйгуро-хакасских войн IX века. — СА. 1979, № 3.

[50]*Кляшторный С.Г.* Руническая эпиграфика, с. 69, 70, рис. 3 и 6.

[51]*Кляшторный С.Г.* Наскальные рунические надписи Монголии, с. 154, фото 1. Эта надпись, хотя, вероятно, и выполнена той же рукой, что и соседний текст Тэс II, является самостоятельным письменным памятником.

[52]*Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.* Новый этап развития енисейской письменности. Конец XIII — начало XV в. — РА. 1994, № 1.

[53]*Radloff W.* Altuigurische Sprachproben aus Turfan. — Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. St.-Pbg.., 1899, H.1, с. 81.

[54]*Кызласов И.Л.* Новые материалы, с. 93—96. Сопоставимые по содержанию надписи делались на зеркалах и другими народами, например: *Иванов А.И.* Металлическое китайское зеркало. — ИАН. 1910, № 13, VI серия, с. 1023, 1024.

[55]*Кызласов И.Л.* Новые материалы, с. 281, 285.

[56]Надпись обнаружена в 1977 г. и показана нам В.Ф. Капелько.

[57]*Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 536, 541, 602; *Боровков А.К.* Енисейские надписи на сосудах. — Тюркологические исследования. М.—Л., 1963.

[58]*Кызласов И.Л.* Монеты с тюркоязычными енисейскими надписями. К вопросу о денежном обращении в древнехакасском государстве. — Нумизматика и эпиграфика. М., 1984, 14.

[59]*Наделяев В.М.* Древнетюркская надпись из Ховд-сомона МНР. — Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.

[60]*Кызласов Л.Р.* Когда исчезла енисейская руническая письменность южносибирских тюрков. — Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1992, № 6, с. 30—32; *Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.* Новый этап.

[61]*Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. 3. St.-Pbg., 1895, с. 346, *a,b.* Ср.: *Orkun H.N.* Eski türk yazıtları. 2. İstanbul, 1938, с. 171 (1987, с. 363).

[62]*Кызласов И.Л.* Монеты, с. 94, 95, рис. 4.

[63]*Кызласов И.Л.* Рунические надписи на двух серебряных сосудах. — Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. Предыдущий вариант прочтения см.: *Мелиоранский П.М.* Небольшая орхонская надпись на серебряной кринке Румянцевского музея. — ЗВОРАО. 1904, т. 15.

[64]*Кызласов И.Л.* Рунические надписи. Первая публикация и прочтение принадлежат П.М. Мелиоранскому (*Мелиоранский П.М.* Два серебряных сосуда с енисейскими надписями. — ЗВОРАО. 1902, т. 14, с. 17—20, табл. I). В тюркологической литературе изделие ошибочно относится к алтайским находкам: Древнетюркский словарь, с. XXI, XXII; *Васильев Д.Д.* Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала. — СТ. 1976, № 1, с. 77; *он же.* Графический фонд, с. 35. Точные сведения см.: *Смирнов Я.И.* Восточное серебро. СПб., 1909, с. 6, 10, 16, табл. XCII, № 170, карта А.

Глава VI

ПИСЬМЕННОСТЬ И ГОСУДАРСТВО

Объяснение множественности рунических письменностей евразийских степей неизбежно перерастает в проблему исторического соответствия письменности и государства. Речь идет не о том общепризнанном положении, что наличие в обществе письменности является показателем государственной стадии развития этого общества. Перед нами стоит вопрос — насколько палеографические и эпиграфические особенности рунических памятников могут расцениваться в качестве исторического источника для изучения конкретных раннесредневековых государств Европы и Азии.

1. ГОСУДАРСТВО И ПИСЬМЕННЫЙ ЯЗЫК

Присваивание различным письменностям этнических наименований — настолько широко распространенная в палеографической практике традиция, что нет необходимости указывать примеры. С понятием «народ» увязываются определения и обобщающей терминологии истории письма[1]. И в конкретном, и во всеобщем плане подобный подход определяется осознанием неразрывной связи письменности и языка, предполагающей существование этноса-создателя и носителя любого письма (ср. в древних памятниках употребление термина «языки» там, где мы сказали бы «народ», — например, в библейских преданиях). При всей внешней ясности и очевидности такая схема не должна восприниматься упрощенно. Название того или иного народа проникает в письменные памятники древности и средневековья лишь тогда, когда оно становится в большей степени политическим, нежели чисто этническим показателем, ибо под наименованием господствующего этнического компонента всегда выступает социальное объединение сложного по происхождению и по крови состава. Для средневековья оно часто неоднородно и в языковом отношении. Такова специфика эпохи, в которой появляется и существует письменность и которую неизбежно отражают письменные памятники.

Говоря о связи письменности и языка, следует иметь в виду не только общеизвестный факт быстрого распространения конкретной формы письма на многие народы, подчас весьма несходные в лингвистическом отношении. Письменную форму приобретает общенародный язык — средство междиалектного общения. Строго говоря, не столь важно, сложился ли он на базе одной или нескольких разновидностей данного языка. Здесь существеннее, что за определенной письменностью всегда стоит не присущее народу многообразное просторечие, а в известной мере литературный язык. Древнегреческий термин «койне» ныне все чаще употребляется в лингвистике для определения языка тех или иных письменных памятников. Весьма показательна в этом плане эволюция представлений о речи, отраженной древнерусскими берестяными грамотами. Первоначальные воззрения о безграмотности или даже иноземности их авторов сменились осознанием языкового единства берестяных грамот и выделением древненовгородского диалекта[2]. Ныне сформулировано понятие древненовгородского койне, обозначающее смешанный тип говора, приобретшего функции государственного языка в период существования независимой Новгородской республики XII—XV вв.[3] Именно памятниками этой общеновгородской письменной речи, обреченной на исчезновение с утратой государственной независимости, и являются берестяные грамоты.

Подобные ступени развития прошло изучение и азиатских рунических памятников, прежде всего енисейских, ибо только по отношению к ним до сих пор бытует представление о малограмотности их создателей и незрелости самого письма, во многом, как показано выше, коренящееся в палеографической неизученности материала и работе с плохо скопированными текстами. Историографическая специфика состоит в том, что понятие о литературном языке орхоно-енисейских надписей было выдвинуто очень рано и следы диалектных особенностей отыскивались в рамках этой единой письменной речи. Вместе с тем для тюркологии в значительной степени свойственно преобладание поисков того или иного древнего диалекта в памятниках самых различных письменностей[4]. Среди общеметодических изысканий в области тюркских литературных языков средневековья проблему древнетюркского рунического койне последовательно разрабатывает Э.Р. Тенишев[5]. По концепции исследователя существует связь между бытованием определенного литературного языка и типом письменности. Смена одного приводит к смене другого; например, в условиях восточнотуркестанских государств «с формированием нового литературного языка уйгуры отказались от рунического письма и перешли на адаптированный согдийский алфавит и некоторые другие виды письма (манихейское, брахми)»[6]. Сохранение архаичного письменного языка в отдельных отраслях литературы имеет следствием и сохранение для него прежней алфавитной формы, как это было некоторое время с руническим

письмом в Восточном Туркестане, уйгурским — в Караханидском государстве и т.д.[7].

Исследования Э.Р. Тенишева позволяют полагать полезной попытку более дифференцированной историко-лингвистической оценки и самих рунических текстов. Палеографическое своеобразие енисейских надписей, лаконично отмеченное еще в 1899 г. П.М. Мелиоранским[8], ныне, как было показано, может определяться в качестве самостоятельного алфавита. Другое краткое высказывание этого тюрколога — о языковом своеобразии енисейских текстов — созвучно мнению В.М. Насилова, А.Н. Кононова[9] и, думается, находится в соответствии с палеографическим материалом. По-видимому, есть основание вернуться к позиции С.Е. Малова, охарактеризовавшего язык енисейских стел как «общий, стандартный, эпитафийно-рунический»[10]. Работа над изучением неэпитафийных енисейских надписей, как мы видели, позволяет уже сегодня отметить существование иных в жанровом отношении текстов. Наиболее определенная группа межевых надписей явно отличается от эпитафийных памятников не только функционально, но и стилистически (например, регулярностью применения практически не свойственного поминальным текстам повелительного наклонения), а также, пожалуй, и лексически. Сказанное позволяет наметить для языка енисейских надписей один из основных признаков литературного языка[11] — функционально-стилистическую вариативность. В целом же до завершения работы над современным прочтением известных енисейских текстов сравнительно-аналитическое определение уровня их языкового состояния остается лишь желаемым направлением исследований. С подобных позиций должны быть рассмотрены и памятники таласского алфавита. Возможно, совокупность таких поисков конкретизирует представления и о том древнем литературном языке, который отразился в орхонских надписях. Будем надеяться, что выявление фонетических соответствий знакам евроазиатских рунических алфавитов и новые находки выполненных ими надписей позволят в будущем поставить вопрос о выявлении присущих им форм письменной речи.

Проблема соответствия алфавита и конкретных форм литературного языка в целом не нова для тюркологии, но по отношению ко множественности рунических письменностей она поднимается впервые. Вероятность отражения каждой из рунических письменностей отдельной формы письменной речи и ее объединяющей роли для разнородного тюркоязычного населения конкретной территории требует тщательной языковедческой проверки.

2. ГОСУДАРСТВО И АЛФАВИТ

Как видим, традиция закрепления за отдельными видами письмен этнических наименований содержит ряд недостатков, не способствующих конкретно-историческим и историко-языковедческим исследованиям. Этих сложностей не возникает, если историкам культуры встречается письменность, языковая принадлежность которой неведома. Ей обычно присваивается условное нейтральное наименование, терминологически не связывающее ее с конкретной этнической средой. Так произошло с азиатской рунической письменностью, получившей обозначения, применяемые нами для ее алфавитов, еще до выяснения тюркоязычности енисейских и орхонских текстов. Называние надписей по имени тех рек, на берегах которых впервые были встречены значительные серии памятников, было применено и для рунических начертаний с берегов Таласа. Иначе произошло с руническими памятниками евроазиатской группы. Долго воспринимавшиеся как некое единое проявление орхоно-енисейской письменности, расшифрованной к моменту европейских находок, они сразу же были объявлены тюркоязычными. Это, в свою очередь, подтолкнуло большинство авторов дать надписям этническое определение. Весьма крупные авторитеты именовали и сегодня еще зовут эти руны или хазарским, или печенежским, или болгарским письмом. Неудачи в их прочтении на тюркской основе не прошли незамеченными в других отраслях языкознания, и в литературе появились новые этнические наименования тех же письмен: славянское, аланское, косожское и т.п. Произведенное нами расчленение этих рунических памятников на ряд близких, но самостоятельных алфавитов, установление ареала всей палеографической группы и, с меньшей степенью определенности, каждого из алфавитов, равно как и демонстрация самобытности их знаков в отношении азиатских рун, — все это убеждает в непродуктивности этнических наименований евроазиатских письменностей, как и в неприемлемости членения степных письмен на «восточноевропейскую» и «центральноазиатскую» рунику (ВЕР и ЦАР). Поэтому, следуя оправдавшей себя старой востоковедческой традиции, в настоящей работе применены условно-географические наименования алфавитов.

Названия письменностей, лишенные этнической привязки, удобны не только потому, что их не приходится менять при смене лингвистических и исторических ориентиров. Они непригодны в связи с излагаемой здесь концепцией связи письменностей не с этносом, а с государством. Историку культуры не приходится забывать, что письменная речь обслуживала экономику, политику, идеологию, т.е. способствовала удовлетворению нужд государственной жизни.

Рассмотрение конкретного материала начнем с известного. Старшие орхонские памятники созданы в честь представителей высшей аристократии Второго Восточнотюркского каганата VIII в. Даже если предположить, что на рубеже IX и X вв. этим письмом в оазисах Восточного Туркестана продолжали пользоваться тюркитугю (что маловероятно), то употребление младшей орхонской письменности в монументальных памятниках уйгуров VIII—IX вв. и оставленных ими рукописях IX—X вв. явно стирает умозрительно допущенные этнические границы бытования орхонского письма.

Если хотя бы некоторые надписи Хойто-Тамира действительно оставлены тюргешами, то следует допустить распространение орхонского алфавита в их среде. Напомним также, что среди рукописей из Турфана есть два фрагмента текстов (Т.М. 330 и Т.М. 399) на среднеперсидском языке. Представители какой народности использовали в этом случае руническое письмо? Нет сомнения, что орхонский алфавит применялся в указанных этнически пестрых государственных образованиях VIII—IX вв. для удовлетворения официальных нужд. Именно это политическое назначение орхонской письменности, по-видимому, и объясняет ее сохранение в Уйгурском каганате, аристократия которого воспринимала себя преемницей былой славы Восточнотюркской державы, в которой она занимала вассальное положение. Письменная традиция была продолжена в уйгурских княжествах Восточного Туркестана, в которых орхонское письмо применялось по крайней мере в течение всей второй половины IX в. и было вытеснено из официального (но, возможно, не сразу — из религиозно-книжного) обихода так называемым уйгурским курсивом. Этот процесс сопровождался и сохранением литературного языка[12].

В отстаивавшем свою самостоятельность в борьбе с центральноазиатскими каганатами Древнехакасском государстве применение орхонского письма не зафиксировано. Уже с начала VIII в. и особенно в IX—X вв. здесь отмечается широкое применение енисейского рунического алфавита. И опять же его применяли не одна кыргызская аристократия и не только древние хакасы. Высказанное в 1952 г. справедливое замечание С.Е. Малова, что среди енисейских эпитафий могут быть памятники, принадлежащие различным этническим группам, входившим в Древнехакасское государство[13], уже в 1960 г. получило строгие археологические и эпиграфические подтверждения. Л.Р. Кызласовым было выделено несколько эпитафий конца VIII — начала IX в. (Е 2, Е 51), определенно связанных с памятниками недревнехакасского погребального обряда и иной материальной культуры. Наличие аборигенных особенностей позволило увязать эту совокупность древностей с тюркоязычными чиками Тувы[14]. Ныне по характерному тамговому знаку[15] к чикским следует отнести эпитафию Е 109, а по композиционным особенностям, разбираемым ниже, — и оборотную сторону памятника Е 68.

По крайней мере в IX—X вв. енисейским алфавитом пользовалось разноэтничное тюркоязычное население в Туве, Северо-Западной Монголии, Прииртышье и на Горном Алтае. Об этом свидетельствуют надписи, найденные на предметах, происходящих из погребений, совершенных по не древнехакасскому обряду. В кургане Аржан II (Тува), содержащем захоронение IX—X вв. с конем, характерное для тюрок-тугю, встречен, например, костяной псалий с енисейскими буквами[16]. Известна надпись на бронзовом зеркале из кургана 146 Зевакинского могильника (Прииртышье), сооруженного над каменными оградами с одиночными трупоположениями X—XI вв., отнесенными к погребениям кимаков[17]. В палеографическом разделе работы приведены основания для отнесения к енисейским письменам целого ряда надписей на скалах, стелах и случайно найденных предметах Горного Алтая и Монголии. Не станем здесь повторять те соображения, которые привели к выводу о местном происхождении создателей этих текстов. Именно аборигенные особенности позволяют отличать от собственно енисейского письма памятники его алтайского и тувинского вариантов. Упомянутые курганные материалы дают возможность связывать первый вариант енисеики, распространенный на Алтае и в Монголии, с алтайскими тюрками, а второй вариант — с чиками Тувы. Если внутренняя надпись прииртышского зеркала, содержащая орхонскую традицию в написании b^2, одновременна внешней, имеющей типично енисейское t^1, то следует предположить распространение алтайского варианта енисейского письма и среди кимаков.

При учете времени создания описанных памятников становится очевидным, что распространение енисейской письменности за пределы Хакасско-Минусинской котловины соотносится с известным историкам усилением экономического и политического могущества Древнехакасского государства, увеличением его территории в ходе захватнических войн первой половины IX в., ростом международной активности, в частности выр[illegible]ившейся в освоении торговых путей, достигавших далеких западных районов Сибири, Приуралья, юга Восточной Европы, где в этот период появляются не только письменные свидетельства о средневековых хакасах, но и археологически выявленные изделия их культуры и даже, по-видимому, погребальные памятники[18]. Думается, именно с этим, ныне еще недостаточно прослеженным процессом можно связать и факт обнаружения в долине р. Илек, притока р. Урал, бронзового зеркала с енисейской надписью — самого западного известного памятника азиатской рунической письменности[19]. Логично предположить, что прежде других енисейское письмо воспринимало разноэтническое тюркоязычное население, включенное в новое государственное объединение или вошедшее в тесные социально-экономические связи с ним. Во многих районах Срединной Азии это население было в значительной степени подготовлено к восприятию енисейской письменности предшествующим бытованием здесь иных систем степного рунического письма.

Таким образом, рассмотрение орхонской и енисейской письменностей на фоне данных политической истории и этнической археологии позволяет заключить, что каждый из этих алфавитов является прежде всего не этническим, а культурно-политическим, государственным признаком. Сказанное не означает забвения того, что создателем (в рамках определенного государства) и распространителем любого алфавита был конкретный этнический коллектив и даже отдельные его представители. Пожалуй, еще точнее говорить о том, что за каждым алфавитом лишь первоначально стоит определенная этническая группа, обладающая государственной властью и соответствующим аппаратом управления.

Именно нужды этого аппарата быстро делают письменность явлением межэтнического порядка. Заимствования осложняют, но кардинально не изменяют эту картину.

Исходя из положения о связи всякого алфавита с конкретным государством, следует поставить задачу поисков тех этнополитических образований, в которых были созданы и употреблялись прочие рунические алфавиты степного пояса. Заранее ясно, что при сегодняшней малочисленности известных памятников каждой из этих письменностей отыскать однозначный ответ можно лишь при стечении особо благоприятных обстоятельств. Поскольку на это трудно надеяться, приведенные ниже соображения, естественно, являются лишь попыткой приближения к проблеме.

Прежде всего следует установить время и археологическую культуру, к которым принадлежат письменные памятники любого алфавита. Наибольшая вероятность отнесения таласских надписей к IX—X вв. уже была показана в палеографической части работы. Связанные же с ними археологические материалы все еще остаются по существу неизвестными. Следовательно, при этнополитическом определении таласского письма мы располагаем лишь не вполне ясной датировкой, в очень малой степени известным ареалом, довольно скудными свидетельствами истории для этого времени и места, а также предполагаемой тесной связью создателей этого алфавита с носителями енисейского письма, проистекающей из сравнительного анализа букв обеих азбук.

Пожалуй, всем этим условиям соответствует лишь государство карлукских ябгу, сложившееся в Семиречье после 766 г. и в середине IX в. ставшее каганатом. В 940 г. эта держава была сокрушена Караханидами. Как видим, место и время существования памятников таласского письма и карлукского объединения совпадают. В истории карлуков, вероятно, могут найти объяснение и палеографические наблюдения, свидетельствующие о происхождении таласского алфавита от енисейского, так как в первой половине VIII в. эта народность обитала в землях от западных отрогов Алтая до Тарбагатайского хребта. Для этого времени — второй половины и, возможно, середины VIII в., как свидетельствуют памятники чиков Тувы и уйгуров Монголии, уже отмечается сильное воздействие енисейского алфавита на письменность стран, соседних с Древнехакасским государством. Первоначальное пребывание карлуков в бассейне Верхнего Иртыша можно увязать с отмечавшимися фактами проникновения характерных таласских знаков в отдельные надписи Горного Алтая и Тувы. Все сказанное не позволяет принять мнение, связывающее таласские надписи с государством тюргешей[20], предшествовавшим в Семиречье карлукскому объединению. Напомним, что официальной письменностью в Тюргешском каганате была, судя по легендам монет, согдийская скоропись[21].

В палеографическом разделе выявлены некоторые особенности таласского алфавита, указывающие на включение в его состав отдельных черт иной рунической письменности, по-видимому

известной в местах сложения таласского письма еще до его появления. Этот палеографический субстрат, по крайней мере по одному характерному знаку для ϒ (табл. XXIII, № 53, слева), может быть сопоставлен с ачикташской азбукой. В пользу такого предположения свидетельствует и факт обнаружения памятников обеих письменностей в долине одной реки Талас. Уже отмечалось, что все эти детали говорят об относительной хронологии ачикташского и таласского письма. Следовательно, допустимо связать ачикташский алфавит с тем государственным образованием, которое предшествовало в Семиречье карлукскому объединению. Однако такое предположение не согласуется с ареалом ачикташской письменности. Из трех известных пунктов — низовья Сырдарьи, отроги Кульджуктау и долина Таласа (рис. 7,*а*) — лишь крайняя восточная точка попадает в Чу-Илийское междуречье — пределы былых владений тюргешских каганов, к тому же — на их западное пограничье. Но именно Западное Семиречье, по всей видимости, явилось районом становления раннеогузской группировки. Предания огузов об их былом соседстве с чигилями (частью карлукского объединения) дошли до Махмуда Кашгарского и были им записаны[22]. Государство огузов сложилось после их выдвижения из Семиречья под давлением складывающейся власти карлуков. Территорией нового образования в IX—X вв. стало среднее и нижнее течение Сырдарьи и степи Западного Казахстана[23]. Становление сопровождалось борьбой с кангаро-печенежским объединением. Однако печенеги были разгромлены лишь в самом конце IX в., следовательно, увязывать с огузским государством ачикташскую письменность не позволяет датировка алтынасарской надписи (А 3), относимой, хотя и не вполне уверенно, не позднее чем к началу VIII в. Наиболее вероятной представляется связь этой письменности с пока неясным для нас государственным образованием Средней Сырдарьи VIII в. (или даже конца VII в.). Применяться же ачикташское письмо продолжало, по-видимому, и в IX в. Поиски приходится переносить или в эпоху существования Западнотюркского каганата (581 — около 740 гг.), — что, как увидим, не вполне вероятно, — или ко времени между его падением и созданием карлукского государства (ок. 740—766 гг.). Не следует пока отбрасывать и возможность формирования ачикташского письма не в тюркоязычной среде. В любом случае ныне остро ощущается недостаток как исторического, так и палеографического материала.

Из-за отсутствия необходимых данных сегодня нельзя произвести обоснованное соотнесение с каким-либо государством исфаринского письма. Кувинская находка (И 5) — единственная надпись, имеющая археологическую дату, — конец VII — начало VIII в. Однако сама эта дата основывается пока на общих археологических соображениях. Для археологов Средней Азии скорее сами рунические надписи являлись датирующим признаком изучаемых памятников. При этом исходили они из некоей вполне абстрактной «классической» тюркской рунической письменности, под которой, вероятно, подразумевался орхонский алфавит. Хорошо понимая

особую сложность точного датирования находок на среднеазиатских многослойных поселениях, все же отметим, что приведенная дата ферганских надписей требует новых конкретных подтверждений. Сегодня к ней следует относиться осторожно.

Из рунических алфавитов евроазиатской группы наиболее ясным представляется положение донского и кубанского письма. Памятники этих письменностей в подавляющем большинстве связаны с вполне конкретными археологическими материалами, относящимися к салтово-маяцкой культуре (середина VIII — начало X в.). Несмотря на то что в коллекции кубанских надписей есть такие, которые можно относить к первой трети VIII в. (К 12), их, по-видимому, без большого риска ошибиться следует, как и все салтово-маяцкие памятники, соотносить с государственной культурой Хазарского каганата. Многоэтничность этого государства не нуждается в доказательствах, для нас важнее показать межэтничность употребления как донского, так и кубанского письма. Для этого есть все археологические возможности. Ни донские, ни кубанские надписи не связаны с памятниками единого погребального обряда. Катакомбные и скальные захоронения, обычно связываемые с аланами, характерны как для населения Маяцкого (донские руны), так и северокавказских (кубанское письмо) городищ. Донской текст Кермен-Толга (Д 9) и кубанский из Житкова II (К 12) найдены в курганных захоронениях. Лишь объединение в общих политических рамках видится причиной применения каждой из этих письменностей явно разноэтничным населением.

Кубанский алфавит допустимо связывать также с болгарской государственностью. В этом более всего убеждают два обстоятельства. Во-первых, как мы видели, в поздних материалах Волжской Болгарии найдены надписи, палеографически очень близкие кубанскому алфавиту (К 11). Следовательно, с некоторыми изменениями кубанское письмо просуществовало до предмонгольского времени, и сохранилось оно в болгарской государственной среде. Во-вторых, значительное число кубанских надписей обнаружено на территории Прикамья (рис. 1, Приложение). Серебряная посуда поступала туда, как известно, более всего через Волжскую Болгарию. Там и были, видимо, сделаны эти надписи-гравировки. До Волжской Болгарии тем же речным путем предметы шли из Хазарского каганата. Были среди них и собственно хазарские произведения[24], достигавшие даже лесных низовьев Оби. Как было показано, палеографические особенности позволяют относить надпись на седьярском кувшине (К 1) к хазарскому периоду. Возможно, и сам сосуд мог быть изготовлен не столько в Семиречье, как считает В.П. Даркевич[25], сколько в Восточной Европе. Следует учитывать также, что среди вторичных рунических надписей Приуралья могут быть и еще не распознанные донские.

Из рассмотренных археологических условий нахождения донских и кубанских надписей проистекает вывод об одновременном использовании в Хазарском каганате нескольких систем письменности. В общей форме в таком заключении нет ничего

нового — известно существование в Хазарии иудаистских, христианских и мусульманских общин, каждая из которых, несомненно, использовала собственную систему письма. Новизна суждения заключается в том, что речь идет о существовании различных рунических алфавитов. Этот вывод представляется концептуально важным для правильного историко-культурного изучения памятников всех рунических письменностей. Подтверждению его правомочности не только в отношении Хазарского каганата послужит определение носителей последнего нерассмотренного в этом отношении евроазиатского рунического алфавита — южноенисейского письма.

По-видимому, носителями южноенисейского алфавита были древние тюрки. Так, надписи на роговых боковых накладках лука из Аймырлыга (Ю 8, Ю 9) найдены в погребении человека с конем, т.е. судя по обряду, вероятно, в могиле средневекового тюрка. Хотя нет оснований полагать, что надписи сделал владелец лука (как это утверждается Б.Б. Овчинниковой)[26], ибо у снаряженного лука накладки бывают закрыты оплеткой, можно думать, что изготовитель оружия принадлежал к той же этнической группе, что и погребенный. В могильнике Аймырлыг III на подобных накладках обнаружен вырезанный знак в виде треугольника с точкой и резной рисунок. Находки сделаны в погребениях с конями[27]. В захоронениях этого типа накладки с рисунками встречались и ранее (Таш-Тюбе, конец VI—VII в.)[28]. Следовательно, материалы позволяют увязывать с тюрками-тугю саму манеру нанесения рисунков и знаков на боковые накладки луков. Попутно отметим, что надписи из Кировского и Житковского могильников на Дону и Маныче (ДК 3 и К 12) сделаны на иных накладках, крепившихся не на рукоятях, как у древних тюрок, а на плечах луков.

В палеографическом разделе отмечено, что нанесение надписей Ю 12, Ю 13, Ю 15 — Ю 17 на стелы тюркских поминальных оград могильника Эдегей можно расценивать как факт вторичного использования. Казалось бы, это свидетельствует против связи южноенисейской письменности с тюрками-тугю. Однако не следует упускать из виду, что сопровождающие эдегейские надписи рисунки принадлежат к тому же художественному кругу, что и изображения, соседствующие с текстом Ю 7 из Саргола. Они же, в свою очередь, сходны с резными рисунками, нанесенными на плиты древнетюркской поминальной оградки с р. Юстыд (Горный Алтай). Вкупе с другими изображениями, обнаруженными на Алтае в ситуации, во многом подобной эдегейской, и некоторыми другими данными[29] указанные материалы позволяют поставить вопрос о повторном использовании поминальных оградок VI—VIII вв. самими тюрками в IX—X вв. Манера ненесения надписей на уже стоявшие более древние стелы, отмечаемая на Эдегее (ср. косое размещение строк Ю 12, Ю 15 и Ю 17), также находит аналогии в памятниках горноалтайской эпиграфики, палеографическая дата которых — конец VIII—X в. или IX—X вв. Таковы надписи Ак-Кообы (Кошагачская) и Талду-Айры[30]. Выполненные енисейской письмен-

ностью, они, как было показано, возникают в древнетюркской среде под древнехакасским влиянием.

Все сказанное согласуется с распространением южноенисейского письма и в Тувинской, и в Хакасско-Минусинской котловинах (на левом и правом берегах Енисея — рис. 3), и на Горном Алтае: общими для этих мест являются только памятники тех же тюрок-тугю. По-видимому, на земли к северу от Саян тюрки проникают из Тувы, вступая в вассальные отношения с кыргызскими феодалами[31].

Этническое определение южноенисейских надписей возможно и по сопутствующим им тамговым знакам. Они вырезаны на памятниках Эдегей I (рис. 5) и III (Ю 13), на обломке стелы, лежавшей рядом с последним (рис. 35), выше текста Туран III (Ю 11). Все тамги — не древнехакасские и это подтверждает, что носителем южноенисейского письма был другой южносибирский народ. Выделенные в Туве тамги чиков также не похожи на них[32]. Тамга, возможно близкая туранской, отмечена на Хая-Бажи[33]. В целом анализ затруднен тем, что автохтонный тамговый материал Тувинской котловины еще не собран. На Среднем Енисее близ устья р. Тубы на скалах Шалаболинской писаницы (рис. 3,*8*) зафиксирована крестовидная тамга, во всем подобная знаку туранской надписи Ю II[34], что говорит о проживании носителей южноенисейского письма на правом берегу Енисея.

Предположение о связи южноенисейской письменности с тюрками-тугю не означает, что они единственные владели этим руническим алфавитом. Вспомним уйбатский сосудик с Ю 6, найденный в древнехакасском погребении культуры чаатас. Серебряный сосуд просто, конечно, отнести к предметам торговли и приношений (ср. тамги, вырезанные на его донце), но думается, что нет оснований торопиться с этим. Учтем также, что палеографически южноенисейские надписи, как было показано, вероятно, не составляют полного единства и со временем могут расчлениться на разные графические основы.

Наиболее существенным в отстаивании тезиса о невозможности рассматривать какое-либо письмо как этноопределяющий признак по отношению к южноенисейскому алфавиту является другое. Как мы видим, это письмо может быть отнесено ко времени VIII—X вв. (возможно, только к IX—X вв.). Следовательно, и это тоже было показано, одновременно с южноенисейским письмом в среде тюрок-тугю бытовала орхонская, а в IX—X вв. и енисейская письменность. Но если государственные образования, в которых тюрки использовали орхонское и енисейское письмо, нам известны — для первого это Второй Восточнотюркский и, вероятно, Уйгурский каганаты и для второго — Древнехакасское государство, то определить державу, в составе которой они восприняли южноенисейское письмо, непросто.

Таласские надписи свидетельствуют, что часть так называемых западных тюрок применяла один из восточнотюркских рунических алфавитов. Это дает основание предполагать определенную связь употреблявшего такое письмо населения Семиречья с восточнотюрк-

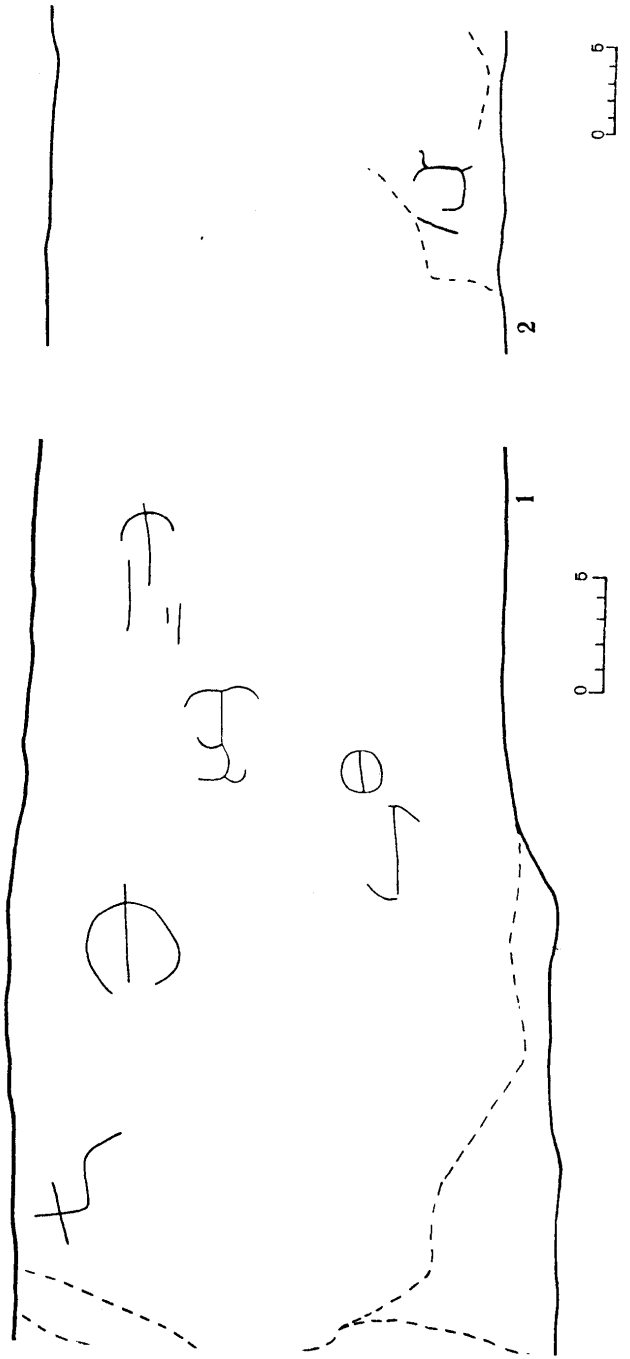

Рис. 35. Тамги на стеле, сопровождавшей поминальную оградку с надписью Эдегей I.
Прорисовка автора

скими государственными образованиями вообще и с Древнехакасским в частности. Исторически все это вполне соотносится с событиями, происходившими в период позднее образования обособленных тюркоязычных государств на востоке и западе Азии. Внешне противоположную ситуацию встречаем в отношении южносибирского письма. В этом случае восточные тюрки владеют одним из западнотюркских алфавитов. Но ни зависимости тюркоязычного Востока от тюркоязычного Запада, ни заметных переселений в Сибирь из Средней Азии в определяемые для этого письма временные пределы письменные источники, насколько известно, не отмечают.

Казалось бы, ареал выделенной нами евроазиатской группы рунических алфавитов находит хорошее объяснение в известных событиях политической истории. Следует лишь связать его с I Тюркским каганатом, занимавшим в 552—630 гг. огромную территорию от Черного моря до Великой китайской стены. Однако оснований для такого объяснения у нас нет. Этому мешает не только хронологическое несоответствие, но и тот факт, что евроазиатские рунические надписи представляют не единое письмо, а группу хотя и близких, но отличающихся друг от друга алфавитов. Правда, у них, видимо, была одна основа и ее существование должно относиться к более раннему времени, но сами донской, кубанский, южноенисейский, ачикташский и, вероятно, исфаринский алфавиты окончательно складываются, как можно полагать, не ранее VIII в. Наиболее вероятно, что их палеографические особенности формировались в условиях разных государственных образований, изменявших алфавит-основу в соответствии со своими нуждами. Осмысляя условия возникновения этого алфавита-основы, нельзя забывать, что уже в конце VI в. (581 г.) I Тюркский каганат распадается на западный и восточный — с центрами соответственно в Семиречье и на Орхоне. Руническое письмо (орхонский алфавит) появляется лишь во Втором Восточнотюркском каганате (682—745). В начале периода формируется и енисейское письмо. Как видим, имеющиеся материалы позволяют отнести к этой эпохе и возникновение письма-основы евроазиатского алфавита. Если это так, то процесс сложения письменности у тюркоязычных народов средневековья вполне соотносится с этапами сложения их государственности. Для территории Средней, Центральной Азии и юга Восточной Европы — со сложением ряда государств, выросших из остатков Западного и I Восточного каганатов. Точнее, появление азиатской руники определенно увязывается с формированием Древнехакасского (енисейский алфавит) и Второго Восточнотюркского (тюрки-тугю: орхонский алфавит) государств, а евроазиатской руники — со становлением в середине VIII в. ряда тюркских государств вследствие развала Западного каганата. Установить здесь связь того или иного алфавита с конкретным государством пока невозможно. Расположение памятников (рис. 8) подсказывает, что появление основ и распространение обеих групп рунических письменностей могут быть связаны с некими двумя

письменными традициями Средней Азии, размещавшимися в пределах Великого Шелкового пути. На нем правдоподобно отыскивать и соответствующие степным алфавитам государства. Однако следует помнить, что в VIII в. активная торговая деятельность, стимулировавшая культурные связи, на этом пути замирает.

Так или иначе, весь рассмотренный рунический материал позволяет выдвинуть гипотезу о том, что весьма разнообразная и подвижная картина формирования у раннесредневековых тюркоязычных народов Евразии государственных образований находит довольно точное отражение в особенностях письменных систем. Именно многообразие этого активного процесса повлекло за собой возникновение той множественности рунических алфавитов, которую выделяет палеографический анализ.

Второй аспект разбираемой темы возник при определении государственной принадлежности донского и кубанского алфавитов. Сосуществование двух хотя и близких, но самостоятельных алфавитов в пределах одного государства — Хазарского каганата VIII—X вв. — порождает проблему взаимоотношения этих письменностей. Выяснить разницу общественных функций донского и кубанского письма не позволяет недостаток источников. Однако в общем плане вопрос не исчерпывается европейскими материалами. Выделение южноенисейской письменности позволяет заключить, что по крайней мере в VIII—X вв. на Саяно-Алтайском нагорье также бытовало два типа рунического письма. Каждый имел свой набор буквенных знаков. Надписи на обоих алфавитах встречаются на одной территории — как на Среднем, так и на Верхнем Енисее. Вместе с тем памятников енисейской письменности ныне известно в десять раз больше, чем южноенисейской. Палеографические материалы, как мы видели, позволяют предполагать некоторое влияние енисейского письма на южноенисейское. Хотя поиски нельзя считать завершенными, об обратном воздействии свидетельств практически нет. Единственный енисейский памятник, имеющий в своем тексте две формы южноенисейских знаков (Эдегей I, рис. 5) при внимательном рассмотрении отражает не влияние, а ассимиляцию енисейским письмом южноенисейской письменной традиции[35].

Создается впечатление, что южноенисейская письменность принадлежала малочисленной и политически менее могущественной в сравнении с носителями енисейского алфавита этносоциальной группе. Наукой установлено, что енисейское письмо принадлежало средневековым хакасам и распространялось вместе с ростом политического влияния и особенно с увеличением границ возглавляемого кыргызами каганата. Тюрки-тугю, как отмечалось, занимали в этой державе вассальное положение. Таковым было положение и чиков Тувы, с которыми есть основания связывать группу енисейских памятников, имеющих следы третьего самобытного алфавита Южной Сибири — верхнеенисейского рунического письма.

Сопоставление всех этих фактов — главенство и распространение одного письма и вытеснение им других алфавитов — приводит к заключению, что в одном государстве не только могли употребляться разные системы письма, но что одна из этих письменностей была государственной, а другие занимали второстепенное положение и вытеснялись из официальной сферы. В Древнехакасской державе таким государственным письмом являлось енисейское. В Южной Сибири оно вытеснило южноенисейский и верхнеенисейский алфавиты, в Центральной Азии — орхонское письмо. На определенном этапе существования, как мы видели, все эти письменности отмечаются в енисейских памятниках в качестве спорадически проявляющих себя субстратных явлений. Писцы и резчики, владея несколькими руническими алфавитами, неосознанно проявляли свои знания, допуская нежелательные с официальной точки зрения описки. Подобное обстоятельство, впервые отмеченное для рунических памятников, имеет аналогию в употреблении семитского знака в руническом тексте из Турфана (В. Томсен полагал, что это буква hē, использованная в цифровом значении[36], ср. ситуацию в надписи К 9) и весьма хорошо известно для других регионов, лучше изученных в палеографическом отношении. Укажем, например, на употребление единичных глаголических знаков в кириллических рукописях или кириллических букв в глаголических текстах (а позднее, в XV в., — подобное проникновение пермских письмен; известно аналогичное включение и греческих, и латинских букв). Эти случаи расцениваются палеографами-славистами как свидетельства знания и употребления писцами обеих азбук, часто — как следствие переписки текста с глаголического письма на кириллическое или наоборот[37]. Такая же причина могла вызвать и появление енисейских надписей, содержащих знаки других рунических алфавитов. Резчик мог переносить на камень енисейскими буквами текст, написанный по-верхнеенисейски, по-южноенисейски или по-орхонски. Думается, подобные примеры есть и среди памятников орхонского письма. Так, показанное в разделе 1, гл. II систематическое употребление характерных знаков енисейского письма вместо или параллельно с орхонскими в эпитафии Моюн-чура свидетельствует, что высекать ее мог резчик, знавший и енисейскую, и орхонскую письменности.

Существование в раннесредневековых государствах тюркоязычных народов официального и неофициального письма подтверждается и приведенными ранее свидетельствами вытеснения ачикташского алфавита в Семиречье таласской письменностью.

Выходя за пределы рунических письменностей, можно указать на факты бытования так называемой уйгурской скорописи в VIII—IX вв.[38] в качестве неофициальной письменности Уйгурского каганата, государственной системой в котором был орхонский алфавит. Государственной эта модификация согдийской письменности становится только в уйгурских княжествах Восточного Туркестана. Любопытная особенность восточнотуркестанских

рукописей IX—X вв. — употребление в них нескольких алфавитов (рунического, согдо-уйгурского, манихейского, брахми) для записи тюркоязычной речи — связана не только с проблемой официального и неофициального письма, но и с общеизвестной связью определенного письма с литературой определенной религиозной системы. Эта тема в силу специфики источников выходит за пределы настоящей работы. Следует лишь заметить, что обнаружение в Турфанском оазисе среднеперсидских по языку записей, созданных руническими буквами, по-видимому, также можно рассматривать как свидетельство первоначального употребления орхонского алфавита в качестве государственного письма восточнотуркестанских уйгурских княжеств.

Если взглянуть на вырисовывающуюся по ныне известным материалам схему смены официальных письменностей в тюркоязычных государствах Центральной Азии и сопутствующих им параллельно применявшихся неофициальных по статусу письменностей, то можно наметить три основных этапа. На наиболее раннем из известных государственной письменностью является согдийская, параллельно ей — связанное с религиозным реформаторством письмо брахми. Свидетельством этому является Бугутская стела третьей четверти VI в.[39]. В Средней Азии согдийский язык и письмо сохраняли государственное значение во владениях тюркоязычных правителей и позднее, о чем свидетельствуют, в частности, легенды монет тюргешских каганов первой половины VIII в., а в качестве параллельных, судя по наскальным караханидским начертаниям Семиречья, существовали еще и в X в.[40] На втором этапе государственное значение приобретает орхонский алфавит, а параллельно ему существует «уйгурский» курсив, применяемый для передачи тюркской речи. Отмечается, как известно, и употребление китайской иероглифики, по-видимому, в качестве письма международной дипломатии на Дальнем Востоке или отражения политической активности Танского государства. Третий этап — это государственное употребление уйгурского письма.

Рассмотренная ситуация позволяет с новых позиций взглянуть на общую историю рунических письменностей. Во-первых, известны этапы, когда руны не были официальным письмом, но могли существовать. Для хазарского, древнехакасского и предположительно карлукского государства — а может быть, и для центральноазиатских каганатов — отмечается постоянное (для их хронологических пределов) параллельное существование какой-либо одной или даже нескольких рунических письменностей вне сферы официального письма. Во-вторых, становится ясно, что материалы для выяснения происхождения рунических письмен вовсе не обязательно следует искать лишь среди письменностей, бывших официальными в раннетюркских государствах, например в согдийском курсиве. Более того, стоит учесть известные в истории примеры, свидетельствующие, что новая письменность часто вводится ради укрепления авторитета той или иной державы. Весьма

ясно на это указывает, скажем, история создания квадратной монгольской письменности Пагба ламой в 1269 г. по личному распоряжению императора Хубилая и ее отмирание вместе с Юаньской династией[41]. Если подобное стремление выделиться и утвердиться среди могущественных соседей путем учреждения самобытной письменности было присуще и государствам, некогда принявшим рунические письменности, то их основы правдоподобно отыскивать среди малоупотребимых в то время алфавитов, не имевших официального статуса. Иными словами, прообразами степных рун могли стать не одновременные их появлению государственные письменности соседей, а письмена уже давно сокрушенных держав или вытесненные и малоизвестные алфавитные системы.

Как бы то ни было, анализируя культуру раннесредневекового тюркоязычного мира, ныне следует не просто ставить вопрос о распространении в нем письменности, следует изучать официальное и неофициальное письмо определенных государств. Соответственно общая проблема грамотности населения предстает ныне темой о степени овладения им официальной грамотой и не имеющими государственного ранга системами письма. Становится очевидным, что в изучаемых государствах было распространено такое культурное явление, как многописьменность (и, вероятно, многоязычность), присущее по крайней мере аристократической, образованной верхушке общества и, конечно же, писцам-профессионалам.

3. ГОСУДАРСТВО И ПИСЬМЕННЫЕ ТРАДИЦИИ

Отличия в письменных памятниках, оставленных различными раннесредневековыми тюркоязычными государствами Азии, проявляются не только в применении своеобычных рунических алфавитов, но и в облике самих этих письменных памятников, в основных принципах их оформления, композиционного построения текстов и сопутствующих им элементов. Вполне понятно, что таковые расхождения наиболее ярко проявляются не в личных, в значительной степени интимных надписях — будь то владельческие или благопожелательные, молитвенные или заклинательные и тому подобные начертания на предметах обихода и культа или на скалах. Этнополитические традиции прежде всего следует отыскивать среди письменных памятников официального содержания.

Рассматриваемые нами государственные культуры ныне по большей части представлены камнеписными текстами разного назначения. В то время как некоторые группы только лишь намечаются (предстоит вычленить и изучить, например, коллективные наскальные отметки типа енисейских на Хая-Бажи или орхонских в Хойто-Тамире) и в силу этого не могут быть привлечены для нашего исследования, другие обособляются вполне уверенно. Таковы енисейские межевые надписи на древних

курганных камнях, а также — эпитафийные тексты. Однако первые также не могут привлекаться для изучения с избранных позиций, ибо не известны ныне за пределами Древнехакасского государства (впрочем, если подобная изолированность межевых надписей будет сохраняться и при эпиграфическом обследовании других территорий, они приобретут в эпиграфике значение вполне определенного государственного показателя). Напротив, поискам этнополитических традиций в облике письменных памятников на основании рунических эпитафий способствует их широкое распространение, относительная многочисленность в каждом из рассматриваемых районов Азии, заведомая разноэтничность и неодинаковая государственная принадлежность, а также то обстоятельство, что их хронологические отличия, совпадая со сменой государственных образований, не осложняют сопоставлений, а облегчают осмысление их результатов.

Приводимые здесь особенности облика эпитафий вполне очевидны и, естественно, знакомы востоковедам. Однако их историко-сопоставительный анализ в тюркологической литературе отсутствует.

На пяти из шести сохранившихся поминальных памятниках крупнейших военачальников II Восточнотюркского каганата второй четверти VIII в. тексты начинаются с изображений личных геральдических знаков. Эти тамги на известных стелах — I и II Онгинских[42], Кюль-тегина, Бильге-кагана и Тоньюкука — размещены на самом верху и строки надписей, читаемые справа налево, направлены сверху вниз (рис. 36,*1*). Такая композиционная закономерность позволяет полагать, что и на стеле Кули-чура в верхней несохранившейся части должна была быть вырезана тамга. Вертикальное размещение строк встречаем уже на первом из известных официальных памятников монументальной письменности тюрок — Бугутской стеле (70-е годы VI в.)[43], содержащей тексты согдийский и брахми. Несмотря на имеющиеся факты не только горизонтального, но и вертикального размещения некоторых собственно согдийских надписей (относящихся, правда, к более позднему времени — VII—IX вв.), важнейшим для нас обстоятельством, несомненно, остается то, что согдийцы не имели обычая создавать эпитафии. Они не известны ни в самом Согде, ни в других местах обитания этого народа[44]. Эта существенная особенность, как и сам обряд и его архитектурно-монументальное оформление в Бугутском комплексе, не позволяют признать, что перед нами «созданная согдийцами эпитафийная камнеписная „литература“»[45]. Если Бугутский текст и создан согдийцем, то вопреки присущим Согду традициям и ради выполнения заказа тюркского общества. Никак нельзя, однако, исключить и возможность изготовления этой надписи по-согдийски самими тюрками. Ближайшая параллель, убеждающая в правоте подобного заключения, — трилингва Карабалгасуна.

В поисках образцов для тюркских памятных стел следует, видимо, избрать не западное, а восточное направление. Уже

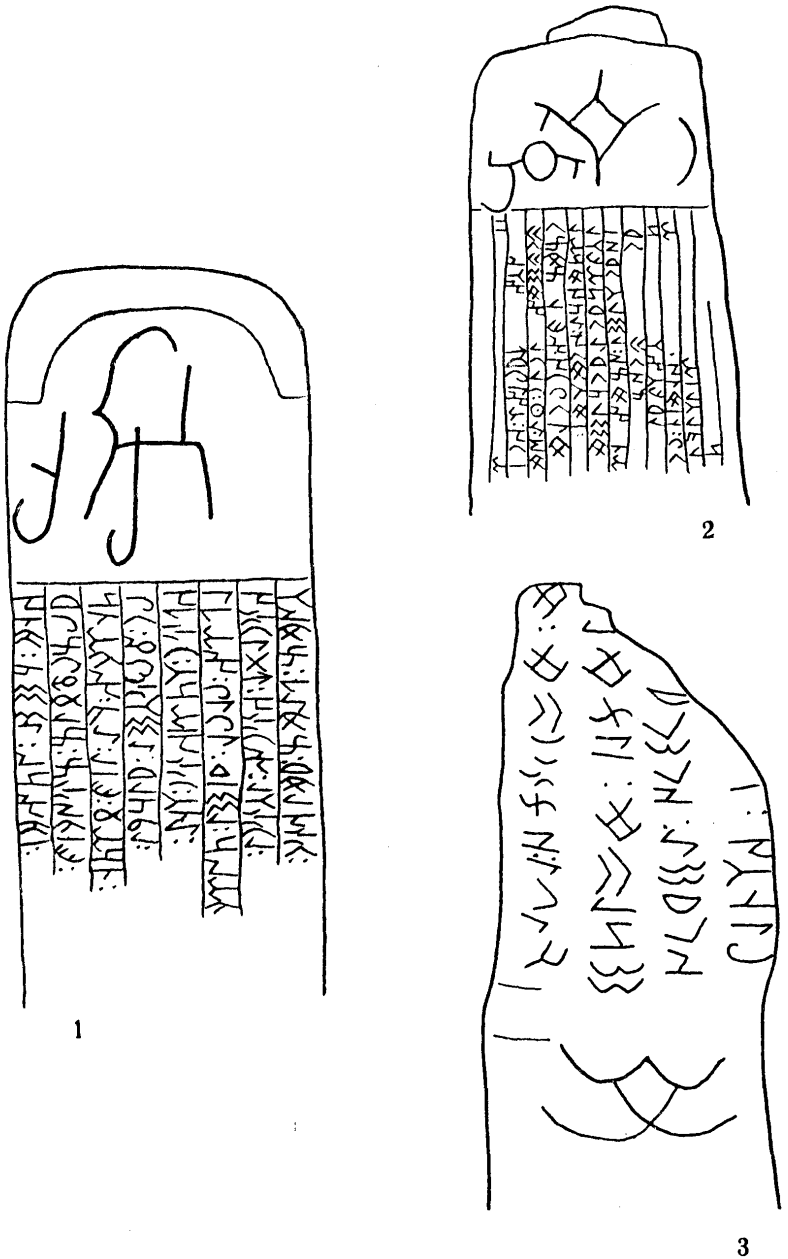

Рис. 36. Композиционные типы эпитафийных памятников
1, 2 – первый тип (орхонское письмо: *1* – Второй Восточнотюркский каганат, *2* – Уйгурский каганат), *3* – второй тип (енисейское письмо: Древнехакасское государство)

Бугутская стела была водружена на постамент в виде черепахи, эта черта оформления обычна и для эпитафий Второго Восточнотюркского каганата — обеих Онгинских, Кюль-тегина и Бильге-кагана. Размещение в верхней части стелы аристократических символов, вертикальное (сверху вниз) направление строк, порядок их расположения (справа налево)[46], как и другие, не столь значимые для нас черты оформления эпитафий тюрок-тугю (линовка текста, обрамление тамг, форма стел и т.д.), вероятно, восходят к основным особенностям раннесредневековых китайских, императорских стел. В литературе указывалось на длительную традицию надгробных надписей в Китае, известных уже во время Ханьской династии (по крайней мере с I в. до н.э.) в качестве самостоятельного литературного жанра. Привлекает внимание не только их общее внешнее сходство с тюркскими эпитафиями и особо рассматриваемое здесь композиционное соответствие текста и геральдических знаков, но и основное назначение — служить примером для потомства, — определяющее повествование только о государственной службе и заслугах перед центральной властью. Нельзя не увидеть близкую параллель и в том, что в Китае не все члены даже знатных семейств удостаивались таких эпитафийных памятников, а лишь редкие, наиболее выдающиеся деятели[47]. При таком многоплановом сходстве не только в основных принципах внешнего оформления и содержания, но и статуса эпитафий, в решении вопроса о происхождении обычая сооружения тюркских стел нельзя не присоединиться к суждению Н.И. Конрада: «Трудно себе представить, что тюркские надписи не имели никакого отношения к китайским»[48]. Главное же различие состоит в иной геральдической и письменной системе. Оно не оставляет сомнений в том, что рассматриваемые эпитафии являются важным признаком собственно тюркской государственности.

Устойчивость и политическую значимость описанного композиционного построения эпитафий раннесредневековых государственных деятелей подтверждают и эпитафии Уйгурского каганата. Судя по особенностям памятника с уцелевшей вершиной (единственного из пяти известных) — стелы кагана Моюн-чура (середина VIII в.), на которой тамги размещены в верхней части камня, а строки направлены сверху вниз (рис. 36,*2*), — уйгурские правители сохранили «тюркские» принципы построения таких памятников. С одной стороны, это свидетельствует о преемственности государственной системы уйгуров от Второго Восточнотюркского каганата, выразившейся, в частности, и в сохранении орхонской письменности, литературного языка, в других политически важных проявлениях, вплоть до размещения столичного центра. Композиционный эпитафийный канон тем самым превращается в показатель культурно-государственной традиции. С другой же стороны, отмеченное сходство тюркских и уйгурских стел лишает его этноопределяющего значения.

Полевые изыскания С.Г. Кляшторного выявили в нижних частях и на постаментах стел Уйгурского каганата (Моюн-чура,

Терхинской, Тэсской) дополнительные тамги, которые исследователь справедливо связывает с создателями памятников[49]. Известные материалы позволяют считать эту деталь отличительной особенностью эпитафий Уйгурского каганата. Вместе с тем она дополняет старшую орхонскую композиционную схему, но не изменяет ее.

Совершенно иные требования к размещению тамг и текстов отражают енисейские эпитафии, оставшиеся от Древнехакасского государства. На этих памятниках, в большинстве своем относящихся к IX—X вв., надписи также начинаются геральдическими знаками, однако тамга размещается в нижней части стелы, а строки направляются снизу вверх (рис. 36,*3*). Это расхождение с центральноазиатским каноном настолько явно и оно столь твердо выдерживалось в свое время, что его учет позволяет производить начальное определение государственной принадлежности любого памятника еще до анализа содержания его текста. Значимость нашего показателя сохраняется и при подобной работе с частично сохранившимися стелами, не позволяющими учесть в полной мере какую-либо из основных эпиграфических составляющих — будь то тамга или надпись. Тому есть надежные подтверждения. Так, на стеле Бильге-кагана ныне не сохранился упомянутый в первых публикациях, но оставшийся не изданным тамговый знак[50], однако форма камня указывает на размещение строк текста сверху вниз, что соответствует «орхонскому» канону. Принадлежность памятника Второму Восточнотюркскому каганату подтверждается, как известно, содержанием надписи. То же можно сказать и о стеле Кули-чура[51]. Суджинская же стела (Е 47) не содержит ясно различимой тамги, но направление строк эпитафии снизу вверх свидетельствует о ее принадлежности Древнехакасскому государству, о чем говорит и текст. Ныне нет материалов, позволяющих наметить истоки древнехакасской композиционной традиции.

Как отмечалось, в 1960 г. по особенностям погребального обряда были выделены письменные памятники чиков Тувы. Две их эпитафии сопровождались самобытными тамгами, учет которых позволяет ныне дополнить эту группу третьей стелой с надписью. Сравнительно-типологический взгляд на композиционные принципы этих памятников позволяет отметить две важные особенности. Камень Уюк-Аржан (Е 2) демонстрирует не «орхонскую» и не «енисейскую», а третью, самостоятельную схему размещения текста и геральдического знака. Четыре строки надписи размещены здесь горизонтально, а тамга находится ниже текста, близ его начала у правого края плоскости (рис. 37). Горизонтальные строки находим и на некоторых орхонских эпитафиях, например на боковой поверхности I Онгинского камня (730-е годы, тюрки-тугю) и на верхнем поле Карабалгасунской стелы (около 821 г., уйгуры). Однако там подобным образом расположены дополнительные строки, основные же тексты размещены по центральноазиатскому канону. Тувинская эпитафия вся подчинена вновь отмечаемому композиционному принципу, в котором, необходимо это

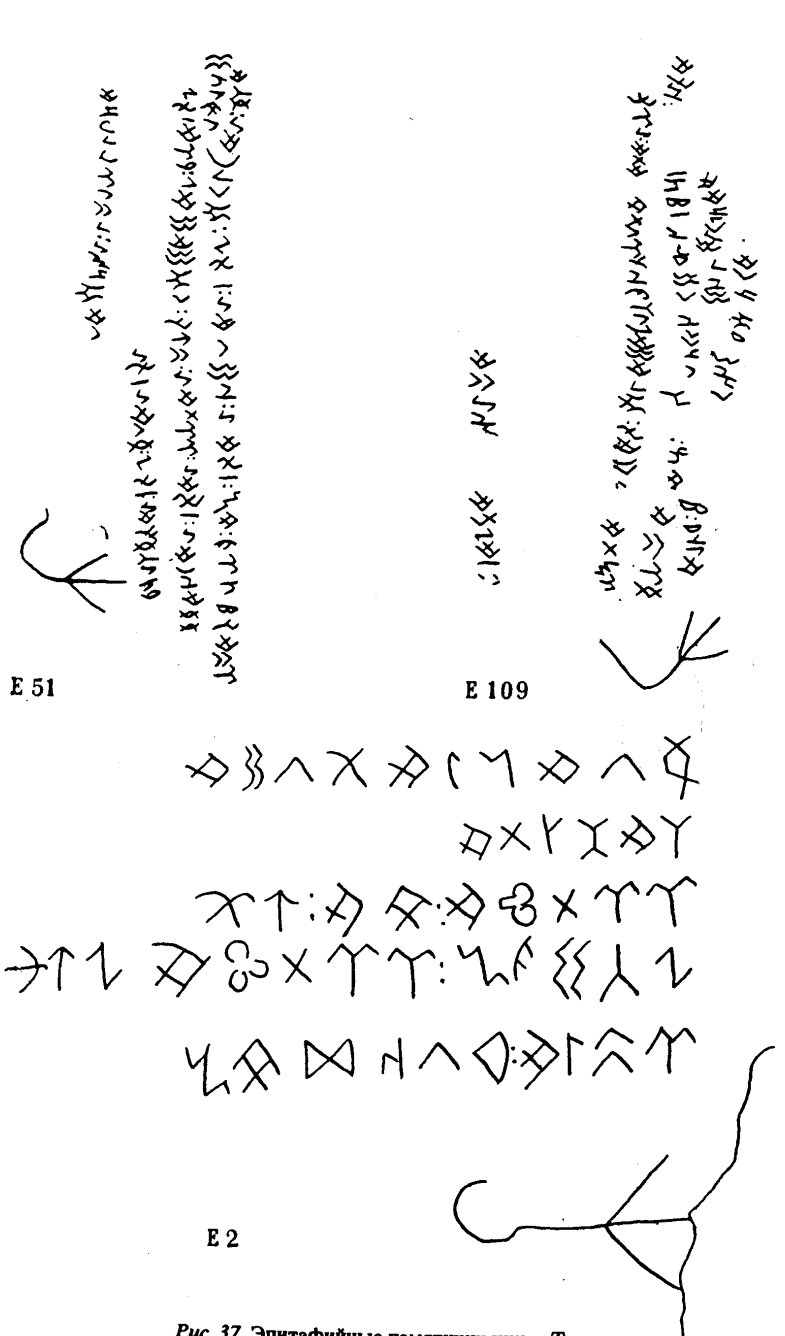

Рис. 37. Эпитафийные памятники чиков Тувы
Е 2 – третий композиционный тип, Е 51 – вариант, переходный от третьего ко второму типу, Е 109 – второй тип

подчеркнуть, своеобразна и позиция тамги. Возможно, приведенные аналогии с горизонтальным размещением строк указывают лишь на определенную хронологическую близость со стелой Уюк-Аржан, относимой к концу VIII — началу IX в.

Пожалуй, существование на Улуг-Хеме третьей композиционной традиции косвенным образом подтверждает и так называемый «Третий памятник из Тувы» (Е 51), на котором строки, хотя и направлены снизу вверх, но тамга все же размещена в стороне от текста в положении, сходном с уюкаржанским (рис. 37). По-видимому, отражая сильное воздействие древнехакасского канона в размещении текста, эта стела сохраняет пережиточные местные черты в местонахождении тамги и в целом является типологически переходным памятником. Любопытно, что и тамга этой эпитафии представляет следующий этап в развитии геральдического знака, вырезанного на Е 2. Завершение эволюции облика чикских эпитафий встречаем на памятнике Уюк-Орзак II (Е 109), уже полностью подчиненном требованиям, принятым в Древнехакасском государстве (рис. 37). Вероятно, памятник составлен уже после включения Тувинской котловины во владения кыргызских каганов. Так или иначе, перед нами новое подтверждение государственного, а не этнического значения принципов построения элементов эпитафийных памятников. Об этом же свидетельствуют и две своеобразные стелы Горного Алтая — Кошагачская и Талдуайрынская[52], надписи на которых начертаны снизу вверх. По-видимому, они также созданы после захвата этих земель древними хакасами и под прямым воздействием последних, ибо до тех пор для тюрок-тугю, как известно, не был характерен обычай установки поминальных текстов своим умершим, за исключением редких представителей высшей военной аристократии VIII в. О поздней дате говорит и облик t^1 во второй надписи. В подтверждение сказанного здесь следует вспомнить и эпитафию Эдегей I, начертанную снизу вверх и начинающуюся тамгой (рис. 5). Этот памятник, как было показано, также может быть отнесен к тюркам-тугю IX—X вв.

Четвертый композиционный тип выделяется для эпитафий Таласской долины. Это известные валуны, строки текста на которых нанесены горизонтально и, достигая края поверхности, могут загибаться, принимая возвратное направление (рис. 38). Личные тамги на камнях отсутствуют, что при учете их относительно поздней датировки (не ранее IX—X вв.), вероятно, находит соответствие в древнехакасских памятниках конца IX—X в., лишенных княжеских знаков, а также в особенностях эпитафий автохтонного населения Тувы (см. гл. V, разд. 4). Вместе с тем нет сомнения, что таласский композиционный канон совершенно своеобразен и в зависимости от определения эпохи его бытования должен быть соотнесен с тем или иным западнотюркским государством (наиболее вероятно, карлукским). Все сказанное о таласских и древнехакасских эпитафиях не позволяет согласиться с предположением С.Г. Кляшторного о заимствовании жителями Семиречья обычая создавать камнеписные памятники умершим

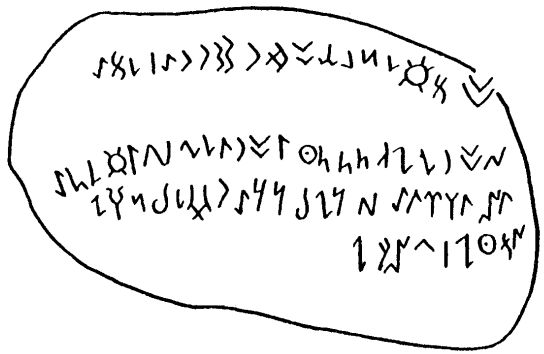

Рис. 38. Четвертый композиционный тип эпитафийных памятников (таласское письмо)

непосредственно у создателей енисейских стел[53]. Очевидно, что таласский принцип размещения текста восходит к горизонтальному положению строк надписи. Последнее сближает этот канон с отмеченной самобытной композицией чикских эпитафий Тувы и позволяет поставить вопрос об их общей культурно-государственной основе. Отличают их соответственно выбор валунов или стел и отсутствие или наличие тамгового знака.

Описанные композиционные особенности эпитафийных памятников, выполненных руническим письмом, свидетельствуют о существовании в раннесредневековых государствах Срединной Азии своеобразных требований, предъявлявшихся к размещению текста и сопутствовавших ему элементов на поминальных памятниках. Эти требования не являются этнически показательными (хотя и возникали и утверждались они, конечно же, в конкретной национальной среде), так как соблюдались представителями разных народов. Причины этого могли быть неодинаковыми. Если необходимость проявить преемственность политической власти кажется возможным объяснением сходства облика уйгурских и тюркских эпитафий — явления довольно редкого даже в узкой среде правящей верхушки, то эпитафийный канон в условиях массового обычая водружения стел в многоэтничном Древнехакасском государстве определялся, вероятно, единственно принадлежностью представителя того или иного народа к аристократическому кругу державы, его нахождением на государственной службе соответствующего уровня.

Дальнейший источниковедческий анализ, надо полагать, будет способствовать углублению наших знаний и представлений. Несомненно одно — перед нами важная черта письменной культуры раннесредневековых тюркоязычных обществ Азии, отразившая как высокий уровень их социального развития, так и присущую каждому из них самобытность. Думается, совсем не случайно указанные здесь композиционные типы эпитафий совпадают с другим, палеографическим, членением рунических памятников. Эпитафии тюрок и уйгуров (первый тип) вырезаны орхонским письмом, древних

хакасов, чиков, горноалтайских тюрок IX—X вв. (второй тип и, единично, третий тип) — енисейским, населения Таласской долины (четвертый тип) — таласским.

Рассмотренная здесь категория письменных памятников расчленяется по этносоциальным традициям и государственной принадлежности, конечно, не только по палеографическим и эпиграфическим характеристикам. Весьма существенна количественная сторона материала, указывающая на кардинальное несходство центральноазиатской и древнехакасской традиции в определении статуса эпитафий. В первом случае они сооружались лишь выдающимся, редким деятелям, во втором — всем представителям военно-феодальной знати. При общей протяженности существования в одно столетие от Второго Восточнотюркского каганата и сменившего его Уйгурского дошло одиннадцать эпитафийных стел (соответственно шесть и пять), а от Древнехакасского государства — в одной лишь долине Енисея, составлявшей важную, но все же лишь часть территории державы, — более семидесяти. Именно массовость обычая и его сугубо социальная направленность привели к его заимствованию представителями покоренных чиков и тюрктугю. Вместе с тем для этих народов он так и не стал широко распространенным. Продолжая перечень различий, назовем установку стел на поминальных памятниках (центральноазиатская традиция, сохранившаяся даже после вхождения в Древнехакасское государство: стелы Горного Алтая и эдегейские камни в Туве; тюркский вариант — при оградках, уйгурский — при курганоподобных насыпях) и у погребений (древние хакасы и чики, а также, возможно, создатели таласских памятников). Различно и содержание орхонских и енисейских текстов, и отраженная в них система хронологии (см. работы С.Г. Кляшторного), и собственно литературные каноны текстов, их художественно-стилистические особенности, детально проанализированные И.В. Стеблевой[54]. Однако рассмотрение всех этих особенностей выходит за пределы поставленной проблемы.

Основные принципы внешнего построения камнеписных памятников, как и рунические алфавиты, отразили не этническое, а государственное величие и своеобразие раннесредневековых тюркоязычных обществ Азии. С учетом этого и следует строить их конкретно-исторические исследования.

[1] *Истрин В.А.* Возникновение и развитие письма. М., 1965, с. 31, 50, 55.

[2] *Зализняк А.А.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения. — *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1977—1983 гг. М., 1986.

[3] *Зализняк А.А.* Древненовгородское койне. — Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988.

[4] *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980, разд. V.

[5] *Тенишев Э.Р.* Отражение диалектов в тюркских рунических и уйгурских

памятниках. — СТ. 1976, № 1; *он же.* Язык древне- и среднетюркских памятников в функциональном аспекте. — ВЯ. 1979, № 2; *он же.* Огузские элементы в древнеуйгурском языке. — Восточная филология. Тб., 1983, 5; *он же.* Принципы составления исторических грамматик и историй литературных тюркских языков. — СТ. 1988, № 1.

[6] *Тенишев Э.Р.* Отражение диалектов, с. 30, 31.

[7] *Тенишев Э.Р.* Язык; *он же.* Огузские элементы, с. 54, 55.

[8] *Мелиоранский П.М.* Памятник в честь Кюль-Тегина. — ЗВОРАО. 1899, т. 12, с. 50.

[9] *Насилов В.М.* Язык орхоно-енисейской письменности. М., 1960, с. 7. Сводку мнений см.: *Кононов А.Н.* Грамматика языка, разд. V, с. 46.

[10] *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, с. 7.

[11] *Тенишев Э.Р.* Язык, с. 80 и сл.; *он же.* Принципы, с. 73.

[12] *Тенишев Э.Р.* Огузские элементы.

[13] *Малов С.Е.* Енисейская письменность, с. 7.

[14] *Кызласов Л.Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности. — СА. 1960, № 3, с. 97—100, 119, 120; *он же.* История Тувы в средние века. М., 1969, с. 79, 80, 112—114; *он же.* Древняя Тува. От палеолита до IX в. М., 1979, с. 193—197.

[15] *Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983, с. 16, 52, 77, 86.

[16] *Комарова М.Н.* Тюркское погребение с конем в Аржане. — Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ. Кызыл, 1973, вып. 16; *Кляшторный С.Г.* Рунические надписи из кургана Аржан II. — Первобытная археология Сибири. Л., 1975.

[17] *Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г.* Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья. — ТС. 1972. М., 1973.

[18] *Кызласов Л.Р.* История Южной Сибири в средние века. М., 1984, с. 116—123; *он же.* Торговые пути и связи древнехакасского государства с Западной Сибирью и Восточной Европой. — Прошлое Средней Азии. Душ., 1987; *Кызласов Л.Р., Король Г.Г.* Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990, с. 171, 172, рис. 64.

[19] *Аманжолов А.С.* Қола айнадағы қолтаңба. — Білім және Еңбек, А.-А., 1986, № 2. Зеркало хранится в Алма-Ате в Музее истории Казахстана.

[20] *Кляшторный С.Г.* О датировке рунических памятников Таласа. — Бартольдовские чтения. 1981. Год пятый. Тезисы докладов и сообщений. М., 1981.

[21] *Кызласов Л.Р., Смирнова О.И., Щербак А.М.* Монеты из раскопок городища Ак-Бешим (Киргизская ССР) в 1953—1954 гг. — Уч. зап. Института востоковедения. М., 1958, 16; *Смирнова О.И.* К вопросу о языке легенд на тюргешских монетах. — Тюркологические исследования. М.—Л., 1963; *она же.* Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981, с. 53 и сл.

[22] *Агаджанов С.Г.* Огузы. — История Казахской ССР. А.-А., 1977, с. 353.

[23] *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Аш., 1969, с. 122—128.

[24] *Смирнов Я.И.* Восточное серебро. СПб., 1909, с. 8, № 92 и 116; *Маршак Б.И.* Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М., 1971, с. 54, 63; *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока VIII—XIII вв. М., 1976, с. 144—153, 167—170, табл. 54.

[25] *Даркевич В.П.* Художественный металл, с. 9.

[26] *Овчинникова Б.Б.* К вопросу о вооружении кочевников средневековой Тувы. По материалам раскопок могильника Аймырлыг. — Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981, с. 134.

[27] *Овчинникова Б.Б.* К вопросу; *она же.* Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве. — СА. 1982, № 3, с. 216, рис. 4,*1*.

[28] *Могильникова В.А.* Тюрки. — Археология СССР. Степи Евразии в эпоху

средневековья. М., 1981, рис. 20,*26*. Предстоит выяснить, в каких хронологических и территориальных пределах эта традиция имеет этноопределяющее значение. Так, «по-тюркски» на боковой накладке лука, найденной в Тмутаракани, вырезан личный знак князя Мстислава Владимировича (ум. в 1036 г.): *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII—XIV вв. — Свод археологических источников, вып. Е 1—36. М., 1966, табл. 3,*6*.

[29]*Кубарев В.Д.* Древнетюркский поминальный комплекс на Дьер-Тебе. — Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978, с. 93, 94, примеч. 7; *он же.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984, с. 45, 57, 175, рис. 14, табл. XLVII.

[30]*Кубарев В.Д.* Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай). — Археологический поиск. Северная Азия. Новосибирск, 1980, с. 85; *Наделяев В.М.* Древнетюркская руническая надпись из Кош-Агача. — ИСОАН, 1973, № 1. Сер. обществ. наук, вып. 1; *он же.* Древнетюркские надписи Горного Алтая. — Там же. 1981, № 11. Сер. обществ. наук, вып. 3, с. 66; *он же.* Древнетюркские надписи Горного Алтая. — Алтайский язык на современном этапе его развития. Горно-Алтайск, 1984, с. 82, 83.

[31]*Кызласов Л.Р.* Древнехакасская культура чаатас VI—IX вв. — Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, с. 51, рис. 28, *Ж*, *68—79*; *он же.* Тюхтятская культура древних хакасов. — Там же, с. 57, 58, рис. 33,*Г*, справа; *он же.* История Южной Сибири, с. 137.

[32]*Кызласов Л.Р.* Новая датировка, рис. 3.

[33]Там же, рис. 15,*5*.

[34]*Пяткин Б.Н., Мартынов А.И.* Шалаболинские петроглифы. Красноярск, 1985, табл. 41,*14*.

[35]*Кызласов И.Л.* Новая руническая письменность Южной Сибири. — Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988, с. 111, 118—123, рис. 5, 6. О подтверждающих высказанную мысль принципах композиции этого памятника см. в следующем разделе книги.

[36]*Thomsen V.* Ein Blatt in türkischer «Runen»schrift aus Turfan. — SPAW. Der Phil.-hist. Klasse. B., 1910, c. 302, 303, Taf. III.

[37]*Карский Е.Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, с. 160, 211—213, 252, 361; *Сперанский М.Н.* Тайнопись в югославских и русских памятниках письма. Л., 1929 (Энциклопедия славянской филологии. Вып. 4. Ч. 3), с. 66—68, 70—72, 76.

[38]*Щербак А.М.* Надпись на древнеуйгурском языке из Монголии. — ЭВ. 1961, 14; *он же.* Древнеуйгурская надпись на серебряной чарке из могильника Над Поляной. — КСИА. 1968, вып. 114; *он же.* De l'Alphabet Ouïgour. — AOH. 1983, t. 36, fasc. 1—3.

[39]*Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Согдийская надпись из Бугута. — Страны и народы Востока. Вып. 10. М., 1971; *Kljaštornyi S., Livšic V.A.* The Sogdian Inscription of Bugut Revised. — AOH. 1972, t. 26, fasc. 1.

[40]*Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Согдийская надпись, с. 135, 136; *они же.* The Sogdian Inscription, c. 82.

[41]*Поппе Н.Н.* Квадратная письменность. М.—Л., 1941, с. 11—15. Легко заметить, что государственная письменность одновременно выполняет две задачи: во-первых, объединяет разнородное и подчас разноязыкое население страны, во-вторых, отделяет его от граждан других держав. В этом письмо сходно с религией, т.е. выступает как существенная часть идеологии общества.

[42]О двух Онгинских стелах см.: *Войтов В.Е.* Онгинский памятник. Проблемы культуроведческой интерпретации. — СТ. 1989, № 3.

[43]Только раскопки могут ныне подтвердить эту, предложенную при чтении текста датировку.

[44]*Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Согдийская надпись, с. 135—137.

[45]Там же, с. 135; *Kljaštornyi S., Livšic V.A.* The Sogdian Inscription, c. 80.

[46]Что было отмечено еще при дешифровке текстов Кюль-тегина и Бильге-кагана: *Томсен В.* Дешифровка орхонских и енисейских надписей. — ЗВОРАО. 1894, т. 8, с. 330.

[47]*Жирмунский В.М.* Орхонские надписи — стихи или проза? — Народы Азии и Африки. 1968, № 2, с. 80.

[48]Там же.

[49]*Кляшторный С.Г.* Надпись уйгурского Бёгю-кагана в Северо-Западной Монголии. — Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987, с. 21—23. Эти тамги авторов (резчиков? создателей текстов? руководителей работ по созданию памятника?) свидетельствуют, видимо, о том, что они были представителями аристократии, а типологическая близость тамговых знаков — что в Уйгурском каганате это ремесло было фамильным.

[50]*Радлов В.В., Мелиоранский П.М.* Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме. — Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. 4. СПб., 1897.

[51]*Kotwicz W., Samoïlovitch A.* Le monument turc d'Ikhe-khuchotu en Mongolie Centrale. — RO. 1928, t. 4; *Clauson G., Tryjarski E.* The Inscription at Ikhe Khushotu. — RO. 1971, t. 34, z. 1.

[52]*Наделяев В.М.* Древнетюркская руническая надпись из Кош-Агача; *он же.* Древнетюркские надписи Горного Алтая. — Алтайский язык на современном этапе его развития. Горно-Алтайск, 1984, с. 82, 83; *Кызласов И.Л.* Горноалтайские рунические надписи на стелах. — Археологические и фольклорные источники по истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1994.

[53]*Кляшторный С.Г.* О датировке рунических памятников Таласа. — Бартольдовские чтения. 1981. М., 1981, с. 44.

[54]*Стеблева И.В.* Поэзия тюрков VI—VIII вв. М., 1965; *она же.* Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М., 1976, гл. I, II.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенная в этой работе концепция основывается на палеографическом изучении памятников так называемой рунической письменности степной зоны Евразии и состоит в признании множественности примененных в них алфавитов. По набору знаков эти раннесредневековые письменности объединяются в две самостоятельные группы. К первой относим енисейское, орхонское и таласское письмо. Ко второй — донское, кубанское, ачикташское, исфаринское и южноенисейское. Каждая из этих двух групп сложилась в разных условиях и на различной основе. Наиболее близкими являются следующие пары алфавитов: донской и кубанский, ачикташский и южноенисейский, енисейский и орхонский, енисейский и таласский.

Первая группа древнетюркских рунических письменностей распространилась лишь в пределах Азии (от Лены до Семиречья), и поэтому ее можно называть азиатской. Вторая группа — евроазиатская, так как представлена от Енисея до Дона. Их единство, вероятно, заключается в принадлежности к одной языковой семье — тюркской (хотя надписи евроазиатской группы ныне остаются недешифрованными). Памятники обеих письменных групп представляют собой не безотрывное скорописное письмо, а рунические знаки-резы, хотя всюду известны и курсивные начертания, свойственные письму чернилами по пергамену, выявляющие писцов-профессионалов. Палеографическое сходство состоит в написании строк справа налево. Одинаковый или сходный облик ряда азиатских и евроазиатских рунических знаков объясняется, вероятно, восхождением их, несомненно, разных основ к единой или близкой предтече — буквенным письменам Средней Азии, возникшим на базе древнесемитских алфавитов неарамейского корня. Строй орхонского алфавита, выявляемый по фрагментам двух рукописных азбук, сохранил древнейшие особенности письма-предшественника, восходящие к системе слоговой письменности, отличной от той, которую представляют известные западносемитские силлабарии. Специфика применения письменных знаков, наблюдаемая в енисейских и орхонских памятниках, указывает на сохранение многовековой традиции единого развития этой проторунической

письменности. Следовательно, нет возможности предполагать былое самостоятельное изобретение азиатского рунического письма каким-либо из тюркоязычных народов раннего средневековья. Наиболее вероятно, что письменность была заимствована в готовом виде. Однако этот процесс, по-видимому, не был одноактным: различные тюркоязычные народы Азии обращались к рунической письменности в разное время и воспринимали различные ее изводы.

Евроазиатская и азиатская группы древнетюркских рунических алфавитов, хотя бы частично, сосуществовали. В Южной Сибири и в Семиречье они какое-то время использовались совместно. Этот вывод основывается не только на одновременных археологических материалах, но и на палеографических наблюдениях. Для енисейских и южноенисейских, для таласских и ачикташских надписей отмечаются следы взаимовлияния. Можно полагать также, что южноенисейское письмо было вытеснено и поглощено на Саяно-Алтайском нагорье енисейским, а в Семиречье ту же судьбу для ачикташского письма уготовило распространение таласского алфавита.

Факт такого сосуществования и взаимопроникновения создает обоснованные возможности для поисков фонетических соответствий евроазиатских рунических знаков на материалах палеографически смешанных письменных памятников. Опорой в этом должно служить установленное звуковое значение азиатских рунических знаков. Второе возможное направление подобных поисков более трудоемко. Оно заключается в выявлении прототипа евроазиатской руники и попытке применить его фонетические соответствия для прочтения тюркоязычных надписей. Двигаясь в этом направлении, вероятно, следует вновь переосмыслить тот этап палеографических поисков, который был пройден языкознанием накануне дешифровки орхонских рунических надписей и ныне часто воспринимается как курьезная и бесплодная деятельность.

Сравнительно-типологический анализ знаков азиатских рунических надписей показал, что две самостоятельных алфавита этой группы — енисейский и орхонский — могли сформироваться параллельно и независимо друг от друга, но, вероятно, на единой графической основе. Дальнейшее их развитие происходило главным образом по линии усиливающегося воздействия енисейского письма на орхонское, вплоть до полного поглощения последнего. Начальная стадия такого воздействия отмечается во времена Уйгурского каганата и позволяет отличать от правильного старшего орхонского письма младшие орхонские надписи. Свидетельства подобного процесса, происходившего в Тувинской котловине, позволили выявить следы неведомого письма, названного верхнеенисейским, которое было распространено, как можно полагать, до перехода населения на енисейский алфавит и, вероятно, представляло архаичный тип письменности — предшественницы орхонской. Палеографические отражения этой судьбы енисейского письма, указывающие на вытесненные им субстратные алфавиты, позволили выделить два варианта этой южносибирской письменности —

алтайский и тувинский, — сосуществующие с собственно енисейским. Выявленная активность енисейского письма согласуется с фактом формирования на его основе (с сохранением ряда местных письменных особенностей) третьего азиатского алфавита — таласского.

Совокупный анализ древнетюркских рунических надписей выявил, что они не представляют собой чего-то единого ни в Европе, ни в Азии. Вычленение самобытных алфавитов и их исторически связанных групп есть основа палеографических исследований. Изучение каждого алфавита и выполненных им надписей является самостоятельной отраслью палеографии, ибо любой алфавит обладает графической неповторимостью, а значит, и собственной историей.

Сравнение облика степных рун с древними и раннесредневековыми алфавитами показало отсутствие у наших письменностей какого-либо кардинального графического своеобразия, которое, строго говоря, позволило бы закрепить за ними некий общий типологически значимый термин. Степные рунические письменности стадиально стоят в одном ряду с другими доскорописными формами, не знавшими связного написания букв в тексте. От германских рун и других алфавитов, предназначенных для создания резных надписей, изучаемые письмена отличает значительное число в каждом из них округлых букв и знаков с плавно изогнутыми частями. Эти особенности позволяют говорить не о камнеписном назначении степных рунических алфавитов, а о присущей их носителям традиции письма жидкими красителями по мягкому писчему материалу. Для енисейского и орхонского алфавитов зафиксированы нанесенные тушью и кистью или тростниковым пером наскальные надписи, для IX—X вв. известны орхонские рунические рукописи. Памятники кубанского, орхонского и енисейского письма позволяют отметить бытование двух типов написания букв — лапидарного и курсивного.

Формирующаяся древнетюркская палеография неотделима от истории — прежде всего от изучения политической ситуации раннего средневековья. Второе концептуальное положение настоящей работы заключается в том, что каждый алфавит (и уж, конечно, группа алфавитов) является прежде всего не этническим, а культурно-политическим, государственным признаком. Так, орхонским алфавитом пользовались Второй Восточнотюркский и Уйгурский каганаты; енисейским — многонациональное Древнехакасское государство; возникшим под сильным влиянием последнего таласским — население Семиречья, входившее, возможно, в карлукское объединение; кубанским — вероятно, болгарские государственные образования (включая Волжскую Болгарию) и Хазарский каганат, в котором также применялся донской алфавит. Практиковавшиеся этнические определения алфавитов не являются научно обоснованными, ибо не соответствуют сложности исторической действительности. Этот вывод не означает забвения того, что

создателем, основным носителем и распространителем каждого алфавита был конкретный этнический коллектив.

Соотношение ареалов различных письменностей, результатов датирования письменных памятников и известных данных политической истории убеждает в том, что сосуществование в рамках одного государства различных рунических алфавитов было далеко не редким явлением. Так, для Хазарского каганата отмечается донское и кубанское письмо, для Древнехакасского государства — енисейское, южноенисейское и верхнеенисейское на территории Саяно-Алтайского нагорья, а также енисейское и орхонское — в Центральной Азии. В Семиречье отмечается сосуществование таласской и ачикташской письменностей. Весьма заметно, что условия употребления одновременно бытовавших письменностей в пределах каждого государства были неравными. Одна из них пользовалась поддержкой верховной власти, другие имели узкие сферы применения. Такими официальными письменностями были, например, енисейский и таласский алфавиты. Именно их государственный статус объясняет наблюдаемое вытеснение данными письменностями других рунических азбук. Государственным было и орхонское письмо. Гибель применявших его каганатов повлекла за собой и смену письменности. Исходя из высказанного положения, следует считать правомерным поиск тех государственных образований (VII?) VIII в., которые породили и распространили алфавиты, занимающие в IX—X вв. уже второстепенные позиции: донской, кубанский, ачикташский, южноенисейский и верхнеенисейский.

Государственной регламентации подвергались и основные принципы размещения официальных надписей. Явно выделяются различные надэтнические традиции создания эпитафийных памятников Азии. Они отличаются сопровождением текстов аристократическими геральдическими знаками или их отсутствием, вертикальным или горизонтальным расположением строк. Комбинации этих признаков позволяют выделить четыре композиционных типа: 1) тамга наверху, строки сверху вниз (Второй Восточнотюркский и Уйгурский каганаты); 2) тамга внизу и строки снизу вверх (Древнехакасское государство); 3) тамга внизу, строки горизонтальны (чики Тувы, создавшая тип государственная система не ясна); 4) тамги нет, горизонтальные строки (таласские памятники, карлукское государство?). Эпиграфические различия подтверждаются серией иных постоянно выдерживавшихся признаков (несходством облика памятников — валуны или стелы, размещением эпитафий у могил или у поминальников и т.д.). В каждой традиции — свои требования к содержанию и художественно-стилистическим особенностям текста.

В совокупности с государственным размежеванием степных рунических алфавитов эти материалы позволяют поставить вопрос о существовании в каждом из раннесредневековых государств тюркоязычных народов Евразии самобытной письменной культуры, среди разнообразных проявлений которой может быть и ранняя форма

наддиалектного литературного языка. В правомерности его поиска убеждают общетипологические аналогии.

За письменными памятниками степной зоны, традиционно называемыми руническими, скрывается далеко еще не познанное тюркологией многообразное богатство историко-культурных процессов средневековья.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СВОД ПАМЯТНИКОВ ЕВРОАЗИАТСКОГО РУНИЧЕСКОГО ПИСЬМА

Надписи сгруппированы по алфавитной принадлежности и снабжены индексами, в которых буква обозначает название алфавита, а цифра — порядковый номер памятника в соответствии со временем его обнаружения и введения в науку. Надписи представлены в прорисях. Их нет лишь для большинства хумаринских текстов, так как подлинники нами не изучались, изданные фотографии мелки, а опубликованные прориси недостаточно точны (см. табл. II). Некоторые памятники проиллюстрированы фотоснимками. Все они изготовлены в Государственном Эрмитаже, за исключением Д 20 и К 11, предоставленных С.А. Плетневой и А.Ф. Кочкиной, а также Ю 11, сделанного автором. В перечне указаны лишь публикации фотографий или авторских копий оригиналов, их переиздания другими исследователями не названы, ибо не могут служить надежным источником исследования. Отдельно приведены необходимое краткое описание, история открытия и изучения каждого письменного памятника.

1. ДОНСКОЕ ПИСЬМО (Д)

Д 1. Маяцкое-1

Граффито на обломке мелового блока крепостной стены. Горизонтальная строка из семи знаков. Точные размеры знаков неизвестны.

Дата — IX в.

Обнаружено в 1899 г. Д.М. Струковым при раскопках стены Маяцкого городища, стоящего на р. Дон близ устья р. Тихая Сосна (рис. 1, *1*).

Памятник известен по фотографии. Хранился в граверном кабинете Румянцевского музея в Москве. Не обнаружен уже в 1902 г. Архивы Д.М. Струкова находятся в ГИМ.

Д 1. Прорисовка автора по фотографии Н.Е. Макаренко

Публикации: *Макаренко Н.Е.* Археологические исследования 1907—1909 годов. — ИАК. 1911, вып. 43, рис. 23, с. 1, 23.

Попытки прочтения: *Щербак А.М.* Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. — СА. 1954, 19, с. 274, 275; *он же.* Знаки на керамике и кирпичах из Саркела—Белой Вежи. — МИА. 75, 1959, с. 386; *Турчанинов Г.Ф.* О языке надписей на камнях Маяцкого городища и флягах Повочеркасского музея. — СА. 1964, № 1, с. 77, 78; *он же.* Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971, с. 66—74; *Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники Европы. Ставрополь, 1989, с. 59—62, 160.

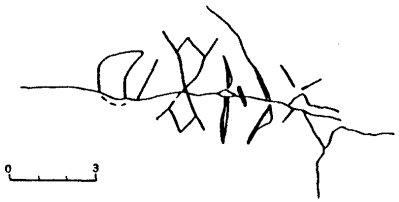
Д 2. Маяцкое-2

Граффито на обломке мелового блока крепостной стены. Горизонтальная строка из шести знаков. Общая длина 8 см. Высота букв 2 — 3,2 см.

Дата — IX в.

Обнаружено в 1909 г. в том же пункте при раскопках Н.Е. Макаренко.

Хранится в ГЭ, инв. № 1929/3.

Д 2. Прорисовка автора

Публикации: *Макаренко Н.Е.* Археологические исследования, рис. 19, 20, с. 22; *Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники, табл. 118, 118*а*; *Кызласов И.Л.* Рунические надписи Маяцкого городища. — Маяцкий археологический комплекс. М., 1990, рис. 2, с. 10, 12; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии. М., 1990, рис. 3,*1*, с. 6, 9, 11.

Попытки прочтения: *Щербак А.М.* Несколько слов, с. 275; *он же.* Знаки на керамике, с. 386; *Турчанинов Г.Ф.* О языке надписей, с. 78, 79; *он же.* Памятники письма, с. 67—72; *Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники, с. 154—158.

Д 3. Маяцкое-3

Граффито на двух смежных меловых блоках крепостной стены. Горизонтальная строка из трех или четырех знаков. Общая длина 6,5 см, высота знаков 3,5 см, первого справа — 4 см.

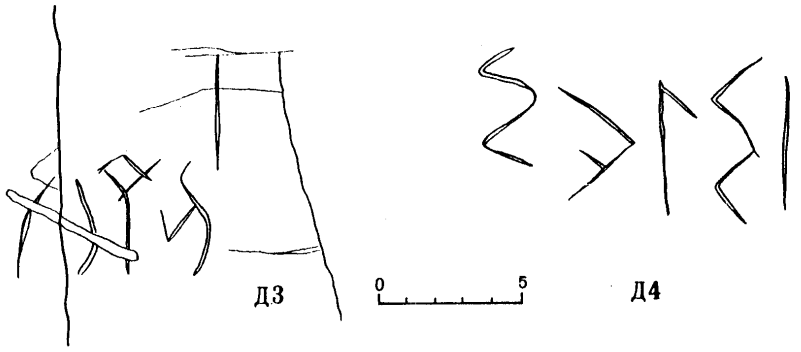
Дата — IX в.

Обнаружено в 1909 г. в том же пункте при раскопках Н.Е. Макаренко.

Хранится в ГЭ, инв. № 1929/4, 5.

Публикации: *Макаренко Н.Е.* Археологические исследования, рис. 19, 21; *Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники, табл. 118, 118 *а*; *Кызласов И.Л.* Рунические надписи, рис. 2, с. 10, 12; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 3,*2*, с. 6, 11.

Попытки прочтения: *Щербак А.М.* Несколько слов, с. 275; *он же.* Знаки на керамике, с. 386; *Турчанинов Г.Ф.* О языке надписей, с. 79; *он же.* Памятники письма, с. 67—72; *Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники, с. 154—158.

Д 3 и Д 4. Взаиморасположение. Прорисовка автора

Д 4. Маяцкое-4

Граффито на том же блоке, что и Д 3. Горизонтальная строка из пяти знаков. Общая длина 10,7 см, высота знаков от 4 до 5,7 см.

Дата — IX в.

Обнаружено в 1909 г. в том же пункте при раскопках Н.Е. Макаренко.

Хранится в ГЭ, инв. № 1929/4.

Публикации: *Макаренко Н.Е.* Археологические исследования, рис. 19, 22; *Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники, табл. 118, 118 *а*; *Кызласов И.Л.* Рунические надписи, рис. 2, с. 10, 12; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 3,*3*, с. 6, 11.

Попытки прочтения: *Щербак А.М.* Несколько слов, с. 275; *он же.* Знаки на керамике, с. 386; *Турчанинов Г.Ф.* О языке надписей, с. 79; *он же.* Памятники письма, с. 67—72; *Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники, с. 154—158.

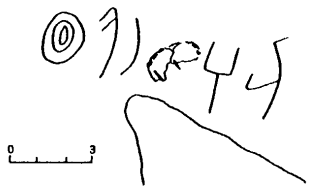
Д 5. Маяцкое-5

Граффито на обломке мелового блока крепостной стены. Горизонтальная строка из шести знаков, одна из букв повреждена, крайний левый знак тамговиден. Общая длина 8,7 см, высота знаков от 1,9 до 3,2 см (чаще — 2,5 см).

Дата — IX в.

Обнаружено в 1909 г. в том же пункте при раскопках Н.Е. Макаренко.

Хранится в ГЭ, инв. № 1929/1.

Д 5. Прорисовка автора

Публикации: *Макаренко Н.Е.* Археологические исследования, рис. 27, с. 27; *Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники, табл. 120; *Кызласов И.Л.* Рунические надписи, рис. 2, с. 10, 13; *он же.* Древнетюркская руничсская письменность Евразии, рис. 3,*4*, с. 6—11.

Попытки прочтения: *Щербак А.М.* Несколько слов, с. 276; *он же.* Знаки на керамике, с. 386; *Турчанинов Г.Ф.* О языке надписей, с. 79; *он же.* Памятники письма, с. 67—72; *Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники, с. 61, 62, 158, 159.

Д 6. Маяцкое-6

Граффито на меловом блоке крепостной стены. Остатки двух (?) надписей из трех вертикальных строк, направленных сверху вниз и размещенных между рисунками лошадей. Общая длина стк. 1 — 6,3 см, стк. 2 — 8 см, стк. 3 — 8,5 см. В стк. 1 — две группы знаков из трех и двух букв, разделенных просветом в 2,6 см. В стк. 2 — пять знаков, разделенных сколом, в стк. 3 — три знака в таком же положении.

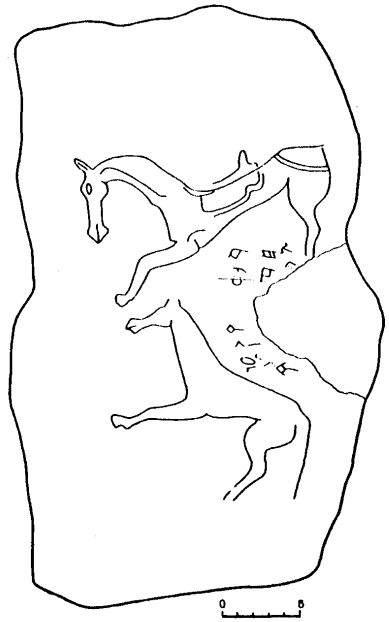
Дата — IX в.

Обнаружено в 1909 г. в том же пункте при раскопках Н.Е. Макаренко.

Хранится в ГЭ, инв. № 1929/10.

Публикации: *Кызласов И.Л.* Рунические надписи, рис. 3, с. 10, 13, 14; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 4, с. 6, 8, 11—13. См. также: *Макаренко Н.Е.* Археологические исследования, рис. 28; *Плетнева С.А.* Рисунки на стенах Маяцкого городища. — Маяцкое городище. М., 1984, рис. 3; *Pletnjowa S.A.* Die Chasaren. Lpz., 1978, Abb. 70.

Попытки прочтения: не издавались.

Д 6. Прорисовка автора

Первый камень с рунической надписью Д 1 на Маяцком городище нашел раскопщик-любитель Д.М. Струков в 1899 г. в верхней части завала внутреннего панциря юго-западной стены приблизительно на равном расстоянии от ворот и южного угла крепости. Фотоснимок надписи сохранился в архиве Д.М. Струкова (сам камень, вероятно, утрачен после смерти исследователя) и был издан Н.Е. Макаренко в 1911 г. Ныне это — единственный известный источник изучения надписи. На фотографии хорошо различимы шесть тонко вырезанных знаков, и только облик седьмого (крайнего слева) вызывает сомнения. Вероятно, это вертикальная черта. Фотография надписи в 1989 г. переиздана С.Я. Байчоровым, выполненная по фотоснимку прорисовка опубликована в 1990 г. автором этих строк. В том же году были изданы архивные данные об обстоятельствах обнаружения этой надписи[1].

Первые крупные археологические раскопки Маяцкого городища, относящегося к салтово-маяцкой культуре и датирующегося IX в., произвел в 1908—1909 гг. Н.Е. Макаренко. В 1909 г. им найдены три кратких текста Д 2 — Д 4, вырезанные на смежных камнях, лежавших в кладке внутренней части крепостной стены близ ворот. Тогда же Н.Е. Макаренко нашел два отдельно лежавших камня с надписями Д 5 и Д 6. Вероятно, они происходили из развала стены — приводимые в отчете данные не позволяют точно установить

место обнаружения. Осознавая научную значимость находок, Н.Е. Макаренко перевез части блоков с надписями Д 2 — Д 6 в Эрмитаж, а в 1911 г. в подробном отчете о раскопках издал их фотоснимки.

Изучение оригинала Д 2 мало что проясняет по сравнению с изданным воспроизведением. Текст сильно поврежден. Уверенно в нем вычленяется только один знак, с большими или меньшими колебаниями — остальные пять (табл. I, № 18, 32—37). Длина строки не превышала 8 см, высота букв — 2—3,2 см. Возможно, текст размещен на блоке «вверх ногами». Начертанная вполне ясно на том же блоке, что и Д 3, надпись Д 4 тем не менее сложна для восприятия. Трудно решить, как размещены пять составляющих ее знаков по отношению к двум другим строкам: зеркально или «вверх ногами» (если не предполагать ошибки полиграфиста, то именно так надпись воспринимал Н.Е. Макаренко). Исходя из размещения сходных знаков в других маяцких надписях (табл. I, № 5, 11, 19), следует заключить, что надпись Д 4 размещена на блоке «вверх ногами» по отношению к строке Д 3, а второй знак в ней имеет зеркальный поворот. Рассмотрение особенностей расположения надписей Д 2 — Д 4 на уложенных в кладку стены двух соседних меловых блоках не противоречит сказанному. Плохая сохранность Д 2 не позволяет уверенно решить, как были расположены ее знаки, они также могли быть перевернуты по отношению к той же Д 3. Строго говоря, только надпись Д 3 была, несомненно, нанесена на блоки уже после их установки в кладку стены — ее знаки начертаны на обоих соседних камнях. Остается предположить, что строки Д 2 и Д 4 были вырезаны на камнях до их использования строителями. Значительная щербина в середине строки мешает ясному пониманию третьего справа знака надписи Д 5. Облик пяти остальных несомненен. Последний слева знак, не отличающийся от остальных размерами, возможно, не буква[2], хотя все его окружности вырезаны если не одним, то сходным орудием, и поэтому до прочтения текста его можно воспринимать как усложненный вариант руны-кружка (табл. I, № 20).

Надпись Д 6 состоит из очень мелких знаков и содержит не менее трех строк текста, середина которого на первый взгляд полностью уничтожена крупным сколом. Текст расположен между фигурами коней и, судя по особенностям размещения, сделан позднее рисунков. Противоположное мнение Н.Е. Макаренко основано, видимо, на более глубоких и, следовательно, лучше сохранившихся линиях рисунка. По отношению к лошадям текст расположен вертикальными строками. Судя по наклону букв, надпись и наносилась не горизонтально, а вертикально, т.е. и для рисовавшего, и для писавшего положение камня было одинаковым. Первая строка состоит, видимо, из двух групп знаков, содержавших соответственно три и две руны и разделенных просветом в 2,6 см, не имевшим букв. Облик третьего знака, возможно, сохранился не полностью, так как его левая часть перекрыта более поздней бороздой (табл. I, № 32). Пять знаков второй строки разделены

основным сколом, но ни одна из близких к нему букв не повреждена. Судя по тому, что третий знак отделен от скола небольшим просветом, а над верхней границей скола не видно остатков знаков, которые следовало бы ожидать здесь, можно предположить, что надпись обходила имевшееся повреждение поверхности. В третьей строке сохранилось лишь три знака (один слева от скола и два справа). Второй знак может быть понят различно (табл. I, № 33—35). Правее третьего знака есть легкие резы, которые можно было бы принять за следы букв следующей строчки, но они выглядят иначе и, следовательно, вероятнее всего не связаны с текстом. Расположение знаков Д 6 по отношению к конским фигурам не оставляет сомнения, что строки писались справа налево и, возможно, сверху вниз и поэтому должны читаться в этом же направлении. Как видим, просвет между знаками разделенных сколом строк может свидетельствовать против единства этого небольшого письменного памятника. Скорее всего, здесь тесно размещены два кратких текста. Если это так, то каждый из них относится к одному из изображений лошадей: Д 6/1 к верхней, а Д 6/2 к нижней фигуре. Это предположение объясняет и композиции надписей — обеим мешал уже имевшийся между рисунками скол поверхности. Вопрос о трактовке текстов Д 6 решится лишь после аргументированного прочтения знаков. Возможно, ключом к этому может послужить посылка о записи на камне кличек двух изображенных лошадей. По данным Н.Е. Макаренко, на соседней с надписью поверхности блока имелся вырезанный тамговидный знак.

Надписи Д 1 — Д 5 первоначально изучались в основном археологами. Их зарисовки и эстампажи есть в архивах В.А. Городцова[3] и А.А. Миллера[4]. Первым вопросы датировки, этнической принадлежности и сравнительно-типологического анализа этих надписей в связи с исследованием более пространных эпиграфических материалов Восточной Европы поднял М.И. Артамонов[5]. Благодаря этому маяцкие надписи привлекли внимание отечественных лингвистов. В 1954 г. А.М. Щербаком была предпринята попытка прочтения маяцких надписей как тюркоязычных текстов. В работе схематично воспроизводились прорисовки надписей Д 1 — Д 5, сделанные М.И. Артамоновым. (В 1971 г. они были переизданы Ю. Неметом[6].) В 1964 г. Г.Ф. Турчанинов прочитал маяцкие тексты как ираноязычные, а Д 5 — как семитоязычный. Исследователь издал прорисовки надписей, выполненные, судя по всему, по фотографиям Н.Е. Макаренко. В 1989 г. С.Я. Байчоров переиздал Д 1 — Д 5 в снимках Н.Е. Макаренко, опубликовал свои прорисовки надписей и восприятия публикаций текстов предшественниками. Исследователь, предлагая новые прочтения камнерезных строк по-тюркски, видит в Д 2 — Д 4 три части прежде единого двухстрочного текста. Однако приведенные им доводы, по-видимому, основываются на изучении фотовоспроизведений, а не оригинала памятника. Из-за плохой сохранности текста лингвисты не изучали и не издавали надпись Д 6. Хорошая фотография этого камня неоднократно публиковалась С.А. Плетне-

вой, исследовавшей изображения лошадей, нанесенные близ рунических знаков. В 1990 г. новые прорисовки оригиналов Д 2 — Д 6 были изданы автором этих строк, предложившим описание надписей и их палеографический анализ.

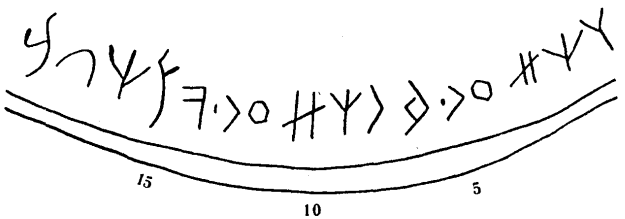
Д 7. Сальск — Царицын

Граффито по обожженной боковой поверхности глиняного сосуда. Дугообразная строка из 18 знаков, размеры которых в изданиях не указывались.

Дата — VIII—X в.

Случайная находка при сооружении железной дороги Сальск — Царицын в 1896 г. Точный пункт неизвестен (рис. 1,*3*).

Хранится в Новочеркасском музее.

Д 7. Прорисовка автора по фотографиям М.И. Артамонова и А.А. Миллера

Публикации: *Артамонов М.И.* Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища. — СА. 1954, 19, с. 263—268; *Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники, табл. 113.

Попытки прочтения: *Бернштам А.Н.* Древнетюркское письмо на р. Лене. —ЭВ. 1951, 4; *Щербак А.М.* Несколько слов, с. 274; *он же.* Знаки на керамике, с. 386, 387; *Турчанинов Г.Ф.* О языке надписей, с. 84, 85; *он же.* Памятники письма, с. 77, 78; *Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники, с. 146—151. См. также: *Щербак А.М.* О рунической письменности в Юго-Восточной Европе. — СТ. 1971, № 4, с. 77.

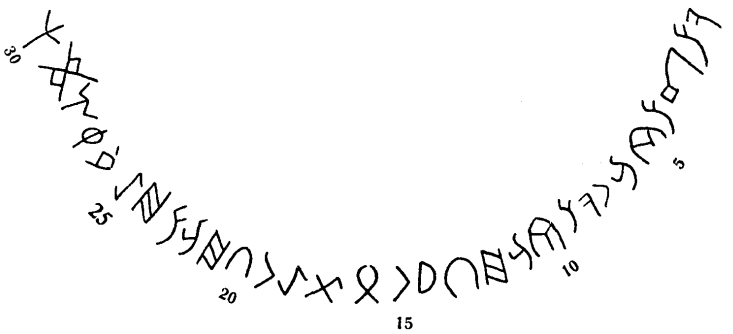
Д 8. Кривянское

Граффито по обожженной боковой поверхности глиняного сосуда. Дугообразная строка из 30 знаков, размеры которых в издании не указывались.

Дата — VIII—X в.

Случайная находка при строительстве оборонительных рубежей в 1942 г. близ станицы Кривянской на Дону (рис. 1,*4*).

Хранится в Новочеркасском музее.

Д 8. Прорисовка автора по фотографиям М.И. Артамонова и А.А. Миллера

Публикации: *Артамонов М.И.* Надписи, с. 263—268; *Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники, табл. 116.

Попытки прочтения: *Щербак А.М.* Несколько слов, с. 272—274; *он же.* Знаки на керамике, с. 386, 387; *Турчанинов Г.Ф.* О языке надписей, с. 83, 84; *он же.* Памятники письма, с. 75—77; *Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники, с. 62—68, 151—154.

Обе керамические фляги, по-видимому, также относятся к салтово-маяцкой культуре. Сравнительно-типологически определяемая дата сосудов — VIII—X в.[7]. Сосуды и их рунические тексты были изданы в 1954 г. М.И. Артамоновым в хороших фотографиях. Надпись Д 7 по материалам М.И. Артамонова публиковалась ранее А.Н. Бернштамом, передавшим в 1951 г. ее знаки академическим руническим набором и предложившим прочтение памятника. Попытки прочтения обеих надписей предпринимали также А.М. Щербак и Г.Ф. Турчанинов (фотографии М.И. Артамонова и прорисовки А.М. Щербака были переизданы Ю. Неметом в 1971 г.)[8]. Оба исследователя сопоставляли знаки на сосудах с надписями Маяцкого городища (Д 1 — Д 5), опубликованными Н.Е. Макаренко, а А.М. Щербак — еще и с орхоно-енисейскими и надьсентмиклошскими рунами. А.Н. Бернштам сходство этих памятников с маяцкими надписями и знаками венгерского клада отрицал. В 1989 г. С.Я. Байчоров, подробно изложив историю изучения обоих письменных памятников, переиздал фотоснимки М.И. Артамонова, прорисовки предшественников и, дополнив их собственными копиями оригиналов, выдвинул новые варианты их прочтения и переводов, основанных на предложенной им дешифровке обобщенно воспринятых руническим надписей Европы.

Историю изучения сальской надписи Д 7 следует дополнить материалами из архива А.А. Миллера, который считал, что «надпись эта состоит в тесной связи с надписями из Маяцкого городища» и тамгами юга Европы, а знаки соотносил с орхонским алфавитом[9]. По его просьбе надпись изучал С.Е. Малов, в

заключении которого от 12 января 1927 г.[10] выражено осторожное отношение к памятнику, буквы которого, по мнению тюрколога, лишь на первый взгляд сходны с руническим алфавитом, известным в то время. Существенно, что С.Е. Малов и позже не публиковал своих наблюдений над сальской надписью.

Надписи на сосудах изучались нами по изданным и архивным фотографиям, что привело к публикации выполненных на этой основе прорисей[11]. Хранящиеся в фонде А.А. Миллера прорисовки и фотоснимок[12] позволяют ясно представить сальскую надпись. Облик некоторых знаков кривянской баклажки остался не вполне ясен (№ 8, 16, 17, 27). В обеих надписях размер знаков нарастает справа налево.

Д 9. Кермен-Толга

Граффито на черепных костях быка, сохранившихся в разрушенном состоянии. Часть лобной кости сохранила три горизонтальных строки, из которых одна размещена «вверх ногами» по отношению к другим. Частично или полностью сохранились 57 знаков. На более мелких обломках «а»—«д» — от трех до семи знаков на каждом. На четырех кусочках кости, обозначенных буквой «с», — лишь отдельные части знаков. Восемь знаков фрагмента «ж», по-видимому, не буквенные, а счетные. Размеры знаков от 0,9—1,4 до 2,4 см.

Дата — VIII—X в.

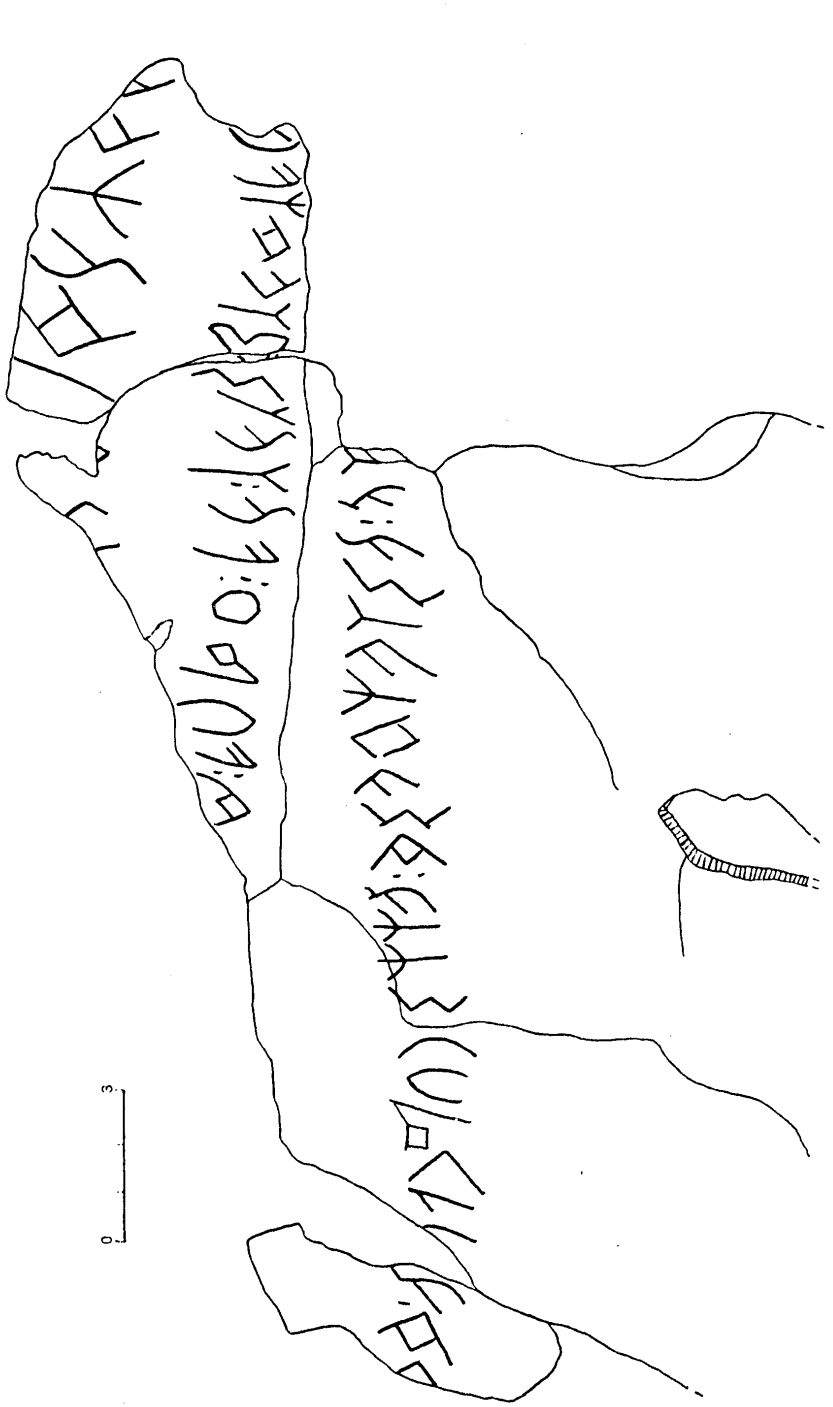
Обнаружено в разграбленном погребении 11 кургана Кермен-Толга в 12 км юго-восточнее г. Элисты в 1970 г. при раскопках И.В. Синицына и У.Э. Эрдниева (рис. 1,*5*).

Хранится в ГЭ без инв. номера.

Публикации: *Kljaštornyi S.G., Vásári I.* A Runic Inscription on a Bull-Scull from the Volga Region. — Between the Danube and the Caucasus. Budapest, 1987; *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 13, 14, с. 42—47.

Попытки прочтения: не издавались.

В 1971 г., на V Тюркологической конференции в Ленинграде С.Г. Кляшторный сообщил о находке, датировав ее VIII—X в. и поставив в один ряд с новочеркасскими, маяцкими и хумаринскими надписями, определил письмо как хазарское[13]. В 1982 г. У.Э. Эрдниев издал описание раскопок и фотографии надписи[14]. Однако иллюстрации были воспроизведены технически неудачно. Готовя новую публикацию материалов в очередном сборнике Калмыцкого НИИ, У.Э. Эрдниев ознакомил автора этих строк с оригиналами фотографий. Выражая исследователю глубокую благодарность, отметим, что без этих документов невозможно было бы определить первоначальное взаиморасположение отдельных частей текста, так как кости черепа подверглись дополнительному разрушению после их первоначальной реставрации. В 1987 г. череп

Д 9. Основная часть. Прорисовка автора

Д 9 – по У.Э. Эрдниеву, **Д 9/*а*** – **Д 9/*ж*** – прорисовки автора

с надписью был издан в хороших фотографиях и прорисовках С.Г. Кляшторным и И. Вашари. Ими документировано еще одно совмещение двух небольших обломков со знаками (фрагмент 3), приведены описания условий находки (в деталях расходящиеся со сведениями У.Э. Эрдниева) и самих частей черепа с текстом. Работа с оригиналом привела нас к иному, чем у названных авторов, пониманию некоторых знаков, а краткость опубликованного описания побудила привести наблюдения, существенные для понимания этого письменного памятника. Новые прорисовки изданы в 1990 г.

Основная часть черепа выше глазницы и древнего пролома кости имеет остатки трех строк, начала и концы которых обломаны. Видимо, от них происходят четыре мелких фрагмента со следами неполных рунических знаков и пять довольно крупных кусков, из

которых (при сопоставлении данных У.Э. Эрдниева, С.Г. Кляшторного и И. Вашари) три первоначально составляли единое целое. Эта ситуация нарушает обозначения фрагментов со знаками, предложенные исследователями. Дадим обломкам буквенные обозначения от «а» до «д», «е» (четыре мелких кусочка) и «ж». Так как строки текста, разделенные костным гребнем, расположены основаниями знаков в разные стороны, условно обозначим первой ту, которая направлена основанием в сторону глазницы черепа, а две другие — соответственно второй и третьей. Совмещаемые обломки «в» и «г» также разделяются костным гребнем, однако строки здесь размещались основаниями друг к другу. Принимая же соединение трех фрагментов «в»—«д», получаем схождение трех строк, одна из которых перпендикулярна остальным. По-видимому, первоначально на черепных костях было более трех письменных строк. Этому предположению не противоречит и фрагмент «ж», имеющий восемь резных знаков (первый справа сохранился частично), которые, вероятно, являются не буквенными, а счетными. Особенность памятника не только в изменении направления некоторых его строк, но и в размещении их под углом друг к другу от 90° до 180°.

Ныне в первой строке текста сохранились полностью и частично 26 знаков, из которых распознается облик двадцати четырех, во второй соответственно 22 и 21, в третьей, при учете изданных материалов, — 9 и 6, на фрагментах «а»—«д» — по 6 и 6, 3 и 1, 3 и 2, 4 и 3, 7 и 5. Отмеченные причины не позволяют привлечь к палеографическому анализу фрагменты «е» и «ж». Таким образом, мы располагаем 68 знаками. Все они глубоко и ясно вырезаны тонким резцом. О порядке нанесения знаков справа налево определенно свидетельствует расположение букв на фрагменте «а».

Надписи Кермен-Толга С.Г. Кляшторным и И. Вашари отнесены к так называемому хазарскому письму (носителями его, однако, определены булгары), которое охарактеризовано сравнительной таблицей знаков на черепе, новочеркасских флягах, камнях Маяцкого и Хумаринского городищ. Однако такое соединение памятников не является в полной мере обоснованным палеографически. Надписи Хумаринского городища принадлежат кубанскому алфавиту.

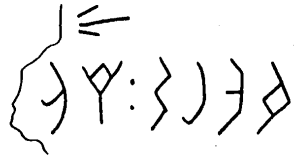
Д 10. Маяцкое-7

Граффито на обломке мелового блока крепостной стены. Горизонтальная строка из семи знаков. Размеры надписи неизвестны.

Дата — IX в.

Обнаружено на Маяцком городище в устье р. Тихая Сосна при неизвестных обстоятельствах, очевидно, в 1910—1920-х годах. Доставлено в музей некой Турбиной. Известно по безмасштабным зарисовкам С.Н. Замятнина.

Хранилось в довоенном собрании Воронежского музея, погибшем в 1942 г.

Д 10. По С.Н. Замятнину

Публикации: *Кызласов И.Л.* Рунические надписи, рис. 4, с. 14, 15; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 2,*2*, с. 13, 17.

Попытки прочтения: не издавались.

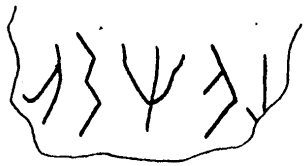
Д 11. Маяцкое-8

Граффито на обломке мелового блока крепостной стены. Горизонтальная строка из пяти знаков, размеры которых неизвестны.

Дата — IX в.

Обнаружено на Маяцком городище при неизвестных обстоятельствах, очевидно, в 1910—1920-х годах. Доставлено в музей некой Турбиной. Известно по безмасштабным зарисовкам С.Н. Замятнина.

Хранилось в довоенном собрании Воронежского музея, погибшем в 1942 г.

Д 11. По С.Н. Замятнину

Публикации: *Кызласов И.Л.* Рунические надписи, рис. 4, с. 14, 15; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 2,*3*, с. 13, 17.

Попытки прочтения: не издавались.

В архивном фонде А.А. Миллера хранятся три листка с семью зарисовками маяцких надписей и граффити[15]. На обороте л. 2 имеется подписанное С.Н. Замятниным рукописное пояснение от 20 апреля 1954 г.: «Все три листка сделаны моей рукой, для А.А. Миллера, в конце 20-х гг. — 6 и 7 — по имеющимся у меня тогда зарисовкам. С тех же двух камней Воронежского музея мною было сделано для А.А. Миллера и два эстампажа». Поскольку эстампажи надписей в фонде А.А. Миллера отсутствуют, эти две немасштабные зарисовки № 6 и 7, видимо, единственные уцелевшие

воспроизведения еще двух камней с руническими надписями, хранившихся в Воронежском музее. Судя по тому что сообщений о них нет в литературе, можно полагать, что эти находки были сделаны после раскопок Н.Е. Макаренко и до конца 20-х годов, когда их копировал С.Н. Замятнин, т.е. в 1910—1920-х годах, и что камни исчезли из собрания Воронежского музея ко времени возникновения интереса к маяцким надписям в среде лингвистов (начало 50-х годов) — вероятно, в 1942 г. при гибели всей довоенной коллекции музея. Согласно заметкам С.Н. Замятнина (л. 1, 3), оба камня происходят с Маяцкого городища и доставлены Турбиной. Остается отметить, что надписи переданы схематично, «вверх ногами» и воспроизведены на листках дважды (л. 1 и 3). Зарисовка надписи Д 10 передает одну строку текста, состоящую из семи знаков и завершающуюся обломом камня. Выше текста слева, видимо, также был вырезан знак, не являющийся буквой. Облик пяти рун передан ясно, отдельные особенности знаков второго и третьего, вероятно, утрированы и они могут быть определены с известной долей сомнения (табл. I, № 32—35). Надпись Д 11 может быть неполной. Пять знаков (первый из которых поврежден) также располагались одной строкой. Обе надписи были опубликованы только в 1990 г. и стали предметом палеографического анализа.

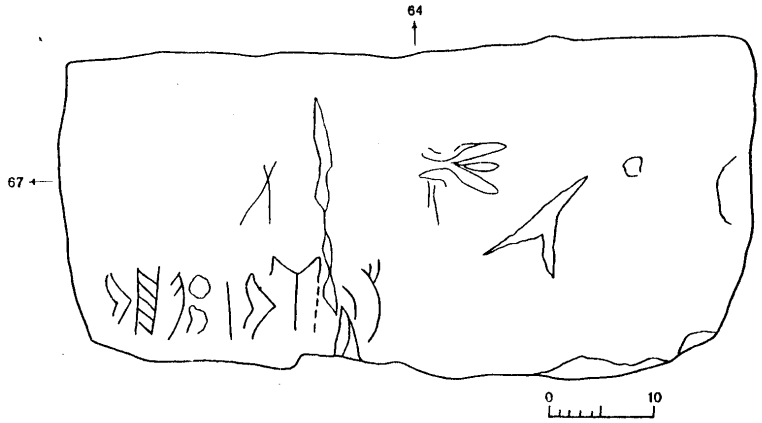
Д 12. Маяцкое-9

Граффито на боковой стороне мелового блока крепостной стены. Горизонтальная строка из восьми знаков. Общая длина 26 см, высота букв 6—8 см.

Дата — IX в.

Обнаружено в том же пункте в 1978 г. при раскопках С.А. Плетневой и Г.Е. Афанасьева.

Хранится в ГЭ, инв. № 2710/1.

Д 12. Прорисовка автора

Публикации: *Кызласов И.Л.* Рунические надписи, рис. 6, с. 15, 16; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 5, с. 18.

Попытки прочтения: не издавались.

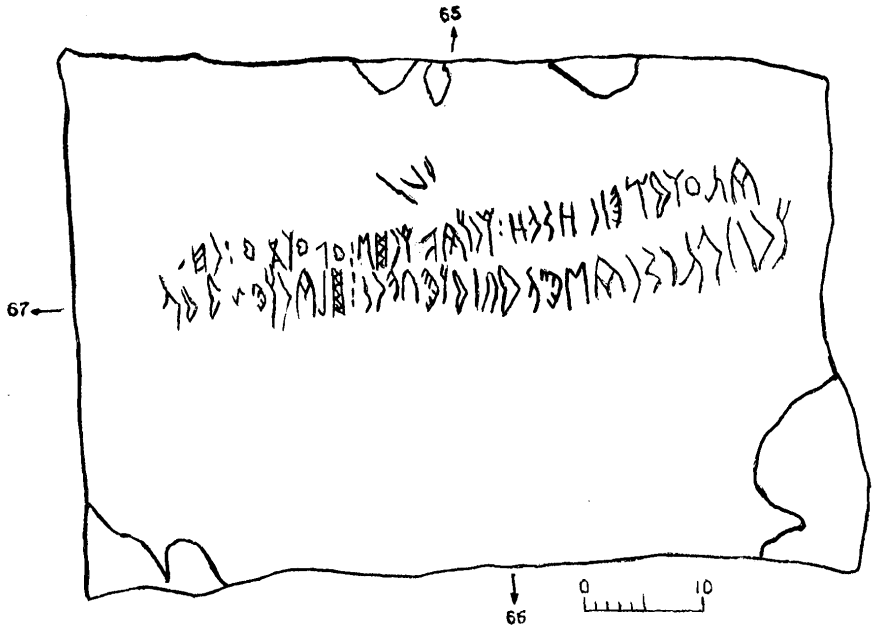
Д 13. Маяцкое-10

Граффито на другой стороне того же мелового блока крепостной стены. Две горизонтальные строки, в которых различимы 55 знаков. Длина строк 49 и 55 см, высота букв соответственно 3—4 см и от 2,5 до 6 см, но чаще 3 см.

Дата — IX в.

Обнаружено в том же пункте в 1978 г. при раскопках С.А. Плетневой и Г.Е. Афанасьева.

Хранится в ГЭ, инв. № 2710/1.

Д 13. Прорисовка автора

Публикации: *Кызласов И.Л.* Рунические надписи, рис. 7, с. 16; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 6, с. 18, 22.

Попытки прочтения: не издавались.

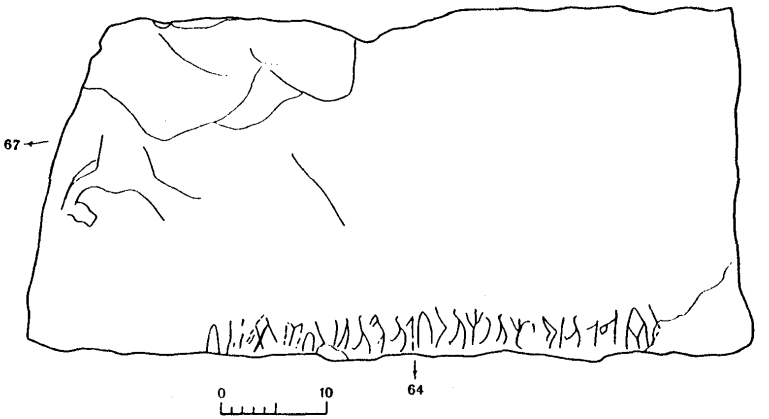
Д 14. Маяцкое-11

Граффито на третьей стороне того же мелового блока крепостной стены. Горизонтальная строка, в которой различимы 25 знаков. Общая длина 42,5 см. Высота знаков 2,5—4 см, в среднем 2,5—3 см.

Дата — IX в.

Обнаружено в том же пункте в 1978 г. при раскопках С.А. Плетневой и Г.Е. Афанасьева.

Хранится в ГЭ, инв. № 2710/1.

Д 14. Прорисовка автора

Публикации: *Кызласов И.Л.* Рунические надписи, рис. 8, с. 16, 17; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 7, с. 22.

Попытки прочтения: не издавались.

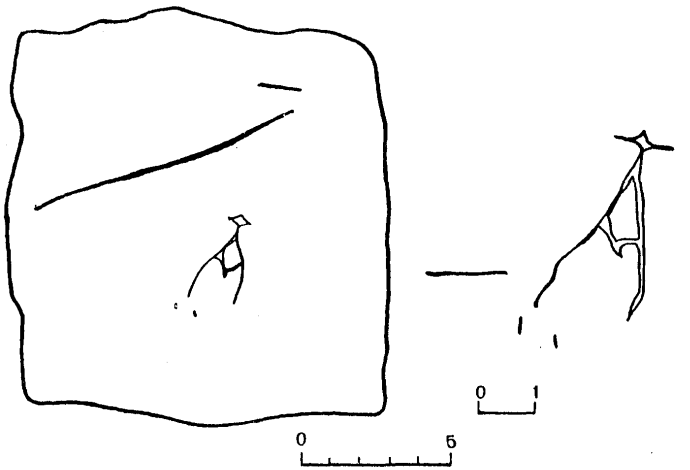
Д 15. Маяцкое-12

Граффито на обломке мелового блока крепостной стены. Одна буква высотою 3,4 см.

Дата — IX в.

Обнаружено в том же пункте в 1979 г. при раскопках С.А. Плетневой и Г.Е. Афанасьева.

Оставлено на городище. Известно по полевым материалам экспедиции.

Д 15. По прорисовке С.А. Плетневой

Публикации: *Кызласов И.Л.* Рунические надписи, рис. 4, с. 17; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 8,*1*, с. 22.

Попытки прочтения: не издавались.

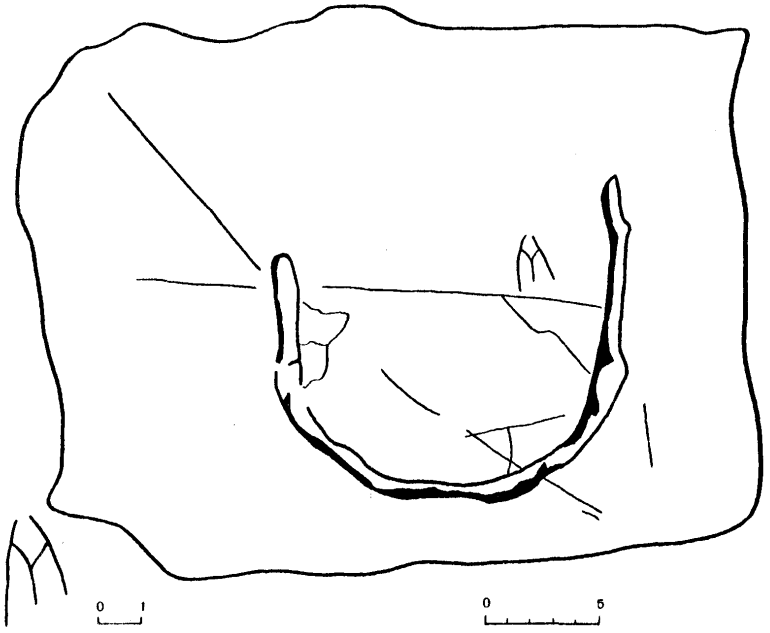
Д 16. Маяцкое-13

Граффито на торце мелового блока крепостной стены. Одна буква высотою 2,5 см.

Дата — IX в.

Обнаружено в том же пункте в 1981 г. при раскопках С.А. Плетневой и Г.Е. Афанасьева.

Оставлено на городище. Известно по полевым материалам экспедиции.

Д 16. По прорисовке С.А. Плетневой

Публикации: *Кызласов И.Л.* Рунические надписи, рис. 9, с. 17, 18; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 9,*1*, с. 22, 25.

Попытки прочтения: не издавались.

Д 17. Маяцкое-14

Граффито на обломке мелового блока крепостной стены. Горизонтальная строка из пяти знаков. Общая длина 12,5 см, высота знаков от 2 до 4 см.

Дата — IX в.

Обнаружено в том же пункте в 1981 г. при раскопках С.А. Плетневой и Г.Е. Афанасьева.

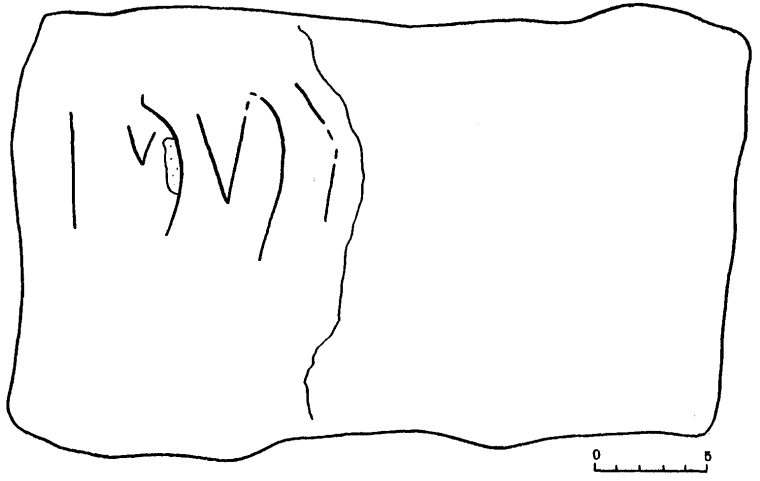
Хранится в ИА РАН.

Д 17. Прорисовка автора

Публикации: *Кызласов И.Л.* Рунические надписи, рис. 11, с. 18; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 8,*2*, с. 25.

Попытки прочтения: не издавались.

Д 18. По прорисовке С.А. Плетневой

Д 18. Маяцкое-15

Граффито на меловом блоке крепостной стены. Горизонтальная строка, в которой сохранилось не более пяти знаков. Высота знаков 5,4—7,4 см.

Дата — IX в.

Обнаружено в том же пункте в 1981 г. при раскопках С.А. Плетневой и Г.Е. Афанасьева.

Хранится в музее Воронежского университета.

Публикации: *Кызласов И.Л.* Рунические надписи, рис. 11, с. 18; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 8,*3*, с. 25.

Попытки прочтения: не издавались.

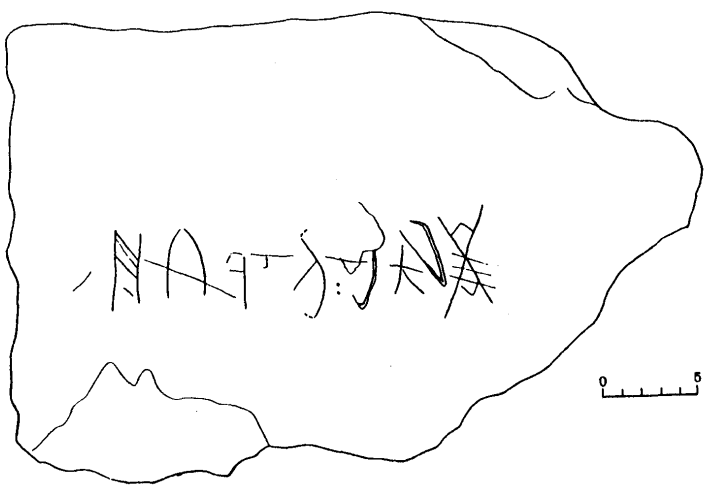
Д 19. Маяцкое-16

Граффито на обломке мелового блока крепостной стены. Горизонтальная строка из семи знаков. Общая длина 19,5 см, высота в основном 4,5 см.

Дата — IX в.

Обнаружено в том же пункте в 1982 г. при раскопках С.А. Плетневой и Г.Е. Афанасьева.

Хранится в Музее истории книги Российской Государственной библиотеки.

Д 19. Прорисовка автора

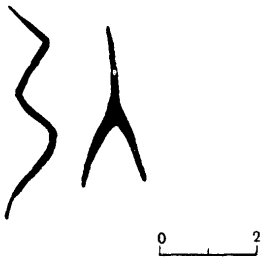
Публикации: *Кызласов И.Л.* Рунические надписи, рис. 12, с. 18, 19; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 10, с. 25, 27.

Попытки прочтения: не издавались.

Д 20. Маяцкое-17

Граффито на обломке мелового блока крепостной стены. Горизонтальная строка из двух знаков. Общая длина 4 см, высота знаков 3,3 и 4,7 см.

Дата — IX в.

Д 20. По прорисовке С.А. Плетневой

Обнаружено в том же пункте в 1982 г. при раскопках С.А. Плетневой и Г.Е. Афанасьева.

Оставлено на городище. Известно по полевым материалам экспедиции.

Публикации: *Кызласов И.Л.* Рунические надписи, рис. 4, с. 19; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 2,*4*, с. 27.

Попытки прочтения: не издавались.

Д 21. Маяцкое-18

Граффито на обломке мелового блока крепостной стены. Одна буква среди резных изображений. Высота знака 3 см.

Дата — IX в.

Обнаружено в том же пункте в 1982 г. при раскопках С.А. Плетневой и Г.Е. Афанасьева.

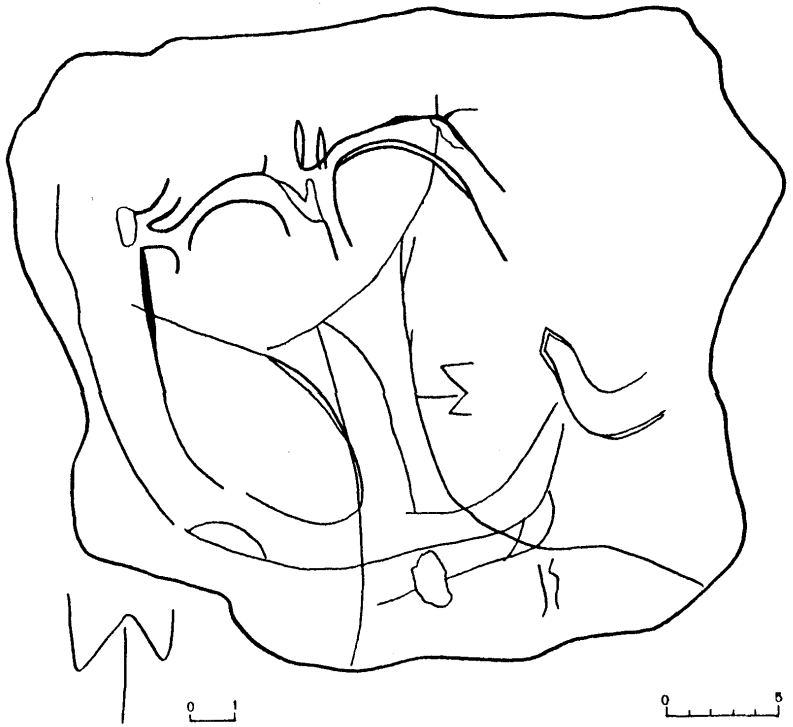
Хранится в музее Воронежского университета.

Публикации: *Кызласов И.Л.* Рунические надписи, рис. 9, с. 19; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 9,*2*, с. 27.

Попытки прочтения: не издавались.

В 1975 г. на Маяцком городище были возобновлены археологические исследования, возглавляемые С.А. Плетневой. Они проводились до 1982 г. и привели к открытию новых рунических надписей. Все эти памятники были изданы в 1990 г. и послужили предметом палеографического изучения.

В 1978 г. в развале меловых блоков наружной кладки юго-западной стены в 23,5 м к востоку от ворот был найден полностью сохранившийся блок (размер 68—70 × 41—46 × 33—31 см), на торцевой стороне которого некогда были вырезаны тонким острием

Д 21. По прорисовке С.А. Плетневой

незаконченные фигурки двух оленей. При издании изображений грань получила номер XXVIII, а рисунки — 33 и 34[16], полевой номер грани 67. Три смежные с нею длинные грани этого камня (их полевые номера 64, 65 и 66) содержали не только рисунки, но и рунические надписи[17]. Надписи размещены основаниями знаков в одну сторону. Если принять за верхнюю плоскость 66, то на примыкающей к ней 64-й руны окажутся «вверх ногами». По отношению к плоскости 64 подобное положение занимает текст на смежной грани 65.

Надпись Д 12 нанесена на поверхность 66. Размеры грани 65 × 32—22 см, в центральной части — два глубоких скола и части прочерченного изображения (при систематизации рисунков оно получило № 54, а плоскость — XLII; тогда же было дано и краткое описание знаков Д 12 — Д 14[18]). Горизонтальная строка текста размещена в левой нижней части блока. Надпись сохранилась во всю первоначальную длину. Буквы нанесены тонкими линиями, в ряде мест неоднократно повторенными резчиком. Хотя второй знак пострадал больше всего, его облик восстанавливается уверенно. Наименее ясен знак третий (табл. I, № 32, 33). Повреждения

поверхности, имеющиеся между пятым и шестым знаками, вероятно, были до нанесения надписи — они обойдены писавшим.

Смежная плоскость 64 имеет размеры 70 × 41—46 см. Небольшие глубокие сколы незначительно повреждают надпись Д 13, размещенную в две горизонтальные строки, протянувшиеся по всей поверхности блока несколько выше его длинной оси. Близ левого края камня надпись встретилась с резными линиями иного происхождения. Такие линии нанесены и в центре камня выше текста. Знаки обеих строк размещены не строго горизонтально. Правые руны располагаются выше, а левые — ниже основной оси текста. Видимо, буквы наносились справа налево. Ясна и последовательность начертания строк, так как нижняя повторила конфигурацию верхней. В обеих строчках знаки в правой части крупнее и шире остальных, свободнее расположены, что также свидетельствует о написании текста справа налево. В первой строке высота знаков 3—4 см, во второй — от 2,5 до 6 см, но чаще 3 см. Они врезаны довольно глубоко (ширина борозд 1—2 мм). Следы надписи у левого края камня свидетельствуют, что обе строки достигали его, а вторая даже загибалась вдоль грани вниз. В верхней строке различается 33, в нижней — 32 знака. Ныне нельзя различить по 5—6 знаков в левой части каждой строки. Учитывая композиционные и палеографические особенности надписи, можно предположить, что она начертана одним человеком и представляет собой единый текст, состоящий из 76—78 знаков.

Третья надпись этого блока (Д 14) нанесена на плоскость 65 (68 × 33—31 см). В левой половине здесь размещено резное изображение коня[19]. Под ним в правой стороне — части других гравированных изображений. Горизонтальная строка надписи сохранилась вдоль нижнего края блока. Текст не доходит до левой грани камня на 13 см, до правого конца — на 9 см. Правые знаки крупнее последующих (4 см против 2,7 см). Оба обстоятельства указывают на то, что текст писался справа налево. Различимы 25 знаков, удовлетворительно сохранилась 21 буква. От сколов значительно пострадали 1-й и 8-й знаки, хотя облик их восстанавливается уверенно (табл. I, № 32). В наибольшей степени повреждены знаки 21—24. По палеографическим особенностям надпись близка Д 13. Буквы были вырезаны по уже сильно заглаженному, стертому краю камня. Особенно явно это проступает в левой части текста.

Раскопки внутренней части стены у южного угла в 1979 г. привели к обнаружению еще одной надписи — Д 15. Она состоит из одного знака, вырезанного на небольшой плоскости блока (13,8 × 12,8 см), найденного в завале панциря. Среди огромного числа вырезанных и выбитых на камнях Маяцкой крепости знаков практически совершенно отсутствуют тамги, внешне сходные с буквами рунических текстов[20]. Поэтому даже единичные буквы, вырезанные на блоках этого памятника, следует воспринимать как письменные памятники. В случае с Д 15 сказанное подтверждается техникой нанесения и размерами знака, так как тамги на городище

чаще высекались, чем процарапывались, и были значительно крупнее.

В 1981 г. при раскопках внешней стороны северо-восточной стены городища обнаружены три рунические надписи. Первая из них (Д 16) аналогична Д 15 и состоит из одного знака, прочерченного тонким острием на торцевой стороне мелового блока (36 × 34 × 24 см). Камень (полевой № 32) был найден в завале стены. Кроме торцевой стороны знаки имеются и на его длинной узкой грани (полевой № 56). Ниже и левее буквы различимы длинные резные линии, выполненные сходным образом. Позднее глубокой и широкой бороздою на торце камня вырезана тамга в виде скобы. Подобная тамга встречена и на длинной стороне блока, аналоги ей есть и на камне 43 из того же раскопа. В том же завале стены найден обломок блока с пятизначной надписью Д 17 (полевой № 44). Она нанесена глубокими (2—2,5 мм) врезными линиями, различимыми вполне ясно. При разрушении этой плоскости (ныне она имеет неправильную форму, ее размер 29 × 13 × 18 см) пострадала нижняя часть третьего знака и, возможно, откололась правая часть текста. Крайний правый знак сохранился частично. Третья надпись, Д 18, обнаружена на блоке, сохранившемся в регулярной кладке пятого ряда стены (полевой № 48). На лицевой грани (34 × 21 см), большая площадь которой вторично отесана, уцелела левая часть горизонтальной строки текста. Резы довольно глубоки (0,5—1 мм), но знаки различимы не полностью. Видимо, их пять.

В 1982 г. были найдены обломки стенных блоков с тремя надписями. Первый встречен в завале внутренней части северо-западной стены в двух десятках метров от западного угла укрепления. Размеры куска камня 35 × 31 × 23 см. На одной его стороне (полевой № 2) бороздами глубиной до 5—8 мм вырезан тамгообразный знак, на другой, смежной (полевой № 1) — надпись Д 19. Поверхность эта неровная, с заметными следами подтески. Крупные знаки вырезаны тонкой линией (глубиной 0,5—1 мм). Облик пятого знака (табл. I, № 34, 35) не ясен, не целиком сохранился третий знак надписи (№ 32, 33). Особенности текста позволяют предположить, что писавший обходил имевшиеся повреждения поверхности. Этим можно объяснить больший, чем меж остальными знаками, просвет, разделяющий четвертую и пятую буквы, — здесь проходит впадина, вырубленная при подтеске блока. Сходная причина привела, вероятно, к укороченности пятой руны, отличающейся от соседних по размерам из-за скола поверхности. Полагаем, что резы, расположенные между первой и второй буквами, не имеют отношения к тексту и были обойдены писавшим. Вторая надпись, Д 20 (полевой № 22) найдена в завале той же стены. На бугристой поверхности рваного камня два рунических знака ясно вырезаны бороздами глубиной 1,5—2 мм. Третий обломок блока с надписью Д 21 (полевой № 34) найден примерно в 76 м от западного угла стены. На длинной стороне блока (66 × 36 × 32 см) нанесены наслоившиеся линейные изображения и тамга (полевой № 35). На другой поверхности также имеются

многослойные изображения, среди которых тонкими линиями (0,5—1 мм глубиной) вырезан единственный буквенный знак. Так же, как и Д 16, этот одиночный знак, возможно, тематически связан с выполненными сходной техникой линейными изображениями.

2. КУБАНСКОЕ ПИСЬМО (К)

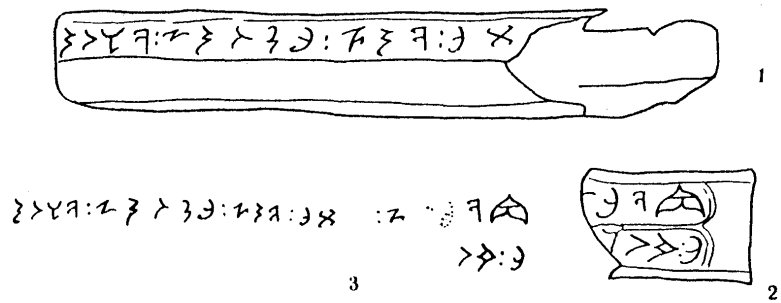
К 1. Седьяр

Гравировка на вертикальной ручке серебряного кувшина. Остатки двух строк — часть ручки (длиною около 7 см) утрачена при обнаружении сосуда, часть (длиною около 1 см) позднее. В начале первой строки ныне сохранилась лишь первая буква (по прорисовке 1884 г. — две и фрагмент третьей), отделенная от остальных лакуной не более чем в 15 (первоначально 13) знаков. По прорисовке 1896 г. два из этих знаков известны. Остальная часть строки содержит 17 знаков. Уцелевшая начальная часть второй строки состоит из четырех знаков. Высота букв 0,5—0,7 см (однажды — 0,3 см). Текст предваряет орнаментальная фигура.

Дата — VIII—X в.

Обнаружен 6 июня 1884 г. при пахоте близ починка Седьярского (ныне д. Седьяр Балезинского р-на Удмуртии) на правом берегу р. Чепца — левого притока р. Вятка (рис. 1,*б*).

Хранится в ГЭ.

К 1. *1–2* – по Я.И. Смирнову с уточнением по оригиналу, *3* – по О. Доннеру

П у б л и к а ц и и: *Donner O.* Sur l'origine de l'alphabet turc du Nord de l'Asie. — JSFO. 1896, 14, с. 42, Fig. XIX; *Мелиоранский П.М.* Два серебряных сосуда с енисейскими надписями. — ЗВОРАО. 1902, т. 14, с. 20—22, табл. I; *Смирнов Я.И.* Восточное серебро. СПб., 1909, с. 5, 6, 11, табл. XCII, № 168; *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока VIII—XIII вв. М., 1976, с. 9, табл. 20,*5,6*; *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 15,*1,2*, с. 50—54.

П о п ы т к и п р о ч т е н и я: *Мелиоранский П.М.* Два серебряных сосуда, с. 21, 22.

Сосуд поврежден сохой на месте находки. После поступления в Археологическую комиссию (1884 г.) кувшин и ручка с надписью были зарисованы А. Медведевым, затем находка была передана в Эрмитаж (1894 г.), где изучалась Я.И. Смирновым. В 1896 г. О. Доннер, разрабатывая проблему происхождения орхоно-енисейского письма, первым опубликовал в качестве образца близкой письменности прорисовку седьярской надписи, выполненную по предоставленной ему В.Г. Тизенгаузеном фотографии. Я.И. Смирнов обратил на надпись внимание П.М. Мелиоранского, в 1902 г. издавшего рисунок кувшина, зарисовку А. Медведева и фотографии надписи. Хорошо знакомый с азиатской рунической письменностью, видный тюрколог отметил наличие в надписи «нескольких знаков (или по крайней мере вариантов), доныне в орхоно-енисейской письменности неизвестных», и, оговорив все сложности, издал попытку дешифровки текста на основе южносибирского тюркоязычного алфавита. Сравнив с ним форму седьярских букв, П.М. Мелиоранский предположил, что они относятся к концу VIII—IX в. Эта датировка была принята И.А. Талицкой. В ОАК предложена более поздняя дата — X—XI вв.[21].

Под № 168 сосуд вошел в атлас Я.И. Смирнова, издавшего фотографии общего вида кувшина и обеих частей его ручки, так же как и прорисовку А. Медведева. Было приведено и чтение надписи П.М. Мелиоранского. Фотография сосуда, длинной части ручки и прорисовки А. Медведева были переизданы В.П. Даркевичем в 1976 г. По датировке букв П.М. Мелиоранским и аналогиям в торевтике и живописи VII—VIII вв. сосуд был отнесен им к VIII в. Рунический текст послужил В.П. Даркевичу одним из оснований для определения места изготовления кувшина: «Судя по тюркской надписи, он изготовлен на востоке Средней Азии». Изложение истории изучения надписи, ее прорисовку и палеографическое определение издал в 1990 г. автор этих строк. Эпиграфические аналогии определяют дату текста VIII—IX вв., а местом его изготовления позволяют считать Восточную Европу.

На изданных всеми исследователями воспроизведениях, точно передающих находящийся в экспозиции Государственного Эрмитажа оригинал, хорошо различимы 19 уцелевших знаков первой и 4 знака второй строки надписи. П.М. Мелиоранский считал, что на несохранившейся части ручки могло размещаться 11—17 знаков, по нашим подсчетам — не более 13. Весьма важно, что прорисовка О. Доннера донесла воспроизведение еще двух знаков, вероятно размещавшихся слева от слома и позднее утраченных и не отмеченных остальными исследователями. Судя по размещению на рисунке, эти знаки могли находиться и на отдельном обломке, не примыкавшем к правой или левой части первой строки. Полагаем также, что в окончании второй строки П.М. Мелиоранский по прорисовке А. Медведева принял за «полубукву» трещину в металле, по которой и отвалился позднее небольшой кусочек ручки, не попавший в Эрмитаж. Так или иначе, ныне мы располагаем 25 знаками седьярской надписи, пять из которых — вертикально расположенные двоеточия.

К 2/1—4. Оношат

Четыре разрозненные надписи-граффити на дне серебряного блюда. *Надпись К 2/1* нанесена внутри гравированной окружности, и восемь составляющих ее знаков (высотою 0,9—0,6, в основном — 0,7—0,8 см) размещены дугообразной строкой с основанием 5 и высотою 2,7 см. Отнесение к буквам второго справа и крайнего слева (отделенного от текста просветом в 1 см) знаков вызывает сомнение.

Надпись К 2/2 помещена ниже предыдущей, состоит из трех очень тонко процарапанных букв (высотою 0,5, 0,5 и 0,9 см). Расположенный в 1,2 см правее надписи зигзагообразный знак не относится к ней, ибо вырезан относительно глубоко и четко (подобно тексту К 2/1).

Надпись К 2/3 нанесена с внешней стороны первой окружности и перекрывает второй резной круг. К тексту, выведенному более легким резцом, чем К 2/1, без сомнения, относятся четыре буквы (высотою от 0,8 до 0,6, однажды — 0,4 см). Короткий штрих, находящийся правее, и крайнее левое начертание, по-видимому, не относятся к тексту и нанесены другим инструментом.

Надпись К 2/4 размещена над строкою К 2/1, в 2,5—2,6 см снаружи от кольцевой ножки блюда и по форме строки зависит от последней. Возможно, к буквам не относятся крайние правый и левый (отстоящий на один см) знаки. Пять других, несомненно буквенных, знаков вырезаны ясно и имеют высоту 0,7—0,8 см (однажды — 0,6 см).

Дата — VIII—IX в.

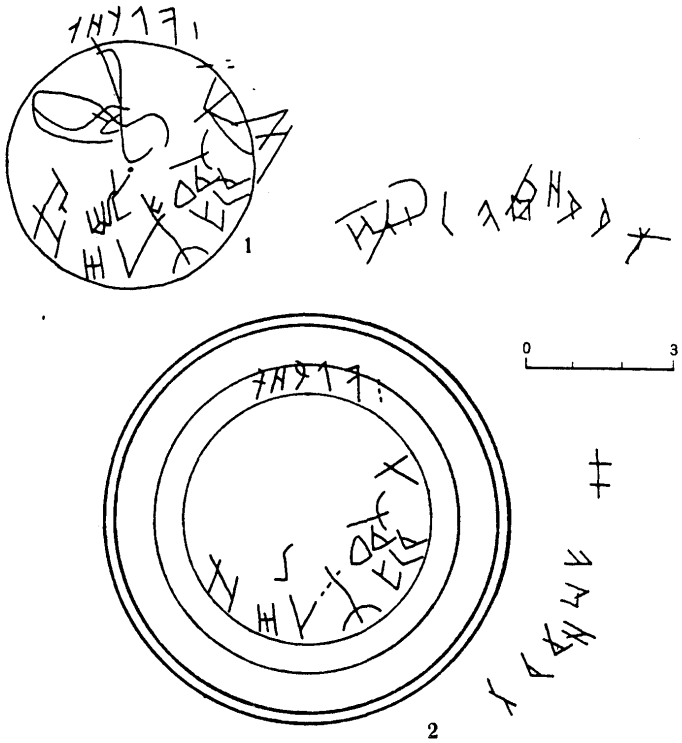
Найдено в 1892 г. вместе с серебряными гривнами IX в. на пашне близ д. Оношат Сепычевской вол. Оханского у. Пермской губ. (ныне Верещагинский р-н Пермской обл.) в бассейне р. Сепыч — левого притока р. Лысьва (рис. 1,*9*).

Хранится в ГЭ, инв. № S-22.

Публикации: *Смирнов Я.И.* Восточное серебро, табл. XIII, XCII; *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 15,*3—5*, с. 58—60.

Попытки прочтения: не издавались.

В 1909 г. Я.И. Смирновым среди многочисленных образцов восточного серебра было издано иранское блюдо № 105. На его оборотной стороне процарапаны разнообразные линии и знаки, а также рунические надписи, опубликованные в виде прорисовки. Блюдо неоднократно анализировалось как образец прикладного искусства, однако его рунические начертания не привлекали внимания эпиграфистов. Между тем сам факт существования вторичной надписи послужил В.П. Даркевичу основанием для

К 2. *1* – по Я.И. Смирнову, *2* – прорисовка автора

определения верхней даты изготовления блюда — не позднее VIII в., ибо, по мнению исследователя, «наиболее поздние рунические тексты из Монголии и Восточного Туркестана датируются серединой IX в.». Общая дата клада, по И.А. Талицкой, VI—IX в. С некоторыми колебаниями к первой половине VIII в. относит блюдо Б.И. Маршак[22]. Блюдо изучалось нами благодаря содействию Б.И. Маршака. Разрозненные четыре строки надписей нанесены разными резцами и фактически представляют собой небольшую серию самостоятельных текстов К 2/1—4. Все остальные начертания, зафиксированные чрезвычайно доброкачественной прорисовкой Я.И. Смирнова, нанесены позднее надписей или не связаны с ними. На нашем рисунке отсутствует ряд зигзага, вырезанный по неполной окружности между надписью 4 и кольцевой ножкой блюда тем же резцом, что и последний текст.

К 3. Хумаринское-1, 4, 5

Части одного текста-граффито на трех совмещающихся обломках песчаниковых блоков, вторично использованных при сооружении

стен крепости. Горизонтальная строка, вероятно, из 17 знаков (между восьмым и девятым — вылом камня, уничтоживший еще один-два знака; возможно, сохранились не все начальные буквы). Общая длина не менее 95 см, высота букв — 6—7 см (единичные знаки — до 11 см).

Дата — ранее второй половины IX — начала X в.

Обнаружено в 1960 г. при строительных работах на Хумаринском городище в верховьях р. Кубань, в 11 км выше г. Карачаевска (рис. 1,*2*).

Хранилось в ИА РАН, где ныне находится лишь часть «Хумаринское-1».

К 3. Прорисовка автора

Публикации: *Кузнецов В.А.* Надписи Хумаринского городища. — СА. 1963, № 1, рис. 1,*1,4*, 3,*2*; *Ščerbak A.M.* Les inscriptions inconnues sur les pierres de Khoumara (au Caucase du Nord) et le problème de l'alphabet runique des turcs occidentaux. — AOH. 1962, t. 15, fasc. 1—3, Fig. 1; *Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники, с. 174—178, табл. 136—139; *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 11, с. 31—33.

Попытки прочтения: *Байчоров С.Я.* Северокавказский ареал древнетюркской рунической письменности. Автореф. канд. дис. М., 1977, с. 22; *он же.* Древнетюркские рунические памятники, с. 178.

К 4. Хумаринское-2, 3

Части единого текста-граффито на двух обломках песчаниковой плиты, вторично использованной при сооружении крепостной стены.

Дугообразная строка из 16 знаков. Основание дуги около 1,5, а высота около 2 м. Размеры знаков различные — от 7—8 до 20 и более см.

Дата — ранее второй половины IX — начала X в.

Обнаружено в 1960 г. в том же пункте.

Хранилось в ИА РАН, где ныне не обнаружено.

Публикации: *Кузнецов В.А.* Надписи, рис. 1,*2,3*; *Минаева Т.М.* К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, с. 218, рис. 39,*4*; *Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники, с. 168—174, табл. 130—135.

Попытки прочтения: *Байчоров С.Я.* Северокавказский ареал, с. 22; *он же.* Древнетюркские рунические памятники, с. 174.

К 5. Хумаринское-6

Граффито на песчаниковом блоке, вторично использованном при сооружении крепостной стены. Три горизонтальных строки: 8, 8 и 7 знаков. Их длина соответственно около 43,5 см и 44—45 см. Высота знаков от 3,5 до 9 см, в основном — 6,5—7,5 см.

Дата — ранее второй половины IX — начала X в.

Обнаружено в 1962 г. в том же пункте.

Хранится в Карачаево-Черкесском музее краеведения.

Публикации: *Кузнецов В.А.* Надписи, рис. 2,*1*; *Ščerbak A.M.* Les inscriptions, Fig. 3; *Байчоров С.Я.* Надписи Хумаринского городища. — СТ. 1974, № 4, с. 90—92; *он же.* Древнетюркские рунические памятники, табл. 144, 145.

Попытки прочтения: *Байчоров С.Я.* Надписи Хумаринского городища, с. 90, 92; *он же.* Северокавказский ареал, с. 22, 23; *он же.* Древнетюркские рунические памятники, с. 183.

К 6. Хумаринское-7

Граффито на песчаниковом блоке, вторично использованном при сооружении крепостной стены и разбитом надвое. Горизонтальная строка из 10 знаков. Общая длина около 52 см, высота букв от 4,3 до 7,5 см, в основном 5,5 см.

Дата — ранее второй половины IX — начала X в.

Обнаружено в 1962 г. в том же пункте.

Хранится в Карачаево-Черкесском музее краеведения.

Публикации: *Кузнецов В.А.* Надписи, рис. 2,*2*; *Байчоров С.Я.* Надписи Хумаринского городища, с. 92; *он же.* Древнетюркские рунические памятники, табл. 141, 142; *Хабичев М.А.* Словообразовательный и этимологический анализ некоторых карачаевских этнонимов. — Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногайского языков. Ставрополь, 1981, с. 39.

Попытки прочтения: *Байчоров С.Я.* Надписи Хумаринского городища, с. 93; *он же.* Северокавказский ареал, с. 22; *он же.* Древнетюркские рунические памятники, с. 181; *Хабичев М.А.* Словообразовательный и этимологический анализ, с. 39, 40.

К 7. Хумаринское-8

Граффито на песчаниковом блоке, вторично использованном при строительстве крепостной стены. Две горизонтальных строки по восемь знаков (?). Размеры памятника неизвестны.

Дата — ранее второй половины IX — начала X в.

Обнаружено в 1962 г. в том же пункте.

Уничтожено до прибытия специалистов. Известная в литературе прорисовка студента А.Д. Бесленеева, возможно, является неточной копией второй и третьей строк К 5 (табл. II).

Публикации: *Кузнецов В.А.* Надписи, рис. 3,*1*.

Попытки прочтения: *Байчоров С.Я.* Надписи Хумаринского городища, с. 93; *он же.* Северокавказский ареал, с. 22; *он же.* Древнетюркские рунические памятники, с. 181.

К 8. Хумаринское-10

Граффито на песчаниковом блоке крепостной стены. Горизонтальная строка из трех знаков. Размеры неизвестны.

Дата — ранее второй половины IX — начала X в.

Обнаружено в том же пункте. Время находки неизвестно.

Памятник известен лишь по прорисовке С. Белоброва — жителя села Сарытюз Карачаевского района.

Публикации: *Байчоров С.Я.* Северокавказский ареал, с. 5, рис. 14; *он же.* Древнетюркские рунические памятники, табл. 149.

Попытки прочтения: *Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники, с. 186.

Хумаринское городище относится к салтово-маяцкой культуре и датируется, по устному сообщению С.А. Плетневой, второй половиной IX — началом X в.[23]. Надписи были вырезаны на песчаниковых блоках до возведения панцирей крепостных стен[24]. С.Я. Байчоров приводит данные о том, что камни с надписями служили ступенями лестницы, ведущей к цитадели, что не мешает ему, однако, здесь же указывать на их расположение в стене крепости[25]. Этот исследователь выявил новые признаки вторичного использования письменных памятников при сооружении укреплений (частичная прокаленность и закопченность камней, следы вбитых в них железных стержней)[26].

Остатки крепости привлекли внимание краеведов в середине XIX в., но надписи на камнях были обнаружены только в 1960 г. Вероятно, жители знали о них ранее. Судя по рисунку, изданному без комментариев, в местной школе одна плита с надписью хранилась уже в 1960 г.[27]. В том же году надписи были обследованы и вывезены с городища В.А. Кузнецовым. В 1962 г. исследователь изучил новые находки плит с текстами, издав все известные ему надписи в 1963 г. Две надписи («Хумаринское-1» и К 5) в

фотографиях В.А. Кузнецова были изданы в 1962 г. А.М. Щербаком. Прорисовка Х 1 А.М. Щербака в 1971 г. переиздана Ю. Неметом[28]. В 1971 г. Т.М. Минаева опубликовала наблюдения и прорисовку учителя С.Д. Мастепанова, из которых следует, что куски с надписями Х 2 и Х 3 первоначально составляли одну плиту (размером 1 × 0,6 × 0,18 м) и единый текст (К 4). Сама исследовательница полагала, что издает новый письменный памятник. Хотя в 1977 г. надпись была опознана С.Я. Байчоровым[29], в 1983 г. ошибка была повторена Х.Х. Биджиевым при публикации сводки прорисовок хумаринских текстов[30]. Им допущены и другие заблуждения: на рис. 49 № 5 воспроизводит ту же плиту, что и № 1 (Х 1), но в перевернутом виде; № 7 («случайная находка археолога У.Ю. Эльканова») — слитые вместе (смотреть нужно справа налево, начиная с нижней строки) надписи К 6 и К 5.

В 1971 г. Г.Ф. Турчанинов отнес хумаринские тексты к ираноязычным (косожским), отдельные их знаки были введены в сравнительно-палеографическую таблицу, предложено их фонетическое значение. В 1974 г. С.Я. Байчоров предпринял попытку прочтения трех надписей (К 5 — К 7) на основе древнетюркских рунических алфавитов. В 1977 г. им же были прочтены и остальные памятники, произведена систематизация надписей, в результате которой все они предстали частями пяти фрагментов одного текста. Однако аргументация осталась неопубликованной. В 1981 г. свое понимание К 6 как тюркоязычной надписи предложил М.А. Хабичев. В 1989 г. С.Я. Байчоров издал описание, свои прорисовки, историю изучения и, главное, серию фотографий хумаринских надписей, неопровержимо свидетельствующую, что часть разрозненно воспринимавшихся обломков первоначально составляла единые глыбы камня с общим текстом. Так, одним письменным памятником К 3 оказались камни Х 1, Х 4 и Х 5, подтверждены данные о единстве текста К 4, состоящего из обломков Х 2 и Х 3. С.Я. Байчоровым приведены некоторые данные (без времени и условий обнаружения) еще об одной надписи Хумаринского городища (К 8), прорисовка которой в 1977 г. была издана без всяких комментариев.

Таким образом, изданные исследователями материалы позволяют нам учесть шесть хумаринских надписей, две из которых (К 7, К 8) представлены непрофессиональными прорисовками (табл. II). В фондах Института археологии РАН удалось обнаружить и изучить оригинал Х 1 (начало К 3), что привело к уточнению облика надписи. Остальные памятники изучались по архивным и опубликованным фотоснимкам, чему до определенной степени способствовала особенность текстов — крупные их знаки глубоко врезались в довольно твердую песчаниковую породу. Памятники получили палеографическое определение. Вновь выявленные обстоятельства потребовали соответствующего изменения индексов этих и других кубанских текстов[31].

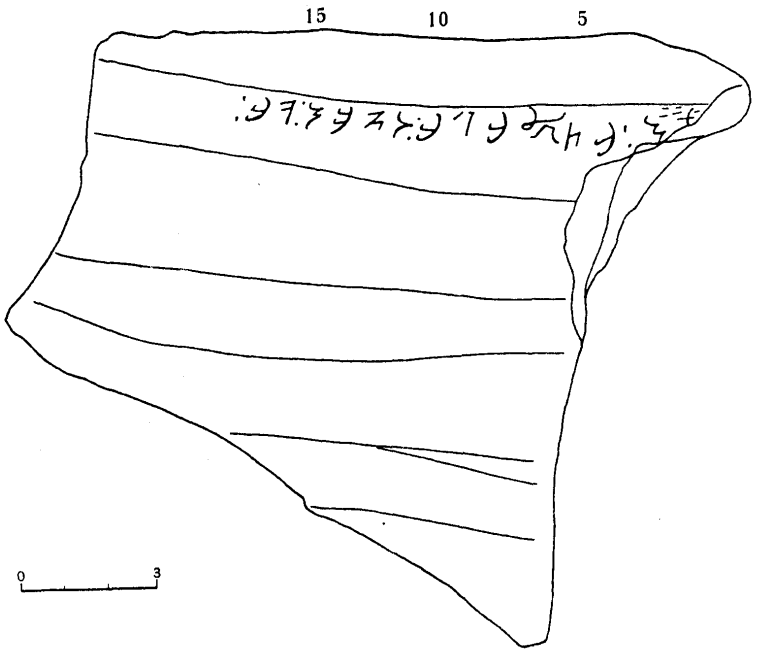
К 9. Маяки

Граффито на обожженной поверхности обломка амфоры. Горизонтальная строка из 17 целых и одного частично сохранившегося знака. Общая длина 10,4 см, высота знаков 0,6—0,7 см (однажды 0,5 и 0,9 см).

Дата — VIII—IX в.

Обнаружено в 1976 г. на площади могильника близ селища Маяки на правом берегу р. Донец (рис. 1,7) С.И. Татариновым и Н.В. Копылом. Подъемный материал.

Хранится в ГЭ, инв. № 2763/1.

К 9. Прорисовка автора

Публикации: *Кляшторный С.Г.* Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки. — СА. 1979, № 1; *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 16,*1*, с. 54—56.

Попытки прочтения: *Кляшторный С.Г.* Хазарская надпись; *Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники, с. 160, 161.

В литературе и инвентарной книге Государственного Эрмитажа, где хранится находка, указано, что обломок поднят на городище салтово-маяцкой культуры. На самом черепке сохранился полевой шифр «Маяки-76, III-й Ал. м-к, п.м.», указывающий, что фрагмент найден на площади могильника. Публикацию фотоснимка, прорисовки, опыта прочтения надписи и попытку ее палеографи-

ческого сравнения с рядом рунических памятников осуществил в 1979 г. С.Г. Кляшторный; восприятие текста по фотоснимку и иное его прочтение предложил в 1989 г. С.Я. Байчоров. Семнадцать уцелевших знаков надписи представляют конечную часть текста, содержащую 4 словоразделительных знака в виде вертикальных двоеточий. Первый знак надписи уцелел фрагментарно, в виде дуги. Шестой, по правдоподобному предположению С.Г. Кляшторного, не является буквой. Подобное мнение исследователя о втором знаке текста основано на ошибочном, как становится ясно при изучении оригинала, отнесении к его облику горизонтальной царапины, возникшей при изготовлении сосуда на гончарном кругу. В действительности здесь употреблена руна, аналогичная знаку четырнадцатому (табл. III, № 12). Иначе понимается нами и двенадцатый знак надписи (№ 10). Новая прорисовка надписи издана в 1990 г.

К 10. Хумаринское-9

Граффито на песчаниковом блоке из стены цитадели крепости. Горизонтальная строка, вероятно, из 6—7 знаков. Сведений о размерах нет.

Дата — вторая половина IX — начало X в.

Обнаружено на Хумаринском городище при раскопках Х.Х. Биджиева в 1977 г.

Хранится в Карачаево-Черкесском музее краеведения (?).

Публикации: *Биджиев Х.Х.* Раскопки городища Хумара в 1977 г. — Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979, рис. 5; *он же.* Хумаринское городище. Черкесск, 1983, рис. 49,*8*, с. 82, 84, 92; *Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники, табл. 150.

Попытки прочтения: не издавались.

Кроме перечисленных на городище в 1977 г. обнаружены знаки, нанесенные краской на стену крепости. Х.Х. Биджиев, видимо справедливо, относит их к тамгам. Один из высеченных на камнях знаков[32] можно было бы считать буквенным, но мы не располагаем необходимой его характеристикой. В 1981 г. свои прорисовки К 10 и знаков, выполненных охрой, издал С.Я. Байчоров.

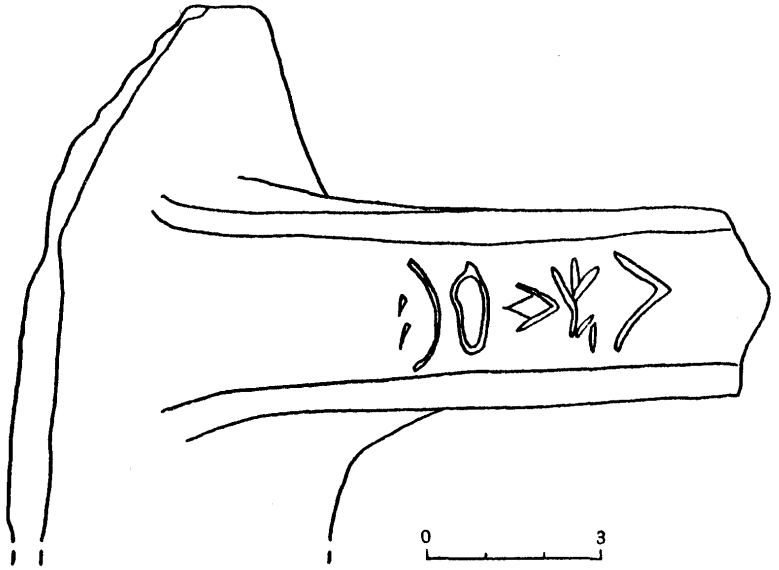
К 11. Биляр

Надпись на ручке сосуда, прочерченная по сырой глине. Горизонтальная строка из шести знаков высотою от 1 до 2 см (в основном 1,7—1,8 см). Общая длина 4,7 см.

Дата — XI—XII в.

Обнаружена в 1983 г. при раскопках А.Ф. Кочкиной на Билярском городище (р. М. Черемшан — правый приток р. Б. Черемшан, левого притока р. Волга) (рис. 1,*8*).

Место хранения при изданиях не указывалось.

К 11. По прорисовке А.Ф. Кочкиной

Публикации: *Кочкина А.Ф.* Рунические знаки на керамике Биляра. — СТ. 1985, № 4, рис. 3; *Халиков А.Х.* Руническите знаци и надписи от Волжка България и техните дунавски паралели. — Археология. София, 1988, № 3, рис. 7.

Попытки прочтения: *Кочкина А.Ф.* Рунические знаки, с. 79; *Халиков А.Х.* Руническите знаци, с. 52; *Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники, с. 253.

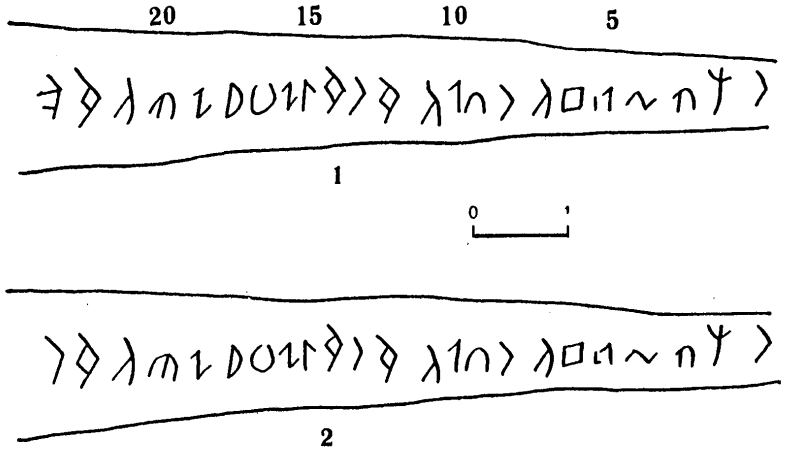
Знаки были нанесены по сырой глине. Текст сохранился полностью. Издавшая в 1985 г. фотоснимок надписи и попытку ее прочтения А.Ф. Кочкина предполагает, что изделие датируется XI—XII в. В 1988 г. А.Х. Халиков издал другую фотографию предмета с текстом, предложил еще один вариант прочтения и высказался за более позднюю датировку находки — XII—XIII в., конец домонгольского периода. В 1989 г. С.Я. Байчоров, переиздав материалы, предложил новое прочтение. Воспроизведение надписи и ее палеографический анализ изданы в 1990 г.[33].

К 12. Житков

Граффито на роговой накладке боевого лука. Одна строка из 23 букв. Общая длина 7,3 см, при высоте букв от 0,2 до 0,5 см (в основном около 0,3 см).

Дата — первая треть VIII в.

Обнаружено в 1986 г. Е.И. Беспалым при раскопках кургана 4 могильника Житков II в бассейне р. Маныч восточнее Батайска (рис. 1,*12*).

К 12. *1* – по прорисовке Е.И. Беспалого, *2* – прорисовка автора по фото А.И. Семенова

Хранится в Азовском краеведческом музее.

Публикации: *Белинский И.В., Беспалый Е.И., Волков И.В., Парусимов И.Н.* Раскопки Азовского краеведческого музея. — АО. 1986. М., 1988; *Семенов А.И.* К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы. — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 29. Л., 1988, рис. 8.

Попытки прочтения: не издавались.

Находка сделана в разграбленном в древности погребении 1 кургана 4 на могильнике Житков II в 6 км от рабочего поселка Веселый Ростовской обл. По находкам монет — дирхема Нахр-Тиры (98 г.х./716-17 г.) и солида Льва III (717—720) — погребение датируется первой третью VIII в. и совершено в кургане с квадратным ровиком. В 1988 г. вместе с краткими сведениями о погребении дважды опубликованы прорисовки текста, в деталях отличающиеся друг от друга и от впечатлений автора этих строк, полученных при изучении любезно предоставленного А.И. Семеновым диапозитива надписи. Соответствующая прорисовка и палеографическое определение надписи изданы в 1990 г.[34].

3. ДОНО-КУБАНСКОЕ ПИСЬМО (ДК)

Указанные здесь надписи содержат буквы, равно употреблявшиеся и в донском, и в кубанском алфавитах.

ДК 1. Блюдо Солтыкова

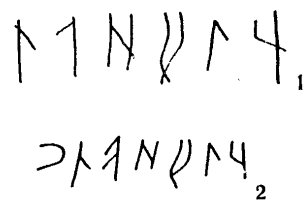
Граффито на оборотной стороне серебряного блюда. Строка из семи знаков.

Дата не ясна.

Обнаружено до 1843 г. Принадлежит к безадресной коллекции П.Д. Солтыкова.

Хранится в кабинете монет и древностей Национальной библиотеки в Париже.

ДК 1. По прорисовкам Я.И. Смирнова

Публикации: *Спицын А.А.* Шаманские изображения. — Записки Отделения русской и славянской археологии РАО. СПб., 1906, т. 8, вып. 1, с. 46, рис. 14, 15; *Смирнов Я.И.* Восточное серебро, с. 4, 7, 11, табл. XVII, XCII, № 40.

Попытки прочтения: не издавались.

В.П. Даркевич считает, что блюдо иранской работы VII—VIII в., Б.И. Маршак относит его к Тохаристану второй половины VI в.[35]. В отечественной литературе, насколько известно, оно было впервые издано А.А. Спицыным в 1906 г. по выполненным в Париже прорисовкам, имевшимся в распоряжении Я.И. Смирнова. (На изданных рисунках сохранилась подпись французского художника: L. Sellier.) Атлас восточного серебра этого исследователя был известен А.А. Спицыну еще до его публикации. Кроме указанной прорисовки дна блюда, на которой наравне с вторичными угорскими изображениями воспроизведена и процарапанная 6-значная надпись, Я.И. Смирновым была издана увеличенная французская копия рунических знаков и, видимо собственная, их прорисовка, выполненная во время пребывания в Париже. Прорисовка Я.И. Смирнова отличается обликом третьего и особенно пятого знаков, содержит семь букв. Особенности именно этого воспроизведения позволяют сближать надпись с памятниками доно-кубанской письменности. Палеографическое определение памятника и переиздание известных прорисовок осуществлено в 1990 г.[36]. Угорские изображения на блюде, как полагают главным образом по рисункам

сабель, относятся к IX—X в.[37]. Вероятно, и надпись следует датировать периодом, близким к VIII—IX в.

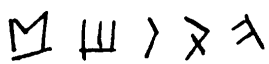
ДК 2. Афанасьево

Граффито на дне серебряной кружки. Пять знаков. Сведений о размерах нет.

Дата — не ранее второй половины VIII в.

Обнаружено в 1932 г. на пашне в окрестностях с. Афанасьево Зюзденского района б. Нижегородского края (ныне Кировская обл., верховья р. Кама) в составе клада (рис. 1,*10*).

Хранится в Нижегородском историко-археологическом музее.

ДК 2. По В.П. Даркевичу и В.Ф. Черникову

Публикации: *Даркевич В.П., Черников В.Ф.* Новое в изучении среднеазиатской торевтики. Афанасьевский клад. — КСИА. 1971, вып. 128, с. 113.

Попытки прочтения: не издавались.

Надпись известна лишь по прорисовке В.П. Даркевича и В.Ф. Черникова, опубликованной в 1971 г. и переизданной в 1990 г.[38]. Непонятные по изданным фотографиям резы имеются и на щитке ручки афанасьевской кружки. В.П. Даркевич склонен считать их рунической надписью.

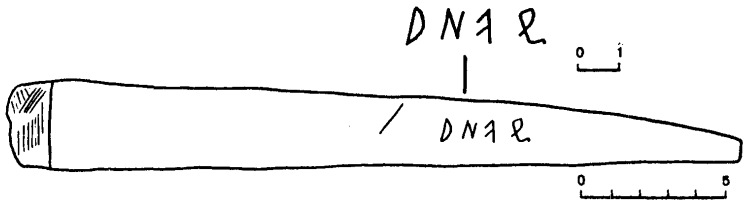
ДК 3. Кирово

Граффито на роговой накладке боевого лука. Строка длиною 3,2 см состоит из трех букв высотою 0,8 см и четвертого знака неясного назначения.

Дата — конец VIII в.

Обнаружено в 1981 г. Л.С. Ильюковым при раскопках IV Кировского могильника (погребение 13, курган 2) в бассейне р. Маныч (рис. 1,*11*).

Хранится в Ростовском государственном университете (?).

ДК 3. По прорисовкам Л.С. Ильюкова

Публикации: *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 18,*4*, с. 66, 67.

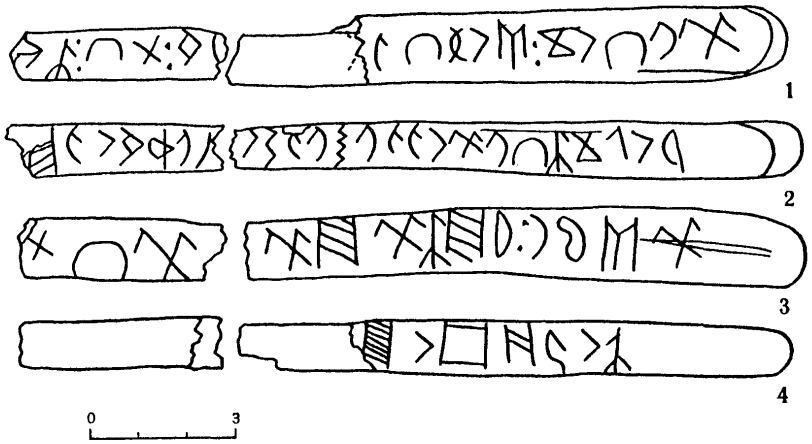
Попытки прочтения: не издавались.

В погребении вместе с накладкой лука найдены глиняная баклажка с красочным узором, аналогичная новочеркасским, предметы снаряжения и вооружения, определяющие принадлежность могилы к салтово-маяцкой культуре. Особенно важна находка дирхема выпуска 777—779 гг. Погребение совершено по ямному (болгарскому) обряду. Благодаря любезности Л.С. Ильюкова текст изучался по предоставленным автору рисункам накладки и надписи и был издан в прорисовке в 1990 г.[39].

4. АЧИКТАШСКОЕ ПИСЬМО (А)

А 1. Ачикташская (таласская) палочка

Граффито на четырех сторонах двух обломков деревянного стержня. В строке 1 сохранилось 11 полных и один фрагментарный знак на большом обломке (длина строки 7,7 см) и 7 полных и один фрагментарный знак — на малом обломке (длина строки 4 см).

А 1. Прорисовка автора

Высота букв соответственно от 1 до 0,5 см (обычно 0,7 см) и от 0,8 до 0,5 см. В строке 2 — соответственно 17 и 7 знаков (на протяжении 9 и 4 см) высотою от 0,9 до 0,5 см (обычно 0,7 см) на обеих частях. В строке 3 — соответственно 11 и 3 знака (на протяжении 9 и 3,5 см) высотою от 1,1 до 0,8 см (обычно 0,9—1 см) и 1,1, 0,8 и 0,6 см. В строке 4, занимающей только часть длинного обломка протяженностью 5,5 см — 7 знаков, высотою 0,9 см (однажды — 1 и дважды — 0,6 см).

Дата неясна.

Обнаружено в 1932 г. И.Ф. Мариньяниным в древних разработках при проходке геологического шурфа на месторождении Ачикташ близ ст. Дмитриевской на р. Талас (рис. 7,*1*).

Хранится в ГЭ, инв. № СК-890.

Публикации: *Малов С.Е.* Таласские эпиграфические памятники. — Материалы Узкомстариса. М.—Л., 1936, вып. 6—7, фиг. 5—9; *он же.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, рис. 14—18; *Щербак А.М.* Знаки на керамике, рис. 6; *Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии. Вып. 1. Фрунзе, 1963, рис. 7—8; *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 37.

Попытки прочтения: *Малов С.Е.* Таласские эпиграфические памятники, с. 28—38; *он же.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, с. 63—68; *Orkun H.N.* Eski türk yazıtları. 3. İstanbul, 1940, с. 209—214 (факсимиле: Ankara, 1987, с. 619—624); *Щербак А.М.* Знаки на керамике, с. 387, 388; *Турчанинов Г.Ф.* Памятники письма, с. 90—96. См. также транслитерации текста: *Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии. Вып. 1, с. 22, 23; *Батманов И.А.* Таласские памятники древнетюркской письменности. Фрунзе, 1971, с. 17, 18, 27—30.

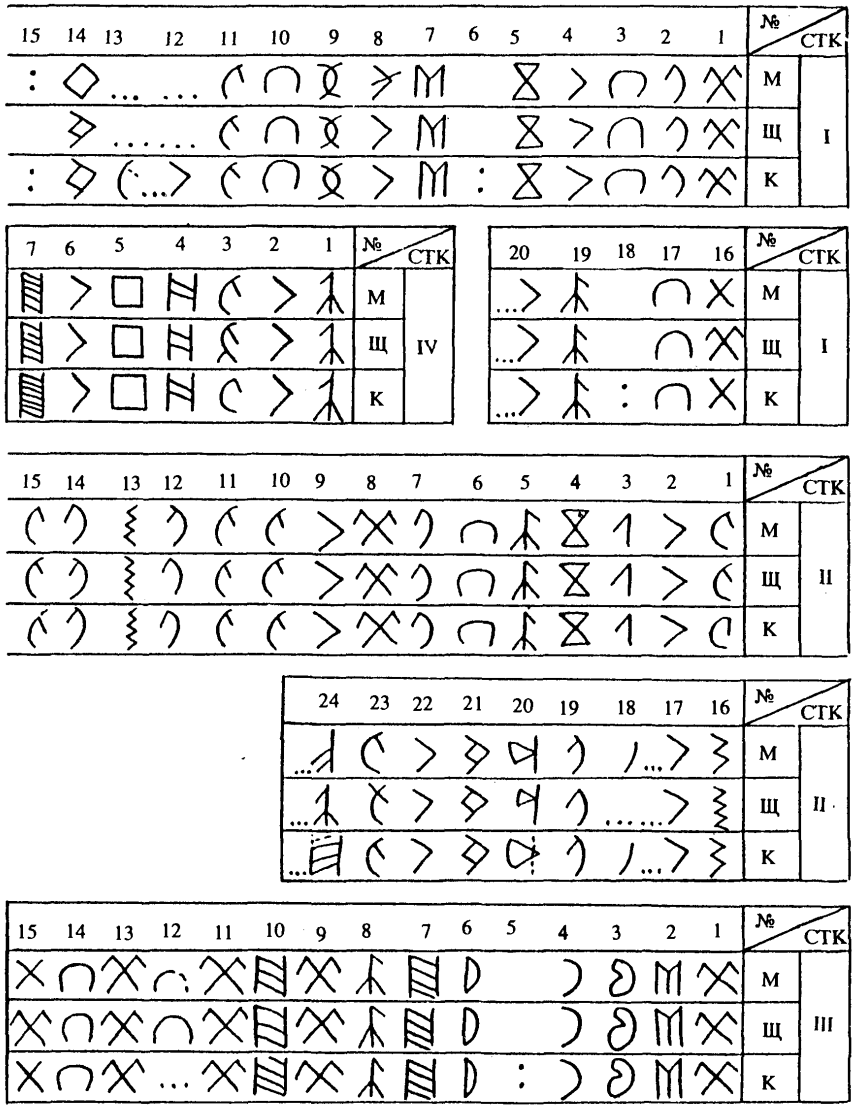
Палочка найдена на месторождении Ачикташ торчащей из стенки шурфа № 7, частично вскрывшем древние разработки, на глубине 5 м, и часть предмета оттуда извлечь не удалось. М.Е. Массон изучил условия находки и передал материалы С.Е. Малову, а палочку в 1933 г. в Государственный Эрмитаж. В 1936 г. оба исследователя опубликовали этот письменный памятник, представив фотографии и прорисовки всех его граней. С.Е. Малов предложил вариант прочтения надписи и ее палеографический анализ. В 1940 г. другой вариант ее перевода был предложен Х.Н. Оркуном, переиздавшим иллюстрации и прорисовки М.Е. Массона и С.Е. Малова. В 1953 г. С.Е. Малов включил работу об ачикташской находке в монографию о рунических надписях Монголии и Киргизии, дополнив прорисовки надписи рисунком самой палочки с четырех сторон. В том же году не вполне точную копию прорисовок С.Е. Малова переиздал Э.Р. Рыгдылон[40].

Принципиально новую попытку транслитерации и прочтения текста предпринял в 1959 г. А.М. Щербак, опубликовавший свой вариант графической трактовки знаков (табл. XXXIX) и новую фотографию палочки. В 1963 г. новую прорисовку надписи и ее транслитерацию, совмещенные с копией рисунка, транскрипцией и переводом С.Е. Малова, издал Ч. Джумагулов. Эти материалы повторно опубликовал И.А. Батманов, несколько изменивший транслитерацию предшественника.

Большинство исследователей, отмечая своеобразие формы письменных знаков таласской палочки, предлагали им орхоно-енисейские фонетические соответствия. Только С.Е. Малов «долго колебался признать надпись на палочке за тюркские руны» и, даже предлагая свой вариант прочтения текста, отмечал, что его сомнение поколеблено лишь отчасти. Им было многократно повторено: «При первом же взгляде на буквы этой палочки видна их своеобразность

Таблица XXXIX

Восприятие знаков ачикташской надписи С.Е.Маловым (М), А.М.Щербаком (Щ) и И.Л.Кызласовым (К)

в сравнении с буквами орхонской, енисейской и восточнотуркестанской рунических письменностей... Некоторые буквы не имеют себе аналогий в других тюркских рунических памятниках... Здесь встречаются новые буквы с неизвестным для меня значением». Одновременно с этим С.Е. Малов сразу же указал, что «с внешней стороны буквы палочки весьма похожи на печенежское письмо и венгерские резы», имея в виду надьсентмиклошские и секельские надписи. Надьсентмиклошские руны легли в основу звукового истолкования С.Е. Маловым двух видов знаков, венгерские руны — знака в виде лесенки. А.М. Щербак значительно развил это исследовательское направление, отметив большое сходство знаков на палочке с рунами южнорусских степей. В 1971 г. он справедливо писал: «Несмотря на тщательность исполнения и хорошую сохранность большей части надписи, чтение ее при помощи орхоно-енисейского рунического алфавита, по существу, оказалось невозможным»[41]. В 1983 г. сходство начертаний на палочке и надписей Восточной Европы отметил и Д.Д. Васильев[42]. Палеографическое определение надписи произведено нами в 1990 г. и сопровождено новой прорисовкой памятника.

А 2. Тозбулак

Выбивка на скале с рисунками. Две горизонтальные строки; вторая, вероятно, результат смещения первой. В первой — 9, во второй — 2 знака. Размеры неизвестны.

Дата неясна.

Обнаружена в 1976 г. А.В. Оськиным в ущелье колодца Тозбулак на южном склоне гор Кульджуктау (пустыня Кызылкум, около 100 км севернее Бухары) (рис. 7,*2*).

Находится на месте обнаружения.

А 2. По прорисовке А.В. Оськина

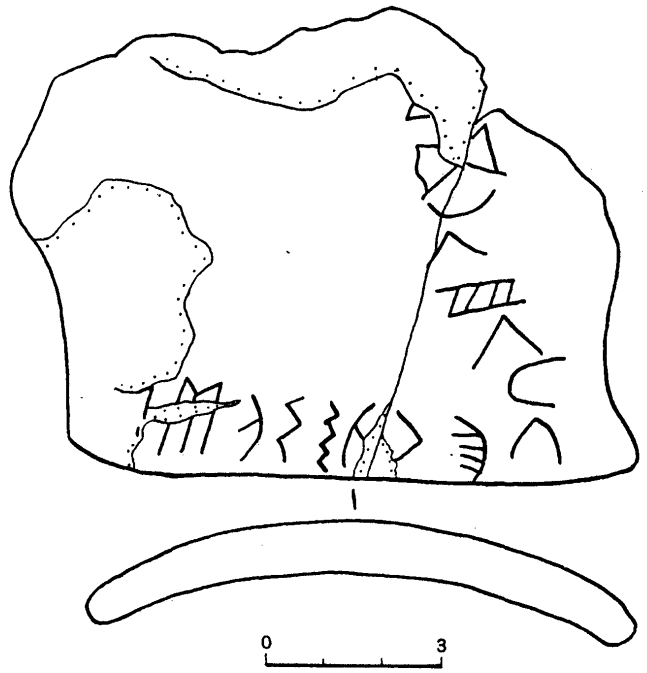
Публикации: *Оськин А.В.* Новые находки петроглифов в Кызылкумах. — Полевые исследования Института этнографии. 1976. М., 1978, рис. 5.

Попытки прочтения: *Кляшторный С.Г.* Наскальная руническая надпись в Кызылкумах. — Там же, с. 173.

Надпись выбита точечной техникой. В 1978 г. А.В. Оськин издал краткое описание, безмасштабные фотоснимок натурной прорисовки и графическую копию этого памятника, полученную прорисовкой фотографии. Одновременно С.Г. Кляшторный предпринял попытку чтения надписи на основе орхоно-енисейской письменности, что вызвало ряд сложностей и допущений. Палеографическое определение текста и переиздание прорисовки произведено в 1990 г.[43].

А 3. Алтын-асар

Граффито на черепке сосуда. Две строки под прямым углом друг к другу. В первой — 7 полных знаков и часть восьмого. Общая длина 6,5 см, высота букв от 1,1 (однажды — 0,8 см) до 1,6 см. Во второй — также 7 полных и частично сохранившийся восьмой знак. Длина строки 6 см, высота букв от 1,4 до 1,1 см (последнее наиболее часто).

А 3. Прорисовка автора

Дата — конец VII—начало VIII в.?

Обнаружено в 1987 г. в заполнении помещения 1 здания 4 городища Алтын-асар в дельте р. Сырдарья (рис. 7,*9*). Раскопки Л.М. Левиной.

Хранится в фондах Хорезмской экспедиции Института этнологии и антропологии РАН.

Публикации: *Кляшторный С.Г., Левина Л.М.* Об одной рунической надписи с городищ Алтын-асар (Восточное Приаралье). — Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989.

Попытки прочтения: не издавались.

Датировка древнего сооружения, из которого происходит обломок горловины кувшина с надписью, — конец VI—VIII в.; черепок найден выше пола сооружения. Л.М. Левиной и С.Г. Кляшторным опубликована фотография и прорисовка надписи, дано палеографическое определение текста как аналога рунических надписей территории «от Поволжья до Дуная», проиллюстрированное сопоставительной таблицей. Упоминается распространение этого письма в Средней Азии и Сибири, что увязывается с его праболгарской принадлежностью. Подобные сравнения основаны на отдельных примерах, вследствие чего не могут создать надежных оснований ни для палеографических, ни для исторических выводов.

5. ИСФАРИНСКОЕ ПИСЬМО (И)

И 1. Калаи-Кафир

Надпись, продавленная до обжига на внутренней поверхности венчика тарного сосуда. Фрагмент одной горизонтальной строки из шести полных и одного частично уцелевшего знаков. Общая длина 10 см, высота букв 4; 4,2; 4,6 и 5 см.

Дата — VI—VIII в.

Найдена в 1951 г. Е.А. Давидович и Б.А. Литвинским на поверхности в крепости Калаи-Кафир (левый берег р. Исфара) (рис. 7,*4*).

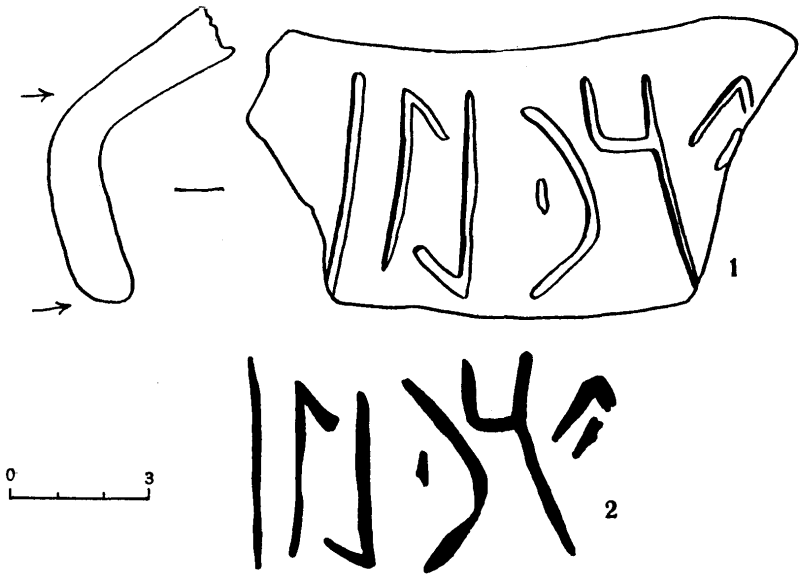
Место хранения не указывалось.

Публикации: *Давидович Е.А., Литвинский Б.А.* Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955 (Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Т. 35), с. 138, 169, рис. 85, 86; *Бернштам А.Н.* Древнетюркские рунические надписи из Ферганы. — ЭВ. 1956, 11, рис. 6.

Попытки прочтения: *Бернштам А.Н.* Древнетюркские рунические надписи, с. 57.

Рисунок находки с надписью и прорисовка текста были изданы Е.А. Давидович и Б.А. Литвинским. А.Н. Бернштам, переиздав рисунок куска хума с надписью, привел ее описание, полученное из письма Е.А. Давидович, и предложил прочтение на основе орхоно-енисейских рун. Исследователи восстанавливали частично

сохранившийся первый знак как енисейский t^1 («двойной шалашик»).

И 1. По прорисовкам Е.А. Давидович и Б.А. Литвинского

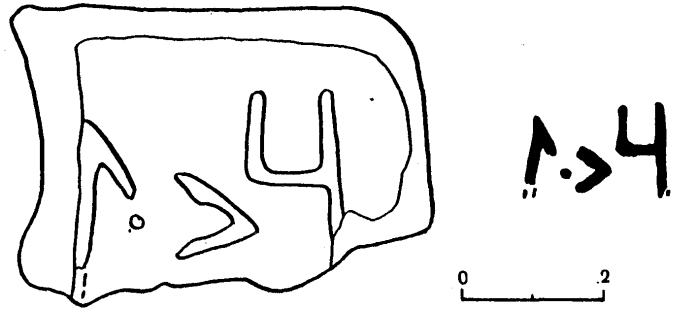
И 2. Калаи-Боло

Надпись, прочерченная до обжига на поверхности венчика тарного сосуда. Фрагмент горизонтальной строки из четырех знаков. Общая длина около 3,7 см, высота букв 2,5—1,3—2,6 см.

Дата — VI—VIII в.

Обнаружена в 1952 г. на городище Калаи-Боло (правый берег р. Исфара) при раскопках Е.А. Давидович и Б.А. Литвинского (рис. 7,*5*).

Место хранения не указывалось.

И 2. По прорисовкам Е.А. Давидович и Б.А. Литвинского

Публикации: *Давидович Е.А., Литвинский Б.А.* Археологический очерк, с. 80, 120, 121, 169, рис. 59,*1*, 60,*2*.

Попытки прочтения: *Бернштам А.Н.* Древнетюркские рунические надписи, с. 58.

Вариант транслитерации знаков на основе орхоно-енисейского письма предложен А.Н. Бернштамом.

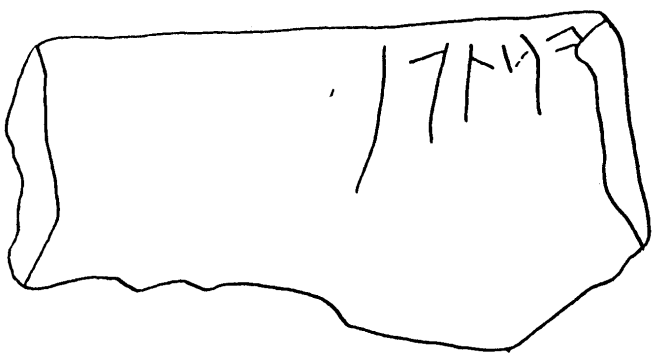
И 3. Кизил-Пиляу

Граффито на венчике тарного сосуда. Фрагмент горизонтальной строки из четырех полностью и одного частично сохранившихся знаков. Общая длина около 6, высота букв до 3 см.

Дата — VII—VIII в.

Обнаружено геологами до 1951 г. ниже средневековых развалин на склоне горы Кизил-Пиляу в одноименном урочище на правом берегу р. Исфара (рис. 7,*6*).

Хранится в Кабинете археологии Среднеазиатского государственного университета.

И 3. По А.Н. Бернштаму

Публикации: *Бернштам А.Н.* Древнетюркские рунические надписи, с. 56, рис. 3.

Попытки прочтения: *Бернштам А.Н.* Древнетюркские рунические надписи, с. 56.

А.Н. Бернштам, пользуясь описанием М.Е. Массона, издал условную транслитерацию надписи и ее безмасштабную фотографию. На этом снимке неясно видна перекладина второй руны (первая сохранилась частично) и иначе, чем в наборном воспроизведении текста, воспринимается последний знак.

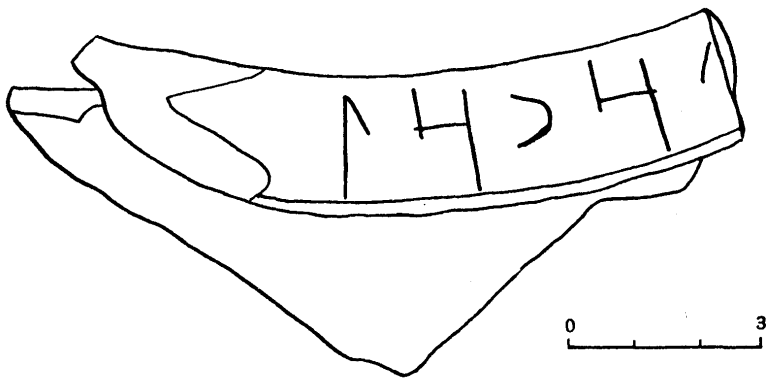
И 4. Ош-Хона

Надпись, прочерченная до обжига на венчике тарного сосуда. Фрагмент строки из четырех полных и одного частично уцелевшего знаков. Общая длина 6 см, высота знаков до 1,6 см.

Дата неясна.

Найден в 1951 г. Ю.А. Заднепровским на поверхности в замке Ош-Хона (южнее г. Фергана) (рис. 7,*7*).

Место хранения не указывалось.

И 4. По А.Н. Бернштаму

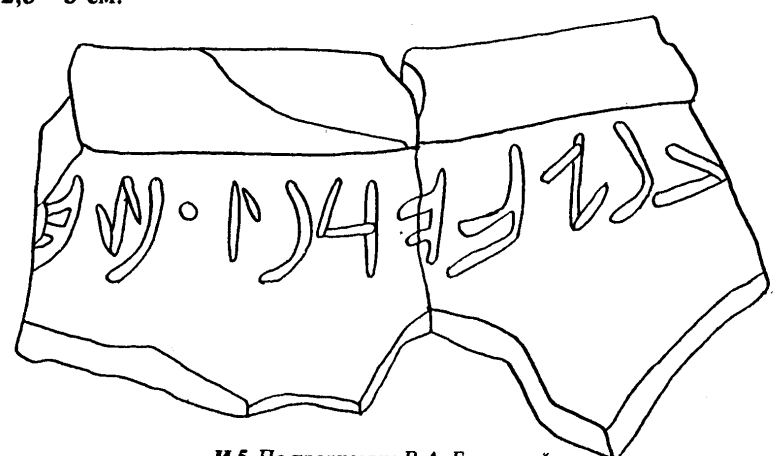
Публикации: *Бернштам А.Н.* Древнетюркские рунические надписи, рис. 2.

Попытки прочтения: *Бернштам А.Н.* Древнетюркские рунические надписи, с. 54, 55.

А.Н. Бернштамом издана хорошая фотография и предложен вариант «енисейского» прочтения надписи.

И 5. Кува

Надпись, прочерченная под венчиком тарного сосуда. Фрагмент строки из 12 знаков. Общая длина около 16,8 см, высота букв 2—2,5—3 см.

И 5. По прорисовке В.А. Булатовой

Дата — конец VII в.

Обнаружена в 1964 г. на городище Кува при раскопках В.А. Булатовой (рис. 7,*3*).

Публикации: *Булатова В.А.* Руническая надпись на хуме из Ферганы. — Общественные науки в Узбекистане. 1965, № 8.

Попытки прочтения: *Тенишев Э.Р.* Руническая надпись из Кувы. — Восточная филология. Тб., 1973, вып. 3.

В.А. Булатова издала безмасштабный рисунок находки и подробное описание археологических условий, в которых она была сделана. Э.Р. Тенишев, переиздав рисунок, предложил прочтение надписи, основанное на фонетических значениях орхоно-енисейских рун. Особо отметив сходство букв на хуме с енисейскими знаками, он подчеркнул их отличие от таласских, донских, надьсентмиклошских-«печенежских» и венгерских рун.

Палеографический анализ и переиздание известных прорисовок всех исфаринских надписей произведены в 1990 г.[44].

* * *

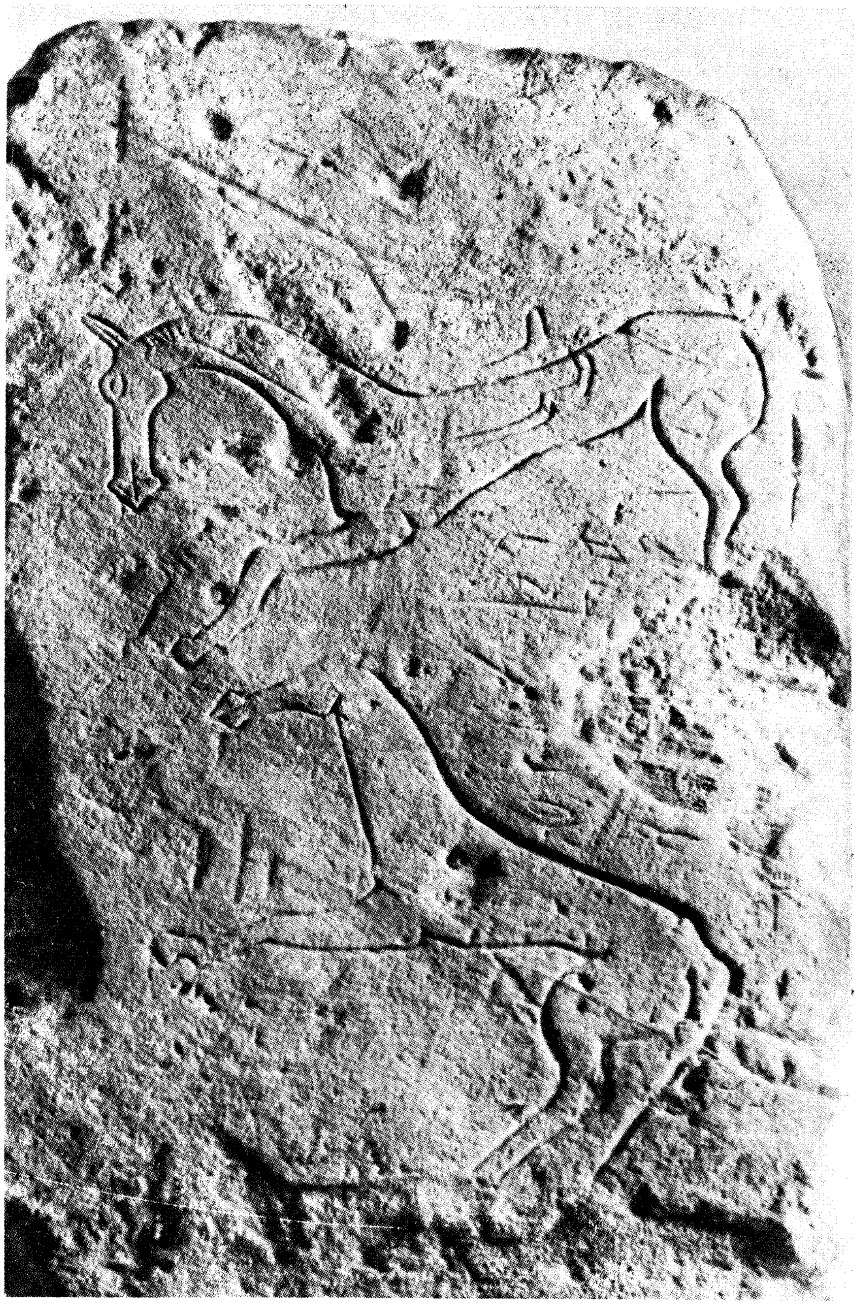
Для полноты картины следует упомянуть другие руноподобные надписи из Средней Азии, палеографическая характеристика которых затруднена.

На куске боковины хума, найденном Ю.Д. Баруздиным в 1961 г. на поселении Ак-Тепе, содержится фрагмент надписи, некогда нанесенной до обжига под горловиной сосуда — пять полных знаков и часть шестого (по положению в строке — первого). Уже в 1962 г. находка была издана исследователем, одновременно И.А. Батмановым было предложено чтение, сопровождаемое безмасштабными фотографией и прорисовкой текста. В 1963 г. все эти материалы были переизданы Ч. Джумагуловым[45]. Есть некоторая возможность видеть в первом уцелевшем знаке надписи (расчленяемом И.А. Батмановым на две буквы) руну, сходную с южноенисейской формой № 34 на табл. XVII (ср. здесь доно-кубанские начертания). Остальные буквы текста не противоречат этому сопоставлению.

А.Н. Бернштам справедливо не относил к рунике резы Калаи-Боло II[46]. Эти, вероятно счетные, знаки напрасно включены Ю.А. Заднепровским и Д.Д. Васильевым в перечни тюркоязычных рунических памятников[47]. Из них следует также исключить изображение, орнамент или иные символы на бронзовом перстне из Муг-Хона (№ 11)[48] и резные линии на стеле из Кара-Бейит (№ 12). По имеющимся изданиям остается непонятен характер знаков на сосудах Янгиабадского могильника (№ 8) и из окрестностей городища Шурабат (№ 9). Отнесение двух рунических надписей — из тепе Шамирза (№ 7) и поселения Ак-Тепе (№ 5) — к определенному алфавиту не представляется ныне возможным. Пять других письменных памятников, упомянутых в названных перечнях, насколько известно, не опубликованы.

Д 2

Д 6

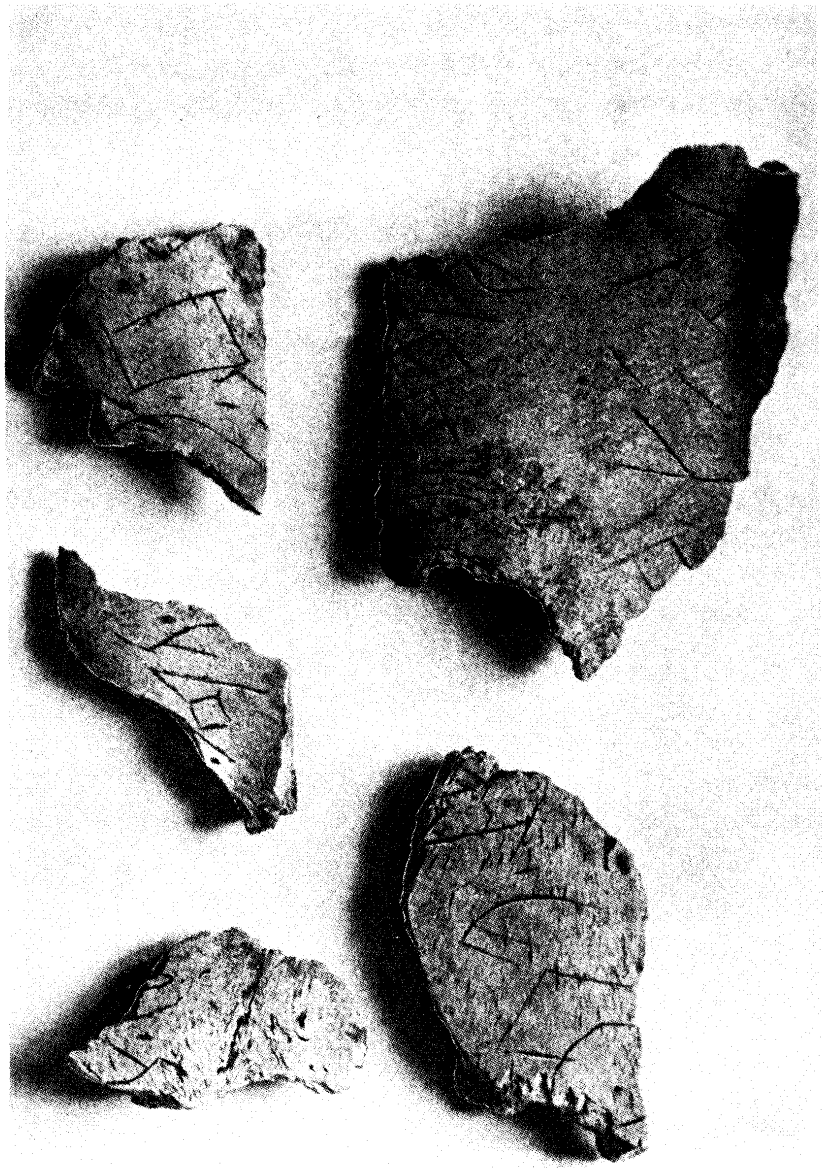
Д 9

Д 9а

Д 9ж

Д 9 (фрагмент), Д 9б—Д 9д

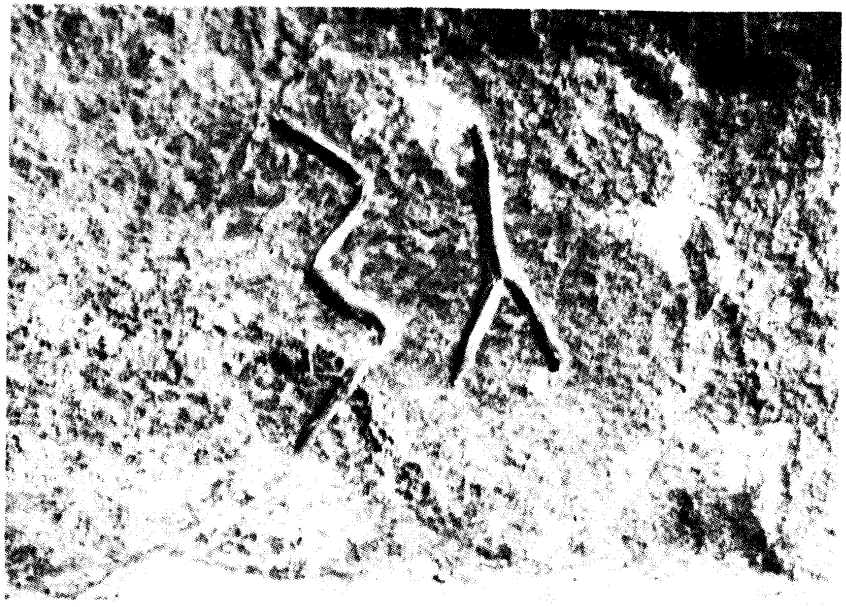
Д 12

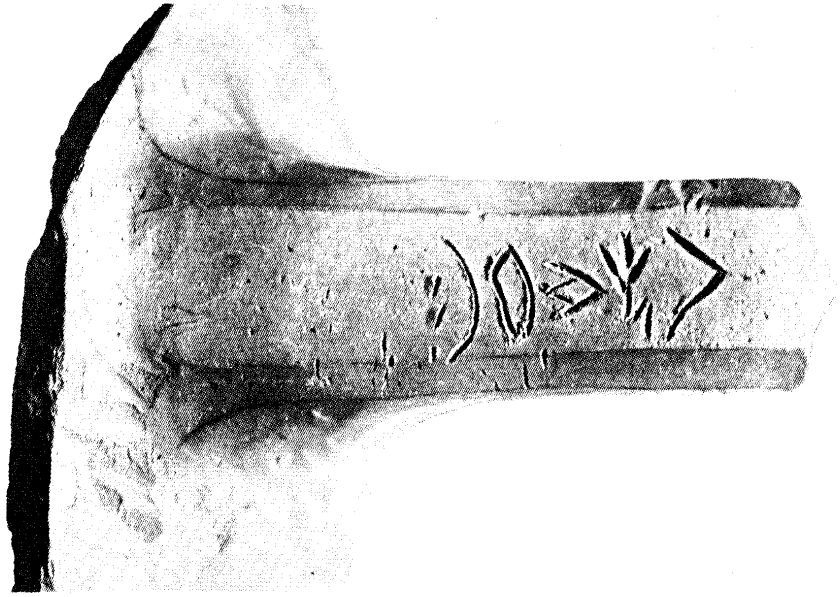
Д 13

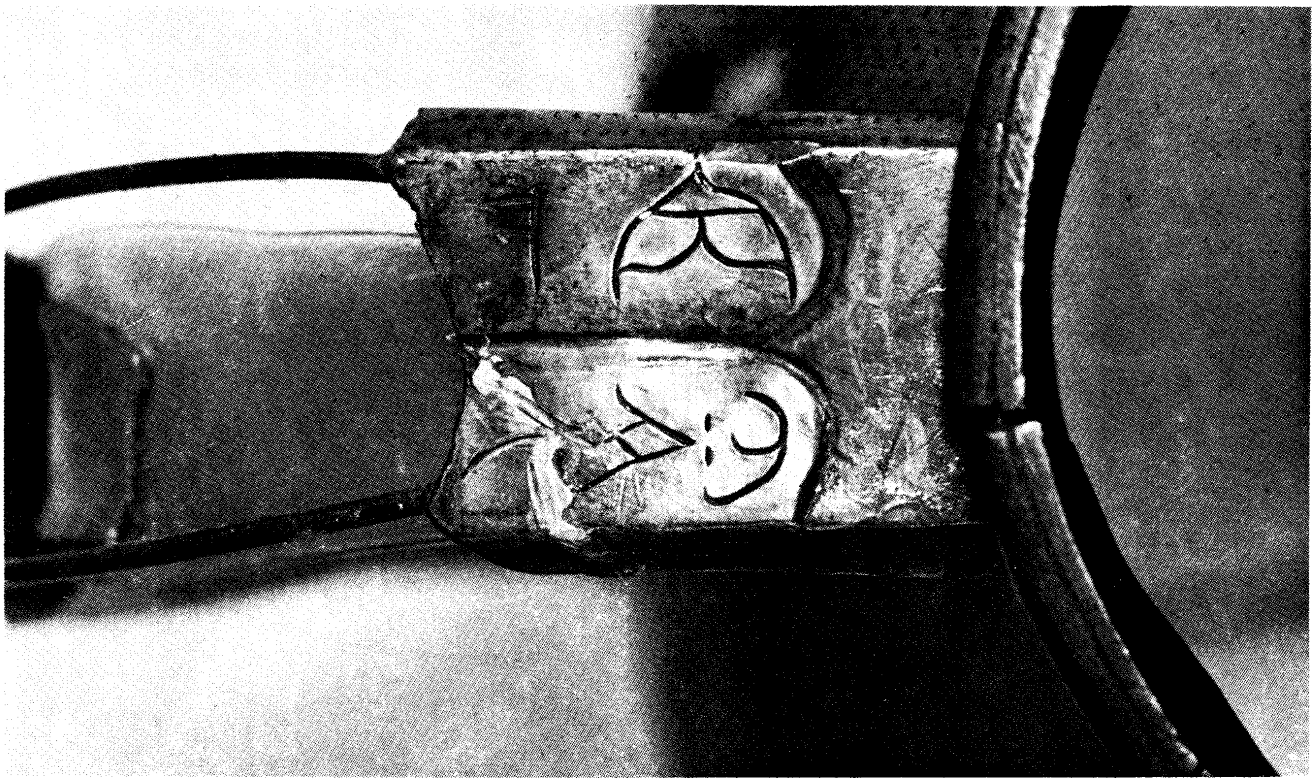
Д 14

Д 20

К 11

K 1 (начало надписи)

K 1 (основная часть)

K 2

K 9

Ю 6

Ю 10

Ю 1. Сулек III («Кара-Юс, стк. 2»)

Граффито на скале. Горизонтальная строка из 10 знаков. Общая длина 12 см, высота знаков 2—2,5 и 1,3—1,5 см.

Дата неясна.

Обнаружено И.Р. Аспелиным в 1887 г. среди изображений Сулекской писаницы на левом берегу р. Печище — левом притоке р. Черный Июс (хакасск. —Хара Ӱӱс) (рис. 3,*1*).

Находится на месте обнаружения.

Ю 1. Прорисовка автора

П у б л и к а ц и и: *Tötterman A.* Entzifferungsversuch einiger Inschriften auf einer Felsenwand bei Suljek (Ostsibirien). Helsingfors, 1888; Inscriptions de l'Iénissei. Helsingfors, 1889, № XXXII; *Appelgren-Kivalo H.* Alt-altaische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, Abb. 77, 89; *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 22, 23,*1*.

П о п ы т к и п р о ч т е н и я: *Tötterman A.* Entzifferungsversuch einiger Inschriften auf einer Felsenwand bei Suljek; *он же.* Entzifferungsversuch einiger Inschriften auf einer Felswand im Kreise Minusinsk. — Öfversigt af Finska Vetenskaps Societetens Förhandlingar. Helsingfors, 1888, Bd. 31; *он же.* Studien über die Suljekfelsen-Inschriften. Helsingfors, 1889; *он же.* Fünf Suljekinschriften nach ihren Texten festgestellt. Helsingfors, 1891; *Donner O.* Die Felseninschrift bei Suljek. — Öfversigt... Bd. 31; *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Lfg. 3. St-Pbg., 1895, c. 345; *Orkun H.N.* Eski türk yazıtları. 3. İstanbul, 1940, c. 193—195 (факсимиле: Ankara, 1987, c. 603—605); *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, с. 68, 69; *Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983, с. 28, 29.

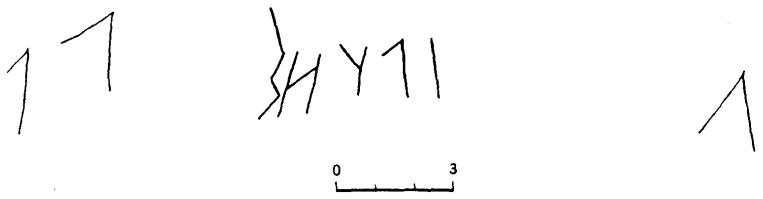
Ю 2. Сулек IV («Кара-Юс, стк. 3»)

Граффито на скале. Горизонтальная строка из пяти букв длиною 4,7 см. Высота знаков 1,5—1,7 и 2,9 см.

Дата неясна.

Обнаружено И.Р. Аспелиным в 1887 г. на той же писанице.

Находится на месте обнаружения.

Ю 2. Прорисовка автора

Публикации: Inscriptions, № XXXII; *Appelgren-Kivalo H.* Alt-altaische Kunstdenkmäler, Abb. 77; *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 22, 23,*2*.

Попытки прочтения: *Васильев Д.Д.* Корпус, с. 29.

Ю 3. Сулек V («Кара-Юс, стк. 4»)

Граффито на скале. Строка из 11 знаков, длиной 20,5 см. Высота букв от 2 до 4 см. Пострадало от современной выбивки.

Дата неясна.

Обнаружено И.Р. Аспелиным в 1887 г. на той же писанице.

Находится на месте обнаружения.

Ю 3. Прорисовка автора

Публикации и попытки прочтения: см. библиографию к Ю 1, а также: *Appelgren-Kivalo H.* Alt-altaische Kunstdenkmäler, Abb. 88; *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 22, 25,*1*.

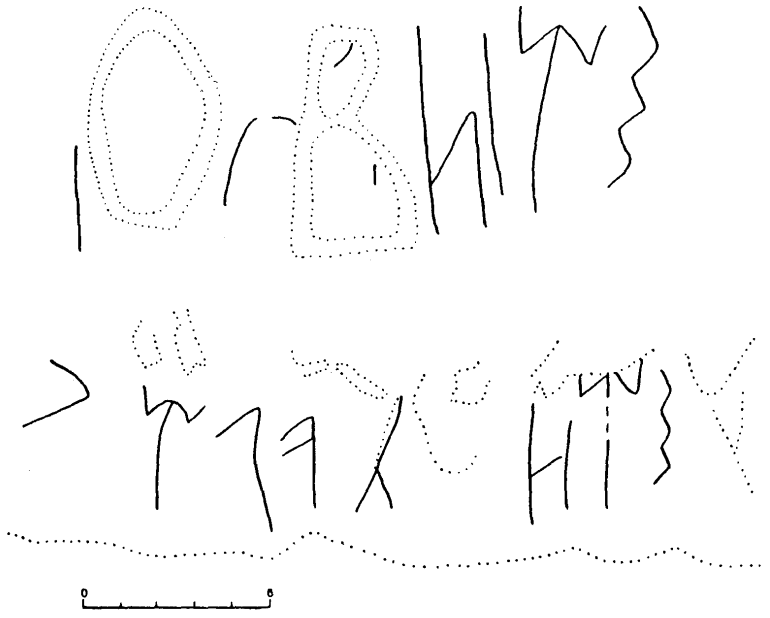
Ю 4. Сулек VI («Кара-Юс, стк. 6»)

Граффито на скале. Горизонтальная строка первоначально из 25—26 знаков. Ныне уцелели четыре первых, частично — пятый, шестой и — после значительной лакуны — девять последних знаков. Общая длина текста 51 см, высота знаков в начале строки от 4 до 5,8 см, в конце — от 1 до 3,5 см.

Дата неясна.

Обнаружено И.Р. Аспелиным в 1887 г. на той же писанице.

Находится на месте обнаружения.

Ю 4. Прорисовка автора

Публикации и попытки прочтения: см. библиографию к Ю 1 и Ю 3, а также: *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 22, 23,*3*, 25,*2*.

Первый атлас рунических надписей, обследованных экспедицией И.Р. Аспелина в 1887—1888 гг., — «Inscriptions de l'Iénissei» — открывался таблицей, изображавшей рисунки и начертания основной плоскости Сулекской писаницы. Семь ее надписей (73 знака) представляла и отдельная схематизированная прорисовка. Археологи отметили, что буквы нанесены позднее наскальных рисунков. Надписи Писаной горы стали одними из первых, над чтением которых задумались ученые. Еще до дешифровки тюркских рунических знаков было предпринято несколько безуспешных попыток прочитать сулекские надписи. При этом А. Тёттерман опубликовал прорисовки И.Р. Аспелина, в деталях отличные от тех, что издал позднее Х. Аппельгрен-Кивало (табл. XL, XLI).

Опыт прочтения был предложен в 1895 г. В.В. Радловым, вместе с тем отметившим: «Эти надписи настолько неотчетливы, что их расшифровка почти невозможна. Следующие здесь тексты являются очень приблизительным опытом расшифровки». Ученый высказался и о взаимоотношении рисунков и надписей: «Я не верю, что эти надписи вырезаны на рисунках — рисунки начертаны позднее»[49]. Издав надписи в руническом типографском наборе, В.В. Радлов и в понимании отдельных знаков значительно отошел от прорисовок

финской экспедиции (табл. XL, XLI). Он оставил без внимания 3-ю и 7-ю надписи (рис. 39), в знаках которых не были уверены члены финской экспедиции. В 1931 г. Х. Аппельгрен-Кивало, публикуя материалы И.Р. Аспелина, издал не только общее изображение писаницы с расположением всех ее деталей, но и хорошие прорисовки оригиналов ряда сулекских надписей. В 1940 г. Х.Н. Оркун, не зная этой публикации, переиздал рисунок общего вида писаницы и по радловской трактовке знаков дал несколько отличное прочтение надписей. Седьмую, непонятную, строку он отбросил. В 1948 г., вновь воспроизведя финское изображение скалы, Л.А. Евтюхова привела свои наблюдения над размещением и относительной хронологией изображений и надписей[50]. Этот вопрос рассматривался и С.В. Киселевым[51]. Чтение сулекских надписей, воспринятых, вопреки рисункам первооткрывателей, как части единого текста (ученый-тюрколог назвал его «эпитафия на скале»), вызвало у С.Е. Малова значительные трудности. Исследователь несколько раз отмечал необычные сочетания букв. Согласно номеру в сводной работе С.Е. Малова, сулекские надписи принято обозначать индексом Е 39. Традиционно, как шестистрочная, воспроизведена надпись и в прорисовке последнего по времени издания памятника Д.Д. Васильевым, хотя он оговаривается, что надпись, вероятно, не составляет единого текста. Воспроизводя третью строку по финскому атласу, он без комментариев не принимает во внимание знаки 69—73 публикации 1889 г. Предлагая транслитерацию надписей, Д.Д. Васильев исправляет неточность в воспроизведении «строки 4» у С.Е. Малова.

Изучение оригинала памятника в 1985 г. подтвердило впечатление, возникающее при знакомстве с работами исследователей, видевших саму писаницу. Надписи разбросаны по всей поверхности скалы. Они, несомненно, разобщенные и не могут составлять единый текст (рис. 39). Надписи, издаваемые тюркологами как первая и пятая строки памятника, выполнены енисейским письмом (Е 39/1—2: Сулек I и II — рис. 18; 39,*1,2*).

В атласе 1889 г. представлена еще одна строчка рун, в облике которых исследователи не были уверены (знаки 69—73). Судя по представленному там же общему виду писаницы, эти знаки расположены между двумя нижними фигурами бегущих оленей в первом ярусе изображений (рис. 39,*7*). Крупное их изображение издал Х. Аппельгрен-Кивало на рис. 87 (рис. 40). Вероятно, учитывая сомнения археологов, тюркологи при чтении надписей Сулека не использовали эти знаки. В 1985 г. уже не было возможности проверить эти начертания, так как нижний участок скалы оказался закрашенным масляной краской. Ряд руноподобных начертаний, представленных на общем рисунке скалы, не был издан финскими исследователями в качестве надписей. Все они были обследованы нами: линии у нижнего левого всадника ныне закрыты краской (рис. 39,*8*); резы у левого нижнего края плоскости (рис. 39,*9*), вероятно, являются частями не полностью различимых изображений; правее скачущего «с горы» верхнего всадника

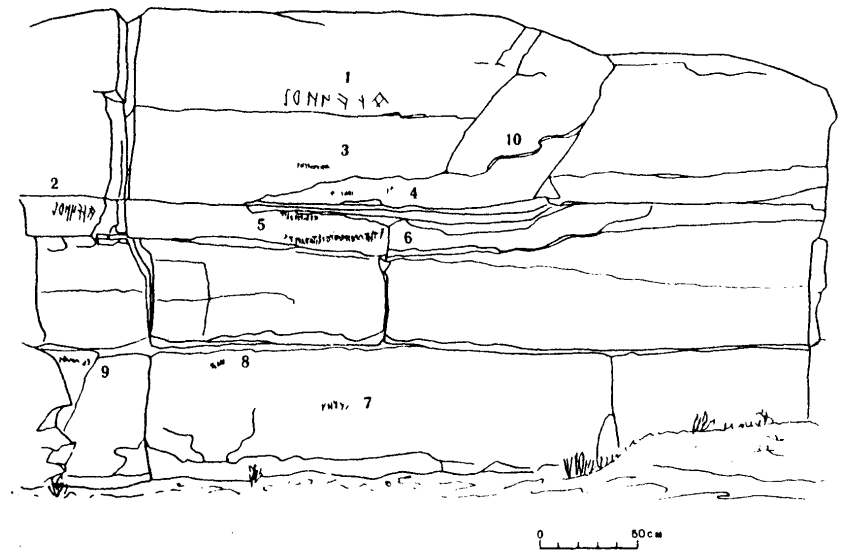

Рис. 39. Размещение рунических надписей на плоскости Сулекской писаницы. Прорисовка автора по воспроизведению Х. Аппельгрен-Кивало (Номера соответствуют порядку описания и индексации надписей)

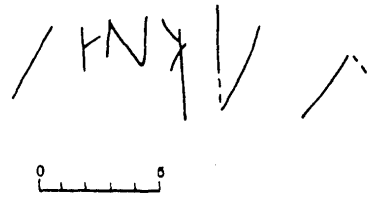

Рис. 40. Сулекская писаница. Начертания строки 7 (знаки 69–73 издания 1889 г.). По Х. Аппельгрен-Кивало

(рис. 39,*10*) поверхность скалы вообще не имеет искусственных повреждений. Не являются надписями и три группы начертаний, руноподобно переданные на копии писаницы В.Ф. Капелько, представленной в Хакасском республиканском музее в Абакане (ниже строки Е 39/2 — не руны, а тонко прочерченная надпись «1947 гд»; в среднем ярусе слева, под Ф-образной фигурой — часть рисунков (лапа барса и кони); в нижнем ярусе над изображением православного креста — линии, не являющиеся рунами).

Сулекские надписи Ю 1—Ю 4 получили палеографическое определение в 1988 г. и были опубликованы как образцы вновь выделяемого алфавита в 1990 г.[52].

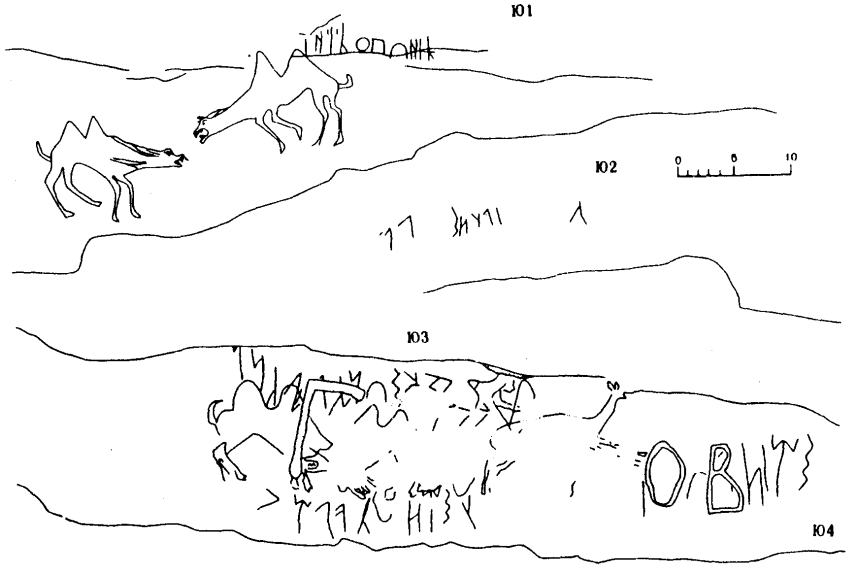

Рис. 41. Сулекская писаница. Расположение надписей Сулек III–VI (Ю 1 – Ю 4). Прорисовка автора

Верхняя надпись Ю 1 расположена выше фигур двух ощерившихся верблюдов (рис. 41). Надпись и изображение правого верблюда не перекрывают друг друга, однако последний знак текста и задний горб животного практически соприкасаются. Размещение рисунка верблюдов позволяет полагать, что буквы появились позднее и наносились от свободного поля к изображению, т.е. справа налево. В изданиях тюркологов надпись выступает как вторая строка «сулекского текста» (рис. 39,*3*). Наше понимание знаков (табл. XL) незначительно отличается от того, что было издано в атласе 1889 г. Заметим, что полевая прорисовка 1887 г., которую издал Х. Аппельгрен-Кивало, не совпадает с представленными в атласе начертаниями (рис. 42). Следует также иметь в виду таблицу форм рунических знаков, помещенную в атласе 1889 г. Вместе с тем

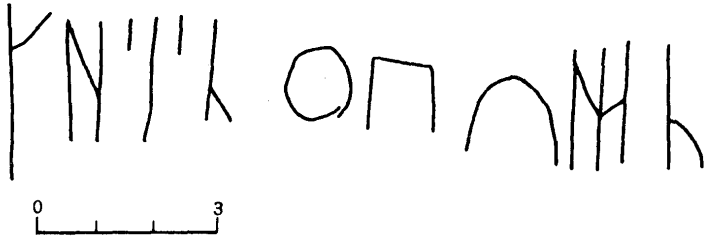
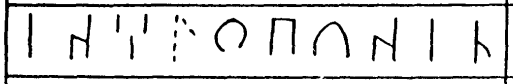
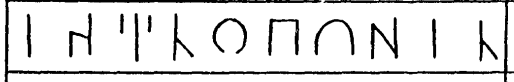
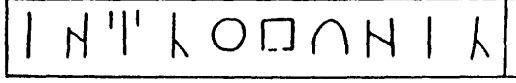

Рис. 42. Надпись Сулек III (Ю 1) по Х. Аппельгрен-Кивало

именно особенности этой полевой фиксации (представленной в 1889 г. лишь на рисунке общего вида писаницы) были положены в основу чтения надписи В.В. Радловым. При этом знаки 3—5, 7 и 9 подверглись истолкованию, приближавшему их облик к знакам енисейского письма, и были переданы наборным шрифтом. В этом виде они были воспроизведены в трудах Х.Н. Оркуна (читавшего их иначе), С.Е. Малова (давшего третий вариант прочтения) и Д.Д. Васильева (иная транскрипция пятого знака) (табл. XL).

Таблица XL

Восприятие знаков надписи Сулек III (Ю 1) разными исследователями

10 9 8 7 6 5 4 3 2 1	Номер знаков/Автор
	И.Р. Аспелин (по атласу 1889 г.)
	И.Р. Аспелин (по А. Тёттерману)
	Х. Аппельгрен-Кивало
	В.В. Радлов
	И.Л. Кызласов

Надпись Ю 2 находится ниже и правее описанной (рис. 39,*4*, 41). Поверхность камня в этом месте нарушена легкими штрихами и нет полной уверенности, что эти линии являются руническими буквами. Знаки находятся на свободном от рисунков участке скалы, хотя в 3,5 и 6,5 см слева и справа от них видны угловатые начертания, которые, по нашему мнению, не являются буквами. В атласе 1889 г. отражены сомнения исследователей в восприятии буквенных знаков. Вероятно, по этой причине они не были использованы в чтении В.В. Радлова, Х.Н. Оркуна и С.Е. Малова («строка 3» передана многоточием). Д.Д. Васильев, руководствуясь материалами атласа, предлагает транслитерацию четырех знаков (в том числе отстоящего от остальных правого) как рун енисейского письма, хотя в прорисовке эта надпись у него отсутствует.

Надпись Ю 3 отделена от описанных значительным горизонтальным сколом. Размещена над рисунком другой пары дерущихся верблюдов (рис. 39,*5*, 41). Текст и изображение находят друг на друга. Это обстоятельство было замечено Л.А. Евтюховой и С.В. Киселевым, посчитавшим фигуры верблюдов более поздними. Ныне надпись и изображения существенно пострадали от варварски выбитых автографов, и не все детали различимы в равной степени.

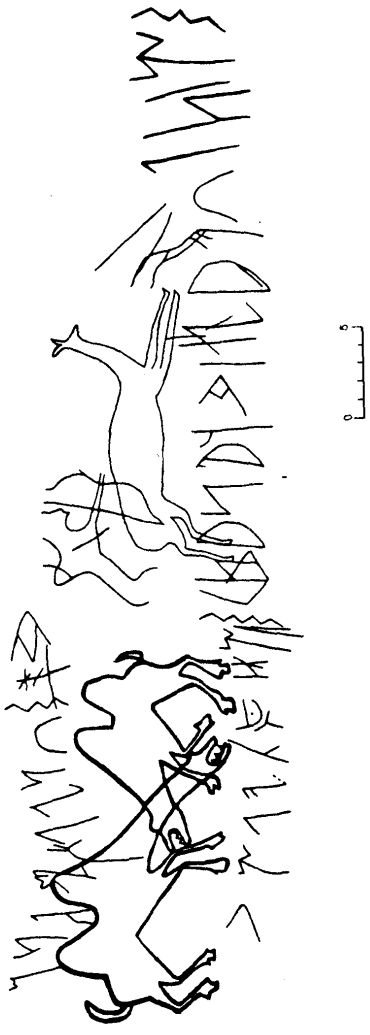

Рис. 43. Надписи Сулек V и VI (Ю 3, Ю 4) по Х. Аппельгрен-Кивало

Полагаем, однако, что наиболее показательным для определения относительной хронологии является размещение трех последних знаков надписи. Они явно следуют за линией, воспроизводящей спину и задний горб верблюда. Думается, что и предыдущие буквы перекрывают изображение левого верблюда — писавший не сразу изменил направление строки. Таким образом, приходим к противоположному, чем наши предшественники, выводу: надпись была нанесена на скалу позднее изображения верблюдов. Сказанное убеждает, что она писалась справа налево. Так же как и авторы атласа 1889 г. (рис. 43), мы различаем в этой надписи 11 рунических знаков. Существенные расхождения возникают лишь в передаче шестого знака. Понимание же знаков иное. Члены финской экспедиции, как и все изучавшие надпись тюркологи, сближали эти руны с енисейскими. Кроме того, в атласе перед первой буквой надписи непонятно каким образом возник еще один знак (знак 25), отсутствующий в изданных прорисовках экспедиции. В.В. Радлов добавил справа еще один знак — вертикальную черту («строка 4»). Вслед за ним в таком наращенном виде надпись была воспринята и Х.Н. Оркуном, и С.Е. Маловым, и Д.Д. Васильевым. Вероятно, за эти несуществующие знаки были приняты линии рисунка лучника — представляющего один из наиболее ранних изобразительных периодов писаницы — таштыкскую эпоху (I в. до н.э. — V в. н.э.; см. рис. 43).

Четвертая южноенисейская надпись (Ю 4) Писаной горы наиболее обширна и располагается ниже третьей — под изображением верблюдов (рис. 39,*б*, 41). Она, как и сами рисунки, сильно пострадала от современной выбивки. Судя по материалам финской экспедиции (рис. 43), надпись состояла из непрерывной горизонтальной строки. Писавший, вероятно, размещал текст под уже имевшимися изображениями косули и верблюдов. По прорисовке 1887 г., часть знаков перекрывает задние ноги косули. Надпись была прочитана тюркологами как енисейская («строка 6»). При этом В.В. Радлов отошел от данных в атласе форм знаков не только в приближении их к известному алфавиту, но и частично произвольно изменил их. Лишь в ряде таких поправок он исходил из полевой прорисовки экспедиции 1887 г. (табл. XLI, № 1, ср. знак 44 атласа 1889 г.). Радловское понимание знаков было воспринято Х.Н. Оркуном и С.Е. Маловым, предложившим несколько иные транскрипции текста. Если трактовка букв В.В. Радлова была опубликована при помощи наборных рунических знаков, то изданная Д.Д. Васильевым прорисовка фактически является рукописной передачей этого типографского набора. Лишь отдельным знакам возвращены начертания, зафиксированные финской экспедицией (табл. XLI). На этой основе получена отличная от предшественников транслитерация надписи. Ныне испорченная надпись уже не выглядит непрерывной строкой текста. Ясно различаются четыре первые буквы, восстанавливаются по уцелевшим частям пятая и шестая. Не сохранились последующие руны, размещавшиеся под фигурой косули. Вызывает сомнение

Таблица XLI

Восприятие знаков надписи Сулек VI (Ю 4) разными исследователями

Номера знаков/Автор	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
И.Р. Аспелин (по А. Тёттерману)	ᛋ	ᛋ	ᛁ	ᚺ	ᚴ	ᚢ	ᚴ	ᚱ	ᚴ	ᛁ	ᚱ	ᛉ	ᚱ
Х. Аппельгрен-Кивало	ᛋ	ᛋ	ᛁ	ᚺ	ᚴ	ᚢ	?	ᚱ	ᚴ	ᛁ	ᚱ	ᛉ	ᚱ
И.Р. Аспелин (по атласу 1889 г.)	ᛋ	ᛋ	ᛁ	ᚺ	ᚴ	ᚢ	ᚴ	ᚱ	ᚴ	ᛁ	ᚱ	ᛉ	ᚱ
В.В. Радлов	ᛋ	ᛋ	ᛁ	ᚺ	ᚴ	ᚢ	ᚴ	ᚱ	ᚴ	ᛁ	ᚱ	ᛉ	ᚱ
Д.Д. Васильев	ᛋ	ᛋ	ᛁ	ᚺ	ᚴ	ᚢ	ᚴ	ᚱ	ᚴ	ᛁ	ᚱ	ᛉ	ᚱ
И.Л. Кызласов	ᛋ	ᛋ	ᛁ	ᚺ	ᚴ	ᚢ	...	...	...	...	...	...	...

Номера знаков/Автор	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26
И.Р. Аспелин (по А. Тёттерману)	ᚢ	ᛞ	ᛋᛁ	ᛁ?	ᛋ	ᛋ	ᚺ	?	ᚴ	ᚱ	ᛁ	ᛋ	ᚴ
Х. Аппельгрен-Кивало	ᚢ	ᛞ	ᚺ	ᛁ?	ᛋ	ᛋ	ᚺ	?	ᚴ	ᚱ	ᛁ	ᛋ	ᚴ
И.Р. Аспелин (по атласу 1889 г.)	ᚢ	⋮	⋮		ᛋ	ᛋ	⋮		⋮	⋮	⋮	⋮	⋮
В.В. Радлов	ᚢ	ᛞ	ᚴ	ᛉ	ᛋ	ᛋ	ᚴ	ᚴ	ᚴ	ᚴ	ᚴ	ᚴ	ᚴ
Д.Д. Васильев	ᚢ	ᛞ	ᚴ	ᛉ	ᛋ	ᛋ	ᚴ	ᚴ	ᚴ	ᚴ	ᚴ	ᚴ	ᚴ
И.Л. Кызласов	...	...	...	ᛉ?	ᛋ	ᛋ	ᚺ	ᚱ	ᚴ	ᚱ	ᛁ	ᛋ	ᚴ

знак 17 (табл. XLI), неразличим верхний угол 18-й буквы. Уверенно выделяются 19-й и 20-й знаки, полностью сохранились четыре последние руны. Этот текст, наносившийся позднее расположенных выше него изображений, в ряде мест, несомненно, включил в строку более ранние, не связанные с надписью линии. Таковы резы под задней ногой правого верблюда, правее знаков 23—26. Если присутствие здесь 22-й буквы все же вероятно, то линии, представленные в ряде прорисовок как знаки 21, без сомнения не связаны с текстом. Писавший, видимо, пропустил здесь уже поврежденную ранее поверхность. Нельзя абсолютно уверенно считать буквой и начертания перед знаком 17. В 1985 г. уже не было возможности судить об относительной хронологии надписи и изображения косули. С.В. Киселев полагал, что фигура животного нанесена на камень позднее текста.

Ю 5/1—2. Пряслице Минусинского музея

Граффито на узкой (Ю 5/1) и, возможно, на широкой стороне (Ю 5/2) яшмового пряслица. Надпись 1 состоит из 25 знаков, нанесенных по всей длине бортика предмета. Длина строки 11 см, высота знаков от 0,4 (в начале текста) до 1 см (в конце). Надпись 2 выделяется условно по трем руноподобным начертаниям.

Дата неясна.

Случайная находка в Хакасско-Минусинской котловине, сделанная не позднее 1896 г.

Хранится в Минусинском музее, инв. № 9530.

Ю 5. Прорисовка автора. Ю 5/2 – без масштаба

П у б л и к а ц и и: *Киселев С.В.* Письменность енисейских кыргыз. — КСИИМК. 1949, вып. 25, рис. 9,*б*, 10; *он же.* Древняя история Южной Сибири. — МИА. 1949, 9, табл. LIII,*15*; *он же.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. LIII,*15*; *Рыгдылон Э.Р.* К древнетюркским рунам Прибайкалья. — ЭВ. 1953, 8, рис. 3, 4; *Васильев Д.Д.* Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири. — ТС. 1975. М., 1978, фото 4, 5, рис. 2; *он же.* Корпус, с. 74, 116; *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 26,*1*, *1А*.

П о п ы т к и п р о ч т е н и я: *Киселев С.В.* Письменность; *он же.* Древняя история, 1949, с. 346, 347; *он же.* Древняя история. 1951, с. 613.

Первые сведения об этом памятнике относятся к 1896 г. Тогда в отделе хроники IV тома «Археологических известий и заметок,

издаваемых Московским археологическим обществом» появилось следующее краткое сообщение: «Хранитель Минусинского музея, Н.М. Мартьянов, после 23-летнего пребывания в Сибири посетив этим летом музеи Европейской России и Кавказа, был и на Рижском съезде (X Археологический съезд, 1—15 августа 1896 г. — *И.К.*), где, сообщая в частных беседах немало новых и интересных данных по сибирской археологии, показывал недавно найденную пряслицу с рунической надписью (и, может быть, также с китайскими знаками). Это первый известный образчик обиходного предмета с сибирскими рунами. Ныне эту пряслицу изучает акад. Радлов»[53]. Наблюдения В.В. Радлова не были опубликованы и остались неизвестными. Долго не привлекала внимания и сама находка, хранившаяся в фондах Минусинского музея под № 2164 (ныне — № 9530).

Пряслице было вновь обнаружено там в 1940-х годах первым профессиональным археологом музея — В.П. Левашёвой[54]. Она предоставила рисунок и пластилиновый оттиск надписи С.В. Киселеву, который издал прорисовку текста и фотографию слепка в 1949 г. С.В. Киселев, разрабатывая транслитерацию надписи, отметил, что «ее литеры весьма своеобразны и значительно отличаются от других енисейских». Ученый предложил фонетические соответствия ряду своеобразных знаков, отметил их родство с начертаниями таласской палочки, а буквы-«лесенки» — с «печенежским» письмом и венгерскими резами. В том же году С.В. Киселев опубликовал фотографию оттиска в книге. Летом 1948 г. во время посещения Минусинского музея С.Е. Малов видел пряслице. Исследователю были переданы Э.Р. Рыгдылоном и отпечатки надписи[55], однако результаты работы видного тюрколога с этим памятником не были изданы. С.Е. Малов лишь однажды выразил надежду, что постепенно надпись будет разобрана[56]. В 1951 г. Э.Р. Рыгдылон, учитывая публикацию С.В. Киселева, ограничился кратким упоминанием пряслица и замечанием о несхожести некоторых знаков надписи с енисейским алфавитом[57]. В 1953 г. исследователь издал фотографию оттиска надписи (видимо, подобный был передан и С.Е. Малову) и его прорисовку, сопроводив их кратким описанием и сравнительной палеографической таблицей. Посетивший в 1961 г. Минусинский музей А.М. Щербак, к сожалению, не смог обнаружить пряслице в его фондах. Причина, видимо, заключалась в отсутствии в это время в штатах музея хорошо знающего коллекции профессионального археолога. В своей работе 1970 г. А.М. Щербак указал публикации предшественников и справедливо отметил, что знаки на пряслице имеют «явно выраженный не-енисейский характер»[58]. В середине 60-х годов в Минусинском музее вновь начал работать археолог — Н.В. Леонтьев, и пряслице с надписью опять стало доступно для исследователей.

В 1978 г. Д.Д. Васильев, изучив оригинал, опубликовал новую прорисовку надписи, фотоснимки тонированных знаков на боковой поверхности и прорисованные фотографии плоскостей пряслица, зафиксировав на них руноподобные начертания. В 1983 г. эти

материалы, дополненные прорисованной фотографией общего вида пряслица, рисунками его плоскостей и одним снимком тонированной надписи, кратким описанием предмета и неполной библиографией, были переизданы. Несмотря на отличия знаков рунического текста от букв енисейских надписей, отмеченные и Д.Д. Васильевым, этот письменный памятник лишь по месту его находки получил индекс Е 87, чем был нарушен палеографический принцип подобных обозначений. В другой работе 1983 г. исследователь отметил сходство знаков пряслица с буквами восточноевропейских надписей[59]. Отметим, что прорисовка Д.Д. Васильева не во всем соответствует его фотографии тонированных знаков надписи (ср.: табл. XLII, № 1, 7, 11а, 12, 13, 21). Кроме того, облик знаков на этих фотографиях в деталях отличен и в изданиях 1978 и 1983 г. Прорисовки надписей в публикациях тоже разнятся в передаче размеров и, что важнее, формы некоторых знаков (табл. XLII, № 9, 12—13, 17, 18, 20—22).

Знакомство с оригиналом убеждает, что наиболее полные и объективные сведения о надписи на узкой стороне пряслица представляет слепок В.П. Левашёвой, изданный в работах С.В. Киселева. На некоторые изданные прорисовки были перенесены поздние повреждения поверхности с текстом (табл. XLII, № 1а, 12а, 17а, 25а и б). Начертания 18а случайны и появились, вероятно, до создания надписи. Точка 13а шире и мельче подобных знаков, поэтому нет уверенности, что она относится к тексту. Сомнения вызывают перекладины знаков 18 и 22 — тонкие царапины, задевающие соседние буквы, что не отмечается для других рун. Надпись нанесена широкими и глубокими бороздами, похоже, что она вырезана ножом. Одна из широких сторон пряслица лишена письменных знаков, на второй вычленяются три руноподобные фигуры (Ю 5/2). Нет уверенности, что они являются буквами. Другие же линии, отмеченные на этой плоскости предмета Д.Д. Васильевым, определенно не составляют буквенных знаков. Надписи пряслица получили палеографическое определение в 1988 г.[60] и были изданы в нашей сводной работе 1990 г.

Ю 6. Уйбат

Граффито на донце серебряного сосуда. Строка из четырех знаков, длиною 0,7 см. Высота букв 0,35—0,4 см.

Дата — конец VIII — первая половина IX в.

Обнаружен в 1928 г. С.А. Теплоуховым при раскопках могилы 19 на Уйбатском чаатасе (р. Бейка — правый приток р. Уйбат, впадающей в р. Абакан слева) (рис. 3,*2*).

Хранится в ГЭ, инв. № 4899/2.

Публикации: *Бернштам А.Н.* Древнетюркское письмо на Лене. — ЭВ. 1951, 4, табл. II,*7*; *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 26,*3, 4, 4А*.

Таблица XLII

Восприятие знаков на пряслице Минусинского музея (Ю 5/1) разными исследователями

Номера знаков/Автор	13а	13	12а	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1	1а
В.П. Левашева (по С.В. Киселеву)																
Э.Р. Рыгдылон																
Д.Д. Васильев (1978 г.)																
Д.Д. Васильев (1983 г.)																
И.Л. Кызласов																

Номера знаков/Автор	25б	25а	25	24	23	22	21	20	19	18а	18	17а	17	16	15	14
В.П. Левашева (по С.В. Киселеву)																
Э.Р. Рыгдылон																
Д.Д. Васильев (1978 г.)																
Д.Д. Васильев (1983 г.)																
И.Л. Кызласов																

Ю 6. *1* – по А.Н. Бернштаму, *2–3* – прорисовка автора: *2* – общий вид резов на донце, *3* – первоначальные резы на донце

Попытки прочтения: *Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков. М.—Л., 1946, с. 69; *он же.* Древнетюркское письмо на Лене, с. 85.

Сосудик первоначально хранился в Государственном музее этнографии народов СССР (Ленинград), а затем, по инициативе Л.Р. Кызласова, археологические коллекции С.А. Теплоухова[61] были переданы в Государственный Эрмитаж[62]. Надпись, нанесенная на его донышко глубокими резами, но пострадавшая при работе реставраторов, была обнаружена А.Н. Бернштамом, опубликовавшим первый вариант ее прочтения в 1946 г. В 1951 г. исследователь издал прорисовку рунического текста и новое его чтение, также выполненное на основе енисейского алфавита. А.Н. Бернштам полагал, что в двух строчках этой надписи дважды повторена одна и та же фраза. В 1983 г. Д.Д. Васильев, переиздав прорисовку А.Н. Бернштама и приведя устаревшие данные о месте хранения сосуда и неверную дату его находки, отметил, что фонетически «некоторые знаки не могут быть идентифицированы безусловно»[63]. Между тем знакомство с оригиналом выявляет в публикации А.Н. Бернштама явные недоразумения. Во-первых, вторая строка текста вообще отсутствует и, вероятно, «возникла» благодаря совмещению двух вариантов прорисовки одних и тех же знаков самим А.Н. Бернштамом. Во-вторых, в качестве букв могут

учитываться только три первых знака его воспроизведения. На донце сосуда кроме трех букв и штриха, вырезанного вместе с ними, имеются несколько перекрывающих друг друга начертаний. Верхний «слой» составляют тамговидные знаки, самый нижний — извилистая и крестовидная фигуры. Надпись принадлежит к дотамговым начертаниям и то ли одновременна самому нижнему «слою», то ли раньше него. Среди верхних линий, понимавшихся А.Н. Бернштамом как продолжение надписи, косой крест выполнен иной по глубине, чем буквы, бороздкой, а последующие царапины — еще более тонкие, возможно, ненамеренные повреждения поверхности. Начальный крест принадлежит к позднему слою тамговидных знаков. Сказанное позволяет нам учесть лишь четыре глубоких знака, хотя их мельчайшие размеры порождают определенное сомнение. Форма первой буквы убеждает, что надпись выполнена южноенисейским письмом и необоснованно получила в литературе индекс енисейских текстов — Е 83[64].

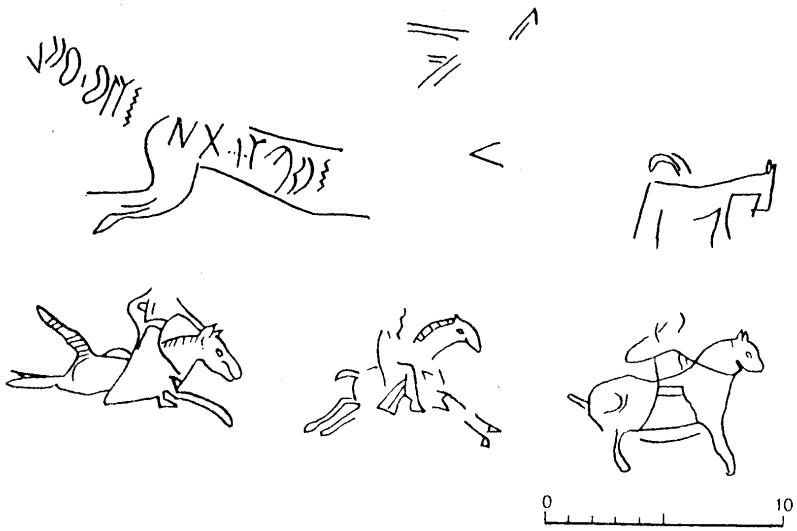
Ю 7. Саргол

Граффито на обломке скалы. Одна косая строка из 17 знаков. Общая длина около 14 см, высота букв от 1,2 до 1,7—2 см.

Дата неясна.

Обнаружено в 1982 г. М.А. Дэвлет в ущелье, связывающем урочища Ортаа-Саргол и Мугур-Саргол на левом берегу р. Енисей (рис. 3,*3*).

Находится на месте обнаружения.

Ю 7. По прорисовке М.А. Дэвлет

Публикации: *Дэвлет М.А.* Петроглифы на кочевой тропе. М., 1982, табл. 28,*1*.

Попытки прочтения: не издавались.

Ниже надписи сходным образом вырезаны фигуры трех всадников, правее текста — какого-то животного. Правая часть надписи размещена на изображении другого зверя, вероятно, оленя. Очевидно, руны нанесены на камень позднее этого рисунка — имеющийся в строке текста разрыв объясняется стремлением писавшего миновать линии изображения. Тринадцатый знак (короткий штрих), вероятно, является словоразделительным. Палеографическое определение надписи дано в 1988 г., переиздание прорисовки осуществлено в 1990 г.[65].

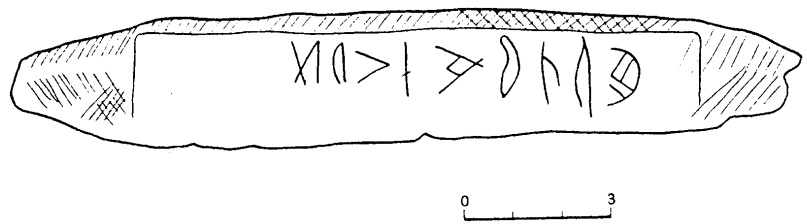
Ю 8. Аймырлыг I

Граффито на роговой накладке боевого лука. Строка из девяти букв, длиною 7,2 см. Высота букв от 0,9 до 1,4 см (однажды — 1,7 см).

Дата — IX—X в.

Обнаружено в 1971 г. А.М. Мандельштамом и Б.Б. Овчинниковой при раскопках кургана 52 в группе VIII могильника Аймырлыг I на левом берегу р. Чаа-Холь — левого притока р. Енисей (рис. 3,*4*).

Хранится в ИИМК РАН (?).

Ю 8. По прорисовке Б.Б. Овчинниковой

Публикации: *Васильев Д.Д.* Корпус, с. 81; *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 28,*1*.

Попытки прочтения: *Васильев Д.Д.* Корпус, с. 46.

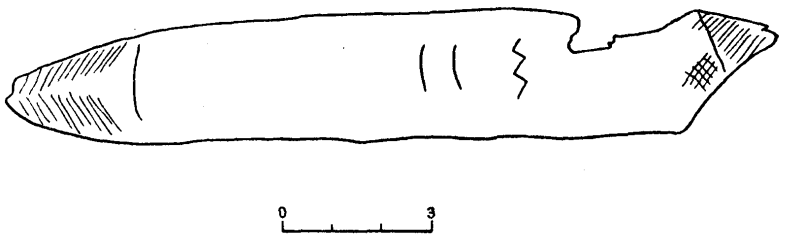
Ю 9. Аймырлыг II

Граффито на роговой накладке боевого лука. Строка со следами двух букв и одним целым знаком. Длина строки 2,2 см, высота буквы 1,3 см.

Дата — IX—X в.

Обнаружено в 1971 г. А.М. Мандельштамом и Б.Б. Овчинниковой в том же кургане, что и Ю 8.

Хранится в ИИМК РАН (?).

Ю 9. По прорисовке Б.Б. Овчинниковой

Публикации: *Васильев Д.Д.* Корпус, с. 81; *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 28,*2*.

Попытки прочтения: не издавались.

Накладки со знаками были изданы в прорисовке Б.Б. Овчинниковой Д.Д. Васильевым, предложившим частичную транслитерацию длинной надписи на основе енисейского алфавита. Памятники необоснованно получили индекс енисейских текстов (Е 141 и Е 142). Облик третьего знака Ю 8 может толковаться по-разному (как № 29 или как № 4 на табл. XV). Палеографическое определение надписей дано в 1988 г., прорисовки их переизданы в 1990 г.[66].

Ю 10. Озерная II

Граффито на скале. Вертикальная строка из 17 знаков, длиною 18,6 см. Высота знаков от 0,9 до 2,2 см, в среднем — 1,5 см.

Дата неясна.

Обнаружено в 1977 г. В.Ф. Капелько на горе Озерной, на левом берегу р. Печище над оз. Сульфатным (Бузуновым) (рис. 3,*1*).

Находится на месте обнаружения.

Публикации: *Кызласов И.Л.* Новая руническая письменность Южной Сибири. — Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988, рис. 1; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 29.

Попытки прочтения: не издавались.

В 1977 г. в Хакасии при обследовании горы Озерной В.Ф. Капелько и Э.А. Севастьяновой была обнаружена надпись, нанесенная на пятой от Сулекской писаницы вершине (рис. 3,*1*). Благодаря предоставленным исследователями данным, автору удалось познакомиться с оригиналом. На том выходе камня, где размещена надпись, выбиты антропоморфные и зооморфные фигуры. Глубоко вырезанные буквы размещены левее рисунков у самого края камня.

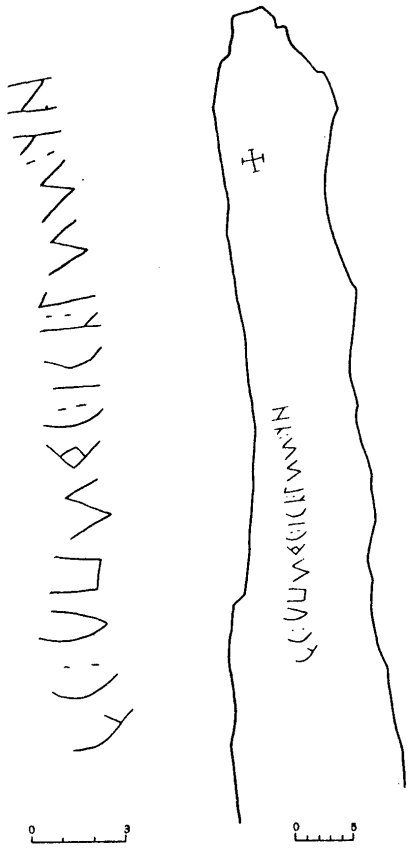
Ю 10. Прорисовки автора

Просвет в строке объясняется намеренным пропуском поврежденного участка камня. Надпись содержит 11 типов знаков южноенисейского письма и завершается коротким штришком. С южноенисейскими надписями Писаной скалы (Ю 1—Ю 4) ее роднит руна № 32, более нигде не встреченная (табл. XV). В прорисовке В.Ф. Капелько надпись издана в 1988 г., в прорисовке автора этих строк — в 1990 г. Это второй письменный памятник с г. Озерной, первый выполнен енисейским письмом (Е 138, рис. 22).

Ю 11. Туран III

Граффито на менгире кургана раннего железного века. Вертикальная строка из 19 знаков, длиною 21 см. Высота букв 1,5—2 см. В 20,3 см выше текста вырезана тамга.

Дата неясна.

Ю 11. Прорисовки автора

Обнаружено в 1977 г. В.Ф. Капелько в логу горы Туран на левом берегу р. Енисей (рис. 3,*5*).

Находится на месте обнаружения.

Публикации: *Кызласов И.Л.* Новая руническая письменность, рис. 2, 3,*1*; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 30,*1*, *2*.

Попытки прочтения: не издавались.

Благодаря полученным от В.Ф. Капелько данным и при содействии Б.Н. Пяткина, местонахождение письменного памятника обследовано нами совместно с Л.Р. Кызласовым в 1981 г. Надпись нанесена на узкую юго-восточную грань угловой плиты ограды кургана, высота которой 1,4 м, а ширина 1 м. Высота узкой грани 1,16 м, ширина по основанию 1,4 см, в месте расположения надписи — 9 см. Описание, прорисовка и палеографическое определение надписи изданы в 1988 и 1990 гг. Опубликована и прорись еще одной — трудноразличимой — руноподобной надписи Туран IV, некогда вырезанной на камне другого кургана того же могильника. Порядковые номера надписей учитывают наскальные тексты Туран I и II (Е 118).

Ю 12. Эдегей II

Граффито на стеле в поминальной оградке. Вертикальная строка из 11 знаков, длиною 12,8 см. Высота букв от 0,9—1,2 до 1,5—2 см.

Дата — позднее середины VIII в.

Обнаружено в 1978 г. Л.Р. Кызласовым на могильнике Эдегей (оградка 17) у подножия гор Чинге-Даг на левом берегу р. Эдегей — левом притоке р. Хемчик (рис. 3,*6*).

Хранится в ХРКМ, инв. № 5677/8.

Публикации: *Кызласов И.Л.* Новая руническая письменность, рис. 9; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 32.

Попытки прочтения: не издавались.

Ю 13. Эдегей III

Граффито на стеле поминальной оградки. Вертикальная строка, разделенная на три части помещенной среди букв тамгою и просветом в 3 см. Общая длина 40 см. В трех частях соответственно семь, пять и десять письменных знаков высотою от 1 до 1,7 см.

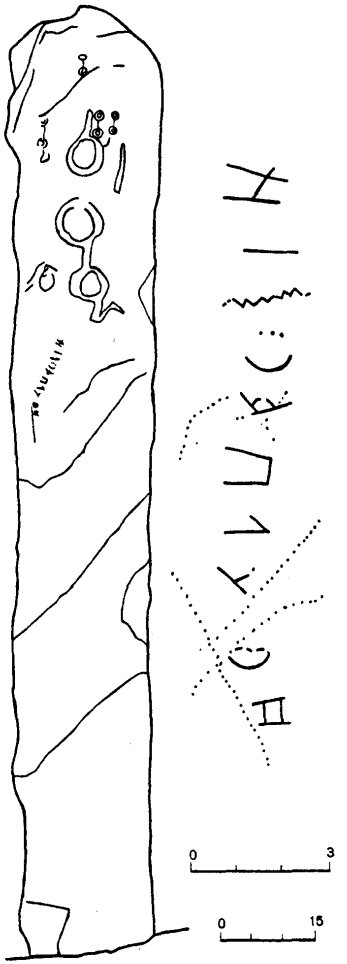
Дата — IX—X в.

Обнаружено в 1978 г. Л.Р. Кызласовым в той же оградке 17 могильника Эдегей.

Хранится в ХРКМ, инв. № 5677/8.

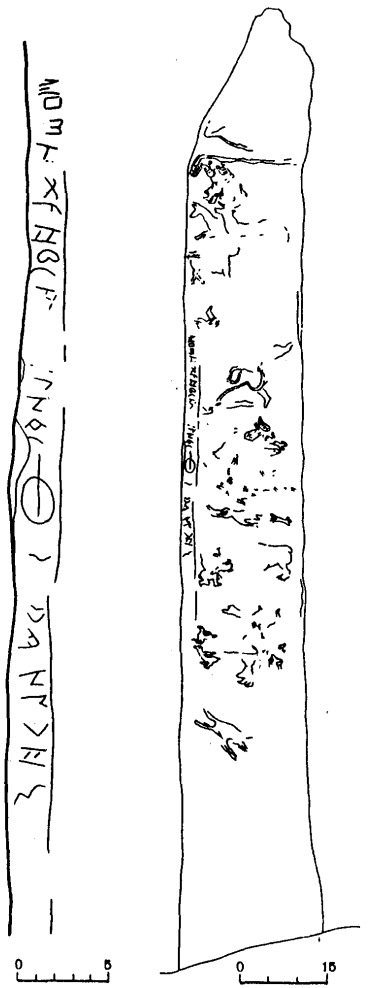
Публикации: *Кызласов И.Л.* Новая руническая письменность, рис. 10; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 33,*1*, *2*.

Попытки прочтения: не издавались.

Ю 12. Прорисовки автора

Могильник Эдегей состоит из восьми курганов уюкской культуры (VII—III вв. до н.э.), двух каменных, вероятно средневековых, курганов и семнадцати поминальных, видимо уюкских, сооружений, частично повторно использованных тюрками-тугю[67]. У двух из них обнаружены стелы с руническими надписями. Текст Эдегей I написан енисейским алфавитом с употреблением двух форм южноенисейских букв (рис. 5). Вторая надпись (Ю 12) нанесена на восточную грань сланцевой стелы (1,6 × 0,22 × 0,14 м), стоявшей в южном углу спаренной поминальной оградки, перед которой, кроме того, были установлены древнетюркское изваяние и три цепочки

Ю 13. Прорисовки автора

балбалов. Вертикальная строка текста, несколько отклонившаяся от отвесной линии, состоит из вырезанных тонкими бороздками и местами трудноразличимых знаков. Вертикальное троеточие (знак 8), вероятно, служит словоразделителем.

Надпись Ю 13 нанесена на северо-восточную грань узкой стелы (1,7 × 0,22 × 0,2 м, верх обломан), стоявшей в центре той же поминальной оградки. Вся эта плоскость покрыта многофигурным изображением облавной охоты. Сцены, вырезанные тонкими и неглубокими линиями, размещены несколькими ярусами. Вдоль левого края плоскости вертикально, в одну строку размещена

руническая надпись, отделенная от рисунков специально проведенной чертою. Надпись своеобразна в двух отношениях. Во-первых, среди рун размещена тамга, однотипная тем, которые отмечены в стороне от текста Эдегей I (рис. 5). Ниже тамги вырезаны семь букв и волнистая линия, назначение которой может быть истолковано различно. Выше вырезаны две группы рун: пять сразу же за геральдическим знаком и десять — через промежуток в 3 см. Эта закономерность, возможно связанная с тем, что текст писался слева направо, четко прослеживается в верхней части надписи. Руны, размещенные ниже тамги, в половине случаев имеют обычный разворот. Исключением являются крайний, четвертый и пятый справа знаки. Описание, прорисовка и палеографическое определение надписей Ю 12 и Ю 13 изданы в 1988 и 1990 гг. В 1987 г. оградка была нами раскопана.

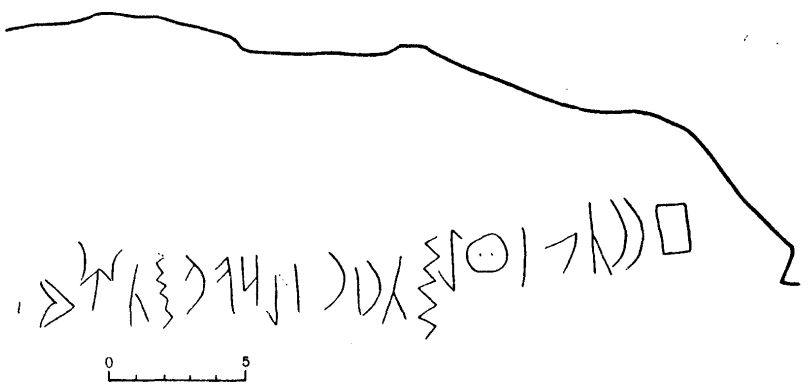
Ю 14. Чинге

Граффито на скале. Горизонтальная строка из 22 знаков, длиною 24,5 см. Высота знаков от 1,5 до 4 см, в среднем — 2—2,8 см.

Дата неясна.

Обнаружено в 1984 г. Н.В. Леонтьевым близ устья р. Чинге — правого притока р. Енисей (рис. 3,*7*).

Находится на месте обнаружения.

Ю 14. По прорисовке Н.В. Леонтьева

Публикации: *Кызласов И.Л.* Новая руническая письменность, рис. 11; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 34,*1*.

Попытки прочтения: не издавались.

На левом берегу р. Чинге, близ устья, скалы нависают над водами Енисея. На их верхнем ярусе, на небольшой грани красного песчаника (50 × 45 см), расположенной в 5—6 метрах от камня № 145 по нумерации М.А. Дэвлет, вырезаны очень тонкими линиями-неразборчивые рисунки. Над ними, вдоль верхнего края камня также тонкими линиями вырезана в одну горизонтальную строку руническая надпись. Ее описание и прорисовка Н.В. Леонтьева изданы нами в 1988 и 1990 гг. совместно с палеографическим определением текста.

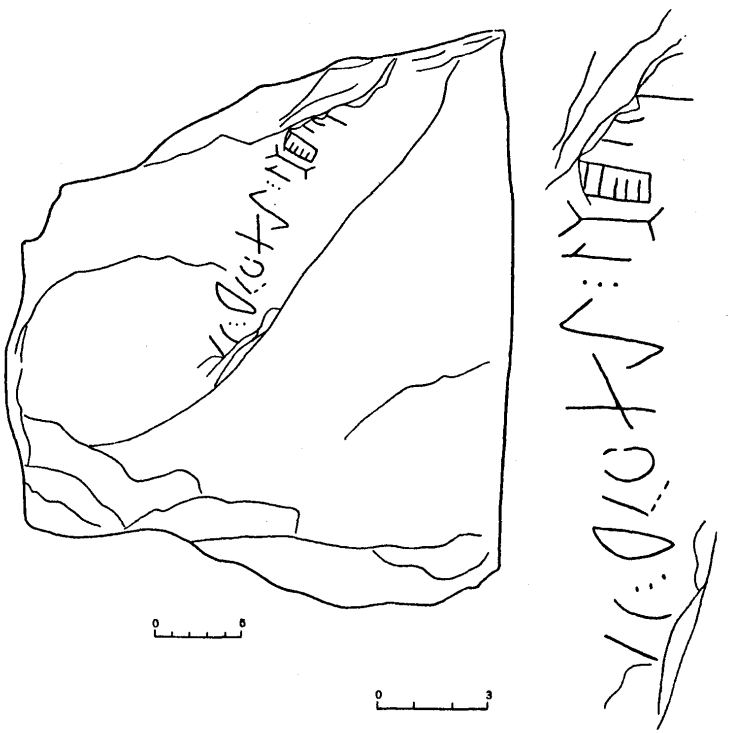
Ю 15. Эдегей IV

Граффито на обломке стелы. Вертикальная строка, состоящая из 11 полных и 4 частично сохранившихся знаков. Общая длина 15,8 см, высота букв 2,5—3 см.

Дата неясна.

Обнаружено в 1987 г. И.Л. Кызласовым при раскопках оградки 17 могильника Эдегей на левом берегу одноименной реки.

Хранится на кафедре археологии Исторического факультета Московского государственного университета.

Ю 15. Прорисовки автора

Публикации: *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 34,*2*.

Попытки прочтения: не издавались.

Ю 16. Эдегей V

Граффито на двух стыкуемых обломках стелы. Вертикальная строка, в которой различимы 23 знака высотою 1,5—2 см. Общая длина 30 см.

Дата —IX—X в.

Ю 16. Прорисовки автора

Обнаружено в 1987 г. И.Л. Кызласовым при раскопках оградки 17 могильника Эдегей.

Хранится на кафедре археологии Исторического факультета Московского государственного университета.

Публикации: *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 35.

Попытки прочтения: не издавались.

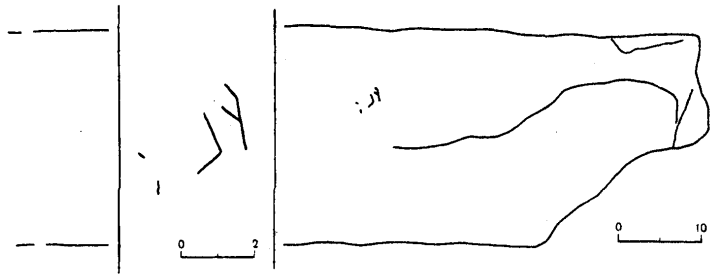
Ю 17. Эдегей VI

Граффито на стеле. Вертикальная строка из трех знаков, длиною 3,3 см. Высота букв 1,6 и 2 см.

Дата неясна.

Обнаружено в 1987 г. И.Л. Кызласовым при раскопках оградки 18, смежной с оградкой 17 могильника Эдегей.

Оставлено на площади могильника у оградки 18.

Ю 17. Прорисовки автора

Публикации: *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 33,*3*.

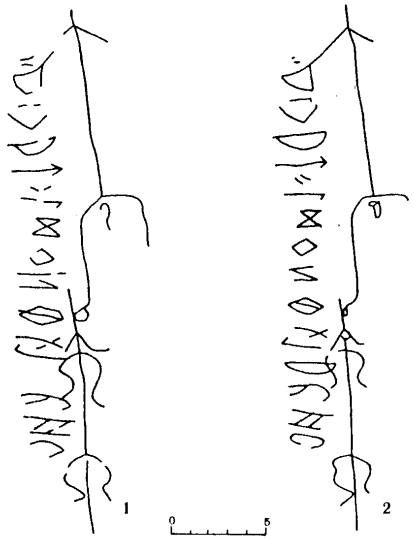
Попытки прочтения: не издавались.

В 1987 г. спаренная оградка с памятниками Эдегей II и III (Ю 12, Ю 13) была нами раскопана. Обнаружены три новые южноенисейские надписи. Текст Эдегей IV (Ю 15) сохранился на тонкой сланцевой плитке (28 × 29 × 2,4 см), лежавшей на поверхности южной части объекта — вероятно, обломке узкой стелы (с гранью 29 см), на которую строка надписи была нанесена вдоль, но под углом к длинной оси камня. Плита с надписью Эдегей V (Ю 16) была найдена близ предыдущей (Ю 15), но под слоем дерна. Вероятно, это тоже сбитая часть верха стелы (63 × 24 × 1,5—2 см). Ее ширина совпадает с размерами оснований двух менгиров, стоявших у южного угла объекта и в центре южной пристройки

к нему. Середину обломка занимают выбитые тамговидные знаки и резная композиция, но все они выполнены в иной манере и, следовательно, неодновременны надписи, размещенной вдоль края стелы и намеренно отделенной от остальной части поверхности линией-бороздкой. Видимо, текст нанесен слева направо. У ряда знаков можно различить, что левый штрих резался раньше правого, даже если был отводком (руны 10, 13, 19, 20). Удалось отыскать второй небольшой осколок этой стелы (12 × 8 см), содержащий 8 знаков. Все буквы надписи нанесены мелкими, но широкими (0,5 мм) бороздками и, несмотря на затертость поверхности, долгое время бывшей на открытом воздухе, различимы вполне ясно. Сложны для восприятия лишь четыре знака (1, 2, 4, 5). Надпись Ю 17 представляет три рунических знака, вырезанных одной строкой под углом к длинной оси массивного обломка стелы (160 × 26 × 11 см), лежавшего вдоль восточной стенки внутри северной оградки, смежной с содержавшей тексты Ю 12, Ю 13, Ю 15, Ю 16. По-видимому, руны вырезаны зеркально. Иначе первый знак пришлось бы признать буквой енисейского алфавита, так как в южноенисейском письме он до сих пор не встречался. Завершающий же надпись словоразделитель — черта южноенисейского письма, неизвестная енисейским текстам. Прорисовки надписей Ю 15—Ю 17 изданы в 1990 г.

Ю 18. Карбан

Граффито на стенке маленького грота. Вертикальная строка из 17 знаков. Общая длина 20 см. Высота букв 2,5—3 см.

Ю 18. *1* – по прорисовке В.Н. Елина, *2* – по прорисовке Е.П. Маточкина

Дата неясна.

Обнаружено в 1988 г. В.Н. Елиным и Е.П. Маточкиным близ устья на левом берегу ручья Карбан (левого притока р. Катунь), против с. Куюс.

Находится на месте обнаружения.

Публикации: *Елин В.Н., Соёнов В.И.* Новые археологические памятники в зоне планируемого строительства Катунской ГЭС. — Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990, рис. 16,*2*; *Кляшторный С.Г., Маточкин Е.П.* Руническая надпись Карбана. — ИСОАН. История, философия и филология. 1991, № 1, рис. 1.

Попытки прочтения: *Кляшторный С.Г., Маточкин Е.П.* Руническая надпись Карбана.

Надпись, соседствующая с изображениями, знаками и линиями неясного назначения и различной хронологии, опубликована в двух прорисовках, выполненных разными исследователями — В.Н. Елиным и Е.П. Маточкиным[68]. Воспроизведения дополняют друг друга в отношении облика некоторых знаков (ср., прежде всего, руны 1, 4, 8, 16), хотя все же можно полагать, что вид ряда букв (6, 7, 17) передан не абсолютно точно. При истолковании надписи С.Г. Кляшторный использовал только прорисовку Е.П. Маточкина, что вызвало затруднения в понимании знака 16. Надпись оценена как орхоно-енисейская (так называемое «центральноазиатское руническое письмо»), содержащая два знака из набора «восточноевропейской руники», предложен вариант ее прочтения (не создающий связного текста) и кратко изложена гипотеза о двух этапах существования древнетюркского рунического письма — более древнем, «неразвитом и примитивном» его употреблении, породившем «восточноевропейский алфавит» с локальными вариантами, и более позднем, «реформированном» и «нормативном», характерном для государств Азии. Употребление в карбанской надписи не орхоно-енисейских знаков воспринято исследователем как пережиточное применение дореформенных написаний. Между тем эта надпись, несомненно, начертана южноенисейским алфавитом. Из 14 представленных в ней разновидностей знаков восемь находят соответствия в нашей табл. XV — в том числе и весьма характерные буквы: № 5, 6, 18, 19, 21, 23, 25, 26. Девятая разновидность (третий знак надписи) служит отличительный особенностью енисейских надписей Алтая (табл. XXIV, № 40). В них известна и буква в виде ромба (табл. XXIV, № 37; правда, там она, по-видимому, представляет вариант руны b[2]). Этот знак, как и десятая буква надписи, встречен среди верхнеенисейских знаков Тувы (табл. XXVI, № 3, 16; XXXI, № 1, 4).

Таким образом, в палеографическом отношении изучаемое граффито действительно может быть расценено как надпись смешанной графики (необходимо лишь оговориться, что известный нам сегодня состав южноенисейского алфавита, конечно, не полон). Вместе с тем очевидно, что это не орхоно-енисейский, а южноени-

сейский текст, показывающий влияние местной письменной традиции Алтая и верхнеенисейского письма.

Е.П. Маточкин и С.Г. Кляшторный склонны видеть рядом с изучаемой надписью вторую строку текста. Однако предложенные ими и В.Н. Елиным прорисовки не позволяют убедиться в этом без изучения подлинника.

[1] *Кызласов И.Л.* Обстоятельства обнаружения первой рунической надписи Маяцкого городища. — Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., 1990.

[2] *Щербак А.М.* Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. — СА. 1954, 19, с. 271, 276.

[3] Государственный Исторический музей, отдел письменных источников, инв. № 431, д. 67 (*Розенфельдт Р.Л.* Рукописный архив В.А. Городцова. — СА. 1964, № 1, с. 343).

[4] Архив ИИМК РАН, ф. 24, д. 28.

[5] *Артамонов М.И.* Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища. — СА. 1954, 19, с. 265—268.

[6] *Németh J.* The Runiform Inscriptions from Nagy-Szent-Miklós and the Runiform Scripts of Eastern Europe. — Acta Linguistica. Budapest, 1971, t. 21, fasc. 1—2. Fig. VII.

[7] *Артамонов М.И.* Надписи, с. 265; *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-Маяцкая культура. М., 1967, с. 131.

[8] *Németh J.* The Runiform Inscriptions, Fig. V, VI, XII, XIII.

[9] Архив ИИМК РАН, ф. 24, д. 68, л. 1, п. 4, 5.

[10] Там же, л. 2, 4.

[11] *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии. Опыт палеографического анализа. М., 1990, рис. 12.

[12] Архив ИИМК РАН, ф. 24, д. 68, л. 3—5.

[13] *Асланов В.И., Дулина Н.А., Медведева Л.Я.* V тюркологическая конференция в Ленинграде. — СТ. 1971, № 4, с. 135. См. также: *Васильев Д.Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. М., 1983, с. 42.

[14] *Эрдниев У.Э.* Археологические памятники Южных Ергиней. Элиста, 1982, с. 53—56, 104, 111.

[15] Архив ИИМК РАН, ф. 24, д. 28.

[16] *Плетнева С.А.* Рисунки на стенах Маяцкого городища. — Маяцкое городище. М., 1984, с. 67, рис. 12,*4*.

[17] Там же, рис. 2,*10,33—34,54*; *Афанасьев Г.Е.* Исследование южного угла Маяцкой крепости в 1977—1979 гг. — Маяцкое городище. М., 1984, рис. 9.

[18] *Плетнева С.А.* Рисунки на стенах, с. 84, рис. 16,*5*.

[19] Там же, с. 65, рис. 6,*1*, плоскость IX, рис. 10.

[20] *Макаренко Н.Е.* Археологические исследования 1907—1909 годов. — ИАК. 1911, вып. 43; *Нахапетян В.Е.* Знаки строителей на камнях Маяцкого городища. — СА. 1988, № 3; *она же.* Граффити Маяцкого городища. — Маяцкий археологический комплекс. М., 1990.

[21] *Талицкая И.А.* Материалы к археологической карте бассейна р. Камы. — МИА. 1952, т. 27, с. 44.

[22] *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока VIII—XIII вв. М., 1976, с. 20, табл. 4,*1*; *Талицкая И.А.* Материалы, с. 130; *Marschak B.I.* Silberschätze des Orients. Metalkunst des 3.—13. Jahrhunderts und ihre Kontinuität. Lpz., 1986, Abb. 197, с. 437.

[23] Различные мнения о датировке крепости см.: *Кузнецов В.А.* Надписи Хумаринского городища. — СА. 1963, № 1, с. 303; *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 101, 132—135; *Биджиев Х.Х.* Хумаринское городище. Черкесск, 1983, с. 97.

[24] *Кузнецов В.А.* Надписи, с. 303; *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история, с. 101, 134, табл. 35,*13*; *Минаева Т.М.* К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, с. 218.

[25] *Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники Европы. Ставрополь, 1989, с. 67.

[26] Там же, с. 170—173.

[27] *Кузнецов В.А.* Надписи, рис. 3,*2*. Ср. утверждение М.А. Хабичева: «Руническими надписями Хумаринского городища мы занимаемся с 1957 года» (*Хабичев М.А.* Словообразовательный и этимологический анализ некоторых карачаевских этнонимов. — Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногайского языков. Ставрополь, 1981, с. 39), возможно, относящееся к этой надписи.

[28] *Németh J.* The Runiform Inscriptions, Fig. VIII.

[29] *Байчоров С.Я.* Северокавказский ареал древнетюркской рунической письменности. Автореф. канд. дис. М., 1977, с. 4.

[30] *Биджиев Х.Х.* Хумаринское городище, с. 82, рис. 49,*6*.

[31] Ср.: *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, с. 60, табл. II.

[32] *Биджиев Х.Х.* Хумаринское городище, рис. 51,*39*.

[33] *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, с. 56, 57, рис. 16,*2*, табл. VIII.

[34] *Семенов А.И.* К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы. — Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Л., 1988, № 29, с. 103 (№ 23), 109, рис. 8; *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, с. 57, 58, рис. 17.

[35] *Даркевич В.П.* Художественный металл, с. 38, 63, примеч. 10; *Marschak B.I.* Silberschätze, с. 436, Abb. 187.

[36] *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, с. 64—66; рис. 18,*1—3*.

[37] *Лущенко В.Ю.* Использование восточного серебра на Урале. — *В.П. Даркевич.* Художественный металл, с. 178—180.

[38] *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, с. 66, рис. 18,*5*.

[39] *Ильюков Л.С.* Отчет Мартыновского отряда Ростовской экспедиции в 1981 г. Архив ИА РАН, д. 8867, рис. 594, 599, 606; *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, с. 66, 67, рис. 18,*4*.

[40] *Рыгдылон Э.Р.* К древнетюркским рунам Прибайкалья. — ЭВ. 1953, 8, с. 89, рис. 4,А.

[41] *Щербак А.М.* О рунической письменности в Юго-Восточной Европе. — СТ. 1971, № 4, с. 81.

[42] *Васильев Д.Д.* Графический фонд, с. 75, Талас-7.

[43] *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, с. 139—141, табл. XXII, XXIII, рис. 38.

[44] Там же, с. 141—149.

[45] *Баруздин Ю.Д.* Находки на юге Киргизии. — Новые эпиграфические находки в Киргизии. 1961. Фрунзе, 1962, с. 12; *Батманов И.А.* Новые тексты. — Там же, с. 19, 20, рис. 6; *Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии. Фрунзе, 1963, вып. 1, с. 8, 31, 32, рис. 16, 17.

[46] *Бернштам А.Н.* Древнетюркские рунические надписи из Ферганы. — ЭВ. 1956, 11, с. 58.

[47] *Заднепровский Ю.А.* Тюркские памятники в Фергане. — СА. 1967, № 1, с. 272—274; *Васильев Д.Д.* Графический фонд, с. 41, 42.

[48] *Литвинский Б.А.* Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 году. — Археологические работы в Таджикистане в 1957 году. Вып. 5. Сталинабад, 1959 (Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Т. 103), с. 120, рис. 4,5; *он же.* Украшения из могильников Западной Ферганы (Могильники Западной Ферганы. Т. 3). М., 1973, с. 17, табл. 3,6; *Кляшторный С.Г.* Древнетюркская руническая надпись на бронзовом перстне из Ферганы. — Археологические работы в Таджикистане в 1957 году.

[49] *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. 3. St.-Pbg., 1895, с. 345.

[50] *Евтюхова Л.А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, с. 88, 103.

[51] *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. — МИА. 1949, т. 9, табл. LX, с. 356; *он же.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 629—630.

[52] *Кызласов И.Л.* Новая руническая письменность Южной Сибири. — Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988, с. 114—117, табл. I—III; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, с. 80—94, табл. XVIII.

[53] Археологические известия и заметки, издаваемые Московским археологическим обществом. М., 1896, т. 4, с. 364.

[54] Утверждение, что изделие обнаружено В.П. Левашёвой при раскопках (*Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983, с. 40) ошибочно и порождено, вероятно, неправильно понятыми словами Э.Р. Рыгдылона «о пряслице, найденном В.П. Левашовой в Минусинской котловине» (*Рыгдылон Э.Р.* К древнетюркским рунам Прибайкалья, с. 86, 89).

[55] *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, с. 3, примеч. 2; *Рыгдылон Э.Р.* Новые рунические надписи Минусинского музея. — ЭВ. 1951, 4, с. 93.

[56] *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М., 1959, с. 68. Рукопись книги была завершена в 1953 г. (там же, с. 3).

[57] *Рыгдылон Э.Р.* Новые рунические надписи Минусинского музея.

[58] *Щербак А.М.* Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. — ТС. 1970. М.,1970, с. 113, 116, 125.

[59] *Васильев Д.Д.* Графический фонд, с. 75. В тексте допущена опечатка: рядом с «Талас-7» должно стоять «памятник-87», т.е. Е 87.

[60] *Кызласов И.Л.* Новая руническая письменность, с. 114—117.

[61] *Теплоухов С.А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. — Материалы по этнографии. Л., 1929, т. 4, вып. 2, с. 54, 56, 57, табл. 11,25.

[62] *Щербак А.М.* Енисейские рунические надписи, с. 114, 117, примеч. 31.

[63] *Васильев Д.Д.* Корпус, с. 27, 73.

[64] Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. XXV. Палеографическое определение надписи см.: *Кызласов И.Л.* Новая руническая письменность, с. 114—117, табл. I—III; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, с. 99, 100, рис. 26,2—6.

[65] *Кызласов И.Л.* Новая руническая письменность, с. 114—117, табл. I—III; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, с. 100, 101.

[66] *Кызласов И.Л.* Новая руническая письменность, с. 114, 115, табл. 1; *он же.* Древнетюркская руническая письменность Евразии, рис. 28.

[67] *Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.* Изучение древнехакасских крепостей и замков. — АО. 1978. М., 1979, с. 241.

[68] К истории открытия надписи см.: *Кубарев В.Д.* История изучения археологических памятников Средней Катуни. — Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990, с. 11.

SUMMARY

The paleographic analysis of the sum total of old runic inscriptions of the Eurasian Steppes has led to understanding that all these scripts do not present the homogeneity either in Europe or in Asia. The conception presented in this book proclaims the existence of two separate groups of runic writings — the Euroasiatic group and the Asiatic one — each consisting of several related alphabets.

The Euroasiatic group of runic scripts (see Chapter I) includes five alphabets which were not presented before and were indicated by the author. The inscriptions of the Don (see fig. Д, table VII) and the Kuban (see fig. K, table IX) alphabets were found in South Russia and on the banks of the Kama river (see fig. 1, tables I-VI, VIII). They present two distinct, though close to one another, alphabets (see table X). These alphabets don't look like the Tisza runiform writing (Nagy-Szent-Miklos and Sarvas inscriptions, see tables XI, XII), the signs of Murfatlar (see table XIII) and other runiform scripts of South Europe (see fig. 2). It appeared that in paleographic respect the Don and the Kuban alphabets have relationship with the South-Yenisei writing of South Siberia (see fig. Ю, fig. 3, tables XV, XVII, XIX), the Achiktash (see fig. A, fig. 7, tables XVIII, XIX) and the Isphara alphabets of Central Asia (see fig. 7, fig.И, tables XX, XXI). The inscriptions of the Euroasiatic group of runic writings are presented from the Don river to the Yenisei (see fig. 8) and belong to the 8th-10th centuries. The Don and the Kuban alphabets were used in the Khazar empire, the Kuban one was also used in several old Bulgarian states, including Bulgaria on Volga. It's unknown who used the Achiktash and the Isphara alphabets. The South-Yenisei alphabet was used by old Turks.

The „classic old Turkic inscriptions" present the Asiatic group of the runic writings (see Chapter II). It includes three distinct though close to one another the Yenisei, the Orchon and the Tallas alphabets and was spread only within the limits of Asia (from the Selenga river to Semirechje, see fig. 8). Every alphabet has different forms of peculiar letters which are unknown to the others (see table XXIII, E, O, T, 31, 53, 70, 72, 75-77). These peculiar features of the 8th century Orchon writing had been preserved without any change until the 10th century. This fact gives an opportunity to conclude that the 8th-10th centuries Yenisei letters which differed from the Orchon ones had the

independent existence. These signs were the characters for „b[2]", „t[1]", „s/š" and „m" (see table XXIII, 29 and 73, 68 and 69, 67 and 71, 33). There are some features of the Yenisei writing graphic influence among the Orchon inscriptions of the second part of 8th and the first part of 9th century (see table XXV). The inscriptions of High Altaj (9th-10th centuries) are mixed texts in terms of paleography (see table XXIV, 19 and 32, 24 and 35) though they belong to the patterns of the Yenisei alphabet (see table XXIV, 19, 35). The Tallas alphabet has appeared as a result of the Yenisei writing influence on any local script of Central Asia (maybe on the Achiktash alphabet — see especially table XXIII, 53). The existence of the paleographically mixed inscriptions of the 8th-9th-10th centuries indicates that the Yenisei alphabet supplanted the other runic writings. The peculiar signs of some Yenisei inscriptions of the Tuva region (see fig. 9, table XXVI) are the traces of this process. They are the remainders of the local runic script (Upper—Yenisei alphabet) used by the inhabitants named čiks.

Two manuscript fragments from Eastern Turkestan (see fig. 10, 11) have preserved the Orchon alphabet (see Chapter III). The order of the letters peculiar to it in unknown in other alphabets, the letters being organized in pairs (see table XXVII). If we take into account the phonetics (see table XXVIII) the alphabet's logic will become clear: the letters that conveyed two sounds (they are marked with „x") were paired with those that conveyed one sound only (they are marked with „o"). Four pairs with „x" are replaced with two pairs „o" (see table XXIX). This pattern allows one to fill in the lacunae in manuscripts (see table XXX) and to demonstrate that the alphabet included not 38 or 40 signs as is currently believed but 48 signs. In practice, not all the signs were used: the alphabet preserved many archaic signs (see Tables XXVIII, Nos. 1, 3, 12; XXXVI) that were still used by the Tuva aborigines (see table XXXI: the Upper—Yenisei alphabet). These signs are not letters — they are syllables. It seems that the proto-Orchon alphabet goes back not to alphabetic systems (like the Aramaic or others) but to the ancient, probably Semitic, syllabaries (see table XXXVII) of an unknown (not West Semitic) origin. It was developing through eliminating the signs used in practice. The Orchon and Yenisei inscriptions demonstrate the final stage of this process. The „classical" ancient Turkic runic alphabets were not invented — they were borrowed. Among many such systems the ancient Turkic „linguists" wisely chose the alphabetical system best suited to the Turkic language.

The unity of both groups of runic alphabets is in the fact that they belong to the same Turkic family of languages. Paleographic similarity consists in the way the lines were written and read — from the right side to the left. The scripts of these two groups present not the „fast writing" but runiform signs, though the cursive scripts belonging to the professional scribes are also well-known (see Chapter IV, fig. 12). The rock inscriptions written in ink (see fig. 13, 14) and the exterior of the majority of runic letters show that there was the manner to write with ink on the soft writing material.

To single out the peculiar and historically related groups of

alphabets is the basis of paleographic research. The study of every concrete runic alphabet and its application in writing scripts is the independent branch of paleography, because every runic alphabet possesses the unique graphics and, therefore, unique history. The outward similarity of the Euroasiatic and Asiatic runic scripts can be explained by their basis — the ancient semitic alphabets of Central Asia. Each of these groups of runic alphabets was formed under different conditions and on the different basis. The Yenisei and the Orchon alphabets were formed independently from one another though they had the same basis. The influence of the Yenisei alphabet on the Orchon one determined the main line of their development. The author supposes that the Orchon and the South-Yenisei alphabets were suppressed by the Yenisei one and the Tallas alphabet suppressed the development of the Achiktash one.

Both groups of runic alphabets coexisted, at least partially. In South Siberia, Central Asia (Semirechje) and, maybe, in Mongolia they were used simultaneously for a while. In the Yenisei and South-Yenisei, in the Tallas and Achiktash inscriptions the traces of mutual influence are discovered. The fact of this coexistence and mutual penetration gives the opportunity to look for phonetic correspondences of the Euroasiatic runic scripts on the basis of paleographic mixed inscriptions. The phonological meaning of the Asiatic runic signs should become the basis of this work. The Euroasiatic runic inscriptions will be deciphered in the future.

The correct interpretation and translation of the runic inscriptions are possible only if the origins are studied in detail (see Chapter V). The majority of runic texts are extraordinary laconic. That's why the pursuit of the group of inscriptions with the analogous meaning is very important. The numerous Yenisei runic inscriptions, for example, are divided into such meaning groups: the epitaphs, the boundary, sacral, magic, historical, elucidative inscriptions, the marks of owners and visitors, wishes of welfare (see fig. 15-34).

The paleography of the old Turkic runic writings is inseparable from history (see Chapter VI). Every runic alphabet (and certainly every group of alphabets) is primarily not an ethnic but rather a cultural-political, state phenomenon. Thus, the Orchon alphabet was used in the Eastern Turkic and the Uighur empires, while the Yenisei alphabet was used in the multinational old Khakas (Kirghïz) state, the Tallas alphabet was used probably by the population of the Karluk and the Karachanide unities in Semirechje. On the contrary, several runic alphabets were used in the same state as the Don and the Kuban scripts in the Khazar empire, as the Yenisei and the South-Yenisei alphabets in the old Khakas state and so on. However, one of the alphabets always was the state writing and the others had no official status. Therefore the ethnic definitions of the runic alphabets which existed earlier in the Turkological literature were not scientifically grounded, and there are only conditional paleographical-geographical definitions of the alphabets in this book.

The state regulation concerned even the outward features of such

official inscriptions as the runic epitaphs. The heraldic signs (the tamgas) were placed near the top of stele in the Eastern Turkic and the Uighur empires. The lines of the text run from the top of the stone to its foundation (see fig. 36,*1*, *2*). There were other rules in the state of the old Khakas (Kirghiz). The tamgas were placed near the sole of the stele and texts were written from the bases of stone to its top (see fig. 36,*3*). The third kind of composition was among the čiks in Tuva region: the lines of their inscriptions went across the stele and the tamga was placed under them (see fig. 37). But when this land was occupied by the old Khakas, the čiks changed their style in accordance with the Khakas canon (see fig. 37). The Tallas epitaphs present the fourth type of the monuments. They were written on round stones (see fig. 38). It's very important that these classes of the runic epitaphs coincided with the different runic alphabets which were used for creating its texts. Type I demonstrates the Orchon alphabet, types II and III — the Yenisei and type IV — the Tallas. Every medieval state of the Turkic-speaking peoples had its own kind of writing culture and, probably, the early form of literary language.

The supplements of the book contain the copies of inscriptions which demonstrate the Euroasiatic runic alphabets indicated by the author. There are also discriptions of these inscriptions in the supplements, the history of their discoveries and studv, and paleographic commentaries.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия. М.
ВЯ – Вопросы языкознания. М.
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ЗВОРАО – Записки Восточного отделения РАО. СПб., Пг.
ИА – Институт археологии РАН
ИАК – Известия Археологической комиссии. СПб., Пг.
ИАН – Известия Академии наук
ИВСОРГО – Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества. Иркутск
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН
ИСОАН – Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Новосибирск
КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.–Л., М.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.–Л., М.
НИИЯЛИ – Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ОАК – Отчеты Археологической комиссии. СПб.
РА – Российская археология. М.
РАН – Российская академия наук
РАО – Русское археологическое общество
СА – Советская археология. М.–Л., М.
СТ – Советская тюркология. Баку
СЭ – Советская этнография. М.–Л., М.
ТГИМ – Труды Государственного исторического музея. М.
ТС – Тюркологический сборник
ХРКМ – Хакасский республиканский краеведческий музей
ЭВ – Эпиграфика Востока. М.–Л.
AAH – Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
AOH – Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
JRAS – Journal of the Royal Asiatic Society. L.
JSFO – Journal de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki
RO – Rocznik Orienalistyczny. Lwów (Kraków)
SPAW – Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. B.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ... 3

Введение ... 8

Глава I. Евроазиатская группа рунических алфавитов ... 13

1. Донской и кубанский алфавиты ... 15
2. Доно-кубанская письменность и руноподобные алфавиты Южной Европы и Северной Азии ... 35
3. Южноенисейская письменность и алфавиты Восточной Европы ... 42
4. Ачикташский алфавит и исфаринские надписи ... 56
5. Выделение евроазиатской группы рунических алфавитов ... 65

Глава II. Рунические алфавиты азиатской группы ... 79

1. Орхонский и енисейский алфавиты ... 80
2. Неенисейские знаки в енисейских надписях: следы верхнеенисейского алфавита ... 93
3. Таласский алфавит ... 98

Глава III. Построение и ранние особенности орхонского алфавита ... 105

1. Записи рунических алфавитов ... 106
2. Построение орхонского алфавита ... 109
3. Восстановление лакун орхонской азбуки ... 115
4. Особенности алфавита как отражение его истории ... 124
5. Проблема определения прототипа орхонского алфавита ... 135

Глава IV. Место рунических надписей в истории письменности ... 143

1. Материалы письма и начертательные особенности памятников ... 144
2. Рунические письмена – доскоропись ная стадия развития письменности ... 153
3. Проблемы происхождения и ранней истории рунических письменностей ... 158

Глава V. Начала рунической текстологии ... 168

1. Особенности изучения оригиналов ... 168
2. Палеографическое определение памятников ... 171
3. Возможности прочтения текстов ... 172
4. Жанровое многообразие памятников ... 180

Глава VI. Письменность и государство ... 208

1. Государство и письменный язык ... 208
2. Государство и алфавит ... 210
3. Государство и письменные традиции ... 224

Заключение ... 236

Приложение. Свод памятников евроазиатского рунического письма ... 241

1. Донское письмо ... 241
2. Кубанское письмо ... 265
3. Доно-кубанское письмо ... 276
4. Ачикташское письмо ... 279
5. Исфаринское письмо ... 284
6. Южноенисейское письмо ... 289

Summary ... 321

Список сокращений ... 325

Научное издание

Кызласов Игорь Леонидович

РУНИЧЕСКИЕ ПИСЬМЕННОСТИ
ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

Утверждено к печати
Институтом археологии РАН

Заведующий редакцией *С.С.Цельникер*
Редактор *Л.Е.Ефимова*
Младший редактор *Н.Л.Петрова*
Художник *Л.Л.Михалевский*
Художественный редактор *Э.Л.Эрман*
Технический редактор *О.В.Власова*
Корректоры *Н.Н.Щигорева, Р.Ш.Чемерис*

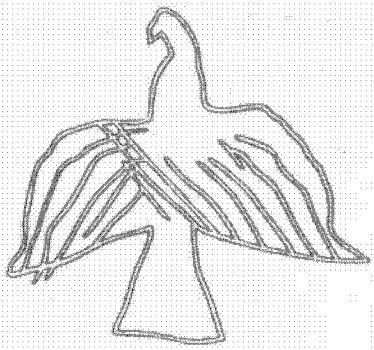
ЛР № 020910 от 02.09.94.

ИБ № 17308

Сдано в набор 07.10.93. Подписано к печати 08.11.94.
Формат 60×90 1/16. Бум. офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.п.л. 20,5+1,0 (вкл.). Усл.кр.-отт. 21,75. Уч.-изд.л. 24,7.
Тираж 2000 экз. Изд. № 7501. Зак. № 327. «С»-1

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография ВО «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

РУНИЧЕСКИЕ ПИСЬМЕННОСТИ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

Эта книга — о степных рунических алфавитах и их происхождении, о разнообразии надписей и их прочтении, о связи письменности и государственности, о глубине письменной культуры раннесредневековых тюркоязычных обществ и о том, как много еще предстоит сделать исследователям, чтобы приблизиться к пониманию того духовного богатства, которым обладали предки.